

Правительство Пензенской области
Пензенский государственный университет
Педагогический институт имени В. Г. Белинского
Историко-филологический факультет
Средневолжское отделение Научного совета РАН
по истории социальных реформ, движений и революций
Региональная общественная организация краеведов
Пензенской области
Пензенский государственный краеведческий музей
Государственный архив Пензенской области
Отделение Российского исторического общества в Пензе
Пензенское региональное отделение
Российского военно-исторического общества
Пензенское региональное отделение Общероссийской
общественно-государственной просветительской организации
Российское общество «Знание»

1917 год в российской провинции

Сборник научных статей
Международной научно-практической конференции,
посвященной 100-летию Великой российской революции

г. Пенза, 21–22 сентября 2017 г.

Под общей редакцией О. А. Суховой

Пенза
Издательство ПГУ
2017

УДК 947.084
ББК 63.3(2)61
Т93

Т93 **1917 год в российской провинции** : сб. науч. ст. Междунар. науч.-
практ. конф., посвящ. 100-летию Великой российской революции /
под общ. ред. О. А. Суховой. – Пенза : Изд-во ПГУ, 2017. – 272 с.

ISBN 978-5-906975-34-8

Данное издание включает доклады Международной научно-практической конференции, посвященной 100-летию Великой российской революции. Публикуемые статьи отражают современный контент «революционной» проблематики на четырех уровнях исторического анализа: локальном, региональном, национальном и всеобщем. Итогом конференции стал обмен мнениями по наиболее актуальным и нерешенным в историографии вопросам и разработка методов и принципов методологического и источниковедческого обогащения исторической науки, формирования познавательного перспективного видения проблемы изучения Российской революции 1917 г., его насыщения локальным конкретно-историческим материалом.

Сборник адресован преподавателям вузов, учреждений начального и среднего профессионального образования, дополнительного образования, студентам и всем, для кого значимы дискуссионные проблемы российской истории.

УДК 947.084
ББК 63.3(2)61

Редакционная коллегия:

О. А. Сухова, д.и.н., профессор, декан историко-филологического факультета
Педагогического института им. В. Г. Белинского ПГУ;

В. И. Первушкин, д.и.н., профессор кафедры «История России и методика
преподавания истории» Педагогического института им. В. Г. Белинского ПГУ

ОРГАНИЗАЦИОННЫЙ КОМИТЕТ

Гуляков Александр Дмитриевич, ректор Пензенского государственного университета –
председатель конференции.

Ягов Олег Васильевич, д.и.н., профессор, заместитель Председателя Правительства Пензенской области, Председатель Пензенского регионального отделения Российского военно-исторического общества – сопредседатель.

Артёмов Игорь Иосифович, д.т.н., профессор, проректор по научной работе и инновационной деятельности ПГУ – сопредседатель.

Сухова Ольга Александровна, д.и.н., профессор, декан историко-филологического факультета Педагогического института им. В. Г. Белинского ПГУ – сопредседатель.

Белоусов Сергей Владиславович, д.и.н., доцент, зав. кафедрой «Всеобщая история и обществознание» Педагогического института им. В. Г. Белинского ПГУ.

Бурмейстер Александр Николаевич, заслуженный профессор Гренобльского университета III имени Стендаля (Франция).

Васин Сергей Михайлович, д.э.н., профессор, проректор по международной деятельности ПГУ.

Зименков Владимир Николаевич, директор Пензенского государственного краеведческого музея.

Исхаков Салават Мидхатович, д.и.н., ведущий научный сотрудник Института российской истории РАН, зам. председателя Научного совета РАН по истории социальных реформ, движений и революций.

Кашаев Павел Вячеславович, директор Государственного архива Пензенской области.

Кондрашин Виктор Викторович, член Комитета по образованию, науке и культуре Совета Федерации Федерального Собрания РФ, д.и.н., профессор, зав. кафедрой «История России и методика преподавания истории» Педагогического института им. В. Г. Белинского ПГУ.

Первушкин Владимир Иванович, д.и.н., профессор кафедры «История России и методика преподавания истории» Педагогического института им. В. Г. Белинского ПГУ, Председатель Региональной общественной организации краеведов Пензенской области.

Сурина Ольга Петровна, к.ф.-м.н., доцент, директор Педагогического института им. В. Г. Белинского ПГУ.

ISBN 978-5-906975-34-8

© Пензенский государственный
университет, 2017

СОДЕРЖАНИЕ

Аристова К. Г. ПЕРВЫЕ ШАГИ ПО ЛЕГАЛИЗАЦИИ ЦЕРКОВНОГО УПРАВЛЕНИЯ В ПЕНЗЕНСКОЙ ЕПАРХИИ В 1918 г.: СОЗДАНИЕ БРАТСТВА ПРАВОСЛАВНЫХ ХРИСТИАН.....	8
Белова И. Б. «НАРОДНОЕ ПРАВО» В ДЕЙСТВИИ: РОССИЙСКАЯ ДЕРЕВНЯ В УСЛОВИЯХ РЕВОЛЮЦИОННЫХ ПЕРЕМЕН 1917 г. (по материалам Калужской и Орловской губерний).....	12
Белоусов С. В. 34-я БРИГАДА ГОСУДАРСТВЕННОГО ОПОЛЧЕНИЯ: ИСТОРИЯ ФОРМИРОВАНИЯ И СОСТАВ.....	19
Берлякова Н. П. РЕВОЛЮЦИЯ И САМОСОЗНАНИЕ РУССКОЙ КУЛЬТУРЫ: УРОКИ ДЛЯ БУДУЩЕГО РОССИИ.....	23
Бикейкин Е. Н., Задкова Т. Ю. КРЕСТЬЯНСТВО И АРМИЯ: ИСТОЧНИКОВЕДЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ИЗУЧЕНИЯ (на примере сборника документов «Российское крестьянство в эпоху революций и Гражданской войны: регионально-национальный аспект». Саранск, 2016).....	29
Бурмейстер А. Н. ГУБЕРНАТОР И РЕВОЛЮЦИЯ: ДОКУМЕНТЫ СЕМЕЙНОГО АРХИВА О СУДЬБЕ А. А. ЕВРЕИНОВА, ГУБЕРНАТОРА ПЕНЗЕНСКОЙ ГУБЕРНИИ В 1914–1917 гг.....	35
Власов В. А. РЕВОЛЮЦИЯ И ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ НАДЕЖДЫ.....	39
Гарбуз Г. В. МЕСТНОЕ УПРАВЛЕНИЕ В РОССИИ В УСЛОВИЯХ ПОЛИТИЧЕСКОЙ МОДЕРНИЗАЦИИ (1905–1917).....	45
Гришаков В. Г. ВОЕЙКОВСКИЙ ГАРНИЗОН В 1917 г.....	50
Гришакова А. В. СУДЬБА РОССИЙСКОЙ ЭЛИТЫ: В. Н. ВОЕЙКОВ И РЕВОЛЮЦИЯ 1917 г.....	56
Гурьянова А. М. РЕВОЛЮЦИЯ 1917 г. В РОССИЙСКИХ ИСТОРИЧЕСКИХ ЖУРНАЛАХ (2007–2017).....	60
Доброва О. В. НЕПОЛИТИЧЕСКИЕ ОБЩЕСТВЕННЫЕ ОРГАНИЗАЦИИ ГОРОДА ПЕНЗЫ В 1917 г.....	66

Зайнетдинов Д. Р., Левшов О. В. СОЗДАНИЕ И ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ РАБОЧИХ ПРОФЕССИОНАЛЬНЫХ СОЮЗОВ В ГОРОДЕ ПЕНЗЕ И ПЕНЗЕНСКОЙ ГУБЕРНИИ В РЕВОЛЮЦИОННЫЙ ПЕРИОД 1917 г.....	70
Захарова О. М. ПЕНЗА В 1917 г. ГЛАЗАМИ ОЧЕВИДЦЕВ	72
Ильин А. Ю., Канищев В. В. КОНТЕНТ-АНАЛИЗ ИСТОРИОГРАФИИ ИСТОРИИ РОССИЙСКИХ РЕВОЛЮЦИЙ (по материалам диссертаций по истории Тамбовской губернии)	77
Иноземцев И. Н. КРЕСТЬЯНСКОЕ ХОЗЯЙСТВО ЛОКАЛЬНОГО СООБЩЕСТВА СЕЛА КЕРА НИЖНЕЛОМОВСКОГО УЕЗДА В ЭПОХУ РОССИЙСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ 1917 г. (по материалам Всероссийской сельскохозяйственной и поземельной переписи 1917 г.).....	83
Карнишина Н. Г., Карнишин В. Ю. «УКРАИНСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ 1917–1921 гг.»: СОВРЕМЕННЫЙ ИСТОРИОГРАФИЧЕСКИЙ РАКУРС	88
Кирюхин А. А., Сухова О. А. XX ВЕК – ВЕК РЕВОЛЮЦИЙ В РОССИЙСКОЙ ИСТОРИИ	94
Коблова Н. А. ХОД ВЕЛИКОЙ РУССКОЙ РЕВОЛЮЦИИ 1917 г. В СЕРДОБСКОМ УЕЗДЕ (на основе анализа краеведческих заметок в местных периодических изданиях)	99
Ковальчик Э. М. ОКТЯБРЬСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ В НОВЕЙШЕЙ ПОЛЬСКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ (1989–2017)	102
Кондрашин В. В. 1917 г. В ПЕНЗЕНСКОЙ ГУБЕРНИИ ПО ДОКУМЕНТАМ ГОСУДАРСТВЕННОГО АРХИВА ПЕНЗЕНСКОЙ ОБЛАСТИ	115
Конкина М. В. ПАМЯТНИКИ РЕВОЛЮЦИИ 1917 г. В ГОРОДЕ ПЕНЗЕ	122
Космач В. А. ПРИЧИНЫ, ОСНОВНЫЕ ЭТАПЫ И ХАРАКТЕР ВЕЛИКОЙ РОССИЙСКОЙ (РУССКОЙ) РЕВОЛЮЦИИ 1917 г.....	125
Кузьмина Т. Н. ФАБРИЧНО-ЗАВОДСКАЯ ПРОМЫШЛЕННОСТЬ ПЕНЗЕНСКОЙ ГУБЕРНИИ В РЕВОЛЮЦИОННЫЙ ПЕРИОД.....	132
Куреньшев А. А. ВЕЛИКАЯ РУССКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ И СТРОИТЕЛЬСТВО КОММУНИЗМА В ОДНОЙ ОТДЕЛЬНО ВЗЯТОЙ СТРАНЕ: ПЛАНЫ ЦЕНТРА И ИХ РЕАЛИЗАЦИЯ НА МЕСТАХ	138

Куршева Г. А. СВОБОДА СОВЕСТИ И НАРОДНОЕ ОБРАЗОВАНИЕ В ПЕРВЫЕ ГОДЫ СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ.....	144
Лебедева Л. В. СОВЕТСКИЕ ПРАЗДНИКИ В ИДЕОЛОГИЧЕСКОЙ ПРАКТИКЕ ГОСУДАРСТВА	148
Левин С. В., Левина О. С. ОТРАЖЕНИЕ РЕВОЛЮЦИОННЫХ СОБЫТИЙ 1917 г. В РОССИЙСКОЙ ПРОВИНЦИИ В ВОСПОМИНАНИЯХ СОВРЕМЕННОКОВ (на примере Балашовского уезда Саратовской губернии)	152
Любишина А. И. РЕВОЛЮЦИЯ 1917 г. ГЛАЗАМИ ДЕТЕЙ РОССИЙСКИХ ЭМИГРАНТОВ.....	157
Маслова И. И. 1917 г.: РЕВОЛЮЦИЯ И РУССКАЯ ПРАВОСЛАВНАЯ ЦЕРКОВЬ.....	160
Медеубаев Е. И. ВЛАСТЬ И СОЦИАЛЬНЫЕ ПОРЯДКИ В СТЕПНОМ КРАЕ И ТУРКЕСТАНЕ В 1917–1921 гг.: МЕХАНИЗМЫ И ПРАКТИКИ РЕВОЛЮЦИОННОГО НАСИЛИЯ.....	164
Наумов Е. О. ЧРЕЗВЫЧАЙНАЯ КОМИССИЯ ПО БОРЬБЕ С КОНТРРЕВОЛЮЦИЕЙ, СПЕКУЛЯЦИЕЙ И ПРЕСТУПЛЕНИЯМИ ПО ДОЛЖНОСТИ 1-й АРМИИ ВОСТОЧНОГО ФРОНТА ЛЕТОМ – ОСЕНЬЮ 1918 г.....	170
Ненароков А. П. ВРЕМЯ В ДОКУМЕНТЕ И ДОКУМЕНТ ВО ВРЕМЕНИ. Об одном интервью П. Б. Аксельрода начала мая 1917 г.....	176
Новинская Т. Ю. РЕВОЛЮЦИЯ КАК ФАКТОР, ОПРЕДЕЛЯЮЩИЙ СОЦИОКУЛЬТУРНУЮ ТРАНСФОРМАЦИЮ РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА (на примере Пензенской губернии)	180
Паничкин В. А., Рахматуллина Н. И. ВЛАСТЬ И ОБЩЕСТВО В УСЛОВИЯХ РЕВОЛЮЦИИ 1917 г.: РЕВОЛЮЦИОННАЯ ПОВСЕДНЕВНОСТЬ В ИСТОЧНИКАХ ЛИЧНОГО ПРОИСХОЖДЕНИЯ	183
Пархоменко В. А. УКРАИНСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ 1917–1921 гг. В СОВРЕМЕННОЙ УКРАИНСКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ	185
Паршина В. Н. СОЗДАНИЕ ЖЕНСКИХ ВОИНСКИХ ЧАСТЕЙ В РОССИЙСКОЙ АРМИИ В 1917 г.....	193

Первушкин В. И. ПЕНЗЕНСКИЙ ГУБЕРНСКИЙ СТАТИСТИЧЕСКИЙ КОМИТЕТ И УЧЕНАЯ АРХИВНАЯ КОМИСИЯ В 1917–1918 гг. (по материалам Государственного архива Пензенской области).....	199
Руднева Л. М. ВЛИЯНИЕ СОБЫТИЙ 1917 г. НА НАЗВАНИЯ И ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ОБЪЕКТОВ ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ ГОРОДА БЕЛИНСКОГО	204
Рябова Г. Н. ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ В ГОДЫ РЕВОЛЮЦИИ: ПАРАДОКСЫ БЫТИЯ.....	211
Селюкина Н. В., Сухова О. А., Ягов О. В. РЕВОЛЮЦИЯ 1917 г. И НАЦИОНАЛЬНО-КУЛЬТУРНОЕ ДВИЖЕНИЕ В ПЕНЗЕНСКОМ КРАЕ	216
Тихонов А. К., Арескин А. А. ВЛАДИМИРСКАЯ ГУБЕРНИЯ В 1917 г.....	221
Тишкина А. В. ПРОДОВОЛЬСТВЕННОЕ ДЕЛО В РОССИИ В 1917 г. (по материалам Среднего Поволжья).....	226
Трошина Т. И. ПРОВИНЦИАЛЬНОЕ ОБЩЕСТВО В 1917 г. (по материалам Архангельской губернии)	233
Трошина Т. И. «ХУЛИГАНСТВО» КАК ИНДИКАТОР НАРАСТАНИЯ СОЦИАЛЬНОГО НАПРЯЖЕНИЯ НАКАНУНЕ РЕВОЛЮЦИИ (по материалам Архангельской губернии)	239
Филенкова О. А. РЕВОЛЮЦИЯ 1917 г. И ПРОБЛЕМА СОХРАНЕНИЯ ЦЕЛОСТНОСТИ ИМПЕРИИ: К ВОПРОСУ О ФАКТОРАХ РЕФОРМ В СФЕРЕ АДМИНИСТРАТИВНО-ТЕРРИТОРИАЛЬНОГО УСТРОЙСТВА СССР	243
Шариков А. Г. ЧЕХОСЛОВАЦКИЕ ЛЕГИОНЕРЫ В ПЕНЗЕ: ТРАНЗИТНЫЕ ПАССАЖИРЫ ИЛИ ОККУПАНТЫ?	247
Штырняева Е. А. РОССИЙСКОЕ КРЕСТЬЯНСТВО МЕЖДУ ФЕВРАЛЕМ И ОКТЯБРЕМ 1917 г. (на примере Пензенской губернии)	253
Шувалов В. И. ВЗГЛЯДЫ ФРАНСУА МИНЬЕ И ИДЕЯ СОЦИУМА КАК СИСТЕМЫ В КОНТЕКСТЕ ОЦЕНКИ РЕВОЛЮЦИЙ ВО ФРАНЦИИ (1789) И РОССИИ (1917)	258

Юдин С. О. НАРАСТАНИЕ СОЦИАЛЬНЫХ ПРОТИВОРЕЧИЙ В РОССИЙСКОЙ ПРОВИНЦИИ В ГОДЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ: ВОЕННОПЛЕННЫЕ НА ТЕРРИТОРИИ ПЕНЗЕНСКОЙ ГУБЕРНИИ КАК ФАКТОР ДЕСТАБИЛИЗАЦИИ ПОВСЕДНЕВНЫХ ПРАКТИК.....	263
СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ.....	268

ПЕРВЫЕ ШАГИ ПО ЛЕГАЛИЗАЦИИ ЦЕРКОВНОГО УПРАВЛЕНИЯ В ПЕНЗЕНСКОЙ ЕПАРХИИ В 1918 г.: СОЗДАНИЕ БРАТСТВА ПРАВОСЛАВНЫХ ХРИСТИАН

К. Г. Аристова

г. Пенза, Россия

Аннотация. В статье на основе архивных данных на примере Пензенской губернии раскрывается один из важных аспектов церковно-государственных отношений в послереволюционной России – создание Братства Православных Христиан, коллегиального органа епархиального управления. Установлено, что катализатором появления новой формы управления Пензенской епархией стало противостояние канонической церкви во главе с епископом Иоанном (Поммером) и раскольнической «народной» «советской» церкви бывшего архиепископа Владимира Путяты.

Ключевые слова: Пензенская епархия, обновленчество, Церковь, управление.

Summary. The article based on archive documents reveals one of the important aspects of relationship between the church and the state in Russia after the revolution of 1917 – that is the creation of the Union of Orthodox Christians (Bratstvo Pravoslavnih Christian) in Penza region, the collective body of diocesan administration. The conclusion is made that it was the opposition of canonical Church headed by the archbishop John (Pommer) and the dissident popular soviet church of the formal archbishop Vladimir Putiata that stimulated the emergence of the new form of administration of Penza diocese.

Key words: Penza diocese, obnovlenchestvo, Church, administration.

Касаясь проблемы развития государственно-церковных отношений в Пензенском регионе в период возникновения пензенского обновленчества – «путятинской смуты» в 1917–1919 гг., нельзя не остановиться отдельно на вопросе, связанном с созданием совершенно новой структуры канонического епархиального управления – Союза (Братства) православных приходов г. Пензы.

Согласно Декрету об отделении Церкви от государства, 9 марта 1918 г. Пензенский Епархиальный Совет и Духовная Консисто́рия, как и другие епархиальные органы, объявлялись упраздненными. В данных условиях для канонической епархиальной власти регистрация новых органов управления была просто жизненно необходима.

Пензенская епархия во главе с вновь прибывшим в конце апреля 1918 г. епископом Иоанном (Поммером) встала перед необходимостью создания новых органов управления и их регистрации в Коллегии по отделению Церкви от Государства.

Однако процесс создания новых структур управления осложнялся той внутрицерковной обстановкой, которая сложилась, благодаря раскольнической деятельности изверженного из сана бывшего архиепископа Владимира Путяты. Провозглашенная Свободная Народная Церковь была создана исключительно с целью удержания им церковной власти и поставлена в оппозицию легитимной и канонической Русской Православной Церкви.

Препятствия со стороны советской власти в признании канонической церковной власти в лице епископа Иоанна и епархиальных структур были ожидаемы и объяснимы. Существование организационно сильной и поддерживаемой большинством верующего населения епархиальной власти шло вразрез с целями и задачами Советского государства.

Так, в апреле 1918 г. духовенство во главе с епископом Иоанном делает попытку пройти процедуру регистрации органов епархиальной власти – Епархиального Управления – путем подачи ходатайства о регистрации и проекта Устава на утверждение Комиссару по отделению Церкви от Государства [3].

Однако Комиссариат по Отделению Церкви от Государства отреагировал на данное заявление однозначно, направив его и Устав в Следственную Комиссию: «На отношение от 22 ноября за № 1334, возвращая обратно Устав бывшего Епархиального Управления, Отдел сообщает, что подлинное заявление упомянутого Управления о регистрации его за подписью Епископа Иоанна препровождены в Следственную Комиссию 20 августа за № 650 и 9 октября за № 799. При этом сообщается, что отдел по отделению Церкви от Государства Устав бывшего епархиального Управления не рассматривал и ответа ему не давал» [4].

Таким образом, своим отказом в регистрации канонических епархиальных органов управления во главе с назначенным патриархом Тихоном епископом Иоанном, а также арестом его членов, Комиссариат по Отделению Церкви от Государства фактически и юридически поставил всю систему управления епархией вне закона.

В условиях ликвидации церкви в качестве юридического лица глава гонимой Русской Православной Церкви патриарх Тихон призвал пастырей «идти навстречу добрым начинаниям верующих, направленным к защите церкви» и «в тяжкую годину гонений ободрять, укреплять и объединять их». Мирянам предлагалось «при всех приходских и бесприходных церквях организовывать союзы, которые должны защищать святыни и церковное достояние от посягательств». Эти союзы должны были иметь «просветительские и благотворительные задачи, но не должны называться церковными или религиозными, так как религиозные общества лишены новым декретом прав юридического лица». В крайнем случае, союзы могли «заявить себя собственниками церковного имущества, чтобы спасти его от отобрания в руки неправославных или даже иноверцев» [1: 223].

Следуя общецерковной тенденции создания таковых союзов, в условиях полного отрицания канонических епархиальных органов управления, 25 апреля (8 мая) 1918 г. на I Собрании церковно-приходских советов г. Пензы под председательством епископа Иоанна Поммера проводится организационное собрание в стенах Михайло-Архангельской церкви г. Пензы с целью создания религиозной общины – Братства Православных Христиан, состоящей из членов приходов всех церквей города. Целью деятельности Братства являлось «объединение приходов, сплоченность в защите веры и церкви».

Во главе общины стоял Совет из 12-ти членов и Правление Братства из шести членов. Ведение всех дел принадлежало совету, правление являлось исполнительным органом. Согласно протоколу допроса от 13 сентября 1918 г. Губернской следственной комиссии Пензенского Ревтрибунала по делу о незаконной деятельности Братства, председателем указанной структуры был избран Голев Дмитрий Васильевич. Из его показаний следует также, что устав религиозной общины был утвержден Комиссаром по отделению Церкви от Государства и зарегистрирован 1 августа 1918 г. Коллегией Внутренних Дел [5].

Данная структура в условиях полной изоляции государством епархиальных структур была вполне эффективна и жизнеспособна. Появлялась ограниченная возможность посредством собрания представителей всех православных общин координировать жизнь епархии, а также входить в официальные сношения с властями. Так, в архивных источниках сохранилось множество документов с ходатайствами Братства об освобождении из-под ареста священнослужителей, в том числе и самого священномученика Иоанна [8: 67].

Однако короткую жизнь молодому эффективному структурному образованию Пензенской епархии так же, как и Епархиальному Управлению, обеспечила не только общая политика местных властей, но и активная подрывная деятельность обновленцев. ГубЧК уже в декабре 1918 г. обратила пристальное внимание

на организационную структуру Братства: «Советы Братства Православных Христиан составляют особую организацию и не имеют в своем распоряжении ни церквей, ни церковного имущества, хотя в число их членов и входят некоторые прихожане той или иной церкви, тогда как общины при православных церквях г. Пензы заведывают каждая своей церковью и ее имуществом» [2]. Однако пока власти заняли выжидательную позицию, собирая материалы и ожидая действий обновленцев.

Пулятинцы не замедлили отреагировать на эту новую и опасную для них структуру, начались усиленные доносы во все властные органы Пензенской губернии. Так, 14 декабря 1918 г. «Пензенским Епархиальным Архиереем» (т.е. Пулятой) в отдел Управления Пензенского Губисполкома, в Пензенскую Губ ЧК и в Управление Пензенской городской милиции были направлены заявления следующего содержания: «...прошу не допускать никаких собраний черносотенного духовенства, противодействующего солидарной рабоче-крестьянскому правительству Народной Церкви, в подведомственных нам церквях и церковных помещениях как во всем г. Пензе, так и в Пензенской губернии, без нашего ведома и разрешения. В частности, недопустимы собрания, лекции, сообщения, устраиваемые так называемым Братством Православных Христиан... на основании преподанных Центром указаний о всемерной поддержке советскими властями на местах всех начинаний нарождающейся Народной Церкви и об устранении чинимых ей представителями духовной бюрократии препятствий всеми средствами включительно до ареста противодействующих, Пензенское Епархиальное Управление по настоянию народа просит безотлагательно принять соответствующие и решительные меры к недопущению лекций, назначенных вышеупомянутым религиозно-монархическим братством» [2].

Власти не заставили себя долго ждать, этим вопросом занялся сам председатель Пензенской ГубЧК Аустрин, согласно Постановлению от 16 декабря 1919 г., «Президиум Пензенской ГубЧК, рассмотрев имеющийся в распоряжении Секретно-оперативного отдела материал негласного наблюдения за деятельностью членов Пензенского Братства Православных Христиан и примыкающих к нему священников г. Пензы по обвинению в контрреволюционной монархической деятельности, выразившейся в устройстве публичных собеседований, лекций, проповедей, панихид и молебнов и принимая во внимание, что произведенными обысками имеющийся материал подтверждается, а также в силу улик против них и имея ввиду то, что нижеупомянутые, находясь на свободе, могут продолжать свою контрреволюционную деятельность, а также уклоняться от следствия и суда, постановил: привлечь к настоящему следствию в качестве обвиняемых: М. С. Архангельского, С. Н. Арапову, А. А. Беляева, М. А. Венценовцева, К. С. Де-Бове, Ф. Е. Гольшева, Ф. Н. Сатурнова, В. В. Смирнова, Н. А. Касаткина, А. П. Кипарисова, М. А. Лебедева, В. И. Лентовского, В. А. Нелюбова, О. В. Озаревич, Н. М. Пульхритудова, З. З. Позднякова, Е. Н. Рудницкую, К. П. Уранова, Г. Н. Феликсова, Е. И. Ягодина, В. В. Яковлева, предъявив им обвинение в контрреволюционной монархической деятельности, выразившейся в выступлении с речами контрреволюционного содержания на лекциях, собеседованиях, проповедях, панихидах, молебнах и пр.» [2].

Таким образом, Братство Православных Христиан, единственное структурное образование канонической власти в Пензенской епархии, которое могло организационно возродить управление епархией, к концу 1919 г. было запрещено. Не нужно забывать, что его члены были наиболее активными участниками приходских советов во главе с настоятелями [7, с. 221]. Таким образом, их арестом вновь был нанесен ощутимый удар по канонической Церкви в Пензе.

Однако, несмотря на недолгое существование нового органа епархиального управления, опыт организации Братства Православных Христиан открыл для Пензенской епархии пути адаптации к новым условиям советской действительности.

Участие же в данном образовании большого числа мирян могло вывести данную структуру на совершенно новый уровень взаимодействия внутри самой Церкви – к более близкому контакту духовенства и прихожан, а значит и более эффективно-му церковному управлению. К сожалению, впоследствии данный опыт не удалось развить из-за борьбы за власть узаконенных гражданской властью раскольнических структур под предводительством Владимира Путяты, расшатавшей и без того подорванный этой властью церковный организм.

На данном этапе сохранение канонического епархиального управления в условиях его отрицания советской властью стало возможным, только благодаря самоотверженной деятельности епископа Иоанна, сосредоточившего в своих руках всю полноту церковной власти.

Библиографический список

1. Акты Святейшего Патриарха Тихона / сост. М. Е. Губонин. – М., 1994. – 1064 с.
2. ГАПО. Ф. Р-2. Оп. 4. Д. 138. Л. 322.
3. ГАРФ. Ф. А-353. Оп. 2. Д. 709. Л. 230.
4. ГАРФ. Ф. А-353. Оп. 2. Д. 709. Л. 247.
5. ГАРФ. Ф. А-353. Оп. 2. Д. 710 а. Л. 19-19об.
6. ГАРФ. Ф. А-353. Оп. 2. Д. 838. Л. 78.
7. Зелев, С. В. Сурская Голгофа. Пензенская епархия в годы гонений (1917–1945) / С. В. Зелев. – Пенза, 2008. – 150 с.
8. Иванов, Н. П. История Путятинской смуты в городе Пензе в период 1917–1922 гг., а затем и вне Пензы в тридцатые годы. Машинопись / Н. П. Иванов. – Пенза, 1928. – 321 с.

**«НАРОДНОЕ ПРАВО» В ДЕЙСТВИИ:
РОССИЙСКАЯ ДЕРЕВНЯ В УСЛОВИЯХ
РЕВОЛЮЦИОННЫХ ПЕРЕМЕН 1917 г.
(по материалам Калужской и Орловской губерний)**

И. Б. Белова

г. Калуга, Россия

Аннотация. В статье на примере двух губерний Европейской России – Калужской и Орловской, рассматривается обстановка в деревне с марта по декабрь 1917 г. Прослеживается динамика аграрных беспорядков, показаны их действующие лица. Освещена деятельность местной администрации Временного правительства, направленная на борьбу с анархией и поддержание общественного порядка. Дана оценка политике Временного правительства, оказавшегося неспособным отстаивать общегосударственные интересы в условиях, когда широкое распространение получило так называемое «народное право», защищавшее интересы крестьянской общины.

Ключевые слова: 1917 г., российская деревня, местная администрация Временного правительства, Учредительное собрание, «народное право», аграрные беспорядки, земельный вопрос, местные исполнительные комитеты, крестьянский Съезд.

Summary. The article discusses the situation in the village from March to December 1917 based on the materials of two provinces of European Russia, those of Kaluga and Orel. The article traces the dynamics of agrarian unrest and indicates the active characters of these disorders. The author covers the activities of the local administration of the Provisional Government aimed at the fight with anarchy and the maintenance of public order, gives an assessment of the Provisional government policy that proved unable to defend national interests in the situation, where the so-called "people's law" which defended the interests of the peasant community became widespread.

Key words: 1917, Russian province, local authority of the Provisional Government, the Constituent Assembly, "people's law", Russian village, agrarian unrest, land question, local Executive Committees, Peasant Congress.

Член Государственного совета по выборам от Калужской губернии кн. Е. Н. Трубецкой на первом губернском совещании уездных комиссаров Временного правительства и представителей исполнительных комитетов 17 марта 1917 г. в Калуге сказал, что до созыва Учредительного собрания «население должно сорганизоваться на местах» [1]. Формы этой организации станут материалом для Учредительного собрания при выборе формы правления. О том, что население «должно» или «не должно» легко сказать, но нелегко добиться этого на практике. Например, на втором собрании уездных комиссаров Временного правительства и делегатов от исполнительных комитетов Калужской губернии также в марте 1917 г., когда не прошло и месяца со дня свержения власти, говорилось, что оно (население) «не должно заниматься хищническим истреблением лесов, чинить произвол в отношении частновладельческой земли» [4: 119]. Однако деревня, ее волостные исполнительные комитеты, созданные на выборной основе, действовали противоположным образом. Калужский губернский комиссар Временного правительства докладывал министру внутренних дел о самочинных попытках крестьян в марте-апреле 1917 г. не допускать рабочих к землевладельцам с целью заставить их сдать свою землю в аренду; случаях их отказа от арендной платы за пользование землей под выгоны; об уничтожении межевых знаков у хуторян и отрубников с целью владения землей на основе общинного права. В указанный период практиковались самовольные аресты земских начальников в Мосальском и Боровском уездах, а также частных лиц. Проводились самочинные обыски в имениях и не только

в них, например, в Тарусском уезде сделали обыск также в хуторском хозяйстве, а также в тарусской городской потребительской лавке. В этом же уездном городе, на митингах, раздавались призывы к обыскам городских складов, жилищ зажиточных горожан, земских служащих. В итоге губернской администрации, кроме Тарусы, пришлось направлять воинские команды в Малоярославец и Лихвин, так как общественная безопасность в этих городах также находилась под угрозой [4: 141].

В мае 1917 г. в Калуге состоялся губернский крестьянский съезд, который признал необходимость создания советов крестьянских депутатов, от волостных до губернских со Всероссийским во главе. Задачей советов был признан контроль за действиями временной власти. Докладчик по земельному вопросу, член партии социалистов-народников, говоривший о недопустимости простого раздела земли по трудовой или потребительской норме, так как это противоречило бы общегосударственной пользе, получил из зала записку, в которой говорилось: «Мы распорядимся землей как нам чувство подскажет». Большинство крестьянских делегатов доклад был принят холодно [4: 169].

В соседней Орловской губернии в конце первого месяца после февральского переворота губернский комиссар, говоря о настроении сельского населения, отметил, что в этом общественном слое, по его мнению, «важны не политические вопросы, а земельный и вопрос о покушениях на оставшуюся без охраны чужую собственность». Комиссар сообщал в Петроград о попытках крестьянского населения самовольного немедленного решения аграрного вопроса в форме дележа и засева соседних владельческих земель, подчеркивая «дурную роль» в этом вопросе беглых солдат и прапорщиков. Например, в марте прибыл на родину, в Болховский уезд, некий прапорщик Кондратов из Петрограда, который вместе с прапорщиком 203 запасного полка в Орле, местным уроженцем Аношкиным собрал волостной сход, арестовал земского начальника Бахтина за принадлежность его к старой власти и дал указание крестьянам весной пахать землю Бахтина. Правда, земский начальник был освобожден другим прапорщиком 203 запасного полка Пчелкиным, прибывшим в уезд для охраны спиртзавода, при этом Кондратов и Аношкин почли за благо скрыться [3: 27 об–28].

Известное воззвание председателя Государственной думы о том, что ни одна десятина земли не должна оставаться незасеянной, по словам орловского губернского комиссара, трактовалась местным населением так, что если землевладелец не засеет землю, то ее отдадут крестьянам. Этим и объяснялись «чинимые землевладельцам помехи: снятие с работ в экономиях рабочих и служащих, военнопленных». Например, в Орловском уезде, в имении Шонига при селе Философове, а затем в имении Бахтина инициатором и вдохновителем крестьян на противоправные действия выступил уже местный священник о. Павел (Алексеевский), а в земской сельскохозяйственной школе при селе Сорочьи Кусты пропаганду бойкота землевладельцам проводил учитель школы Лукин. Под его влиянием были отстранены рабочие в имении Шуманского в том же Орловском уезде, то же самое происходило и в имении генерала Скорятина в Малоархангельском, Мценском и Болховском уездах. Губернский комиссар был уверен, что с началом полевых работ таких дел станет несравненно больше, так как у местной администрации Временного правительства нет реальной силы. Например, в Елецком уезде Каменской волости сход не захотел и слушать волостного комиссара, избранного в установленном порядке в уездном комитете, очень уважаемого мелкого землевладельца Козеева и помощника уездного комиссара крестьянина Пилюгина. Может быть, предполагал губернский комиссар, сельские волостные и уездные исполнительные комитеты охладят пыл нетерпеливых немедленно приступить к решению земельного вопроса.

По мнению комиссара, уездная администрация Временного правительства должна иметь право контроля законности решений волостных сходов.

Насильственные действия против земских начальников (аресты) были отмечены в Болховском и Дмитровском уездах, а брянский земский начальник вынужден был уехать, чтобы избежать ареста. Решение Временного правительства о замене земских начальников судьями орловский губернский комиссар считал правильным, так как большинство из них уже не могли осуществлять свои властные полномочия. Надежды на быструю организацию нового эффективного административного аппарата у комиссара не было, он не верил в способность населения «сорганизоваться» до созыва Учредительного собрания, поэтому он смотрел в будущее с очень большим опасением [3: 29–31].

В первой половине апреля в различных местах Орловской губернии наблюдались все те же самочинные действия крестьян, снимавших в частновладельческих экономиях рабочих, служащих, военнопленных, а также пытавшихся захватить церковные и помещичьи земли. Для разъяснительной работы с крестьянским населением уездная администрация готовила лекторов из местной интеллигенции, принимала меры к возвращению пленных к сельхозработам [3: 45]. До конца апреля различные беспорядки происходили в 10 уездах из 12. Так, в Малоархангельском уезде куракинский волостной исполнительный комитет передавал крестьянам всех волостей земли князя Куракина. Крестьяне того же Малоархангельского, а также Карачевского, Дмитровского и Орловского уездов отстраняли пленных, рабочих, администрацию в частных владениях. В тех же Малоархангельском и Орловском, а также и Мценском уездах крестьяне отказывались работать в частновладельческих владениях, настаивая на передаче им земли по установленной ими же цене – 6 рублей за десятину. Мценский уездный комитет произвел арест городского головы, а его имение подверглось полному расхищению. Солдаты мценского гарнизона разгромили винокуренный завод, работавший на нужды армии, ограбили два имения. Крестьяне Орловского уезда во владении Русецкого не допускали владельца до заготовки дров для сахарного завода, снимали военнопленных с полевых работ. В Болховском уезде запрещали наниматься на полевые работы к землевладельцам, не исполняли арендные договоры, вмешивались в работу казенных лесничеств, удаляли лесную стражу, требуя назначения туда своих людей. Волостные и сельские сходы Севского уезда постановили упразднить в имении «Брасово» контору главного лесничего, туда явились 30 вооруженных солдат, которые сожгли книги о самовольных порубках, отобрали оружие и нарушили связь.

В мае беспорядками были охвачены уже все 12 уездов Орловской губернии. Так, в Елецком уезде участились убийства и грабежи, толпы солдат и рабочих на улицах города срывали форму с чиновников, в садовом заведении Быхановой рабочие Ельца потребовали 8-часовой рабочий день и препятствовали другим работать. В этом же уезде владелец имения Пономарев просил защитить его от оскорбления и захвата собственности. В имении «Елагино» в Малоархангельском уезде крестьяне удаляли арендаторов, требуя землю себе, самовольно пасли там свой скот. Управление делами «бывшего великого князя» Михаила заявило о самоуправном удалении крестьянами служащих имения «Брасово», отобраении имущества. Продолжалось самовольное отстранение военнопленных от сельскохозяйственных работ. В Карачевском уезде наблюдалась самовольная рубка леса крестьянами и самоуправство в частных владениях. В Мценском уезде, в имении «бывшего князя Урусова», солдаты и крестьяне требовали удаления работников. В Севском уезде дезертиры и солдаты гарнизона громили спиртзаводы. В Орловском уезде крестьяне захватили 300 десятин лучшей луговой земли. В Брянском уезде крестьяне запретили рубить лес на постройку школы, угрожали лесничему

арестом в случае невыполнения их требований. В Дмитровском уезде крестьяне требовали удалить из экономий пленных, в Кромском – «творили насилия» и даже угрожали убить уездного комиссара. Туда для наведения порядка были посланы надежные солдаты-артиллеристы.

В июне в Малоархангельском уезде крестьяне производили потраву лугов в экономиях, в Карачевском, Ливенском и Болховском продолжали грабить поместья. В Карачевском уезде произошло массовое хищение оборудования сахарного завода. В Мценском уезде в имении «Бунаково» крестьяне отстраняли работников и осуществляли отъем земли у арендаторов. В этом же уезде крестьяне выгнали владельца хутора и захватили его 40 десятин земли. В Орловском уезде совет рабочих и солдатских депутатов потребовал ограничения прав губернского комиссара в части направления войск для наведения порядка, которое, по их мнению, должно было осуществляться только с согласия совета. Группа солдат и крестьян присвоила себе незаконно дрова, заготовленные для беженцев. В Севском уезде волостной исполнительный комитет препятствовал рубке леса для завода, работавшего на оборону. 23 военнопленных, работавших на заготовке дров для сахарного завода, крестьяне забрали для своих нужд, обезоружив охрану. В Брянском уезде был ограблен завод, принадлежавший Небольсиной [3: 60–135].

В самом начале августа орловский губернский комиссар констатировал наличие *повсеместных* аграрных беспорядков, особенно в Малоархангельском, Мценском, Ливенском, Дмитровском уездах, которые характеризовались захватом пахотных и сенокосных угодий, урожаям частных хуторских владений, назначением произвольных цен за аренду земли, уничтожением арендных договоров, отстранением рабочих и пленных в частных владениях и мелких хуторских хозяйствах. Губернский комиссар считал, что необходимо использовать вооруженную силу Северо-Западного фронта для борьбы с этими незаконными явлениями. В дальнейшем продолжали поступать жалобы о самоуправстве крестьян, участвовавших в ограблениях. В губернии действовала шайка грабителей. Солдаты орловского гарнизона расхищали овощи и фрукты в садах и огородах. В Орловском уезде и в других местах было совершено несколько грабежей и убийств [3: 144, 148, 150, 155, 161–162].

В сентябре 1917 г., за первые две недели месяца, губернскому комиссару поступило 27 жалоб от землевладельцев на захваты урожая, хлеба, сена, инвентаря, леса и т.д. по Орловскому, Елецкому, Карачевскому, Мценскому, Болховскому, Ливенскому, Малоархангельскому, Дмитровскому уездам. В Орловском уезде в ночь на 9 сентября была задержана шайка грабителей из 8 человек. Уездный комиссар Черкасов сообщал из города Дмитрова, что с утра 11 сентября в городе начались беспорядки на почве голода [3: 169, 183–193].

В октябре самоуправления крестьян приняли массовый характер в Трубчевском уезде. Администрация уезда ходатайствовала о присылке военной команды в 50 конных солдат из Мценского гарнизона. В Елецком уезде было разгромлено имение Граббе, в Болховском – волостные продовольственные управы отказывались везти хлеб в город, что было на руку калужанам, вывозившим его в свою губернию. В Болхов, Ливны и Елецкий уезд были посланы военные команды. Из Ельца телеграфировали, что пехота ненадежна и просили выслать конных артиллеристов. Массовые самочинные действия крестьян продолжали нарастать, крестьяне противодействовали продовольственным органам, войска высылались не всегда своевременно [3: 194–195, 218].

В ноябре 1917 г., по сообщениям губернского комиссара, повсеместно в деревнях усилились погромы, беспорядки, насилия. Громили имения и винокуренные заводы, уничтожали хлеб, скот, лес. В Дмитровске голод, местные власти бессильны. На 19 ноября было разгромлено 98 имений, 6 винокуренных и 1 сахарный

завод. В двух уездах происходил грабеж хуторян, одна деревня враждовала с другой, в Болховском уезде – голодный бунт, рост грабежей и краж. На местные пехотные гарнизоны нельзя было положиться, надежных конных частей на всех не хватало [3: 239–243].

В Калужской губернии в сентябре 1917 г. губернский комиссар докладывал МВД о том, что дела по рассмотрению летних аграрных конфликтов были направлены мировым судьям, а некоторые находятся у прокурора. По его мнению, требование подчинения закону «туго переваривается в головах деревни и перетолковывается в смысле возврата к старому режиму, граждане в малейшем законном требовании видят старый режим». В начале августа в Незамаевской волости Медынского уезда крестьянами было разогнано заседание продовольственного комитета, а также устроен погром в потребительской лавке. Член продовольственного комитета Егор Кулагин просил защиты от самосуда.

1 сентября в Мещовске толпа в несколько десятков человек угрожала разгромом продовольственному комитету, произвела обыск у одного из членов этого комитета, арестовала и обещала расправиться с ним. 23 сентября мещовский уездный комиссар докладывал об убийстве с ограблением прасола, убийца не был обнаружен, о самовольной рубке леса в имении Суходольского. Комиссаром было запрошено 50 человек воинской команды [4: 252, 272, 284–285]. В Калужском уезде в сентябре участились случаи краж имущества и лошадей. Перемышльский уездный комиссар докладывал, что милиция не справляется с порубками в частновладельческих лесах, что не рассмотрено еще ни одно такое дело, «население все еще находится в угаре свободы, не чувствуя тормоза своим самочинным поступкам в лице закона». Заочно расследовано дело о захвате 2 десятин земли, засеянной клевером у владельца Смирнова, его хутор был в итоге разграблен крестьянами. Обвиняемые на заседание не явились. Горожане сетовали на «потворство деревне в ее анархизме». Незаконную рубку леса крестьяне прекращают только в присутствии милиционера [4: 288–299].

В октябре Перемышльский уездный комиссар докладывал о продолжении паломничества населения в другие губернии за хлебом, порубок строевого леса, самочинных расправ. О тех же незаконных лесных порубках сообщалось также из Медынского, Лихвинского и Малоярославецкого уездов. Причиной разрухи и анархии перемышльский уездный комиссар считал отсутствие твердой власти при том, что население стоит на низком уровне культурного развития, оно занято исключительно земельными и лесными «разборками». Калужский уездный комиссар сообщал, что во всех волостях уезда идет отобрание самочинным захватным путем у частных владельцев преимущественно луговых земель, имеют место случаи насилия над личностью. При этом выборная волостная милиция (один милиционер на волость) не может заменить полицию, поэтому преступный элемент остается безнаказанным и неуловимым. «Как волостные милиционеры, сами крестьяне, связанные родством, свойством и знакомством с односельчанами, могут навести порядок?» Отметим, что, наконец-то, с сентября 1917 г. распоряжением Временного правительства начальникам милиции было предоставлено право назначать милиционеров. В течение всего октября в уездах не прекращались самовольные порубки леса, дележ земли, покушения на скот и инвентарь частных владельцев. Крестьяне препятствовали вывозке дров, заготовленных для Рязано-Уральской железной дороги, материалов с лесопильных заводов для нужд армии [4: 306–347].

В ноябре мещовский уездный комиссар сообщал, что солдаты, находившиеся на территории уезда, подстрекают крестьян не подчиняться власти. В Перемышльском уезде «самовольные агитаторы из солдат шатают крестьянскую массу, которая теперь

не знает, за кого голосовать». Из Козельского уезда сообщалось, что благодаря подстрекательству солдат и других лиц идет почти повальная рубка лесов, разгромлен лесопильный завод Карпилина. 11 ноября козельский уездный комиссар сообщил, что «анархия в уезде разрастается все шире благодаря безответственной пропаганде большевизма, идеи которого быстро прививаются в темной массе. <...> Население свои противозаконные действия считает правильными, потому что ему говорят, что все – ваше, берите все сейчас, зачем ждать? Благодаря безнаказанности уничтожается всякое понятие о праве и законности, необходима сила, которой местная милиция не обладает. <...> время слов абсолютно прошло <...>» [4: 381].

В телеграмме из Тарусы от 14 ноября сообщалось, что выборы в Учредительное собрание в Солопенской волости были прекращены солдатами вооруженной охраны Петровского завода, находившимися под влиянием большевиков [4: 387]. 27 ноября толпа крестьян и горожан разогнала в Тарусе служащих уездной продовольственной управы, нанесла побои члену управы Никитину. Лихвинский уездный комиссар докладывал 30 ноября в Калугу о том, что население доверяет сельским комитетам, которые поступают «как Бог на душу положит, при этом ни о какой законности речи не идет. Солдаты, возвращаясь, несут в деревни лозунги большевизма, понимаемые так, что теперь «народное право», следовательно, можно отбирать, грабить безнаказанно, и так поступают всюду. Говорить населению о недопустимости грабежа невозможно: грозят самосудам, поэтому милиционеры, если сами не участвуют, предпочитают не являться на места, где так называемое народное право осуществляется на практике. В настоящее время в помещичьих усадьбах отбирают живой и мертвый инвентарь, причисляя к нему и домашнюю мебель. Волземуправы постановили брать инвентарь на учет, но на деле его расхищают. Порубки, расхищения заготовленного леса приняли большие размеры и бороться с этим нельзя, в общем анархия и произвол толпы, милиция запугана окончательно <...>» [4: 397–398, 399, 401–402].

30 декабря 1917 г. на имя губернского комиссара* поступило заявление от владельца имения «Высокая Гора» Мосальского уезда о самочинном увольнении крестьянами управляющего и служащих [2: 931–931 об.]. В Калужском уезде гражданка Грибанова заявила о расхищении дров в деревнях Малые и Большие Козлы местными крестьянами [2: 953], из Покровской волости этого же уезда сообщили о массовом хищении строевого красного и лиственного леса крестьянами прилегающих селений, о расхищении заготовленного для пароходства дров писал калужскому губернскому комиссару владелец имения И. И. Ципулин. Он писал в своем заявлении о том, что все его обращения к калужскому и перемышльскому комиссарам, в земельный комитет, в уездный комитет по топливу ничего не дали. Владелец лесопильного завода Перемышльского уезда Озерской волости С. И. Ципулин сообщал, что «на днях завод захвачен озерским волостным земельным комитетом», распродается кряж, заготовленный для распиловки, и дрова, предназначенные для отопления пароходов. Он просил остановить самочинные действия озерского волостного земельного комитета [2: 940, 942].

В Перемышльском уезде Подборское, Озерское и Запрудовское сельские общества провели самовольную ликвидацию имений граждан Писарева и Д. И. Цыплакова. Все раздали якобы неимущим, скот отдали за умеренную плату, а вырученную сумму положили в государственный банк. Общим собранием эти действия были одобрены. Когда уездный комиссар по результатам проверки предложил

* 1 декабря 1917 г. в должность калужского губернского комиссара вступил большевик П. Я. Витолин, назначенный Военно-революционным комитетом вместо меньшевика М. К. Циборовского.

старшему милиционеру товарищу Фролову «подать немедленно в отставку», то общее собрание крестьян этих обществ постановило, что «право увольнять от выборной должности – есть право народа, а не отдельных лиц, поэтому товарищ Фролов должен продолжать работать, раз его выбрал народ». Общее собрание проголосовало также за «отделение сел Подборки и Озерское от волости, уезда и губернии с образование автономной единицы» [2: 658–659].

Таким образом, вопреки надеждам Временного правительства, до созыва Учредительного собрания население на местах не «сорганизовалось» так, чтобы эта организация отвечала общегосударственным интересам и могла служить моделью новой формы правления в России. Крестьянство не признало никакой юрисдикции, противоречащей так называемому «народному праву», в том числе юрисдикции местной администрации Временного правительства, не обладавшей реальной силой. В результате аграрные беспорядки, погромы, грабежи, насилие приняли массовый характер, поставив под угрозу государственную безопасность республики.

Библиографический список

1. Голос Калуги. – 1917. – 22 марта. – № 80.
2. Государственный архив Калужской области. Ф. Р-1122. Оп. 1. Д. 3 а.
3. Государственный архив Орловской области. Ф. 81. Оп. 1. Д. 16.
4. Общество и революция. Калужская губерния в 1917 году : сб. документов. – Калуга, 1999.

34-я БРИГАДА ГОСУДАРСТВЕННОГО ОПОЛЧЕНИЯ: ИСТОРИЯ ФОРМИРОВАНИЯ И СОСТАВ

С. В. Белоусов

г. Пенза, Россия

Аннотация. В представленной статье на основе широкого круга архивных источников рассматривается процесс формирования 34-й бригады Государственного ополчения в 1914–1915 гг. и ее состав.

Ключевые слова: Первая мировая война, Пензенская губерния, 34-я бригада Государственного ополчения.

Summary. In the presented article, based on a wide range of archival sources the process of formation of the 34th brigade of the State militia in 1914–1915 and its composition.

Key words: The first world war, Penza province, the 34th brigade of the State militia.

В последние годы наметился устойчивый интерес к изучению истории Первой мировой войны. Одной из проблем, требующих самого пристального внимания исследователей, является формирование и деятельность Государственного ополчения в 1914–1918 гг. В отечественной историографии имеется целый ряд публикаций, раскрывающих данную тему [1; 2; 6; 7; 8; 9; 11]. Вместе с тем, исследование целого комплекса вопросов, связанных с участием в войне Пензенского ополчения до настоящего времени не являлось объектом историографического интереса.

Данная публикация посвящена истории формирования 34-й бригады Государственного ополчения с 26 июля 1914 г. по 1 апреля 1915 г. и ее составу. В качестве основных источников использовались материалы Ф. 8219 (34-я бригада Государственного ополчения) Российского государственного военно-исторического архива и Ф. 63 (Пензенское губернское по воинской повинности присутствие) Государственного архива Пензенской области.

Формирование Государственного ополчения началось согласно Высочайшим указам Правительствующему Сенату от 18 и 21 июля 1914 г. в соответствии с мобилизационным расписанием 1910 г. из числа ратников 1-го разряда. В организационном отношении ополчение состояло из пеших дружин, конных сотен, артиллерийских батарей и саперных полурот. Пешие дружины (до августа 1915 г.) были четырехротными. В каждой из них полагалось иметь командира дружины в чине полковника, начальника хозяйственной части, адъютанта, делопроизводителя суда, четырех ротных командиров в чине капитана, шесть младших офицеров (прапорщиков запаса), четыре классных чина и 938 ратников [3]. Шесть дружин сводились в бригаду.

После получения Высочайших указов в Пензенской губернии 22 июля 1914 г. последовали распоряжения губернатора А. П. Лилиенфельд-Тооля уездным исправникам о мобилизации ратников ополчения. Первым днем мобилизации было объявлено 25 июля. Ратникам, подлежащим призыву, предоставлялись 3 суток для устройства домашних дел, после чего они должны были являться на сборные пункты [4: 50-50 об.; 10: 77–78].

Среди прочих ополченческих частей в Пензенской губернии предполагалось сформировать 34-ю бригаду Государственного ополчения, первоначально предназначенную для нужд Кавказского военного округа. В Пензе находился штаб 34-й бригады и формировались 199-я и 200-я пешие Пензенские дружины, в Чембаре – 201-я и 202-я пешие Пензенские дружины, в Инсаре – 34-я саперная полурота. В состав бригады также включались 203-я и 204-я пешие дружины, сформированные в г. Кузнецке Саратовской губернии.

25 июля 1914 г. стал первым днем мобилизации. 26 июля в Пензу прибыл начальник 34-й бригады генерал-майор Н. П. Кучин [12: 4 об.], 28 июля – бригадный врач коллежский советник Протопопов, 29-го – на должность бригадного священника иеромонах Пантелеймон, 30-го – 26 ратников, назначенных в Управление бригады [12: 5-6]. 2 августа Управление бригады было сформировано, о чем было доложено в штаб Казанского военного округа [12: 6 об.]. 11 августа в Пензу прибыл полковник Иванов, назначенный начальником штаба 34-й бригады, 22-го – штабс-капитан кн. Гагарин, ставший ст. адъютантом штаба по строевой части [12: 7-8 об.].

Помимо формирования частей бригады, обмундирования, вооружения и снаряжения ратников на начальника 34-й бригады ген.-м. Кучина была возложена обязанность по приему, распределению и отправлению к местам назначения военнопленных. До 31 августа было принято и распределено по различным уездам губернии 4651 нижний чин, 129 офицеров и 1 генерал (Блейн) [12: 10-10 об.].

17 сентября 1914 г. бригадой было получено уведомление о Высочайшем пожаловании дружинам ополчения старых ополченческих знамен 1855 г. [12: 12 об.] В первой половине октября 4 из 11 знамен, хранившихся в Пензенском кафедральном соборе, были вручены 199-й, 200-й, 201-й и 202-й пешим Пензенским дружинам [5: 1, 7-8, 12-12 об., 19, 30; 10: 99-101].

11 октября в Пензу прибыл генерал-майор Давыдов для инспектирования стрелковой подготовки частей бригады. Осмотрев по роте 199-й и 200-й дружин, он признал стрелковую подготовку «хорошей» [12: 15].

18 октября 34-я бригада Государственного ополчения была назначена к выступлению не в Кавказский, а в Приамурский военный округ. Посадка штаба бригады в эшелон была намечена на 20 октября в 10 часов утра. Однако 20 октября 34-я бригада была назначена к отправке в Одесский военный округ. 22 октября штаб бригады выехал из Пензы до ст. Кременчуг. Затем маршруты давались до других промежуточных станций. Части бригады с места своего квартирования следовали отдельными маршрутами. В ночь на 28 октября штаб 34-й бригады прибыл в г. Одессу [12: 16 об. – 20]. Штаб-квартира штаба бригады была отведена на Градоначальнической ул., д. 22, а весь состав бригады расквартирован в городе [12: 20 – 20 об.].

34-я бригада Государственного ополчения получила задачу охраны побережья Черного моря. 6 ноября 34-я бригада Государственного ополчения вошла в состав «левого участка» обороны по противодействию турецкому десанту. Район обороны включал черноморское побережья от Малого Фонтана до хутора Живахова с Одессой и ее портовыми сооружениями, а также наблюдение участка от хутора Живахова до с. Александровки (Сычевки) [12: 24–25].

31 октября бригада вошла в состав 7-й армии [12: 21 об.]. 2 ноября по приказанию командующего армией генерала от артиллерии В. Н. Никитина генерал-майор Н. П. Кучин был назначен начальником обороны г. Одессы и портовой территории. К частям, подчиненным начальнику бригады, были приданы 656-я пешая Бессарабская дружина, 2-я нештатная артиллерийская батарея, 2-я нештатная пулеметная команда и один Донской казачий полк [12: 22 об. – 23].

15–16 декабря генерал от инфантерии А. А. Адлерберг провел смотр 199-й и 201-й пеших Пензенских дружин и «увиденным остался доволен» [12: 28 об. – 29].

В конце декабря 1914 г. был получен приказ о противодействии турецкому десанту с изъяснением секретной инструкции, в котором район обороны для 34-й бригады определялся от Нового мола до мыса восточнее д. Марьевки с Одессой и ее портовыми сооружениями с наблюдением участка побережья от упомянутого мыса до с. Александровки [12: 30 об. 31 об.]. Неоднократно части бригады

приводились в боевую готовность из-за возможного появления неприятельских судов [13: 7 об., 11].

В конце декабря – начале января 1915 г. в состав 34-й бригады вошли 94-я конно-ополченческая сотня, 34-я ополченческая батарея (переформирована из 2-й нештатной артиллерийской батареи), 6-я нештатная артиллерийская батарея (Пензенская ополченческая батарея) и 2-я отдельная пулеметная команда. 28 декабря 1914 г. из состава бригады выбыла 656-я дружина. 21 февраля 1915 г. 34-я ополченческая батарея была переименована в 34-ю ополченческую скорострельную батарею, а Пензенская ополченческая батарея – в 38-ю ополченческую скорострельную батарею [12: 30–30 об., 31 об.; 13: 5 об.].

В феврале 1915 г. дружины 34-й бригады вместо старых винтовок Бердана получили новые японские винтовки системы Арисака [13: 3].

3 марта в бригаде было получено секретное отношение начальника штаба 7-й армии от 3 марта за № 350 о формировании XXXII-го армейского корпуса в составе 2-х ополченческих дивизий и 7-го Донского казачьего полка. Согласно приказу Верховного Главнокомандующего дивизии должны были именоваться 1-й и 2-й дивизией Государственного ополчения. 34-я бригада включалась в состав 2-й дивизии Государственного ополчения. Ее командиром назначался герой Порт-Артура генерал-майор И. К. Гандурин [13: 6 об. – 8].

17 марта формировавшиеся в Одессе 11-я и 72-я ополченческие скорострельные батареи вошли в состав XXXII-го армейского корпуса с последующим их включением в состав 34-й бригады [13: 8–8 об.].

13 апреля 1915 г. части 34-й бригады Государственного ополчения были погружены в эшелоны и отправлены в действующую армию, где вошли в состав 9-й армии (командующий генерал от инфантерии П. А. Лечицкий) Юго-Западного фронта (командующий генерал от артиллерии Н. И. Иванов), и в дальнейшем приняли участие в наступлении вдоль р. Днестр в пределах австро-венгерской Буковины.

Библиографический список

1. Авилов, Р. С. Приамурский военный округ в годы Первой мировой войны: войска и оборонительные задачи / Р. С. Авилов // Вглядываясь в прошлое: Мировые войны XX века в истории Дальнего Востока России. – Владивосток, 2015. – С. 5–41.

2. Белоусов, С. В. Воинские формирования на территории Пензенской губернии в годы Первой мировой войны / С. В. Белоусов // Первая мировая война в истории российской нации : сб. науч. ст. Междунар. науч.-практ. конф., посвящ. 100-летию начала Первой мировой войны (Пенза, 10–11 июня 2014 г.). – Пенза : Изд-во ПГУ, 2014. – С. 7–11.

3. Государственный архив Пензенской области (далее ГАПО). Ф. 63. Оп. 1. Д. 405.

4. ГАПО. Ф. 103. Оп. 1. Д. 1848.

5. ГАПО. Ф. 11. Оп. 1. Д. 1795.

6. Григоров, А. И. Костромское ополчение в Великой войне 1914–1918 гг. / А. И. Григоров // Романовские чтения. История Российской государственности и династия Романовых: актуальные проблемы изучения. – Кострома, 2008. – С. 64–72.

7. Злобин, Д. С. Государственное ополчение на Урале в годы Первой мировой войны / Д. С. Злобин // Известия Уральского государственного университета. – 2007. – № 50. – С. 166–173.

8. Ливчак, Б. Ф. Государственное ополчение в системе Вооруженных сил России в период мировой войны / Б. Ф. Ливчак // Государственный аппарат (Историко-правовые исследования) : науч. тр. – Свердловск, 1975. – Вып. 44.

9. Оськин, М. В. Государственное ополчение в период Первой мировой войны / М. В. Оськин // Вопросы истории. – 2013. – № 6. – С. 142–152.

10. Пензенская губерния в годы Первой мировой войны. 1914 – март 1918 : в 2 кн. / отв. сост. В. В. Кондрашин. – Прага : Vědecko vydavatelské centrum “Sociosfera-CZ”, 2014. – Кн. 1. 1914–1916. – 544 с.

11. Рахимов, Р. Н. Народ на войне: Уфимские дружины государственного ополчения в 1914–1917 гг. / Р. Н. Рахимов // Вестник военно-исторических исследований. – 2015. – Вып. 6. – С. 122–130.

12. Российский государственный военно-исторический архив (далее РГВИА). Ф. 8219. Оп. 1. Д. 4.

13. РГВИА. Ф. 8219. Оп. 1. Д. 23.

РЕВОЛЮЦИЯ И САМОСОЗНАНИЕ РУССКОЙ КУЛЬТУРЫ: УРОКИ ДЛЯ БУДУЩЕГО РОССИИ

Н. П. Берлякова

г. Пенза, Россия

Аннотация. В статье рассматриваются события революции 1917 г. через призму самосознания русской культуры, представлен анализ восприятия событий от февраля к октябрю разными слоями российского общества. Автор рассматривает ведущие процессы в культуре, обращаясь к ведущим тенденциям, углубившим социокультурный раскол, повлиявшим на судьбу России. В статье обосновывается вывод о необходимости глубокого осмысления уроков истории, прибегая к анализу самосознания русской культуры.

Ключевые слова: самосознание культуры, социокультурный раскол, варваризация культуры, стихия революции, культурный эксперимент.

Summary. The article examines the events of the 1917 revolution through the prism of self-awareness of Russian culture, presents an analysis of the perception of events from February to October by different layers of Russian society. The author considers the leading processes in culture, referring to the leading trends that deepened the socio-cultural split that affected the fate of Russia. The article substantiates the conclusion about the need for a deep comprehension of the lessons of history, resorting to an analysis of the self-consciousness of Russian culture.

Key words: self-awareness of culture, socio-cultural schism, the barbarization of culture, the elements of the revolution, cultural experiment.

1917 г. проходил в России под знаком выбора вектора исторического развития. Революция резко изменила ход русской истории.

Большинство исследователей, разбираясь в причинах общественных потрясений 1917 г., предпочитают обращаться к политическим событиям: состоянию государства и власти, политических партий и сил. Безусловно, эти вопросы занимали центральное место. Однако они не создают возможностей для полноты осмысления трагического опыта Революции 1917 г.

На рубеже XX–XXI вв. в российской исторической науке началось активное движение к социокультурной истории. Давнее и недавнее историческое прошлое стало чаще измеряться через призму культуры, которая определяется современной исторической наукой как важнейший источник развития самосознания и самопознания общества.

«В результате прививки «культурной истории» к дереву истории социальной возникли новые формы изучения социального» [1: 550].

Обращаясь к проблеме самосознания русской культуры 1917 г., мы получаем не только возможность глубокого осмысления уроков происшедшего сто лет назад, но и значения этих уроков для настоящего времени, когда вновь определяется вектор исторического развития.

Февраль 1917 г. встречали радостно. А. М. Горький писал: «Русский народ обвенчался со Свободой. Будем верить, что от этого союза в нашей стране, измененной и физически, и духовно, родятся новые сильные люди» [2: 77].

Облик России решительно менялся, но при этом в самосознании общества углублялось состояниеразобщенности. Это демонстрировал и культурный лексикон того времени, языком культуры фиксируя противоречивость восприятия происшедшего разными слоями общества в столицах и провинции.

Одни, как А. М. Горький, рассуждали о перспективах «свободы», «демократии», «просвещения масс» и всей душой желали народу мощно идти дальше до великого праздника всемирной свободы», «всечеловеческого равенства и братства».

В дневнике писателя Д. В. Фибиха, жившего до 1921 г. в Пензе, есть запись 13 марта 1917 г.: «Каждый день, переживаемый нами, равняется нескольким годам, каждый день, приносит новые и новые известия, показывающие, что в государстве идет коренная ломка всего старого. Объявлены свободы, долгожданные свободы слова, совести, действий, собраний, объявлено всеобщее равенство, нет ни дворян, ни крестьян, нет «благородий» и «превосходительств», есть только граждане» [3: 149–150].

Однако многие представители политической и культурной элиты почувствовали себя чужими на празднике Свободы и оперировали понятиями «стихия», «катастрофа», «взрыв», «толпа».

«Когда разразилась революция, я чувствовал себя чужим и ненужным. Я испытал большое одиночество в февральской революции», – вспоминал Н. И. Бердяев [4: 227].

Революционный взрыв пугал состоянием хаоса и анархии в стране. Это настроение было характерно для многих слоев населения. В. В. Шульгин, политический деятель, член Временного комитета Государственной думы, принимавший отречение от престола Николая II, вспоминал: «В этой толпе, незнакомой и совершенно чужой, мы себя чувствовали, как будто нас перенесли вдруг совсем в какое-то новое государство и иную страну» [5: 191].

Дневниковые записи солдата действующей армии, выходца из крестьянской среды Пензенской губернии В. А. Мишина, человека образованного, служившего до войны приказчиком у купца Н. П. Карпова, а в армии – писарем, сохранили свидетельства о противоречивости восприятия происходившего в армейской среде.

4 марта 1917 г. Суббота.

«Да, приходится переживать самое тревожное и жуткое время. Что-то творится сверхособенное... Все министерство сменено левым и посажено в Петропавловскую крепость.

8/9 марта 1917 г. Среда.

Да, свершилось то, что так долго и много завоевывали пролетарии, все это основательно, и главное, бесповоротно. Полицию арестовывают и разоружают. А сколько еще темных людей, которые не понимают ровно ничего. Приходится много уговаривать их» [6: 146, 147].

В сознании обычных людей городского и крестьянского мира революция ассоциировалась с обретением полной свободы на любое свое волеизъявление. Массовое сознание скорее было настроено на агрессивную лексику, демонстрацию своей воли и силы.

Разные силы общества объединяло то, что они воспринимали революцию как момент собственной судьбы, но в то же время «чувствовали себя во власти стихийных, фатальных сил, которыми они не могут управлять и направлять согласно своему сознанию» [4: 227].

Состояние самосознания наиболее здравомыслящей части российской культурной элиты в П. Б. Струве объяснял «предчувствием той моральной и политической катастрофы, которая грозно обозначилась еще в 1905–1907 гг. и разразилась в 1917 г.» [7: 19].

Революция и «варваризация» культуры. Стихия революции разрушала культурные границы. Крушение прежней власти воспринималось массами людей не только как отмена порядков, но и как крушение всех традиционных норм поведения и вообще всяких норм. Русский человек был силен своей традицией. Произошел «срыв народной души». Главным героем всех событий становилась толпа.

Духовный подъем, от радостных событий февраля быстро прошел, и здравомыслящие слои общества со страхом и опасением стали воспринимать новую

ситуацию в стране. Тем более что в столицах, провинциальных городах, селах распространялась эпидемия ненависти к «буржуям». Как и во всякой революции, толпу прельщала дух разрушения, анархии. Страна погружалась в атмосферу страха и неизвестности перед будущим.

«В стране, щедро одаренной естественными богатствами и дарованиями, обнаружилось как следствие ее духовной нищеты, полная анархия во всех областях культуры», – тревожно констатировал А. М. Горький в апреле 1917 г. [2: 81].

У части культурной элиты тревога за Россию возникла практически сразу после февральских событий, тревога не за политическое будущее, а за будущее русской культуры. «Будущий историк совершившегося переворота, – писал В. В. Розанов, – должен с чрезвычайным вниманием отметить этот мартовский испуг за культурные сокровища, за церковь, за религию вообще, за христианство вообще, за литературу вообще, за поэзию, науку, академию, университет». Философ (и не он один) сравнивал Россию этого времени с кораблем без руля и машин» и в этом видел угрозу, которую определял только одним словом: «Гибель!» [8: 348–349].

Революция сопровождалась процессом культурногораспада. Это нашло свое выражение не только в огрубении языка. Изменилось само отношение людей к окружающей их жизни. Генерал артиллерии Ф. А. Григорьев записал в своем дневнике: «Да, культура и прежде у нас в России была в зачаточном состоянии, а теперь ее совсем нет, пропала. Повернули вспять и приближаемся к первобытному состоянию» [9: 35].

Позже, размышляя о революции в судьбе России, высланный за границу Н. А. Бердяев писал: «С падением царской властвив Россиинаступило «упростительное смешение», низвержены были все качественные различия, разбита вся социальная структура русского общества, темная солдатско-мужицкая сила ее затопила» [10: 43].

Пределов насилию не было. Характерным явлением стали «самосуды». Жизнь человеческая практически ничего не стоила. Жить или умереть человеку решалось простым решением толпы, что А. М. Горький назвал «взрывом зоологических инстинктов» [2: 94, 99].

«Историческая болезнь» России – социокультурный раскол. Ощущение смутного времени, «неуправляемых стихий», гибели старого и рождения нового, неведомого мира владело всеми. В России начиналось время, которое И. А. Бунин назвал «окаянными днями». Развитие событий 1917 г. практически все современники независимо от убеждений переживали как катастрофу. Ощущение катастрофичности чувствуется в названиях многих произведений, написанных об этом времени: «Царство Антихриста» Д. С. Мережковского, «Хождение по мукам» А. Н. Толстого, «Рожденные бурей» Н. А. Островского. Эти и другие писатели именовали в своих произведениях это время как разгул стихий, губительных для человека.

В стихии революции происходил процесс углубления культурного раскола. Процессы либерализации, которые начались с февраля 1917 г., успехом не завершились. Российское общество оказалось не готово ответить на вызов истории. «Самый большой парадокс в судьбе России и русской революции в том, что либеральные идеи, как и идеи социального реформизма, оказались в России утопическими. Большевизм же оказался наименее утопическим и наиболее реалистичским, наиболее соответствующим всей ситуации, как она сложилась в России в 1917 году» [11: 93].

Вывод Н. А. Бердяева, к которому философ пришел в ходе осмысления происходившего с Россией в 1917 г., имеет под собой реальные основания. Процессы,

происходившие в самосознании культуры, свидетельствовали о том, что либеральные идеи о путях преобразования России русской культурной элиты по-прежнему оставались лишь ее достоянием. Подавляющей части российского общества они были чужды, впрочем, как и сама культурная элита. Развитие революционных событий сопровождалось архаизацией народного сознания. Большинству российских граждан городской и сельской среды ближе и понятнее оказались исконные русские традиции, о которых они помнили в условиях революционной стихии и видели в них способ ее преодоления. Универсальными оставались идеи социальной правды, народной воли и справедливости, сильной власти, коллективизма. Кстати, со словом «большевизм», в конце 1917 г. ассоциировалось понятие силы. В стихии революции «скромное и малозначащее слово «большевизм» приобрело значение знамени, «лозунга» [11: 92]. А признанного лидера большевизма В. И. Ленина впоследствии стали называть вождем революции, а потом и мирового пролетариата. Программные лозунги большевиков оказались созвучными и понятными традиционному общинному самосознанию, которым по-прежнему оперировало большинство народа. Культура стала оцениваться исключительно с классовых позиций. Социокультурный раскол стал ведущим фактором, повлиявшим на судьбу России в XX в.

Революция как феномен культуры. Однако часть культурной элиты Серебряного века восприняла революцию не только как судьбу и злой рок России. Они увидели в ней черты великого культурного эксперимента, которого прежде не бывало в человеческой истории, уникальную возможность для духовного преобразования и обретения нового целостного образа культуры и рассматривали революцию как акт культурного творчества. Первыми выразили такое отношение к революции, ставшей фактом российской действительности, творческие силы художественной интеллигенции. Известные и неизвестные творцы культуры Серебряного века своим деятельным участием словно оправдывались за то, что так долго находилась «на необитаемом острове». Они мечтали о преодолении раскола между культурным слоем творцов и народом.

Безусловными лидерами в попытке осмысления революции как российской судьбы были поэты Александр Блок и Андрей Белый. Стихию революции А. А. Блок принимал как акт творческого преобразования действительности. Он был уверен, что, пережив катастрофу, «человекоподобные» станут людьми. В огне революции чернь преобразится в народ, уродство – в красоту. В статье «Интеллигенция и революция» (1918) он писал: «Что же задумано? Переделать все. Устроить так, чтобы все стало новым; чтобы лживая, грязная, скучная, безобразная наша жизнь стала справедливой, чистой, веселой и прекрасной жизнью» [12: 12].

Александр Блок не идеализировал революцию, но полагал, что похожая на природную стихию, она, как буря, разрушит безобразный образ старого мира, а вместе с ним уйдет в прошлое вековое непонимание интеллигенции и народа. Может быть, поэтому его поэма «Двенадцать» полна символов и загадок. Главная состояла в том, есть ли в разрушающем вихре революции будущее, ведь двенадцать красноармейцев «идут без имени святого»:

*Ко всему готовы,
Ничего не жаль...*

Какой же выбор сделала Россия? Сумела ли избежать дьявольских соблазнов «свободы без креста», не разрушить себя с разрушением старого мира? Смутные очертания сомнений поэта оказались не напрасными. Развитие событий с приходом к власти большевиков высветило уязвимость позиции понимания революции как культурного феномена. В 1919 г. А. Блок написал статью «Крушение гуманизма», в которой уже вполне определенно именовал Россию как тоталитарное

государство, главными чертами большевистской диктатуры он называл «подчинение» и «властвование».

Трагический оптимизм Александра Блока был созвучен тому, что писал о революции Андрей Белый. Как и Блок, он предсказывал катастрофический характер революционной стихии. Революция представлялась ему как искусство особого рода. Он видел в ней культурный феномен, который дает толчок для свободного рождения «грядущих форм жизни»: «Акт революции двойственен; он насильственен; он – свободен; он есть смерть старых форм; он – рождение новых» [13: 301].

Революционная практика подтвердила самые мрачные прогнозы. Но творческая интеллигенция Серебряного века полагала, что революция может стать творчеством (А. Белый), что для этого потребуются жертвы, которые станут актом своеобразного очищения (катарсиса) русской культуры (А. Блок).

Идею «живого творчества масс» как разрыв со старым и свободное творчество нового поддержали поэты-футуристы и художники-авангардисты.

Авангард воспринял революцию как великую социальную мечту о новом будущем России, как акт коллективного творчества. Творцы авангарда рассматривали старое как преступление перед человечеством – как контрреволюцию. Едва ли не на следующий день после прихода к власти большевиков на улицах Петрограда и Москвы появились транспаранты, выполненные профессиональными художниками, приветствовавшие Революцию.

Однако позицию русского авангарда, Андрея Белого и Александра Блока, разделяли не все деятели Серебряного века. Русские философы – авторы сборника «Вехи» – уже после первой русской революции 1905–1907 гг. предупреждали об опасности революционного романтизма и утопизма.

С. Л. Франк в статье «Этика нигилизма» писал о том, что в ситуации, когда преобладают силы разрушения, «нравственность гибнет» и это опасно для народа и его культуры [см.: 14: 170–171].

Суждения авторов сборника о нетворческом характере российской революции оправдывались слишком быстро, чтобы интеллигенция успела их осознать. «С Россией произошла страшная катастрофа. Она ниспала в темную бездну», – такими словами начиналась статья Н. А. Бердяева в сборнике «Из глубины» (1918) [15: 55], который был немедленно конфискован новой властью.

Октябрь 1917 г. предложил культуре свои условия для культурного творчества. В то время большевики еще не имели программы «культурной революции». И нет ничего удивительного в том, что именно представители авангарда были приглашены в Смольный для того, чтобы обсудить вопросы сотрудничества деятелей культуры с новым правительством. «Мы уже 25 октября стали на работу», – с гордостью объявил Маяковский в первом номере своего журнала «Левый фронт» (ЛЕФ), вышедшем в 1923 г.

Источником для радикализации всех направлений деятельности новой власти нередко становился радикализм творческой интеллигенции. В необходимости государственной организации всех форм культурного творчества в равной степени были убеждены все участники процесса революционного преобразования жизни, создания идеального нового. Такого рода творчество могло быть направлено только в одну сторону, а именно: «распространять культуру в массах», формировать ценности и понятия «культурного просветительства», работающие на идею «общественной пользы».

А. М. Горький после прихода к власти большевиков заговорил о трагедии русского народа. Сущность этой трагедии он увидел в подмене культурного творчества политикой. Но, к сожалению, иначе быть не могло.

Молодая революционная культура слишком хорошо усвоила позиции радикальной интеллигенции XIX в.: непримиримость в борьбе с классовыми врагами, с господствующей культурой. Революция не желала спорить с оппонентами, она могла лишь устранять их со своего пути. Новая Россия отвечала на вызов времени, разрушая культурные и исторические скрепы созданием новых приоритетов и ценностей культуры. Современная Россия может ответить на вызов времени, осмыслив важность сохранения культурных и исторических скреп для самосознания общества как целостного самодостаточного организма.

Библиографический список

1. Репина, Л. П. Историческая наука на рубеже XX–XXI вв. / Л. П. Репина. – М. : Кругъ, 2011.
2. Горький, А. М. Несвоевременные мысли: Заметки о революции и культуре / А. М. Горький. – М. : Советский писатель, 1990.
3. «Революция не была для меня неожиданностью». Из дневника Д. В. Фибиха 1914–1917 // Земство. Архив провинциальной истории России. – 1994. – № 1.
4. Бердяев, Н. А. Самопознание (Опыт философской автобиографии) / Н. А. Бердяев. – М. : Книга, 1991.
5. Шульгин, В. В. Дни. 1920: Записки / В. В. Шульгин. – М. : Современник, 1989.
6. Мишин, В. А. «Такое счастье остаться в этой гигантской войне живым». Дневник солдата. 1 октября 1915 г. – 29 января 1918 г. / В. А. Мишин // Земство. Архив провинциальной истории России. – 1995. – № 2.
7. Струве, П. Б. Предисловие издателя / П. Б. Струве // Из глубины : сб. ст. о русской революции. – М. : Изд-во Моск. ун-та, 1990.
8. Розанов, В. В. Черный огонь. 1917 год. В совете рабочих и солдатских депутатов / В. В. Розанов // Розанов В. В. Собрание сочинений. Мимолетное. – М. : Республика, 1994.
9. Григорьев, Ф. А. Завидую сверстникам, скончавшимся до революции / Ф. А. Григорьев // Родина. – 1995. – № 8.
10. Бердяев, Н. А. Новое средневековье. Размышление о судьбе России и Европы / Н. А. Бердяев. – М. : Феникс – ХДС-пресс, 1991.
11. Бердяев, Н. А. Истоки и смысл русского коммунизма / Н. А. Бердяев. – М. : Наука, 1990.
12. Блок, А. А. Собрание сочинений : в 8 т. / А. А. Блок. – М. ; Л. : Государственное издательство художественной литературы, 1962. – Т. 6.
13. Белый, А. Революция и культура / А. Белый // Белый А. Символизм как миропонимание. – М. : Республика, 1994.
14. Франк, С. Л. Этика нигилизма (К характеристике нравственного мировоззрения русской интеллигенции) / С. Л. Франк // Вехи. Интеллигенция в России : сб. ст. 1909–1910. – М. : Молодая гвардия, 1991.
15. Бердяев, Н. А. Духи русской революции / Н. А. Бердяев // Из глубины : сб. ст. о русской революции. – М. : Изд-во Моск. ун-та, 1990.

**КРЕСТЬЯНСТВО И АРМИЯ:
ИСТОЧНИКОВЕДЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ИЗУЧЕНИЯ
(на примере сборника документов «Российское крестьянство
в эпоху революций и Гражданской войны:
регионально-национальный аспект». Саранск, 2016)¹**

Е. Н. Бикейкин, Т. Ю. Задкова

г. Саранск, Россия

Аннотация. В статье рассматриваются источниковедческие аспекты изучения проблемы «крестьянства и армии» в годы революций и Гражданской войны, анализируются представленные в сборнике документы. Значительное место уделяется отчету мобилизационного отдела 1-й армии Восточного фронта. Также исследуются такие вопросы, как проведение мобилизаций, дезертирство крестьян из армии, сопротивление мобилизациям.

Ключевые слова: крестьянство, армия, революция, Гражданская война, Поволжье, сборник документов.

Summary. The source study aspects of researching the problem of “the peasantry and the army” during the years of revolutions and the civil war are considered in the article, as well as documents presented in the collection are analyzed. Considerable attention is paid to the report of the mobilization department of the First Army of the Eastern Front. Such issues as mobilization, peasants desertion from the army, resistance to mobilization are explored also.

Key words: peasantry, army, revolution, the Civil war, the Volga region, collection of documents.

Сборник документов «Российское крестьянство в эпоху революций и гражданской войны: регионально-национальный аспект» [10] отражает события одного из главнейших регионов гражданской войны, отличающегося к тому же сложным этническим и социально-культурным составом населения, особенно в деревне. Выделение в сборнике документов раздела «Крестьянство и армия» не случайно по ряду причин.

Во-первых, симпатии и антипатии крестьянства, составлявшего три четверти населения страны, по отношению к армии, без сомнения, решали исход как революции, так и Гражданской войны. Это понимали не только историки, изучавшие данную проблему, но и военные и политические деятели того времени. Л. Д. Троцкий в докладе на Всероссийской конференции фабрично-заводских комитетов прямо заявил: «...куда крестьяне присоединятся, там и будет победа» [11]. В те годы крестьянство заявило о себе в качестве субъекта исторического процесса, не пожелавшего быть объектом борьбы политических партий, а взаимоотношения крестьянства и армии во многом определили векторы исторического развития.

Во-вторых, в научной литературе слабо отражено отношение крестьян к армии и Гражданской войне в целом. В связи с этим разработка данной проблематики важна как с фактологической, так и с методологической точки зрения. Известный исследователь Т. В. Осипова, характеризуя особенности складывания крестьянского фронта в стране, заметила, что «...мы не имеем пока разработки таких проблем истории гражданской войны, как отношение крестьянства к гражданской войне, крестьянство и армии воюющих сторон, дезертирство из Красной Армии как проявление крестьянской оппозиции советской власти...» [7:90]. Более того, все чаще звучит мнение историков о том, что именно отношение крестьянства к массовой мобилизации в Красную армию стало основной причиной восстаний в Поволжье

¹ Статья подготовлена в рамках поддержанного РГНФ научного проекта № 15-31-12034.

и на Урале. Первым на это обратил внимание еще А. И. Анишев [2:133, 138], наметивший проблему «крестьянство и Красная армия». Тем не менее, в советской историографии 1930–1980-х гг. доминирующим становится мнение, связывающее крестьянское сопротивление 1918 г. исключительно с деятельностью комбедов и продотрядов, а в работах историков превалировали вопросы военно-политического и военно-организационного строительства, стратегии и тактики военных действий и т.п. Лишь в работах Л. М. Спирина и О. А. Васьковского прослеживается связь настроений крестьян Пермской и Вятской губерний с ненадежностью воинских формирований и неустойчивостью Восточного фронта. Только О. А. Васьковский успех Колчака на Урале прямо связывал с антисоветскими настроениями крестьян [3:54–55, 75, 97].

В постсоветской историографии Гражданской войны разработка проблемы «крестьянство и армия» получает новый импульс. Вышли в свет работы, в которых тезисы А. И. Анишева получили новую жизнь и конкретное фактологическое содержание [8, 1]. В частности, Т. В. Осипова позиционировала отношение к мобилизации в Красную армию, объявленной для крестьян 51 уезда Сибири, Урала и Поволжья, находившихся в зоне военного конфликта с корпусом чехословацких военнопленных, как проверку «их отношения к власти Советов, их первым политическим референдумом» [7:97]. П. Ф. Алешкин и Ю. А. Васильев, не отрицая тезис о том, что позиция крестьянства в отношении советской власти во второй половине 1918 г. определялась нежеланием взваливать на свои плечи тяготы Гражданской войны и продовольственной диктатуры большевистского государства, обосновывают придание нового импульса протестным выступлениям начавшейся осенью 1918 г. всеобщей принудительной мобилизацией в Красную армию. По их мнению, именно первый массовый призыв крестьян в армию в губерниях Центральной России послужил поводом для крестьянского недовольства [1:148].

Среди представленных в разделе документов в наибольшем количестве представлены материалы делопроизводства и статистика: выписки из протоколов заседаний президиумов, постановления и объявления губернских, уездных и волостных исполкомов, продовольственных комитетов, оперативные сводки и приказы губернских комитетов по дезертирству, выписки из постановлений волостных, сельских крестьянских собраний, доклады и отчеты ответственных должностных лиц (например, военных комиссаров, учетных отделов военных комиссариатов и др.), выписки из приказов уездных военных комиссариатов, переписка органов государственной власти и управления с военными комиссариатами (телеграммы, циркуляры) и т.д. Небольшую группу документов представляют заметки, опубликованные в периодической печати.

Центральной темой в характеристике взаимоотношений крестьянства и армии является всеобщая принудительная мобилизация в армию. Именно вопросы, связанные с массовым призывом крестьян в армию, и, прежде всего, их реакция на этот властный импульс, проходят красной нитью сквозь все представленные в разделе документы.

Самым большим по объему, емким и интересным по содержанию документом является отчет мобилизационного отдела 1-й армии Восточного фронта (док. № 107), опубликованный Саранской типографией Совета в 1919 г. Это весьма специфический и уникальный документ, поэтому на его характеристике следует остановиться несколько подробнее.

Уникальность отчета моботдела заключается в отсутствии аналогов. Дело в том, что первые военно-мобилизационные мероприятия, проведенные советским правительством (до августа 1918 г.) в некоторых уездах Приволжского, Уральского и Западно-Сибирского военных округов, закончилась неудачей. Они протекали

вяло и неравномерно по разным уездам и волостям. Например, некоторые волости Темниковского уезда Тамбовской губернии мобилизовали по 1–5 человек или вообще не мобилизовали людей. Многие волости отказались от мобилизаций (док. № 71). Возникали трудности с обмундированием, снаряжением, продовольствием и вооружением явившихся на мобилизационные пункты. В конечном итоге результатом первых мобилизаций стало укомплектование, например, 1-й армии Восточного фронта к середине августа 1918 г. лишь на 13,6 % штатного состава [12:173]. Провалена была не только мобилизация людей, но и попытки создать продовольственную базу для воинских частей (док. № 65–68, 107) и мобилизация лошадей (док. № 73, 107).

В историографии сложилась оценка мобилизационных мероприятий как успешных в силу агитационно-пропагандистской работы большевиков, перелома в сознании крестьянства, эффективности созданного военного аппарата и т.п. Подобные суждения носили достаточно идеологизированный характер. Материалы же отчета моботдела говорят о том, что стойких политических убеждений у значительной части мобилизованных не было. Более того, в армии образца августа-сентября 1918 г. были низкая дисциплина и воинский дух.

Военные комиссариаты, особенно в самом начале своей деятельности (весна-лето 1918 г.) не могли справиться со всем объемом работы, связанной как с мобилизацией населения, так и с формированием вооруженных сил. Служащие военкоматов столкнулись с нежеланием крестьян участвовать в очередной бессмысленной, с их точки зрения, войне, проблемами обустройства явившихся призывников из-за недостатка финансовых, транспортных средств, отсутствия необходимых помещений и т.д. Более того в отдельных волостях на крестьянских собраниях принимались решения об отказе создания венных комиссариатов, что объяснялось началом весенних и летних полевых работ, а также недостатком хлеба и других продуктов сельского хозяйства в связи с неурожаем (док. № 70). В сложившихся условиях командованием Восточного фронта было принято решение произвести мобилизацию собственными силами, создав для этого мобилизационный отдел 1-й армии. Вначале, в июне 1918 г., он был организован как подотдел при политическом отделе, а затем приказом от 15 августа 1918 г. подотдел во главе с Ш. Н. Ибрагимовым был реорганизован в отдел и разместился в Саранске. Такой отдел в действующих армиях был образован впервые и более не создавался, соответственно и не было отчетов подобного рода [13, 14, 6].

Отчет моботдела интересен также и тем, что содержащиеся в нем сведения и материалы охватывают широкие хронологические и территориальные рамки. Мобилизационный отдел официально завершил свою работу в мае 1919 г., а фактически просуществовал до конца лета 1919 г. и составил серьезную конкуренцию местным военным комиссариатам, поскольку большая доля мобилизованных того времени в Поволжье проходила через него. Первоначально мобилизация проводилась в Симбирской и Пензенской губерниях. За короткое время были сформированы и отправлены на фронт 1-й и 2-й Восточные кавалерийские полки, 3-й и 4-й Пензенские, 3-й Симбирский пехотные полки, Ардатовская тяжелая батарея, 2-я легкая, 48-линейная гаубичная батарея, пополнения для коммунистического кавалерийского дивизиона «Победа» и др. В дальнейшем военно-мобилизационные мероприятия проводились на протяжении всего боевого пути 1-й армии Восточного фронта. Боевые действия армия начала в 1918 г. против белочехов и Комуча в Саратовской, Самарской, Пензенской, Симбирской, Уфимской и Казанской губерниях. Она участвовала в освобождении городов Симбирска, Сызрани, Самары, Sterлитамака (1918 г.) и Оренбурга (1919 г.). Весной 1919 г. вела успешные бои против колчаковских войск, обеспечивая наступление Южной группы в Бугурусланской, Белебейской и Уфимской операциях, в составе Туркестанского фронта была главной

ударной силой при разгроме Южной колчаковской армии. Затем участвовала в боях в Туркестане и была расформирована в январе 1921 г. [4: 443]. Столь широкая география боевых действий 1-й армии и деятельности мобилизационного отдела соответственно привели к тому, что мобилизационными мероприятиями было охвачено как многонациональное крестьянство практически всего Поволжья, так и казачество, в первую очередь оренбургское, что нашло отражение в документе.

В отчете моботдела представлены аналитические доклады следующих подразделов: политического (содержатся сведения о специфике агитационной работы среди населения, об отрицательном отношении крестьянства к ряду мероприятий советской власти, о причинах неявки крестьян на призывные пункты и предпринятых мерах к их устранению, о характере политической работы среди сотрудников мобилизационного отдела); секретарского (помимо информации о канцелярской деятельности отдела здесь подробно описываются причины возникновения и ход подавления контрреволюционных выступлений на ст. Сасово Шацкого уезда Тамбовской губернии и волнений красноармейцев в г. Алатыре в ноябре 1918 г., восстания в с. Лада Саранского уезда Пензенской губернии в декабре 1918 г., восстаний в Карсунском, Сызранском и Сингелеевском уездах Симбирской губернии в марте 1919 г., анализируются причины дезертирства из армии и методы борьбы с ним и др.); формирования и обучения (содержится описание условий работы и быта сотрудников мобилизационного отдела, состояния казарм и призывных пунктов, приведены факты «недоброжелательного отношения к мобилизации» населения Курмышского, Алатырского и Ардатовского уездов и информация о жестком подавлении бунтов принудительно мобилизованных в сентябре 1918 г., кроме этого приводятся различные статистические сведения о численности сформированных и отправленных на фронт мобилизационным отделом воинских частей); снабжения (представлена статистическая информация о мобилизационно-хозяйственной деятельности отдела, а также приказы, выписки из приказов, распоряжения по 1-й армии Восточного фронта и мобилизационному отделу о финансово-хозяйственной деятельности); санитарного (говорится о ходе мобилизации медицинских работников, санитарном состоянии казарм и условиях содержания и медицинского обслуживания, о борьбе с заболеваниями, инфекциями и эпидемиями в формировавшихся воинских частях) и конского (описывается ход процесса укомплектования лошадьми войсковых частей, приводится статистика результатов мобилизации).

Несмотря на сопротивление губвоенкоматов и фронтового командования, мобилизационный отдел 1-й армии, подчинив себе военные органы Симбирской и Пензенской губерний, также перенял некоторые функции военных комиссариатов, а именно: мобилизацию людей и лошадей, обучение солдат, формирование частей и подразделений. За время своей работы с 15 августа 1918 г. по апрель 1919 г. работниками отдела было организовано пехотных, кавалерийских и артиллерийских частей и подразделений численностью более 22 тыс. чел. Были существенно форсированы мобилизация продовольствия и лошадей (док. № 70–74). Тем не менее, данная работа не могла быть успешной без содействия территориальных органов военного управления, подавляющее большинство которых согласилось подчиняться штабу 1-й армии, вследствие чего можно говорить о союзе мобилизационного отдела армии, военных комиссариатов и комитетов РКП (б).

Однако проводимая моботделом жесткая мобилизационная политика не изменила в лучшую сторону отношение крестьянства к мобилизации людских и материальных ресурсов на нужды Красной армии. Более того, публикуемые документы свидетельствуют об изменении реакции крестьянства в сторону активного сопротивления военно-мобилизационным мероприятиям (док. № 76, 107). В них

представлена информация об участвовавших случаях различного рода возмущений и недовольств как призванных на фронт, так и крестьян, воспринявших мобилизации «в штыхы», описывается серия восстаний и бунтов, произошедших за короткий период с ноября 1918 г. по март 1919 г. Уже с августа 1918 г. в составе моботдела были организованы сначала одна строевая рота особого назначения, а в марте 1919 г. – вторая. Это были своеобразные карательные отряды, основной задачей которых было подавление антимобилизационного сопротивления и борьба с дезертирством. Они очень жестко подавляли любое недовольство военно-мобилизационными мероприятиями. Обычной практикой стали расстрелы наиболее активных участников. В частности, в докладе секретарского подотдела мобилизационного отдела приводятся конкретные цифры, например, при подавлении бунтов в Шацком уезде Тамбовской губернии было расстреляно 20 чел., во время подавления восстаний в Курмыше и его уезде – до 1000 контрреволюционеров.

Весной 1919 г. в связи с успехами Колчака на Восточном фронте на заседании Совета обороны, затем ВЦИК был принят декрет о призыве среднего и беднейшего крестьянства, возлагавший на волисполкомы проведение немедленной мобилизации по 10–20 чел. «стойких и надежных защитников рабоче-крестьянской Советской республики» [5: 107]. Началась так называемая волостная мобилизация, которая также не принесла ожидаемых результатов, и это несмотря на попытки военных комиссариатов форсировать ее и увеличить количество призываемых от волости от 30 до 60 чел. (док. № 81). В сборнике приводятся многочисленные документы, говорящие о том, что среднее и беднейшее крестьянство, считавшееся наиболее благонадежными, отказалось от очередной мобилизации. Даже явившихся на призывные пункты и находившихся в крайне недовольном и возбужденном состоянии, уездные исполкомы вынуждены были неоднократно распускать по домам во избежание эксцессов (док. № 76–78, 80–81, 83 и др.). В конце мая 1919 г. для выполнения требований немедленного проведения в жизнь всех декретов и распоряжений о мобилизации, уездные исполнительные комитеты готовы были призывать в армию даже «неблагонадежных крестьян» (док. № 82–83). Создавшаяся непростая обстановка уже традиционно усугублялась началом весенних полевых работ. Особенно это коснулось реквизиций лошадей. В губернские исполкомы участились жалобы на случаи, когда отбирали единственную лошадь, поэтому во избежание срыва сева губисполкомы требовали от уездных органов милиции пресекать незаконные реквизиции (док. № 80). Таким образом, явственно проявилась ситуация, когда, с одной стороны, военные комиссариаты шли на нарушения законов и декретов с целью любой ценой обеспечить мобилизацию людских и материальных ресурсов, с другой – советские органы власти на местах пытались смягчить последствия мобилизации. Судя по документам, именно благодаря подобной позиции новой власти, с конца весны – начала лета 1919 г. реакция населения на мобилизации стала трансформироваться от открытого, силового (вооруженного) противостояния к отказам от мобилизаций без серьезных восстаний и бунтов.

Весьма показательным в этом отношении было резкое форсирование продовольственной мобилизации с середины июня 1919 г. Публикуемые документы свидетельствуют о сложности ситуации с обеспечением армии продовольствием (док. № 84–85 и др.). Как следует из их содержания, в отличие от предыдущей мобилизационной кампании ставка была сделана не столько на силовые, сколько на агитационно-пропагандистские методы изъятия. Для этого в села направлялись не карательные отряды, как это было ранее, а члены коллегий уездных упродкомов практически в полном составе. Примечательным является и то, что в публикуемых документах отсутствуют упоминания о волнениях в воинских частях, поскольку дисциплина в армии к 1919 г. была существенно укреплена.

С лета 1919 г. принимает значительный размах дезертирство, а основная работа военкоматов сводилась к организации активной борьбы с ним с использованием разнообразных методов и созданием специальных органов. Этому вопросу уделено значительное место среди документов раздела (док. № 87–91, 93, 95, 99, 101–104, 106–107). Во второй половине 1919 г. мобилизационные мероприятия постепенно стали отходить на второй план, а мобилизации 1920 г., в ходе которых призывались военнообязанные 1901 г.р., вообще не отличались большим успехом (док. № 95). Дезертирство становится основной формой реакции населения на военно-мобилизационные мероприятия власти и за короткие сроки выросло до масштабов «зеленого движения».

Таким образом, представленные в разделе документы фиксируют поэтапную трансформацию реакции населения на военно-мобилизационные мероприятия: лето – осень 1918 г. – волнения призванных в воинские части и формирования; ноябрь 1918 г. – март 1919 г. – всплеск вооруженных крестьянских восстаний и бунтов; весна 1919 г. – 1920 г. – отказы от мобилизаций, не сопровождавшиеся кровопролитным принуждением и распространение массового дезертирства.

Библиографический список

1. Алешкин, П. Ф. Крестьянская война в России в условиях политики военного коммунизма и ее последствий (1918–1922) / П. Ф. Алешкин, Ю. А. Васильев. – М. : Голос-Пресс, 2010. – 576 с.
2. Анишев, А. И. Очерки истории гражданской войны 1917–1920 гг. / А. И. Анишев. – Л. : Гос. изд-во, 1925. – 288 с.
3. Васьковский, О. А. Проблематика истории гражданской войны на Урале в современной исторической литературе / О. А. Васьковский // Вопросы истории Гражданской войны на Урале. – Свердловск, 1967. – С. 3–165.
4. Гражданская война и военная интервенция в СССР : энцикл. – М. : Сов. энцикл., 1983. – 704 с.
5. Декреты Советской власти. – М. : Политиздат, 1971. – Т. 5: 1 апреля – 31 июня 1919 г. – 701 с.
6. Наумов, Е. О. Деятельность мобилизационного отдела 1-й армии Восточного фронта по формированию запасных частей в 1918–1919 гг. / Е. О. Наумов // Известия Самарского научного центра РАН, 2014. – Т. 16, № 3–2. – С. 444–450.
7. Осипова, Т. В. Крестьянский фронт в гражданской войне / Т. В. Осипова // Судьбы российского крестьянства. – М. : РГГУ, 1995. – С. 90–162.
8. Осипова, Т. В. Первые мобилизации в Красную Армию / Т. В. Осипова // Гражданская война. Страницы истории. – М., 1991.
9. Осипова, Т. В. Российское крестьянство в революции и гражданской войне / Т. В. Осипова. – М. : Стрелец, 2001. – 400 с.
10. Российское крестьянство в эпоху революций и гражданской войны: регионально-национальный аспект. – Саранск : Типография «Красный Октябрь», 2016. – 880 с.
11. Троцкий, Л. Д. Доклад на Всероссийской конференции фабрично-заводских комитетов по текущему моменту / Л. Д. Троцкий // Рабочий путь. – 1917. – 3 нояб. (21 окт.). – № 42.
12. Юрченков, В. А. Власть и общество: российская провинция в период социальных катаклизмов 1918–1920 гг. / В. А. Юрченков. – Саранск, 2010. – 440 с.
13. Юрченков, В. А. Крестьянство и армия: Деятельность мобилизационного Отдела 1-й армии Восточного фронта (1918–1919) / В. А. Юрченков // Центр и периферия. – 2016. – № 2. – С. 11–17.
14. Юрченков, А. А. Легенды выросли из былей / А. А. Юрченков // Светлое небо. – Саранск, 1988. – С. 42–50.

ГУБЕРНАТОР И РЕВОЛЮЦИЯ: ДОКУМЕНТЫ СЕМЕЙНОГО АРХИВА О СУДЬБЕ А. А. ЕВРЕИНОВА, ГУБЕРНАТОРА ПЕНЗЕНСКОЙ ГУБЕРНИИ В 1914–1917 гг.

А. Н. Бурмейстер

г. Гренобль, Франция

Аннотация. На основе материалов семейного архива и личных воспоминаний автор воссоздает факты и события из жизни последнего губернатора Пензенской губернии – А. А. Евреинова.

Ключевые слова: Пензенская губерния, губернатор, А. А. Евреинов, революция, путь в эмиграцию.

Summary. Based on the materials of the family archive and personal memories, the author recreates the facts and events from the life of the last governor of the Penza province – А. А. Evreinov.

Key words: Penza province, governor, А. А. Evreinov, revolution, way to emigration.

Будучи внуком последнего вашего губернатора, я обращаюсь к вам, жителям бывшей Пензенской губернии, с рассказом о судьбе моего деда, последнего губернатора Пензенской губернии, после того как ему пришлось окончательно покинуть Пензу в марте 1917 г. По семейным воспоминаниям, Пенза осталась для всех очагом светлого прошлого, источником неодолимой любви к России, особенно среди малолетних детей.

Александр Александрович Евреинов родился в Санкт-Петербурге в 1873 г. от Александра Александровича Евреинова, командующего лейб-гвардии Измайловского полка и Лидии Леонидовны Горяиновой. Закончил Пажеский корпус в 1894 г. и был произведен подпоручиком в лейб-гвардии Преображенский полк. В 1898 г. он женится на дочери действительного статского советника, Ольге Осиповне Доливо-Добровольской.

Впоследствии Александр Александрович переходит на гражданскую службу, становится предводителем дворянства. В 1905 г. он был назначен Эстляндским вице-губернатором и служил в Ревеле. В декабре 1914 г. Александр Александрович занял должность губернатора Пензенской губернии. К этому времени в семье было уже шесть детей.

Назначение на должность губернатора в Пензу изменило образ жизни семьи Евреиновых. Теперь они располагали не квартирой, как в Ревеле, а трехэтажным домом, с большим двором и садом. На первом этаже губернаторского дома помещалась канцелярия, на втором – кабинет губернатора, обширная приемная, гостиные, отведенные еще прежним губернатором под военный госпиталь, а на третьем этаже разместилась семья, заняв восемь комнат со всеми удобствами.

По воспоминаниям детей, в губернаторском доме царила сказочная обстановка, но выйти на улицу без сопровождения гувернантки им не позволялось. Даже в школу их сопровождала фройлен, и девочки испытывали неловкость перед другими гимназистками. Открывались только две возможности для общения вне дома: каток и уроки танцев, что также проходило под надзором гувернантки.

Александр Александрович любил проводить время с детьми. Они барахтались с отцом на широком диване, поднимая гвалт и вызывая нарекания матери.

Из-за войны Александр Александрович был в постоянных разъездах по губернии и в Петрограде. Дети все реже и реже виделись с отцом, поэтому иногда им

разрешалось устроиться с чтением на диване у него в кабинете, пока он работал за дубовым письменным столом. В кабинете было очень уютно: портьеры, ковры, мягкая мебель, картины, а на полу шкура огромного медведя с открытой пастью.

Воспитание в семье было очень строгим, и Александру Александровичу с большим трудом удавалось уговорить жену отпустить старших девочек в воскресный день в кинематограф, разумеется, в сопровождении гувернантки. Евреиновы часто посещали оперу из-за увлечения Ольги Осиповны музыкой Вагнера. Но Александр Александрович неминуемо засыпал и просыпался лишь, когда раздавался «Полет валькирий».

В Пензе Евреиновы пробыли чуть более двух лет. За это время они приобрели небольшое имение в с. Блиновка Нижнеломовского уезда с намерением организовать там экономию и конный завод. Александр Александрович любил лошадей, посещал скачки, бега и мечтал, что и его рысаки в будущем смогут участвовать в забегах.

Одним из последних семейных праздников в Пензе стал губернаторский бал, организованный по случаю 16-летия старшей дочери Киры в феврале 1916 г. Освободили приемную, передвинули рояль и пригласили сверстников Киры, блистающей в белом платье своей красотой и молодостью. Бал к 16-летию второй дочери, Марии (Маруси), намеченный также на февраль, но уже 1917 г., по известным причинам не состоялся.

Родители оберегали детей и не посвящали их в тревожные сообщения о назревающем кризисе. В такой атмосфере Александр Александрович составляет завещание, по которому в случае его кончины все его имущество переходило жене. Когда разразилась революция, дети были поражены происходящим. В гимназии от своих сверстников они слышали новые пугающие слова: «прокламация», «демонстрация», и по дороге домой неустанно повторяли их, чтобы не забыть выяснить у родителей значение этих слов. Занятия в гимназии были прекращены.

Мало-помалу прислуга стала расходиться. Фройлен вернулась в Ревель. В семье осталась только няня. Канцелярия тоже опустела. Чиновники разошлись. С улицы доносились крики и выстрелы. Однажды девочки услышали страшные крики и выбежали на балкон. Внизу собиралась толпа: как выяснилось, солдаты убили своего начальника, генерала Бема. Все были в ужасе. Няня плакала.

К бывшему губернатору приходили знакомые и незнакомые лица, имея репутацию либерала, он не был арестован, как это часто бывало в революционной России. В этом отношении трудно согласиться с фактами, изложенным в публикации журнала «Пензенское земство» за 1994 г. (№ 2, с. 669). Здесь говорится, что губернатор Евреинов был арестован революционным Временным правительством, и власть перешла к князю Кугушеву.

В любом случае оставаться в Пензе было рискованно. Решено было ехать в Петроград к бабушке. Сослуживцы и друзья Александра Александровича помогли подготовить отъезд семьи Евреиновых. В экипажи сложили самое ценное: семейные иконы (иконы удалось сохранить, и они разошлись теперь по всем ветвям семьи за границей, во Франции и Америке), аттестаты об образовании старших девочек. В условиях революции со старой жизнью было покончено, и право быть учительницами могло пригодиться.

На вокзале их ждал вагон, которой должен был быть прицеплен к поезду для отправления в Москву. Семья смогла занять только одно купе. Из соображений безопасности Александра Александровича уложили на нижнюю полку, накрыли одеялами, рядом посадили детей. Их присутствие останавливало солдат, постоянно открывавших дверь и заглядывавших в купе. Остались воспоминания о страшных происшествиях во время путешествия: где-то бешеные солдаты убили начальника станции, обвинив его в том, что опаздывал поезд; где-то солдаты обнаружили

полковника, скрывавшегося в туалете и под радостные крики закололи его штыками и выбросили тело из вагона.

На вокзале в Москве нужно было пересаживаться в поезд, чтобы следовать дальше в Петроград. И тут же на платформе те же солдаты, которые так жестоко обошлись со своим полковником, так заботливо отнесли к нашей многочисленной семье. Вот парадокс.

В Петрограде бабушка упала в обморок, когда она, наконец, увидела своих внуков. Она боялась, что все они погибли.

Вскоре из Пензы приезжает Антон, лакей, который преданно служил Евреиновым еще в Ревеле. Он рассказывает, что крестьяне под влиянием солдат, вернувшихся с фронта, разорили имение в Блиновке, убили животных и срубили все яблони в саду. Ему пришлось бежать, потому что крестьяне угрожали ему смертью.

Александр Александрович поступает в Красный крест и отправляется к линии фронта. А Кира и Маруся теперь могли выходить в город, сопровождать их было некому. Мама (Маруся) рассказывала, что они даже участвовали в митингах и слушали вождей революции, возможно даже выступление Л. Д. Троцкого. Во всяком случае, его имя часто звучало в толпе. Девочек волновало, смогут ли они вернуться в Пензу.

К концу лета с фронта вернулся Александр Александрович, худой неузнаваемый. Он был убежден, что оставаться в Петрограде было опасно. Родители решили увезти детей на юг, где, как им казалось, было спокойнее. 1 августа Евреиновы получают удостоверение Петроградского совета рабочих и солдатских депутатов о праве повсеместного проживания во всех городах России и уезжают в Геленджик. Год близился к своему окончанию, и надежды вернуться в Пензу гасли. В Петрограде положение ухудшается. Обе бабушки страдают от голода и холода. Александр Александрович приглашает их к себе и, воссоединившись, вся семья перебирается на Кавказ, подальше от революции. Решено было ехать в Нальчик. В гостинице их ожидало нашествие клопов, но от местных пейзажей веяло красотой и покоем. Здесь семье удалось снять дачу. Близилось Рождество. Девочкам выходить из дома было запрещено. Боялись похищений.

Из-за крайней стесненности в средствах бабушка стала готовить пряники, пирожки, а няня ходила их продавать на местный рынок. Вскоре начинаются разбойные нападения на окрестные дачи. Однажды вечером четверо погромщиков в масках ворвались и в дом Евреиновых. Бабушка бросилась к ногам их главаря с криком: «Вы лишите последних средств нас, детей и старух». Бандиты отступили. Семья вновь принимает решение о переезде. Теперь их путь лежал в Ессентуки. Получено разрешение властей, и вскоре Евреиновы перебрались на новое место жительства. Кира и Маруся устраиваются в местный ресторан – мыть посуду и чистить картошку, чем приводят в ужас своих бабушек. Некоторое время спустя Кира становится официанткой и удивляется чаевым, для нее это новость. Маруся также переходит на работу официантки, но вскоре ресторан закрывается, и им снова нужно искать работу.

Появилась идея открыть комиссионный магазин. Не каждый мог выйти на рынок для того, чтобы обменять личные вещи на продукты или продать. Идея оказалась очень удачной: Кира работала у кассы, Маруся принимала и продавала вещи. В это время самым большим спросом пользовались форменная одежда и сапоги, но торговать формой было запрещено. Ее могли обнаружить во время всевозможных проверок, так что приходилось прятать форму от посторонних глаз. Мама вспоминала, что особым спросом пользовались все вещи красного цвета. Это рассматривалось символом лояльности к новым властям. Ессентуки были в руках большевиков.

Несмотря на все тяготы революционного времени, молодежь хотела веселиться, и вечером после закрытия магазина, они оставались, наряжались во фраки,

платья, примеряли шляпы со страусиными перьями и танцевали под звуки граммофона. Позднее Кира рассказывала, что на такие встречи приходил застенчивый молодой человек, который втайне был влюблен в Киру. Он был большевиком и помог нашей семье получить пропуск, когда ситуация в Эссентуках изменилась.

Большевики, украшенные красными бантами и пулеметными лентами через грудь, разъезжали верхом по городу, но никого особо не беспокоили, хотя и внушали ужас местным обывателям. Однажды хозяин дачи пришел предупредить дедушку о том, что белые недалеко и что они вскоре займут Эссентуки. Под звуки оркестра жители дачного поселка встречали части Белой армии. Слышались возгласы: «Это наши!». Но дедушка, по совету хозяина дачи, запретил всем выходить на улицу. В течение трех дней никто не покидал пределов дома. Многие охотно помогали новым властям, начались расстрелы большевиков. Через три дня красные вернулись и устроили настоящий террор. Свыше ста человек, те, кто принимал белых, были арестованы, увезены в Пятигорск и расстреляны.

Евреиновы стали вновь собираться в путь. Пропуск на проезд до железнодорожной станции получили у начальника гарнизона станицы Эссентуки. Наняли вожатых с подводами, лошадей. Багаж покрыли брезентом, чтобы не привлекать разбойников.

Зима еще не наступила, но ее приближение уже ощущалось. Почти сразу же столкнулись с отрядом большевиков. Они долго рассматривали пропуск, вглядывались в лица. Дедушка к этому времени отпустил бороду и был похож на старика. Ночевать пришлось под открытым небом, спали в тулупах прямо на земле, а проснувшись, с ужасом осознали, что вожатые вместе с подводами и частью багажа бежали. С трудом удалось достать две телеги и волов. На этот нехитрый транспорт посадили бабушек и младших детей. Остальные пошли пешком. Передвигались очень медленно, в грязи под дождем и мокрым снегом.

И когда, казалось, больше не оставалось сил, послышался шум, беженцы увидели группу всадников. Все испугались. Но тут же заметили на папахах белые повязки и испытали чувство облегчения после всех этих тревог. Вожатый сказал дедушке: «Ты узнал своих. Ты выпрямился. Опять барином стал». Начальник группы выслушал сочувственно рассказ о наших скитаниях и распорядился сопроводить семью до ближайшей станции и определить на поезд до Ростова.

В Ростове будто бы ничего не изменилось по сравнению с чередой перенесенных лишений. Можно было купить даже сладости в магазине. Но на самом деле положение было шатким. Большевики были уже на подступах к городу. Оставалось одно – перебираться в Крым, где белые укрепились. После долгих хлопот удалось достать билеты до Севастополя. В поезде была масса народа. Только бабушек и младших детей посадили в купе, остальные стояли или сидели на багаже. Поездка длилась целые сутки. Чтобы купить что-нибудь на станциях, нужно было пролезать через окно. Однажды ночью поезд резко остановился. Багаж падает с полок. Слышны крики, шум. Выясняется, что поезд остановлен отрядом Махно и что они в союзе с большевиками. Нашу семью вновь спас пропуск, выданный в Эссентуках, многие же пассажиры лишились своих вещей или были сняты с поезда.

В Севастополе семья тоже долго не задержалась. 10 апреля 1919 г. они покинули город на судне «Святой Николай» и перебрались в Новороссийск. Бабушки решили остаться и вернуться в Россию. Прощание было трогательным и печальным.

Вскоре Евреиновы оказались в Одессе. В декабре 1919 г. член Совета от управления внутренних дел от Новороссийской области А. А. Евреинов получает задание отправиться в Белград для выяснения возможностей отправки беженцев из Одессы в Сербию. Ожидая самого худшего развития событий, с собой дедушка взял свою семью. 23 декабря 1919 г. они покинули Россию.

РЕВОЛЮЦИЯ И ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ НАДЕЖДЫ

В. А. Власов

г. Пенза, Россия

Аннотация. В статье рассматриваются ожидания общественности по преобразованию народного образования и первые практические шаги правительства, вызванные Российской революцией 1917 г.

Ключевые слова: революция, предложения по реформе народного образования, практические шаги по реформе школы.

Summary. This article discusses the public expectations for the transformation of public education and the first practical steps the Government caused by the Russian revolution of 1917 year.

Key words: revolution, proposals for reform of the national education, practical steps to reform school.

После падения монархии в России в 1917 г. многие рассчитывали на то, что изменение политического строя в России приведет к коренной реорганизации народного образования. Так, теоретик и пропагандист свободного воспитания К. Н. Вентцель полагал, что «*За Великой Политической Революцией должна совершиться Великая Педагогическая Революция*». Вместе с тем, другие считали необходимым избегать тотального демонтажа старой системы просвещения, сохранять положительный опыт, бережно относиться к учительству. Работники народного образования, деятели науки и культуры выступали против «дилетантизма в решении важных педагогических проблем», считали необходимым проявлять осторожность и продуманность в практических шагах.

Основополагающим в решении теоретических и практических задач для многих было убеждение в том, что первоначально следует реализовать выдвинутый еще Н. И. Пироговым принцип *воспитания в индивидуе высоких человеческих качеств*. Всякая школа, по словам известного педагога П. П. Блонского, «и в 1917, и в 2100, и в 5300 г. должна одинаково иметь одну и ту же цель – воспитание человека как Человека» [3: 22].

Десятый год продолжал пропагандировать свои идеи журнал «Свободное воспитание». В сентябре 1917 г. его редактор И. Горбунов-Посадов писал: «В новой школе не будет места никакому принуждению, никакому насилию над детской душой, во имя чего бы оно не производилось, там в основу всего будет положена любовь и такое же глубокое уважение к личности ребенка, как и к личности каждого взрослого человека» [18: 10]. Если старая школа, по мнению автора статьи, давала или бессмысленно покорных людей, или взбунтовавшихся рабов, то новая должна помочь созданию людей твердой воли, свободного духа и разума, одухотворенных вечной идеей всеобщего братства.

Именно в это время, в сентябре 1917 г., К. Н. Вентцель написал *Декларацию прав ребенка* [18: 69–78], которая явилась одной из первых в мировой практике. Константин Николаевич полагал, что «действительное и радикальное освобождение человечества, общества, народа, взрослой индивидуальной личности может быть проведено только через полное и всеобщее освобождение ребенка или вообще молодого поколения. Это естественный зародыш и зерно всех свобод. Если мы на этот росток свободы, из которого вырастают все ее разнообразные формы, не будем обращать должного внимания, то все здание свободы, каким бы красивым оно не казалось по внешнему виду, окажется построенным на песке и может в один прекрасный день рухнуть как карточный домик». Автор призывал осуществления такой декларации на всем земном шаре, так как в этом заинтересованы все народы, все государства, все человечество. Только «всеобщее и полное проведение в жизнь

декларации прав ребенка даст возможность человечеству достигнуть возрождения и полного обновления всех сторон и личной, и общественной жизни, достигнуть установления на земле того, что на языке религии называется «царством Божиим» [18: 78].

В центре широко обсуждаемых проблем оставался и *вопрос о подлинно демократической школе*, «школе, свободной от государственного влияния, отданной в народные руки». Еще накануне Февральской революции активно пропагандировалась идея автономии педагогического процесса. С одной стороны, признавалось, что школа – учреждение, созданное обществом и для общества. С другой – звучало требование избавления от чрезмерного бюрократического контроля, получения свободы в выборе методов обучения и воспитания. В новых исторических условиях это требование усиливалось в связи с желанием различных политических сил иметь значительное влияние на школу, на подготовку «нужного» им человека. В связи с этим известный деятель народного образования В. П. Вахтеров писал: «Никакой строй, даже самый лучший, не имеет права делать из школы орудие для достижения политических целей». По его мнению, если школе удастся сбросить с себя «иго посторонних влияний, откуда бы они не исходили, если она сама будет ставить свои задачи, от этого выиграет не только личность, но также общество и государство, так как ничто не портит так нравственность, не ослабляет ум, как государственный, клерикальный или партийный гнет, а от этого, конечно, терпит и государство» [2: 51–52].

Одним из волнующих широкую общественность вопросов был *вопрос о светской школе* (активно обсуждавшийся с 1905 г.). Свобода вероисповедания, отмечали авторы многих публикаций, «логично подводит к освобождению учащихся от изучения предмета Закона Божьего». Вместе с тем высказывались предостережения не проявлять поспешность в решении этого вопроса, что может вызвать «неблагоприятные последствия в деревнях, затронув традиционные воззрения сельского населения». В связи с этим начать предлагалось с городских школ и по заявлениям родителей [16: 10]. Ряд авторов обосновывали идею мирного сосуществования научных знаний и религиозных чувств. Так, в журнале «Русская школа» Е. Репина писала: «Церковь не может изгонять из школы дух исследования и анализа, необходимый при изучении наук; государство не может изгонять из школы религиозный дух, не может запрещать молитв, религиозных эмблем, чтения святого писания. Воспитывая детей вне христианской религии, мы подрываем основы цивилизации, мы лишаем мир высшей истины, добра и красоты» [15: 5, 11].

Различные предложения по обновлению школы, которые высказывались на местах, отражались в провинциальной печати. Например, ряд подобных материалов опубликовал в 1917 г. журнал «Наша мысль» – орган Пензенского союза учащихся. Ф. Архангельский посвятил свою статью «Два лагеря» проблеме ликвидации такого наследия старой школы, как антагонизм между педагогами и учащимися. По его мнению, два лагеря необходимо сплотить «в единую тесную школьную семью», в новой школе не должно быть «ни лжи, ни обмана, в ней будет царить полное единение педагогов и учащихся, основанное на взаимном доверии и понимании». В публикации В. Вавера главный акцент сделан на значимости научных знаний, которые должны быть основой новой демократической школы. В статье С. Ротобы «Задачи обновленной школы» подчеркивалась роль воспитания в жизни народа: «Не тот народ могуч и имеет светлое будущее, у которого сильная армия, а тот, где задачи воспитания поставлены правильно. Чем нравственнее, развитее и умнее человек, тем более связывает он собственную жизнь с будущим своей страны; для него молодое поколение – предмет отеческой заботы, так как в этом поколении он видит залог счастья и процветания своей родины» [10: 3–5].

Более пристальное внимание проблемам народного образования стали уделять большевики, находившиеся в оппозиции к существующему режиму и стремившиеся прийти к власти. Достаточно лаконичные строки в программе РСДРП, касающиеся просвещения народа, были значительно расширены и конкретизированы. В апреле 1917 г. на страницах газеты «Правда» были сформулированы их первоочередные требования к школе, реализация которых расширяла бы детям трудящихся доступ к знаниям: «1. Обучение должно быть обязательное и всеобщее. 2. Обучение, книги и учебные пособия должны быть бесплатны. 3. Тип школы должен быть единым, чтобы был последовательный переход от низшего к высшему образованию. 4. Учебные планы, программы и учебники должны быть выработаны и проводиться в жизнь профессиональными союзами педагогов при участии и под контролем пролетарских организаций. 5. Преподавание религиозных предметов немедленно должно быть изъято из всех школ. 6. Обучение и воспитание должны быть совместными для детей обоего пола. 7. В учебные планы должно быть введено обязательное обучение производительному труду всех учащихся. 8. Во всех школах должно быть немедленно введено бесплатное питание учащихся» [14].

Февральская революция заметно активизировала *общественно-педагогическое движение*, в частности объединение демократического учительства в борьбе за новую школу. Процесс воссоздания общероссийского профессионального учительского объединения, начатый в 1914 г. после второго Всероссийского имени К. Д. Ушинского съезда представителей учительских обществ, оказался незавершенным. Крупным событием революционного года явился *Всероссийский учительский съезд*, состоявшийся в Петрограде 7–9 апреля 1917 г. В его работе участвовало свыше 800 представителей от 235 учительских организаций. На первых заседаниях съезда выступили три министра Временного правительства: народного просвещения – А. А. Мануйлов, юстиции – А. Ф. Керенский и финансов – М. И. Терещенко. Съезд восстановил Всероссийский учительский союз (ВУС), действовавший в 1905–1907 гг. и принял Устав организации. Делегаты сформулировали основы обновления всей системы народного образования, признав, что переживаемое страной время требует:

- 1) последовательного проведения в жизнь децентрализации школьного управления и передачи всех школ в ведение органов местного самоуправления;
- 2) осуществления принципа единой школы;
- 3) освобождения школы от стеснительной опеки со стороны государства;
- 4) перестройки системы образования на таких началах, при которых она могла бы в полной мере учитывать интересы всех народностей России.

Решением съезда из программы народной школы как обязательный предмет исключался Закон Божий [7: 4].

Весной и летом 1917 г. прошли многочисленные учительские съезды, на которых в центре внимания делегатов была реформа школы. Оживление общественно-педагогической деятельности наблюдалось и в провинции. Так, в Пензе 23 марта 1917 г. было образовано делегатское учительское собрание, ставившее своей задачей объединение народных учителей и определении их в политическом отношении. Итогом деятельности делегатского собрания стало проведение в Пензенской губернии весной и летом 1917 г. двух учительских съездов, поддержавших идеи школьной реформы и введения демократических начал в управлении государством. Делегатское собрание разработало план реформы системы образования в губернии на основе ее демократизации, децентрализации, коллегиальности и выборности [11: 130].

Одновременно делались и первые практические шаги. Так, уже в марте 1917 г. министерством народного просвещения было принято решение о повышении заработной платы работникам просвещения (годовой оклад народных учителей поднят до 600 рублей), началась смена попечителей учебных округов. На место явных реакционеров были назначены либеральные профессора и приват-доценты. Министерство (которое с марта по июль 1917 г. возглавлял профессор А. А. Мануйлов) отменило наиболее одиозные циркуляры царского правительства (всего около 50), в частности, о недопущении к учительской должности без разрешения губернатора, о воспрещении образовывать союзы учителей и состоять учителям в политических партиях, о строгих ограничениях в проведении учительских съездов и курсов, о мерах по «ограждению» учебных заведений от преподавателей, неблагонадежных в политическом отношении, о том, что следует избегать ведения уроков русской истории евреям в частных еврейских учебных заведениях, о соблюдении установленных для евреев норм поступления в средние учебные заведения и др. [17]. Временное правительство освободило от обязательного изучения Закона Божьего учащихся, которые признавались не принадлежащими ни к одной вере, а также подписавших специальное заявление, что «берут на себя заботы о своем религиозном воспитании» [13: 87]. В июне 1917 г. Временное правительство приняло решение о подчинении учебному ведомству всех учебных заведений, на содержание которых отпускались государственные средства [12: 276–277]. В результате к министерству отходили почти 40 тыс. церковных школ.

Заметную роль в разработке законопроектов по реформированию народного образования в период от Февраля к Октябрю 1917 г. сыграл *Государственный комитет по народному образованию (ГК)*. Инициатором создания такой совещательной коллегии при Министерстве народного просвещения явился Всероссийский учительский союз (ВУС), восстановленный в апреле 1917 г. [5: 57]. Своей непосредственной задачей комитет ставил «разработку временных, впредь до установления Учредительным собранием или законодательными органами, законов по народному образованию» [1: 2].

Для разработки отдельных вопросов ГК образовал 12 комиссий: по общим вопросам (В. И. Чернолуский), по дошкольному воспитанию (А. У. Зеленко), по начальному образованию (Н. Н. Иорданский), по высшим начальным училищам и средним учебным заведениям (В. А. Герд), по учительским семинариям и институтам (А. П. Пинкевич), по материальному и правовому положению учащихся (В. А. Зеленко), по разработке вопросов, обеспечивающих общедоступность, бесплатность и всеобщность обучения (В. П. Вахтеров), по объединению школ различных ведомств под общим управлением (И. С. Клюжев), по высшему образованию (Я. Я. Гуревич), по проведению в жизнь реформы правописания (С. Г. Смирнов), по созыву Государственного совещания (С. А. Золотарев), по внешкольному образованию (М. Д. Шишкин), по профессиональному образованию (Я. Я. Гуревич) [4:97]. Позже были образованы комиссии по национальным вопросам, по дополнительному образованию и др.

С мая по ноябрь 1917 г. состоялось 7 сессий и 70 заседаний ГК, в ходе которых были разработаны и приняты свыше 40 законопроектов, положений и проектов: о демократизации управления образованием; об установлении общедоступного обязательного и бесплатного обучения; об организации учебных заведений светского характера; о введении нового правописания в школах; об увеличении зарплаты педагогов; о вольных (частных) школах; о внешкольном образовании. Однако из всех законопроектов Временное правительство утвердило только три, да и то не в полном объеме.

Особого внимания заслуживает составленное Я. Я. Гуревичем «Временное положение о единой трудовой школе». Госкомитет предлагал создать единую общеобразовательную школу в отличие от дореволюционной, которая характеризовалась большой раздробленностью. Новая школа подразделялась на три последовательные ступени с общей продолжительностью курса в 11 лет (4, 4 и 3 года).

Оценивая все эти наработки, советские авторы будут отмечать, как отрицательное, отсутствие в них «революционного пафоса, следов революционной бури; все в них солидно, торжественно и старомодно» [9: 108]. Государственный комитет, со своей стороны, отмечал, что в основу нового законодательства в области народного образования им положены принципы, представляющие собой «продукт длительного эволюции педагогических и организационных идей, развившихся в связи с идеалами построения свободного демократического государства» [9: 108]. Это, безусловно, было плюсом, а затяжка с реализацией на практике разработанных проектов в области народного образования (как, впрочем, и во многих других сферах) была явным минусом существующей в то время власти и имела тяжелые драматические последствия.

Октябрьская революция привела к установлению советской власти и формированию нового состава временного правительства – Совета Народных Комиссаров, в котором первым наркомом просвещения стал А. В. Луначарский. В первом же его обращении 29 октября 1917 г. говорилось о задачах достижения «в кратчайший срок всеобщей грамотности путем организации сети школ, отвечающих требованиям современной педагогики, и введения всеобщего обязательного бесплатного обучения» [8: 8]. Речь шла и о создании единой для всех граждан светской школы, о сотрудничестве педагогов и общественных сил, о подготовке учительских кадров, улучшении материального положения учителей и т.д.

В декабре 1917 г. все дело воспитания и образования передавалось из духовного ведомства в ведение Наркомпроса. Декретом Совнаркома «О свободе совести, церковных и религиозных обществах» от 20 января 1918 г. школа отделялась от церкви и запрещалось преподавание религиозных вероучений во всех государственных, общественных и частных учебных заведениях, где преподавались общеобразовательные предметы [8: 373–374]. В мае 1918 г. вводилось совместное обучение учащихся обоего пола, в июне в ведение Наркомпроса передавались учебные и образовательные учреждения всех ведомств. В октябре 1918 г. постановление Наркомпроса «О школах национальных меньшинств» закрепляло право всех национальностей обучаться на своем родном языке [8: 145]. Особое значение имели опубликованные в октябре 1918 г. «Положение о единой трудовой школе» и «Основные принципы единой трудовой школы (Декларация)» [8: 133–145], которые определяли основы новой системы школьного образования. Вместо многочисленных типов и видов школ вводилась трудовая школа с разделением на две ступени: первая – для детей от 8 до 13 лет (5-летний курс) и вторая – от 13 до 17 лет (4-летний курс). Единство школы предполагало преемственность ее ступеней. Обучение в школе объявлялось бесплатным и обязательным, отменялись экзамены, домашние задания. Основой школьной жизни должен был стать труд.

Проблема соотношения интересов личности и государства, личности и коллектива имеет особое значение для любой власти, в том числе и советской. В основных принципах единой трудовой школы указывалось на соединение коллективизации с «тонкой индивидуализацией», на служение личности целому, но при этом подчеркивалось, что высшей ценностью в социалистической культуре остается личность и незачем урезывать ее и «отливать в насильственные формы: прочность социалистического общества заключается не в казарменном однообразии и не в искусственной дрессировке, не в религиозном или эстетическом обмане,

а в реальной солидарности интересов» [8: 142]. Однако в действительности все будет складываться иначе...

Несмотря на стремление одних «убить старую школу» и желание других кардинально ее обновить, первые решения советской власти о народном образовании вобрали многое из того, что было накоплено передовой педагогической теорией и практикой дореволюционной России, что получило отражение в реформаторских проектах переломного для страны 1917 г. «Высшей ценностью и в социалистическом обществе останется личность», – отмечал А. В. Луначарский. Уже не один год общественно-педагогическое движение России разрабатывало принципы, которые были провозглашены советской властью: «общедоступность обучения», «всеобщее бесплатное начальное образование», «совместное обучение детей обоего пола», «светская школа», «единая трудовая школа», «обучение на родном языке», ««самоуправление» и др. Поэтому не случайно большинство декретов Наркомпроса, изданных в первые месяцы советской власти, представляли собой реализацию предложений, подготовленных Государственным комитетом по народному образованию в 1917 г. Правда, это проходило без ссылок на авторство и в более радикальной, революционной форме.

Оценивая одно из первых выступлений А. В. Луначарского в качестве народного комиссара просвещения, «Известия Всероссийского учительского союза» писали: «Совершенно очевидно, что в этих мыслях нет ничего специфически революционного и утопического, это здоровые общепедагогические идеалы, выраженные только в несколько поверхностной и схематической форме. Для нас было бы гораздо важнее знать, что комиссар не только умеет повторять педагогические задачи, но и сможет воплотить их в жизнь» [6: 4]. С воплощением, однако, возникали серьезные проблемы...

Библиографический список

1. Бюллетень ГК. – 1917. – № 2–3.
2. Вахтеров, В. П. Основы новой педагогики / В. П. Вахтеров. – М., 1916.
3. Вестник воспитания. – 1917. – № 6–7.
4. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 476. ОП. 1. Д. 29.
5. Гуревич, Я. Я. Государственный комитет по народному образованию и его реформаторская работа / Я. Я. Гуревич // Русская школа. – 1917. – № 9–12.
6. Известия Всероссийского учительского союза. – 1918. – № 2.
7. Народный учитель. – 1918. – № 1.
8. Народное образование в СССР: Общеобразовательная школа : сб. документов. 1917–1973. – М., 1974.
9. Народное просвещение. – 1927. – № 6.
10. Наша мысль (Пенза). – 1917. – № 2–4.
11. Никулин, В. И. Пензенское земство. Уроки культурно-просветительской деятельности. 1865–1917 гг. / В. И. Никулин. – Пенза, 1996.
12. Очерки истории российского образования: К 200-летию Министерства образования Российской Федерации : в 3 т. – М., 2002. – Т. 2.
13. Очерки истории школы и педагогической мысли народов СССР. Конец XIX – начало XX века. – М., 1991.
14. Правда. – 1917. – 16 апреля.
15. Репина, Е. К вопросу о светской школе / Е. Репина // Русская школа. – 1917. – № 9–12.
16. Русская школа. – 1917. – № 1.
17. Русская школа. – 1917. – № 2–4.
18. Свободное воспитание и свободная школа. – 1918. – № 1–3.

МЕСТНОЕ УПРАВЛЕНИЕ В РОССИИ В УСЛОВИЯХ ПОЛИТИЧЕСКОЙ МОДЕРНИЗАЦИИ (1905–1917)

Г. В. Гарбуз

г. Пенза, Россия

Аннотация. Проблема адаптации властных структур царской России к переменам, порожденным процессом модернизации, является одной из актуальных тем в историографии причин революционного кризиса 1917 г. Местный уровень управления не затронули изменения в государственном устройстве и политической системе начала XX в. Провинциальная администрация сохранила свою самодержавную сущность и не могла адекватно отвечать на вызовы времени.

Ключевые слова: демократические свободы, бюрократия, провинциальная администрация, местное самоуправление.

Summary. The problem of adaptation of the power structures of tsarist Russia to the changes generated by the process of modernization, is one of the hot topics in the historiography of the causes of the revolutionary crisis of 1917. Local level management is not affected by changes in state structure and political system of the early twentieth century. The provincial administration has maintained its autocratic nature and could not adequately respond to the challenges of the time.

Key words: democratic freedom, bureaucracy, provincial administration, local self-government.

В начале XX в. самодержавная государственность в России, достигшая апогея своего развития, оказалась неспособна дать адекватный ответ на вызов времени. Первым серьезным испытанием на прочность для царской администрации стала революция 1905–1907 гг. Власть устояла под натиском революционной волны, но вынуждена была допустить определенные либеральные изменения в политической системе. В послереволюционный период обновленная государственная машина получила шанс приспособиться к новым реалиям российской жизни, созданным модернизацией. Данная статья анализирует осуществление этого процесса на местном уровне государственного управления.

Важнейшим событием первой российской революции стал Манифест 17 октября 1905 г. Провозглашенная этим документом, демократизация государственного управления открыла новый период в развитии российской государственности. Местная бюрократия неоднозначно восприняла манифест. Были среди провинциальных чиновников сторонники и противники либеральных изменений, но все они в первый момент испытывали растерянность, поскольку не представляли, как будут действовать в новых условиях. Преодолев административный паралич октябрьских дней 1905 г. власти, по мере спада революционной волны, восстанавливают традиционные для них принципы управления. Сущность царской бюрократии не изменилась, ее естественным стремлением были попытки взять под жесткий контроль новые явления в общественной жизни. В конце 1905 – начале 1906 гг. был издан ряд «временных правил», регламентировавших осуществление завоеванных обществом демократических свобод.

Свобода слова, декларированная манифестом, заставила правительство пойти на отмену предварительной цензуры и допустить легальное существование политической прессы, что спровоцировало всплеск издательской деятельности в провинции. Независимые издания стали «головной болью» местной администрации. Дж. Дейли отмечал, что независимая пресса была тем элементом нарождавшегося гражданского общества, который наиболее угрожал устоям абсолютизма, и который правящим верхам труднее всего было контролировать [4: 25]. «Временные

правила о повременных изданиях» от 24 ноября 1905 г. давали администрации возможность осуществлять цензуру всех местных изданий. В случае необходимости власти могли возбуждать судебное преследование газет, арест отдельных номеров, добиваться ареста реакторов и закрытия газет в судебном порядке. Понятие «дерзостного неуважения к власти», являвшееся согласно закону, поводом для судебных репрессий широко трактовалось провинциальной бюрократией. За первую декаду апреля 1907 г. пензенские власти возбудили 12 преследований против 6 номеров газеты «Голос Черноземного края». Но не все дела доходили до суда, за две недели 1906 г. симбирский окружной прокурор прекратил 5 уголовных дел, возбужденных против газеты «Симбирские вести». Постепенно местная администрация свыклась с существованием независимой прессы и даже пыталась наладить сотрудничество с умеренными изданиями. При этом административное давление на прессу не прекращалось на протяжении всего периода. Часто власти под страхом судебного преследования и административных репрессий запрещали местным газетам затрагивать те или иные вопросы общественной жизни. При этом губернаторы постоянно жаловались правительству на недостаток средств воздействия на независимые издания. «Мы... вынуждены бессильно топтаться на одном месте и детским оружием «бороться» с этим вопиющим злом» [3: 2] – писал товарищу министра внутренних дел И. М. Золотареву симбирский губернатор А. С. Ключарев. Попытки противостоять оппозиционной агитации в официальных провинциальных изданиях имели мало успеха [7].

Введение свободы союзов способствовало формированию на местах широкого спектра общественных объединений. Поначалу правительство пыталось контролировать их деятельность через губернские по земским и городским делам присутствия, но перегруженные сверх меры обязанностями по контролю над местным самоуправлением эти учреждения не могли в должной мере выполнять новые функции. «Временные правила об обществах и союзах», изданные 4 марта 1906 г. способствовали созданию нового учреждения – губернского по делам об обществах и союзах присутствия, в обязанности которого входил надзор над общественными организациями. Понятие – «общество» в то время определялось довольно широко и под контроль присутствия попадали местные отделы различных политических партий, отделения всероссийских благотворительных обществ, культурно-просветительские организации, профсоюзы, кредитные товарищества, которых особенно много появилось в годы столыпинской аграрной реформы, общества потребителей, сельские вольные пожарные дружины [1: 12]. Власти сами определяли различия между политическими, экономическими, культурно-просветительскими и другими обществами. Требования к легальному политическому обществу были таковы, что в губернских присутствиях регистрировались, в основном, местные отделы лояльных правительству монархических организаций. Особое внимание местная администрация уделяла профсоюзам, легализация которых стала еще одним завоеванием революции. Профсоюзы определялись, как экономические общества и любая политическая деятельность им была запрещена. Присутствия жестко регламентировали профсоюзную деятельность, стремились втиснуть ее в рамки взаимопомощи и просвещения. Пресекались любые контакты между различными профсоюзами. При первой возможности власти закрывали профсоюзные организации и тщательно следили, чтобы они не были воссозданы.

Манифест 17 октября 1905 г. среди других демократических свобод даровал населению свободу собраний, которая регламентировалась «Временными правилами о собраниях», изданными в марте 1906 г. Все общественные собрания в провинции санкционировались губернатором, который командировал на них особых чиновников, наделяя последних правом закрывать любое собрание, если оно

принимало «характер мятежнического или шумного сходбища». При этом критерии того, какое собрание считать «мятежническим» и насколько оно должно быть «шумным» определяли сами чиновники. Особенно активно эти права использовались в период избирательных кампаний.

Изменения в государственном устройстве Российской империи, вызванные созданием законодательной Государственной думы, местная администрация встретила насторожено. Привычка царской бюрократии думать, что она лучше населения знает его нужды и заботы определила ее отношение к первому опыту русского парламентаризма. Не отвергая необходимость перехода к представительному строю, провинциальная администрация оказалась не готова к реализации этого процесса. Неприятным моментом для царской бюрократии стал запрет на непосредственное участие в деятельности Государственной думы.

Неудобный для властей состав I Государственной думы стал результатом несогласованности действий центральных и местных властей. Политика невмешательства в избирательный процесс, основанная на вере царской бюрократии в патриархальность русского мужика, лишала провинциальных чиновников достаточных рычагов влияния на результаты выборов. Деятельность I Государственной думы вызвала глубокое разочарование у царской бюрократии. В условиях непрекращающегося революционного кризиса обе стороны оказались не готовы к конструктивному диалогу. Позицию провинциальной административной элиты четко выразил пензенский губернатор И. Ф. Кошко: «Одно из двух: или эту Думу, как погрешившую перед Богом и Россией нужно разогнать, или правительство должно капитулировать и передать власть в руки кадет» [8: 73]. Известие о роспуске I Государственной думы было встречено местной администрацией с удовлетворением.

Во время выборов во II Государственную думу правительство П. А. Столыпина поставило перед местной администрацией задачу добиться избрания лояльных власти депутатов. Провинциальные властиполучили подробные инструкции по проведению выборов. Низшие слои населения под любым предлогом ограничивались в реализации своих избирательных прав. Власти пытались манипулировать избирательным процессом. Получив сведения о наличии среди выборщиков оппозиционно настроенных личностей, местные чиновники пересылали информацию в столицу, где издавались соответствующие «разъяснения», опираясь на которые губернаторы исключали нежелательный элемент из избирательных списков и из числа выборщиков. Широко использовалось положение усиленной охраны, действовавшее в этот момент на большей части территории страны. Дошло до того, что Департамент полиции прямо указывал губернаторам на недопустимость применения административных высылки и арестов «в целях исключительно предвыборной кампании» [11: 15]. Когда не хватало законных полномочий, власти шли на различные ухищрения, чтобы добиться нужных им результатов выборов. Ответом избирателей на открытый произвол властей стала поддержка наиболее радикальных кандидатов.

Спад революции, новый закон о выборах и накопленный опыт административного давления и манипуляций избирательным процессом позволили местной администрации добиться удобного правительству состава выборщиков в III Государственную думу. Мобилизовав весь административно-полицейский аппарат, местные власти добились приемлемых для них результатов и на выборах депутатов IV Государственной думы. В отличие от своего предшественника, правительство В. Н. Коковцева не смогло выработать единую избирательную политику. По мнению В. С. Дякина, итоги выборов в IV Думу «отражали не реальное соотношение сил в стране или даже цензовых избирателей, а степень усердия и изобретательности администрации» [5: 87].

Основные принципы взаимоотношений между провинциальной администрацией и местными органами самоуправления в этот период не претерпели серьезных изменений в сравнении с предшествующей эпохой. В отношении к населению и формируемым им институтам господствовала традиционная для царской администрации политика патернализма, которая вступала в конфликт с нарождавшимся в России гражданским обществом. Местная бюрократия вынуждена была терпеть самостоятельность местных представительных учреждений, которые освободили губернские власти от значительной части административно-хозяйственных функций. Однако она не оставляла попыток навязать им присущие царской администрации методы управления и сориентировать ее на первоочередное обслуживание государственных интересов и лишь потом насущных нужд местного населения.

Губернаторы, лишённые в 1906 г. права лично назначать гласных уездного земства в крестьянской курии, сохранили право отменять любое решение земского или городского самоуправления, если оно, по их мнению, противоречило интересам местного населения. Они получили право добиваться увольнения любых сотрудников местного самоуправления и отклонять кандидатуры гласных земских собраний и городских дум по причине неблагонадежности. Губернские по земским и градским делам присутствия контролировали каждый шаг органов местного самоуправления, имея широкие полномочия на вмешательство в их деятельность. Подобными полномочиями обладало губернское правление в отношении органов сословного самоуправления в городах – мещанских, купеческих и ремесленных обществ, а земские начальники в отношении крестьянского самоуправления. В меньшей степени испытывали на себе воздействие властей органы дворянского самоуправления [12].

Элемент чрезвычайности был перманентным фактором в деятельности местной администрации на протяжении всего исследуемого периода. В годы революционного подъема правительство активно использовало «Положение об усиленной и чрезвычайной охране» разработанное еще в 1881 г. В 1906 г. оно в той или иной степени действовало в 82 из 87 губерний и областей России. Чрезвычайное положение расширяло компетенцию местных властей за пределы законодательства мирного времени. Губернаторы издавали обязательные постановления, которые играли для местного населения роль закона. За нарушение постановлений в обход судебных инстанций, в административном порядке по решению губернатора следовало наказание в виде штрафа, ареста или высылки за пределы губернии. По усмотрению губернатора отдельные дела арестованных в административном порядке лиц, передавались на рассмотрение военно-полевых судов. Власти также могли запрещать всякие общественные и частные собрания, закрывать торговые и промышленные заведения, периодические издания, приостанавливать деятельность общественных организаций. Политическая полиция получала право задержания подозреваемых сроком на две недели.

Администрация активно использовала чрезвычайные полномочия в борьбе с оппозиционным движением, независимой прессой, в контроле над местным самоуправлением и общественными организациями. Особенно часто административные меры применялись в период избирательных кампаний.

В послереволюционный период усилиями местной администрации чрезвычайное положение сохранялось на большей части территории страны. В 1908 г. в Пензенской губернии за нарушение обязательных постановлений было подвергнуто административным взысканиям 236 человек, выслано из губернии 328 человек [9: 12], в 1909 г. соответственно 160 и 200 человек [10: 21]. Чрезвычайные меры применялись при осуществлении столыпинской аграрной реформы. «Я совершенно уверен, что отмена усиленной охраны совершенно остановит у нас

землеустроительное дело» [2: 11] – писал осенью 1909 г. пензенский губернатор И. Ф. Кошко. С началом первой мировой войны чрезвычайные полномочия властей расширяются. Однако в условиях общенационального кризиса даже чрезвычайные меры не могли обеспечить эффективное управление на местах. Власти оказались заложниками собственной политики. По мнению В. Ю. Карнишина они «оказались в состоянии, близком к изоляции провинциального общества (деловые круги, общественные организации, структуры самоуправления) как от элиты, так и от большинства населения» [6: 18].

Провинциальная бюрократия вынужденно приняла изменения, привнесенные в жизнь страны процессом политической модернизации. Местное управление не пыталось адаптироваться к новым условиям российской жизни, а стремилось адаптировать их к традиционным принципам самодержавной системы управления. В результате разрыв между властью и обществом на местном уровне лишь увеличился, что стало одним из факторов революционного катаклизма 1917 г.

Библиографический список

1. Государственный архив Пензенской области (ГАПО). Ф. 16. Оп. 1. Д. 89.
2. ГАПО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 7882.
3. Государственный архив Российской Федерации. Ф. 102. Оп. 121. Д. 4, 1912. Д. 65. Ч. 8.
4. Дейли, Дж. Пресса и государство в России (1906–1917 гг.) / Дейли Джонатан // Вопросы истории. – 2001. – № 9. – С. 25–45.
5. Дякин, В. С. Буржуазия, дворянство и царизм в 1911–1914 гг. / В. С. Дякин. – Л. : Наука, 1988. – 227 с.
6. Карнишин, В. Ю. Местное управление губерний Поволжья накануне Февральской революции / В. Ю. Карнишин // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. – 2008. – № 1. – С. 12–19.
7. Кошелева, А. И. Церковная публицистика на страницах провинциальной периодической печати во второй половине XIX в. (на примере Пензенской губернии) / А. И. Кошелева // Модернизация культуры: от культурной политики к власти культуры : материалы IV Междунар. науч.-практ. конф. : в 2 ч. / под ред. С. В. Соловьевой, В. И. Ионесова, Л. М. Артамоновой. – Самара, 2016. – С. 382–390.
8. Кошко, И. Ф. Воспоминания губернатора. Новгород – Самара – Пенза / И. Ф. Кошко. – Петроград, 1916. – 236 с.
9. Российский государственный исторический архив (РГИА). Библиотека. Ф. 1. Д. 65. Всеподданнейший отчет пензенского губернатора за 1908 г.
10. РГИА. Библиотека. Ф. 1. Д. 65. Всеподданнейший отчет пензенского губернатора за 1909 г.
11. Центральный государственный архив Самарской области. Ф. 468. Оп. 1. Д. 913.
12. Шевнина, О. Е. Провинциальное дворянство как объект государственно-правового регулирования (вторая половина XIX века) / О. Е. Шевнина // Вестник Пензенского государственного университета. – 2013. – № 1. – С. 40–44.

ВОЕЙКОВСКИЙ ГАРНИЗОН В 1917 г.

В. Г. Гришаков

г. Каменка, Пензенская обл., Россия

Аннотация. В статье ставится задача на примере местного гарнизона охарактеризовать деструктивные процессы, происходящие в российской армии в 1917 г. Автор показывает неизбежность развала тыловых гарнизонов в условиях революционной агитации, отсутствия твердой власти и экономического хаоса.

Ключевые слова: гарнизон, война, комитет, революция, большевики, погром, пропаганда.

Summary. The article aims at the local garrison example describe the destructive processes taking place in the Russian army in 1917 year. The author shows the inevitability of the collapse of the rear garrisons in terms of revolutionary agitation, lack of firm power and economic chaos.

Key words: garrison, war, committee, revolution, the Bolsheviks, mayhem, propaganda.

Общественно-политические процессы, затронувшие в 1917 г. действующую армию, в еще большей степени коснулись внутренних военных округов, в которых было сосредоточено значительное количество войск, запасных частей и военных учреждений. И если столичный Петроградский гарнизон сыграл ключевую роль в свержении монархии, а затем и в большевистском перевороте, то провинциальные гарнизоны не сразу окунулись в революционную стихию, какое-то время сохраняя иммунитет к так называемой «демократизации». Причем наиболее устойчивыми в плане воинской дисциплины были кавалерийские подразделения в противовес пехотным, утратившим армейский дух практически сразу после начала революционных событий.

К 1917 г. в тыловой Пензе дислоцировались 98-й, 99-й, 140-й и 241-й пехотный запасные полки, 688-я и 689-я пешие дружины, штабы 30-й пехотной запасной бригады и 55-й бригады государственного ополчения, Пензенский окружной эвакуационный пункт, Команда выздоравливающих нижних чинов, Управление Пензенского уездного воинского начальника, Пензенская конвойная команда [1: 288]. В апреле 1917 г. в пензенском гарнизоне насчитывалось свыше 53 тыс. солдат и офицеров [9: 35] Местом дислокации воинских частей в Пензенской губернии стали также уездные города и крупные железнодорожные станции: Саранск, Инсар, Нижний Ломов, Мокшан, Сердобск, ст. Воейково. Воейково – старое название железнодорожной станции, расположенной в черте с. Каменки Нижнеломовского уезда, Пензенской губернии и ныне носящей имя Белинского. В годы Первой мировой войны с. Каменка оставалась заурядным населенным пунктом поволжской глубинки: волостной центр, базар, ж/д станция, около десятка магазинов, пять отделений банков, прогимназия, земская больница, три церкви. Самыми крупными промышленными предприятиями были солодораствительный завод Е. Ф. Мартышкина с 57-и работающими, завод минеральных вод АО «Кувака» с 73-мя, мукомольные мельницы А. А. Дойникова и Д. С. Лобанова с 93-мя и 29-ю работниками соответственно [1: 93–94]. Незадолго до войны местный землевладелец, небезызвестный генерал от инфантерии В. Н. Воейков, безвозмездно передал военному министерству под казармы часть своих угодий [5: 10]. К 1916 г. на окраине Каменки вырос военный городок, состоявший из полутора десятков добротных одно- и двухэтажных кирпичных зданий: казарм, административно-хозяйственных помещений, конюшен и т.д. Это обстоятельство в дальнейшем во многом способствовало превращению Каменки из села в город, почти на сто лет связало ее историю

с воинскими подразделениями. Население Каменки перед войной составляло 3111 человек, подавляющее большинство которых относилось к крестьянскому словию. К 1917 г. эта цифра уменьшилась на 10,6 % в связи с призывами мужчин в действующую армию [1: 238].

В 1916 г. Каменка становится местом дислокации 3-го запасного конного полка пограничной стражи (командир – полковник В. А. Пылев) и 101-го запасного пехотного полка (командир – полковник Н. С. Климчук). Совокупный численный состав воейковского гарнизона составлял более 6 тыс. штыков и сабель, что в два раза превышало население волостного центра. Гарнизон был расквартирован в Каменке в то время, когда в стране уже чувствовалась усталость народа от войны. Солдаты запасных полков не могли не видеть ее издержек: инвалидов, беженцев, военнопленных. Здесь, в тылу, им со всей неприглядностью открывалась «изнанка» войны. И солдат оказывался перед лицом утраты основных ценностей, которые он должен был защищать [1: 395]. Естественно, что нарастание недовольства в стране к 1917 г. сразу же отразилось на армии и, особенно, на ее тыловых гарнизонах. Тем более, что российское воинство к тому времени претерпело серьезные изменения по сравнению с довоенным временем. В 1914 г. Россия вступила в мировую войну с регулярной армией, где офицерский корпус представляло кадровое офицерство со своими специфическими корпоративными интересами, а срок службы солдат был достаточно велик, чтобы оторвать его от прежней жизни и привить новые представления, характеризующие его как составную часть военной организации. К 1917 г. государство подошло с армией военного времени, где офицерский корпус представлял собой по больше части офицеров производства «суррогатных» военно-учебных заведений и не соотносился со старым офицерством практически никак, а солдатский состав был представлен «вооруженным народом», плохо обученным и в плане военной подготовки и, что более важно для государства, в плане идейной выучки [3]. Жизнь солдата запасного полка можно обрисовать так: «Ежедневно, кроме воскресных и религиозных праздников, проводились усиленные занятия по 12–15 ч, из них, как правило, больше половины времени уделяли на строевые занятия, на словесность. Срок обучения новобранцев был установлен около двух месяцев, но больше всего срок обучения зависел от военных событий на фронте. Затем отправляли их на фронт. За такой короткий срок обучения многие солдаты не осваивали элементарные знания военного дела» [1: 287]. Зато они, как губка, впитывали в себя настроения тыла, как правило, негативные. Генерал П. Н. Врангель в своих мемуарах отмечал, что «те пополнения, которые непрерывно вливались в войсковые части, несли с собой совсем иной дух. Состоя в значительной степени из запасных старших сроков, семейных, оторванных от своих хозяйств, успевших забыть пройденную ими когда-то школу, они неохотно шли на войну, мечтали о возвращении домой, и жаждали мира» [2: 9–10].

Тыловая жизнь расслабляла солдат. В выходные дни, во время увольнений, они были предоставлены сами себе и, как могли, устраивали свой досуг. Так, метрические книги Дмитриевской церкви с. Каменки в 1917 г. зафиксировали более 20 случаев рождения «незаконных» детей, а книги единоверческой церкви с. Ростовка Каменской волости отразили факт участия в богослужениях рядового конного полка Андрея Котова и писаря Дмитрия Фетисова. Не дремали и те, кто хотел поднажиться на спекуляции военным имуществом. 2 ноября 1916 г. начальник воейковского гарнизона обратился к пензенскому уездному исправнику с тревожной телеграммой о том, что «с размещением войск в казармах при ст. Воейково, окрестные жители стали в больших размерах скупать у нижних чинов казенные вещи, как то: шинели, сапоги и белье» [10: 456]. В связи с этим он просил принять «энергичные меры к задержанию скупщиков у нижних чинов и протоколы о задержании

для предания задержанных лиц совместно с нижними чинами военному суду» [10: 456].

При всем своем однообразии и затхлости, жизнь в сельской глубинке была во сто крат лучше фронтовых будней. Поэтому массы солдат, оторванные и от дома, и от войны, не очень-то желали перспективы умереть за веру, царя и отечество, став благоприятной почвой для агитаторов всех мастей. К началу 1917 г. в донесениях фиксируется заметный рост пораженческих настроений: «все только обещают победу, а нас все бьют да бьют», «когда же все (т.е. война) кончится, скорее бы мир». По свидетельству современников, усталость населения от войны в январе 1917 г. была настолько выраженной, что даже заслонила земельный вопрос [12: 9]. Каменка не стала исключением: запасной конный полк пограничной стражи 2 января 1917 г. всколыхнулся солдатским волнением. Причиной стал приказ о порке розгами нижнего чина Михаила Зеленина. Товарищи не стали выдавать его для экзекуции, забаррикадировавшись в казарме. Офицеры вызвали вооруженную учебную команду, которая окружила мятежное здание. В ответ на требование выдать Зеленина на головы офицеров посыпались камни и поленья. Инцидент был исчерпан только после двух залпов в воздух. Зеленина со товарищи подвергли военно-полевому суду, который приговорил 42-х солдат к каторжным работам [7: 24]. Данный эпизод не был случайностью. Он ярко продемонстрировал, что армия начала проявлять недовольство войной. Тревожным сигналом стало и образование громадной трещины между офицерами и нижними чинами. Вот что пишет в воспоминаниях о событиях 1917–1918 гг. бывший рядовой 101-го запасного полка К. А. Зудилин: «В день нашего приезда на ст. Воейково и прибытия на территорию полка, который был размещен за селом Каменкой, командир, полковник Климчук обратился к нам с «теплым приветствием», в заключении которого заявил: «Если кто-нибудь самовольно оставит территорию полка, тот будет повешен на первом колу» [13: 339]. Такая встреча не только укрепила мое отвращение ко всему военному, но и озлобила меня против тех, по воле которых я оказался в солдатской серой шинели». Далее он пишет «Начальство полка и учебной команды было ненавистно солдатами. Если бы они в первые дни Февральской революции не сбежали из полка, то их судьба была бы решена самосудом» [13: 340]. Февральская революция усилила процесс разложения тыловых гарнизонов прежде всего выходом печально известного Приказа № 1 Петроградского Совета. Из всех положений Приказа наиболее тяжелые последствия имело формирование солдатских комитетов, фактически отменившее в армии принцип единоначалия. Уравнение солдат в правах с остальным населением привело также к широкому участию солдат в политической жизни: митинги и неограниченная политическая агитация в войсках (во всех армиях мира обычно запрещенная), формирование солдатских (наравне с рабочими или крестьянскими) секций Советов разных уровней. В течение марта – апреля 1917 г. начала формироваться многоуровневая система солдатских комитетов – ротного, полкового и армейского уровней. По данным исследователя Б. И. Колоницкого, результатом военной реформы стало появление в России целого «комитетского класса» [4]. «Комитетчиком» мог стать солдат, заслуживший уважение либо в боях, либо в «речах». В запасных частях «боевых» товарищей не было, поэтому в комитеты вошли доморощенные ораторы. В 101-м запасном пехотном полку в состав полкового комитета был избран упомянутый нами выше К. А. Зудилин, который приобрел популярность, по его же словам, тем, что в свободное время работал парикмахером и сапожником, а также отличался от остальных солдат своим неуважительным отношением к офицерам [13: 340]. Зудилин в 1917 г. еще был далек от большевизма, но уже тогда, обучаясь ораторскому искусству на ст. Воейково перед однополчанами, сформулировал основные пункты

«своей» программы: «1. Прекращение войны 2. Передача земли тем, кто ее обрабатывает своим трудом 3. Полное упразднение бедности» [13: 341]. «Зудилинская программа», при всей своей наивности, выражала чаяния всех солдат гарнизона. Это были главные вопросы, волновавшие солдат. Именно с ними чуть позже пойдут в массы большевики.

5 апреля 1917 г. Временное правительство разрешило отпуск из запасных частей внутренних военных округов на сельскохозяйственные работы домой солдат старше 40 лет, а 10 апреля было принято решение о демобилизации солдат, достигших возраста 43 лет. Указанные меры были восприняты солдатской массой как начало демобилизации. Солдаты, как правило, из отпусков не возвращались. В апреле 1917 г. воейковский гарнизон сократился вдвое: «демократизированный» 101-й запасной пехотный полк был передислоцирован в г. Саранск. Еще три месяца назад, в январе 1917 г., он в полном составе участвовал в усмирении взбунтовавшихся соседей-кавалеристов, но вот теперь сам оказался на грани полного развала. В запасном конном полку пограничной стражи ситуация, напротив, стала стабилизироваться. Вероятно, январские события, закончившиеся каторгой для солдат-смутьянов, стали хорошим уроком для остальных. Воейковский гарнизон пензенские краеведы советской эпохи впоследствии назовут «последним бастионом Временного правительства» [8]. Документы губернской земской управы наглядно свидетельствуют о том, что драгуны конного полка стали своеобразной палочкой-выручалочкой для спасения окрестных помещичьих экономий и хлебных запасов от крестьянских грабежей. Доходило до того, что воейковских драгун просили направить даже в отдаленные пензенские города. 26 августа 1917 г. командир конного полка пограничной стражи В. А. Пылев, возмущенный требованием направить вверенных ему солдат в г. Наровчат (!) для подавления беспорядков, вынужден был просить губернские власти об использовании для этого команд из других гарнизонов [11: 183]. Но как говорится, кто везет, того и погоняют. 22 сентября 1917 г. губернская земская управа просила «срочно послать драгун в количестве 100 человек для оказания содействия вывозу хлеба из помещичьих экономий» [11: 182], а 23 сентября 1917 г. – «командировать сорок драгун в с. Вражское (ныне: Каменского района, – В. Г.) для содействия реквизиции хлеба» [11: 183], В телеграмме, посланной 12 октября 1917 г. губернским комиссаром министру внутренних дел, также остро чувствовалась необходимость «твердой руки»: «Срочно прошу штаб округа и воейковского начальника гарнизона командировать в распоряжении УЗКОМ драгун, предлагая ему принять все решительные меры по прекращению погромного движения, не останавливаясь перед применением силы» [8]. 8 ноября 1917 г. тот же комиссар просит «экстренно выслать в Пензу эскадрон вооруженных драгун. В городе идет разгром, угрожает опасность винному складу. Отправьте без задержек. Сообщите» [11: 229]. А между тем уже в ноябре 1917 г. полк стал испытывать серьезные перебои с продовольствием и фуражом, что не могло не отразиться на настроениях солдат [11: 184]. Запасной конный полк пограничной стражи, расквартированный в воейковских казармах, оставался верным временному правительству вплоть до конца 1917 г. Не изменил ситуации и большевистский октябрьский переворот в Петрограде. Симпатии гарнизона были на стороне каменского торговца В. Ф. Врагова, депутата Первой государственной думы, трудовика, затем социалиста-революционера. Большая часть офицеров и солдат полка поддерживала программу эсеров [5: 15]. 16 декабря 1917 г. в г. Нижнем Ломове состоялся первый уездный съезд Советов, провозгласивший переход всей полноты власти в уезде в свои руки. В ответ на это губернская власть «выкинула последний козырь – Каменку» [5: 15], то есть конный полк, который стал готовиться к походу на Нижний Ломов. В это напряженное время Пензенский губернский комитет

РСДРП (б) направил в Каменку опытных большевиков-агитаторов Д. Г. Маркелова, В. П. Кутузова, А. И. Кривошеева. Перед ними стояла задача не допустить отправки конного полка в Нижний Ломов и обезвредить местный военный гарнизон. Прибыв в Каменку, посланцы пензенских коммунистов тут же включились в работу. Они проникли в казармы полка и, обладая незаурядным пропагандистским опытом, сумели «отговорить» кавалеристов от выступления на уездный центр. Командир запасного конного полка В. А. Пылев стремился не допустить агитаторов в полк, но личные обстоятельства оказались выше: 27 декабря 1917 г. умерла его 17-летняя дочь Мария, и политика для офицера сразу ушла на задний план. 31 декабря, в канун нового, 1918 г., большевики-агитаторы при поддержке «левых» офицеров сумели организовать общее собрание полка. Умело играя на противоречиях между офицерами и солдатами, зная настроение основной массы рядовых, стремящихся скорее попасть домой, агитаторы справились со своей задачей. Большинство солдат поддержало Пензенский и Нижнеломовский советы. Распропагандированный полк вскоре уже не представлял собой боевой единицы [5: 16]. Начался процесс его разложения, который шел параллельно с оформлением в Каменке новой вооруженной силы – отряда Красной гвардии под командованием бывшего фронтовика М. В. Богомолова. Характерно то, что в провинции она образовалась уже после захвата власти большевиками. Если в Петрограде красногвардейцы создавались как ударная сила большевистской партии, инструмент давления и захвата власти, то в провинции Красная гвардия была создана как инструмент защиты новой власти. После прихода большевиков к власти разложившаяся масса солдат гарнизонов перестала их устраивать. Большевикам потребовалась вооруженная сила, способная не только к буйству, но и к защите их власти. Здесь, прежде всего надо отметить то, что требовалась именно политически благонадежная военная сила. Гарнизоны такой силой не являлись, будучи одержимы совершенно анархическими стремлениями, ориентированными прежде всего на удовлетворение собственных материальных потребностей. В результате появилась необходимость в создании Красной гвардии [3]. Начиная с этого времени, обозначается противостояние гарнизона и новых войск. Гарнизон, привыкший к безответственной, ни к чему не обязывающей жизни в тылу понял, что время его существования заканчивается. Главным стремлением гарнизонных частей стало – как можно дольше сохранить себя и свое положение. Неприязнь к новоформируемым большевистским войскам приводит, в итоге, к противостоянию с новыми властями. Гарнизон демонстрирует поддержку Учредительного собрания, выражает готовность пресекать бесчинства красногвардейцев. Но время было уже упущено. Последним противостоянием «старого» и «нового» в Каменке стали события февраля 1918 г. У красногвардейцев не хватало оружия, и лидер красногвардейцев М. В. Богомолов потребовал его у гарнизона. Офицеры отказались выполнить его просьбу. Тогда им было предложено безотлагательно явиться на совещание в здание Крестьянского поземельного банка. Здесь они были насильно обезоружены. В этот день красногвардейцы также захватили склад оружия [6]. Вскоре в марте 1918 г. 3-й запасной конный полк пограничной стражи был расформирован. Так закончилась его история.

Подводя итоги исследованию, отметим, что судьба воейковского гарнизона во многом типична для всей бывшей императорской армии образца 1917 г. В условиях продолжающейся войны, мощной агитации левых революционных партий, боязни отправки на фронт, относительной вседозволенности и распущенности, отсутствия твердой власти, экономического хаоса, любой тыловой гарнизон был обречен на перерождение в шайку кондотьеров. Это прекрасно понимала и новая большевистская власть, которая в услугах старой армии уже не нуждалась.

Библиографический список

1. Белоусов, С. В. Пензенская губерния в эпоху Первой мировой войны : моногр. / С. В. Белоусов, О. А. Сухова, С. О. Юдин ; под общ. ред. О. А. Суховой. – Пенза : Изд-во ПГУ, 2015. – 464 с.
2. Врангель, П. Н. Записки (ноябрь 1916 г. – ноябрь 1920 г.) : в 2 кн. / П. Н. Врангель [Издано перепечаткой с сокращениями из альманаха «Белое дело», кн. 5 и 6]. – Берлин, 1928. – Кн. 1. – 293 с.
3. Диунов, М. Ю. Тыловые гарнизоны русской армии в 1917 г. : автореф. дис. ... канд. ист. наук / Диунов М. Ю. – Ярославль, 1999. – 26 с. – URL: <http://cheloveknauka.com/tylovyue-garnizony-russkoy-armii-v-1917-godu#ixzz4pcc3Zmle>
4. Колоницкий, Б. И. Красные против красных / Б. И. Колоницкий // Нева. – 2010. – № 11. – 12 с.
5. Крылов, Г. И. Каменка / Г. И. Крылов. – Саратов : Приволж. кн. изд-во (Пенз. отд-е), 1980. – 64 с.
6. Курлов, И. Г. В те далекие годы / И. Г. Курлов // Красное Знамя (г. Каменка). – 1967. – 22 февраля.
7. Морозов, В. Пензенские большевики во время империалистической войны и второй буржуазно-демократической революции в России / В. Морозов. – Пенза : Пенз. кн. изд-во, 1960. – 234 с.
8. Новоженев, В. П. Установление Советской власти в Каменском районе / В. П. Новоженев // Красное Знамя (г. Каменка). – 1977. – 30 октября.
9. Очерки истории Пензенской организации КПСС / под ред. Г. В. Мясникова. – Саратов : Приволж. кн. изд-во (Пенз. отд-е), 1983. – 504 с.
10. Пензенская губерния в годы Первой мировой войны. 1914 – март 1918 : в 2 кн. / отв. сост. В. В. Кондрашин. – Прага : Vedecko vydavatel'ske centrum «Sociosfera-CZ», 2014. – Кн. 1: 1914–1916. – 544 с. – (Документальная история Пензенского края).
11. Пензенская губерния в годы Первой мировой войны. 1914 – март 1918 : в 2 кн. – Кн. 2: 1917 – март 1918 / отв. сост. В. В. Кондрашин. – Прага: Vedecko vydavatel'ske centrum «Sociosfera-CZ», 2014. – 595 с. – (Документальная история Пензенского края).
12. Пензенский край 17 в. – 1917 гг.: Документы и материалы. – Саратов : Приволж. кн. изд-во (Пенз. отд-е), 1982. – 304 с.
13. Юрченков, В. А. Власть и общество: российская провинция в период социальных катаклизмов 1918–1920 гг. : моногр. / В. А. Юрченков ; НИИ гуманитар. наук при Правительстве Республики Мордовия. – Саранск, 2010. – 440 с.

СУДЬБА РОССИЙСКОЙ ЭЛИТЫ: В. Н. ВОЕЙКОВ И РЕВОЛЮЦИЯ 1917 г.

А. В. Гришакова

г. Москва, Россия

Аннотация. В статье охарактеризован жизненный путь представителя национальной элиты – В. Н. Воейкова – на изломе российской государственной катастрофы 1917 г. Автор показывает, что судьба царского генерала стала типичной для всего привилегированного дворянского сословия.

Ключевые слова: элита, революция, помещик, имение, погром, эмиграция, оценка.

Summary. The article describes the life of the national elite representative V. N. Voeikov before and after the Russian state catastrophe of 1917. The author shows that the fate of the tsarist General proved to be typical of the entire privileged nobility.

Key words: elite, revolution, landowner, estate, riot, emigration, assessment.

Вот уже век, как произошли события, ставшие эпохальными для истории не только нашего Отечества, но и всего сообщества мировых цивилизаций. Несмотря на то, что с этого момента прошло достаточно много времени, события тех лет вызывают и сегодня ожесточенные споры. Как и сто лет назад страсти, разожженные революцией, продолжают воспламенять умы потомков, разбрасывая их по разные стороны баррикад. Не мудрено. Слишком много было в нашей революции того, чему не найти аналогов в других революциях, известных в истории человечества. Много отрицания, разрушения, крови. И в первую очередь это затронуло национальную элиту. Ее не стало. Вспомните, как цари и царские вельможи в советских исторических трудах, учебниках, фильмах только и делали, что злобно душили все передовое, сами купаясь в роскоши и неге, как имена многих выдающихся людей России, связанных с ее государственным развитием, оказывались либо втоптаннами в грязь, либо преданы забвению. Произошла настоящая трагедия национальной элиты, большая часть которой была физически уничтожена, а оставшаяся – выброшена в эмиграцию. Шаляпин и Бунин, Сикорский и Рахманинов – целый ряд талантливых и предприимчивых людей были вынуждены покинуть свою Родину.

Этой незавидной участи не избежал и представитель известной дворянской фамилии, крупный пензенский помещик, генерал Свиты Его Величества, комендант Зимнего дворца Владимир Николаевич Воейков (1868–1947 гг.). Февральский вихрь 1917 г. разом перечеркнул стремительную карьеру преуспевающего генерала, опрокинул как карточный домик все его начинания, поставил вне закона. Можем ли мы отнести Воейкова к российской национальной элите? Безусловно. Владимир Николаевич родился 2 августа 1868 г. в Царском селе. Отец его – генерал-адъютант, обер-камергер Николай Васильевич Воейков. Мать – Варвара Владимировна – дочь московского генерал-губернатора В. А. Долгорукова, крупная пензенская землевладелица, оставившая старшему сыну поместье в размере 14 тысяч десятин земли. Род Воейковых имел давнюю и благородную историю. Так, книга А. Б. Лакиера «Русская геральдика», выпущенная в середине XIX в., показывает его древнее происхождение: «к великому князю Дмитрию Ивановичу Донскому выехал в 1383 г. Воейко Войтегович, сын первого вельможи Сербского государства, обладателя города Терновцы, державца Прусской земли» [8: 305]. Карьера последнего дореволюционного отпрыска древнего рода – В. Н. Воейкова – была во многом типичной для представителя дворянского сословия. Хорошее образование, военная служба, выгодный брак, который предопределил быстрый карьерный

рост и близость к императорской особе [3: 85–86]. Но это последнее обстоятельство, в условиях нарастающего общественно-политического кризиса в стране, сыграло для Воейкова роковую роль. Накануне 1917 г. «прогрессивные» думские деятели, еще не решаясь хулить императора, обрушили поток инсинуаций на его ближайшее окружение. Воейков стал объектом активной дискуссии в Государственной думе. В. М. Пуришкевич, депутат II, III и IV-го созывов, голословно назвал генерала «загнанным бобром», «генералом от Кувакерии» и описал «коррупционную» составляющую успеха Воейкова: «И вот, господа, – Бог с ней, с Кувакой, – скажите мне: в тот момент, когда в Российской Империи дорога каждая пара рельсов, когда необходимо проведение железных дорог стратегического характера, чем вы объясните, что из имени Воейкова-Кувака проведена стратегическая дорога, вероятно, в его собственный карман, для вывоза этой самой Куваки? Я вам скажу, что в минуту нашего отступления с Варшавского фронта, когда все было запружено беженцами, я собственными глазами видел целый ряд вагонов, где было написано "Кувака"» [12]. С подачи Пуришкевича за ним утвердился ярлык «генерала от кувакерии». Травля продолжалась. Вот как, например, описывает свою встречу с генералом И. Д. Сытин, известный русский книгоиздатель: «этот ловкий, выхолонный, чистенький, с иголки одетый офицер принял меня корректно, но суховато. Война и вся русская трагедия для него просто не существовали. Он мило улыбался и говорил о «Куваке»» [3: 92]. В своей книге «При дворе последнего императора» А. А. Мосолов характеризует Воейкова как «человека, безусловно, талантливого, не лишённого светской любезности и юмора, равно как и придворной ловкости [10: 15].

Греческий философ Эпиктет говорил: «Если ты хочешь быть беспристрастным судьей, смотри не на обвинителя или обвиняемого, а на самое дело». Так и мы поступим сегодня, рассмотрев некоторые факты деятельности В. Н. Воейкова. В 1905–1907 гг. его пензенское имение, расположенное в с. Каменке Нижнеломовского уезда, пострадало мало, если не считать порубок леса [7]. Не считаясь со временем и средствами, предприимчивый генерал развивает кипучую деятельность. За короткий срок в селе были возведены крупные общественные здания – банк и почта, две мельницы, кирпичный завод, складские помещения при станции Воейково и т.д. Началось внедрение посевов сахарной свеклы, на перспективу планировалось создание сахарного завода. Преуспел генерал и в животноводстве – излюбленном «коньке» помещичьих имений. «Вестник Пензенского земства» за 1912 г. сообщал, что в «Каменской экономии Воейковых имеется мериносовое стадо овец рамбулье в 5 тысяч голов» [3: 89]. Кроме того, содержался конный завод – лошади поставлялись в кавалерию. Часть земли обрабатывалась наемными рабочими с использованием самых передовых методов агротехники и сельхозмашин. Выращивались не только рожь, овес, но и озимая пшеница. Применялась трехпольная система севооборота с травосеянием и введением корнеплодов. Довольно разумно использовался и женский труд. В Каменке имелись специальные мастерские, в которых женщины занимались художественным рукоделием [3: 89–90]. В 1913 г. Воейков основал производство по разливу минеральной воды в своем имении – с. Кувака Пензенской губернии. Производственная мощность завода «Кувака» составляла 100 тыс. бутылок воды (тонн розлива) в год [7]. Воейков не был помещиком «вишневых садов» – предприимчивый и амбициозный, он являлся антиподом революции, точно понимая, что лишь «новое» дворянство способно воплотить в жизнь эволюционные изменения, которые уже давно ждала страна. Но столыпинских 20 лет покоя стране никто не дал. Пришел 1917 г. День отречения Николая II Воейков описывал в своем допросе так: «Он (Николай II) ничего не предпринимал... Моего в этом участия непосредственного не было... Алексеев послал

телеграмму – форму отречения, которую Рузский передал государю. Утром я встретил Рузского и спросил его о результате телеграммы Родзянко. Рузский ответил: «Того, что ему послано, теперь недостаточно (т.е. конституции), придется идти дальше» [11]. Так, в нескольких предложениях генерал описал падение монархического строя огромной Империи. Через двое суток после отречения В. Н. Воейков был удален от царя и, оставшись совершенно не у дел, намеревался выехать в свое пензенское имение. Он тогда даже не подозревал, что оказался в числе врагов «свободной», демократической России», и что на него объявлена охота. В один из первых дней после переворота из магазина одного фотографа в Петрограде толпа вынесла портрет Воейкова в натуральную величину, поставила к фонарю на Невском проспекте и расстреляла. По дороге в Каменку, 7 марта 1917 г. Воейков был арестован, снят с поезда и отправлен обратно в Петроград [3: 92]. Сопровождал генерала лично А. Ф. Керенский. Как только поезд прибыл на Николаевский вокзал, пламенная речь слетела с губ нового лидера России: «Я ездил в Москву, чтобы лично руководить задержанием бежавшего от государя его дворцового коменданта – генерала Воейкова, совершившего перед народом столько преступлений... я его привез в своем поезде, он не избежит суда...». Вскоре Воейков оказался в Трубецком бастионе Петропавловской крепости [2: 237]. Накануне он получил от жены неутешительные сведения о том, что управляющий «Куваки» Г. Г. Биршерт бросил дела, а через несколько дней столичные газеты поместили объявление, гласившее о том, что «правление акционерного общества «Кувака» приветствует всенародное движение и отмежевывается от бывшего владельца Воейкова, который 8 марта 1917 г. на экстренном заседании исключен из состава правления» [2: 254]. Пожалуй, это было еще не самым страшным. Уже находясь в заключении, опальный генерал узнает о разгроме своего имения в Пензенской губернии. Комитет из местных жителей, признав ненадобность для рабоче-крестьянского государства тонкорунного овцеводства, постановил его уничтожить. Одновременно были разграблены усадьба и конный завод. Впоследствии Воейков так опишет эти события: «Известия о моем имении безрадостны... Местные крестьяне, набросившись на овчарни, растащили уникальных животных... Часть зарезали, а часть загнали до смерти... По всей Каменке валялись трупы бедных созданий...» [2: 261].

Тюремная жизнь Воейкова в Петропавловской крепости, сочетавшаяся с постоянными допросами, привела к тому, что здоровье генерала оказалось подорвано. Его перевели в тюремную больницу, где он пробыл вплоть до большевистского переворота. В октябре 1917 г., чудом избежав расстрела, Воейкову удается бежать. Находясь на нелегальном положении, он делает попытку перебраться в Финляндию. Только в начале 1919 г. беглецу улыбнулась удача: он пересекает границу с Румынией, после чего целый год кочует по Европе в поисках пристанища. В феврале 1920 г. Воейков получает, наконец, визу на жительство в Финляндии [9]. Он не играл заметной роли в жизни русской эмиграции, оставаясь объектом литературных нападок. В многочисленных мемуарах взявших за перо баронов, генералов, политиков, Воейков продолжал быть персоной нон-грата. Его сослуживец по Кавалергардском полку, граф А. А. Игнатьев, писал: «Воейков считался интриганом и самым неприятным по характеру товарищем, но внушал к себе известное почтение своей хозяйственной ловкостью. Главным же свойством этого маленького задорного человека была скупость» [5: 53]. «Воейков был очень самолюбив, – отмечал в воспоминаниях генерал-лейтенант В. Ф. Джунковский, – его «я» было всегда на первом плане, он хотел, чтобы все вокруг него работали, а он пожинал лавры. Должность дворцового коменданта его интересовала постольку, поскольку она ему была приятна по роли, какую он мог играть, по той пользе, какую он мог извлекать из нее для своих личных выгод... он никого не любил, никому не был

предан, в основе его характера, в его эгоизме лежал даже какой-то цинизм. Он это прекрасно доказал, бросив Государя в самую трагическую минуту» [4: 6]. Так бывшая элита пожирала бывшую элиту. Для советской же историографии генерал Воейков на долгие годы стал «хитрым и жадным эксплуататором» [6: 9]. Впоследствии, в вышедшей в Хельсинки в 1936 г. автобиографической книге «С царем и без царя» Воейков, стараясь «смыть грязь со своей головы», напишет: «Моим жизненным крестом до конца дней будет мысль, что я... оказался бессильным в борьбе с окружавшим престол предательством и не смог спасти того, от кого я, как и все русские люди, видел только одно добро» [2: 237]. Скончался В. Н. Воейков 8 октября 1947 г. в Швеции, в г. Дангерюд.

Судьба нашего героя стала своего рода эталоном трагедии российской элиты в 1917 г. Правда, В. Н. Воейкову повезло несколько больше, чем большинству представителей правящего сословия: он выжил. В настоящее время мы анализируем уроки прошлого и стараемся соединить оборванную нить поколений. В г. Каменке Пензенской области именем Воейкова названа улица, возрождена былая слава его детищу – заводу «Кувака», функционирует основанный им кирпичный завод, планируется восстановление его резиденции – Алексеевского дворца. Настало время собирать камни.

Библиографический список

1. Блок, А. А. Последние дни императорской власти / А. А. Блок // Архив русской революции, издание И. В. Гессена. – Берлин, 1922. – Т. 4. – С. 5–24.
2. Воейков, В. Н. С царем и без царя: Воспоминания последнего дворцового коменданта Государя Императора Николая II / В. Н. Воейков. – М. : Воениздат, 1995. – 420 с.
3. Гришаков, В. Г. Жизненный крест генерала Воейкова / В. Г. Гришаков // Краеведение. Приложение к журналу «Просвещение: проблемы и перспективы». – Пенза, 2001. – 192 с.
4. Джунковский, В. Ф. Воспоминания (1915–1917) / В. Ф. Джунковский. – М. : Издательство им. Сабашниковых, 2015. – Т. 3. – 46 с.
5. Игнатъев, А. А. Пятьдесят лет в строю / А. А. Игнатъев. – М. : Воениздат, 1986. – 204 с.
6. Крылов, Г. И. Каменка (Города Пензенской области) / Г. И. Крылов. – Саратов : Приволж. кн. изд-во (Пенз. отд-е), 1980. – 64 с.
7. Куликов, В. Особа, приближенная к императору / В. Куликов // Маяк (г. Нижний Ломов). – 1996. – № 62.
8. Лакиер, А. Б. Русская геральдика / А. Б. Лакиер. – М. : Книга, 1990. – 432 с.
9. Миролюбов, П. Ф. Русская жизнь в Терийоках / П. Ф. Миролюбов // Зеленогорский вестник. – 1992. – № 8 (58). – URL: <http://terijoki.spb.ru/history/templ.php?page=miro-lub4&lang=ru> (дата обращения: 13.08.2017).
10. Мосолов, А. А. При дворе последнего императора / А. А. Мосолов. – М. : Олма-МедиаГрупп : Просвещение, 2016. – С. 15.
11. Падение царского режима. Т. 3 (Стенографические отчеты допросов и показаний, данных в 1917 г. в Чрезвычайной Следственной Комиссии Временного Правительства). Допрос В. Н. Воейкова 28 Апреля 1917. – URL: https://ru.wikisource.org/wiki/%D0%9F%D0%B0%D0%B4%D0%B5%D0%BD%D0%B8%D0%B5_%D1%86%D0%B0%D1%80%D1%81%D0%BA%D0%BE%D0%B3%D0%BE_%D1%80%D0%B5%D0%B6%D0%B8%D0%BC%D0%B0_%D0%A2%D0%BE%D0%BC_3/%D0%94%D0%BE%D0%BF%D1%80%D0%BE%D1%81_%D0%92._%D0%9D._%D0%92%D0%BE%D0%B5%D0%B9%D0%BA%D0%BE%D0%B2%D0%B0_28_%D0%90%D0%BF%D1%80%D0%B5%D0%BB%D1%8F_1917 (дата обращения: 17.08.2017).
12. Стенографические отчеты заседаний Государственных дум Российской империи. – Репринтное издание 1906–1917 гг. – СПб. : Альфарет, 2011.

РЕВОЛЮЦИЯ 1917 г. В РОССИЙСКИХ ИСТОРИЧЕСКИХ ЖУРНАЛАХ (2007–2017)

А. М. Гурьянова

г. Пенза, Россия

Аннотация. В статье исследуются достижения современной отечественной историографии, посвященной революционным событиям в России в 1917 г. Сделана попытка дать ответы на самые обсуждаемые вопросы. Актуальность данной работы заключается в том, что проанализированы статьи ведущих научных журналов: «Родина», «Новая и новейшая история», «Вопросы истории», «Российская история», «Преподавание истории в школе», «Преподавание истории и обществознания в школе» за период 2007–2017 гг.

Ключевые слова: Великая российская революция, причины, последствия и альтернативы революции.

Summary. The article examines the achievements of modern Russian historiography, dedicated to the revolutionary events in Russia in 1917. An attempt was made to provide answers to the most discussed issues. The relevance of this work is that the articles of leading scientific journals have been analyzed: «Motherland», «New and Contemporary History», «Questions of History», «Russian History», «Teaching History at School», «Teaching History and Social Studies in School» for the period 2007–2017.

Key words: The Great Russian Revolution, the causes, the consequences and the alternatives of revolution.

Великая российская революция 1917 г. – коренной перелом в жизни многих людей не только в России, но и во всем мире, коренной перелом в российской и мировой истории. Революционный процесс, затронув абсолютно все сферы общественной жизни, до сих пор не приобрел однозначной оценки в отечественной историографии.

В данной работе предпринята попытка обобщить данные российской исторической науки, представленные на страницах ведущих журналов за последнее десятилетие («Родина», «Новая и новейшая история», «Вопросы истории», «Российская история», «Преподавание истории в школе», «Преподавание истории и обществознания в школе»). Подобный подход позволяет выявить наиболее актуальные проблемы и достижения в исследовании революционного процесса 1917 г. Всего были выявлены и проанализированы 24 статьи, освещающие различные аспекты проблемы.

Следует особо выделить несколько тем, неизменно привлекающих внимание современных исследователей. Например, жизнь и деятельность В. И. Ленина. В канун 100-летия революции доктором философских наук, Семеном Экштуттом, ставится вопрос: почему до сих пор не написана новейшая биография вождя? По его мнению, современная историческая наука не располагает ни запретными темами, ни фигурами, о которых стоит умолчать. Поэтому о Владимире Ильиче вполне реально составить биографию. Но где же тот биограф, который решится изучить все ленинское литературное и эпистолярное наследие...

Философ подсчитал: имеется 2244 страницы справочной информации о В. И. Ленине, 40 томов «Ленинских сборников», 13 томов фактов из жизни и деятельности вождя, 8 томов «Воспоминаний о Владимире Ильиче Ленине», 149 прижизненных фотографий Ленина, 607-страничный том, выпущенный в 2000 г., «В. И. Ленин. Неизвестные документы (1891–1922)» [23: 29].

Ольга Эдельман в 2016 г. ответила на весьма интересные вопросы журналиста научно-популярного журнала «Родина». В частности, она пояснила, что, несмотря на отсутствие новейших серьезных исследований о Ленине и РСДРП,

общество этим и не обеспокоено. Ажиотажа нет. Как со стороны читателей, так и со стороны исследователей. После провозглашения гласности в 1985 г. открылись многие архивы, а значит, и секретные документы. Интерес появился к истории Романовых, Российской империи, послереволюционным событиям. Так и остался Владимир Ильич в стороне [13: 19].

Несмотря на отсутствие обобщающего труда о Ленине, на страницах исторических журналов фрагментарно представлены различные аспекты проблемы (7 статей из 24 так или иначе касаются фигуры большевистского лидера) [2, 5, 13, 20, 22–24].

Следующий актуальный вопрос – причины и предпосылки российской революции. К настоящему времени имеется большое количество мнений, многие из которых не были отмечены историографией советского и постсоветского периода. Советская историография выделяла объективные предпосылки и субъективные факторы Февральской буржуазно-демократической и Октябрьской социалистической революции.

Близок к советскому пониманию причин и предпосылок А. А. Искандеров. В качестве объективной причины он выделяет Первую мировую войну. А к субъективному фактору относит действия политиков. С этим подходом соглашаются многие исследователи, в том числе В. М. Лавров, А. И. Уткин [3: 41–42].

В связи с повышением роли церкви в современном российском обществе обсуждается ее роль в событиях 1917 г. Исследователь В. В. Лобанов отмечает зависимость церкви от системы государственного управления (даже слово «церковь» перестало фигурировать в государственных бумагах, его заменил термин «ведомство государственного исповедания»). Это привело к тому, что многие архипастыри превращались в послушных чиновников. Итог: падение нравственности среди духовенства влекло за собой падение нравственности во всех сословиях российского общества [6: 63].

Исследователь О. Митров отмечает потерю существенной частью русского народа православия в качестве основы своего мировоззрения. Ибо истинный христианин никогда не будет участвовать в революциях. У него другая цель, другие задачи. Революционные зачатки исследователь выводит из эпохи Петра I, так как именно при нем началось расцерковление [6: 63–64]. Этот процесс В. Легойда определяет как длившийся столетия и принимавший разные формы [6: 67].

Кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института востоковедения РАН А. Е. Локшин особое значение придает еврейскому фактору в революции. События Первой мировой войны привели к радикальным событиям – сотни тысяч евреев оказались вырванными из привычной жизни. Усилилось социально-экономическое неравенство. Молодежь больше не привлекала консервативность жизни, а потому она все больше увлекалась революционной идеологией [6: 65]. Следует сказать о том, что особую роль евреев отмечал и вождь мирового пролетариата В. И. Ленин.

Исследователь А. В. Голубев выделил две группы предпосылок: глобальные процессы в рамках Российской империи и ситуативные процессы. К первой группе он относил процесс разложения традиционного общества и связанных с ним систем отношений. Ко второй – Русско-японскую и Первую мировую войну [6: 67–68].

А. Н. Боханов уверен, что причины и предпосылки нужно искать во всех сферах жизни общества, кроме экономики, так как экономика дореволюционной России была «блестящей». К такому мнению склоняются историк Б. Н. Миронов [12], политолог В. А. Никонов [8: 101]. Таким образом, основание революционных событий 1917 г. необходимо рассматривать как явление принципиально сложное и многоуровневое по своей природе.

Следующий вопрос, которому уделяют внимание исследователи – количество революций. Ответ на него влияет на восприятие революции 1917 г. в массовом сознании, на процесс преподавания истории. В современной публицистической литературе уже устоялось мнение об одной Великой российской революции 1917 г. Следует подчеркнуть, что от этого зависит мировоззрение будущего поколения, которому только предстоит изучать историю нашей Родины. При этом версия одной революции высказана давно, самими ее творцами. Этот подход разделяли представители кадетов и социалистических партий, большинство большевистских теоретиков. Концепция же двух революций появилась в ходе дискуссии 1924 г. по поводу «Уроков Октября» Л. Д. Троцкого, а окончательно сформировалась в первой половине 1930-х гг. и стала официальной при Советской власти в СССР [10: 406].

С мыслью о том, что Февраль и Октябрь были этапами единой революции, пишет профессор МГУ Н. Д. Ерофеев, подчеркивая при этом, что подобную точку зрения поддерживает большинство современных историков. По мнению исследователя, Февраль и Октябрь решали одну и ту же задачу: освободить Россию от тех препятствий, которые тормозили ее развитие, создать условия для ее более динамичной модернизации, избавить ее от реально угрожающей опасности оказаться на обочине цивилизованного мира и потерять свою независимость [8:100–101]. Доктор исторических наук В. А. Космач утверждает, что «октябрьский переворот» 1917 г. – это великий и важный эпизод «Великой российской буржуазно-демократической революции» [10: 418–419].

В то же время ведущий научный сотрудник Института российской истории РАН Б. С. Илизаров на «круглом столе» в Институте российской истории РАН 15 марта 2007 г. подчеркнул, что Февраль и Октябрь представляют собой два разных типа революции. Русские революции до октября 1917 г. имели во многом положительное значение, а Октябрьская революция превратилась в орудие диктатуры, диких периодических репрессий и т.п. [8: 106].

Интересен и другой подход. Доктор исторических наук Д. О. Чураков, анализируя проблемы и дискуссии о событиях 1917 г. в современной историографии, также задавался вопросом о количестве революций и дал свой ответ. Если под революцией понимается резкая смена вектора движения, переход от одной ступени цивилизационного развития к другой, вполне приемлемо выделять две революции. А если речь заходит о тенденциях, определявших лицо всей переходной эпохи, то правомерно говорить о единой Великой Русской революции [21: 108].

Проблема альтернативности в 1917 г. стала одной из самых модных в исторической публицистике с распадом СССР. Это отметил еще в 1989 г. член-корреспондент АН СССР, П. В. Волобуев [4: 14]. В 2017 г. ситуация не изменилась.

Так, Н. В. Стручков выделяет 5 альтернатив в 1917 г. Первая: конституционная монархия с ответственными перед Государственной Думой правительством и широкими демократическими правами и свободами. Однако дезинформация (ложь генерала Н. В. Рузского о том, что станции по пути следования императорского поезда захвачены революционными войсками; генерала М. В. Алексева – о том, что армия и флот поддерживают Временное революционное правительство и т.п.) и военное давление генералов принудили Николая II отречься от престола. Монархия рухнула 3 марта с отречением Михаила Александровича.

Вторая: установление демократического строя. Сложилась путем назначения еще Николаем II премьер-министром князя Г. Е. Львова. Именно Львов стал главой Временного правительства (март-июль 1917 г.). Оно было достаточно популярно внутри страны и на фронте, среди представителей многих партий. Но ситуация начала меняться с 3 апреля 1917 г.

Третья: тоталитарное общественное развитие. 3 апреля 1917 г. в Петроград вернулся В. И. Ленин – лидер радикального крыла большевистской партии. Стали популярны экстремистские настроения.

Четвертая: военная диктатура. После того, как Ленина и большевиков начали дискредитировать с помощью обнародованных доказательств о сотрудничестве с германским генштабом с целью разложения российской армии и получения немецких денег, третья альтернатива пала. К этому времени (август 1917 г.) на фронте и в тылу наступила анархия и появилась альтернатива генерала Л. Г. Корнилова. С ней активно боролся А. Ф. Керенский. Народ, склонявшийся к позиции Керенского, скоро начал обвинять его в развале русской армии и политическом коварстве. Тем временем влияние постепенно стали набирать большевики, смыв с себя клеймо «немецких шпионов».

Пятая: создание демократического социалистического правительства, включая большевиков. Ленин предложил сформировать правительство, ответственное перед советами, отказаться от вооруженных методов борьбы. Однако вскоре он вернулся к тоталитарным методам. А лидеры партий меньшевиков и эсеров пытались реализовать эту альтернативу в Октябрьские дни 1917 г. и позже, вплоть до постыдного разгона большевиками Учредительного собрания 5–6 января 1918 г. [19].

Несколько альтернатив событий 1917 г. выделяет (хотя весьма скупо, без каких-либо обоснований) специалист по истории России XX века Б. А. Старков:

- 1) буржуазно-демократическая (Керенский);
- 2) генеральско-диктаторская (Корнилов);
- 3) однородно-социалистическая (Мартов);
- 4) леворадикальная, большевистская (Ленин) [18: 44].

Российский историк и политический деятель В. В. Кондрашин в 2007 г. изложил свое видение альтернативы развития страны. По его мнению, она заключалась в продолжении и углублении Великих буржуазных реформ Александра II. Революции бы не произошло, если бы, во-первых, был осуществлен разработанный министром финансов Н. Х. Бунге план реформирования сельского хозяйства. Реформа сельского хозяйства не позволила бы обострить аграрно-крестьянский вопрос, остро вставший в начале XX в. и в 1917 г., в частности. Во-вторых – если бы Александр II продолжил свой курс на либерализацию самодержавного режима в сторону конституционной монархии, осуществив на пути к этому проект конституции М. Т. Лорис-Меликова [9: 5–6].

Таким образом, в 1917 г. Россия вполне могла пойти по-другому пути развития. Однако партия большевиков во главе с В. И. Лениным направила страну к выбору, сопровождающемуся массовыми жертвами и террором. Но не стоит забывать, что данный путь привел к созданию СССР – мировой державы, выпустившей первый переносной мобильный телефон, самое распространенное стрелковое оружие, первую межконтинентальную баллистическую ракету, построившей первую атомную электростанцию в мире. А потому не так уж плох тот путь, который был выбран 100 лет назад.

В современной исторической литературе дискуссионным стал вопрос о хронологических рамках Великой революции. К примеру, Н. Д. Ерофеев настаивает на том, что окончание революции относится к весне 1918 г. Он не соглашается с точкой зрения, что под понятием «Великая российская революция» подразумевают революцию и гражданскую войну. Главным вопросом революции являлся вопрос о власти. Советская власть утвердилась к началу лета 1918 г. [8: 105]. В. А. Космач, наоборот, уверен, что гражданская война 1917–1922 гг. в России – составная и содержательная часть Великой Российской революции [10: 413]. «Большой террор» второй половины 1930-х гг. и принятие новой Конституции

1936 г. окончательно завершили Великую российскую революцию 1917–1938 гг. в широком понимании ее хронологических рамок и окончательных результатов. 1938 г. – начало режима «красной империи» [10: 403]. Позиция В. П. Дмитренко и А. А. Корникова такова: 1917–1920/1922 гг. То есть, революция закончилась гражданской войной и иностранной интервенцией, когда власть большевиков окончательно утвердилась [3: 41].

Следующий актуальный вопрос – значение этих событий. Революция по определению должна изменить все сферы общественной жизни. И она изменила, как в положительную сторону, так и в отрицательную. Соглашаясь с советской историографией, А. А. Искандеров отмечает, что Октябрьская революция, во-первых, вызвала коренные изменения в общественном развитии России; во-вторых, заявила о строительстве качественно нового общества; в-третьих, оказала огромное влияние на весь мир [3: 43].

Н. Д. Ерофеев пишет о значении революционных событий 1917 г., выделяя три направления в современной историографии (консервативное, либеральное и социалистическое). Итак, консерваторы, негативно оценивая 1917 г., называют революцию «национальным банкротством и позором». Социалисты дают положительную оценку Февралю, так как он избавил Россию от самодержавия и сделал самой свободной страной в тогдашнем мире. Октябрь устранил препятствия и создал условия для развития страны в сторону социализма. А либералы (преобладающие в историографии в настоящее время, по мнению Ерофеева) говорят о том, что «непреодолимой ценностью была лишь Февральская революция». Но она была растоптана контрреволюционным Октябрем, установившим в стране тоталитарный, репрессивный режим [8: 105–106].

В. В. Лобанов выделил два последствия: строилось безрелигиозное общество и выросло поколение, не знающее о роли и месте православной церкви в истории России, лишенное знаний о памятниках мировой и отечественной культуры, не знающее имен писателей, всему миру известных. Эти последствия историками рассматриваются как малозначительные на фоне выдающихся достижений советской социалистической системы, с чем не согласен автор [6: 69].

Помимо этого, следует отметить и другие интересные аспекты в изучении революционного процесса в России, характерные для современной исторической публицистики: внимание к событиям зимы 1917 г., трагичность и поражение Февраля, революционная символика [1, 14–18]. Не угасает интерес к пресловутому германскому фактору в политике большевиков [11]. В 2017 г. Российский государственный архив социально-политической истории опубликовал документы, освещающие события февраля-марта 1917 г. В них представлены взгляды людей, не принимавших непосредственного участия в революции, а лишь наблюдавших за ней со стороны [17]. Следует отметить, что исторический научно-популярный журнал «Родина» на протяжении 2017 г. публиковал материалы газет столетней давности.

В результате изучения статей современных авторов в российских исторических журналах, следует отметить, что не все актуальные проблемы российского революционного процесса 1917 г. решены окончательно, несмотря на грядущий столетний юбилей этих событий.

Библиографический список

1. Айрапетов, О. Затишье перед организованной бурей? Что творилось в России в начале 1917-го / О. Айрапетов // Родина. – 2007. – № 2. – С. 10–15.
2. Башарова, Ю. Ленинский путь / Ю. Башарова // Родина. – 2017. – № 5. – С. 16–20.

3. Будник, Г. А. Новые подходы к изучению революции 1917 г. в России / Г. А. Будник // Вестник Ивановского государственного энергетического университета. – 2008. – № 1. – С. 40–44.
4. Волобуев, П. 1917 год: была ли альтернатива? / П. Волобуев // Родина. – 1989. – № 10. – С. 14–17.
5. Гусяров, Е. Владимир Ленин: дело не в России, на нее, господа хорошие, мне наплевать / Е. Гусяров // Родина. – 2017. – № 2. – С. 70–75.
6. Духовно-нравственные причины и последствия русских революций. «Круглый стол» в ИРИ РАН // Преподавание истории и обществознания в школе. – 2009. – № 3. – С. 63–70.
7. Емельянов, С. Красный бант. В чем была его популярность в смутные дни / С. Емельянов // Родина. – 2017. – № 2. – С. 85–86.
8. Ерофеев, Н. Д. Современная отечественная историография русской революции 1917 года / Н. Д. Ерофеев // Новая и новейшая история. – 2009. – № 2. – С. 92–108.
9. Кондрашин, В. В. К вопросу о причинах и историческом значении революционных потрясений в России в 1917 году / В. В. Кондрашин // Революция и общество : материалы Всерос. науч.-практ. конф., посвящ. 90-летию революций 1917 года в России / под ред. В. А. Власова. – Пенза : ПГПУ, Пензенское отделение российского общества историков-архивистов, 2007. – С. 3–8.
10. Космач, В. А. Великая российская революция 1917–1922 гг. и ее последствия: опыт сравнительно-исторического анализа / В. А. Космач // Псковский государственный университет. – 2014. – № 5. – С. 391–420.
11. Макаренко, П. В. Германский фактор в Октябрьской революции 1917 года / П. В. Макаренко // Вопросы истории. – 2008. – № 5. – С. 30–43.
12. Миронов, Б. Н. Модернизация имперской России и благосостояние населения / Б. Н. Миронов // Российская история. – 2009. – № 2. – С. 137–155.
13. Нордвик, В. Историк Ольга Эдельман: между Робеспьером и Лениным – пропасть! / В. Нордвик // Родина. – 2016. – № 11. – С. 18–28.
14. Петров, Ю. А. Россия накануне Великой революции 1917 года: современные историографические тенденции / Ю. А. Петров // Российская история. – 2017. – С. 3–16.
15. Романовский, В. К. «"Февраль" весь был соткан из противоречий, фатально влекших его к гибели». Н. В. Устрялов о либеральной альтернативе и ее банкротстве в 1917 году / В. К. Романовский // Преподавание истории в школе. – 2017. – № 2. – С. 3–9.
16. Сахаров, А. Н. «Растоптанный февраль» (воспоминания) / А. Н. Сахаров // Вопросы истории. – 2017. – № 4. – С. 92–105.
17. Сорокин, А. Большевикам видится на расстоянии / А. Сорокин, А. Лукашин, А. Волхонская // Родина. – 2017. – № 2. – С. 108–115.
18. Старков, Б. А. Февральский излом 1917 года / Б. А. Старков // Общество. Среда. Развитие. – 2007. – № 4. – С. 30–45.
19. Стручков, Н. В. К вопросу об альтернативах общественного развития России в феврале-октябре 1917 года / Н. В. Стручков // Образование и общество. – URL: http://www.jeducation.ru/1_2004/50.html (дата обращения: 09.08.2017).
20. Хазагеров, Г. Владимир Ленин: поменьше интеллигентских рассуждений. Ближе к жизни / Г. Хазагеров // Родина. – 2017. – № 7. – С. 38–40.
21. Чураков, Д. О. 1917 год в современной историографии / Д. О. Чураков // Новая и новейшая история. – 2009. – № 4. – С. 104–115.
22. Экштут, С. Владимир Ленин: за изуродование портрета арестовывать нельзя... / С. Экштут // Родина. – 2016. – № 12. – С. 58–63.
23. Экштут, С. Почему наука боится Ленина? / С. Экштут // Родина. – 2016. – № 11. – С. 28–31.
24. Экштут, С. Пощечина будущим Ильичам / С. Экштут // Родина. – 2017. – № 1. – С. 38–43.

НЕПОЛИТИЧЕСКИЕ ОБЩЕСТВЕННЫЕ ОРГАНИЗАЦИИ ГОРОДА ПЕНЗЫ В 1917 г.

О. В. Доброва

г. Пенза, Россия

Аннотация. Данная статья посвящена проблеме существования и деятельности неполитических общественных организаций г. Пензы в условиях революции 1917 г. Автор рассматривает наиболее заметные объединения.

Ключевые слова: революция, 1917 г., общественные организации, общество.

Summary. This article deals with the problem of the existence and activities of non-political social organizations in Penza in terms of the revolution of 1917.

Key words: revolution, 1917, cultural organizations, social initiative.

Крушение Российской империи, начало нового этапа исторического пути развития России, в котором коренным изменениям подверглись социальная, экономическая и культурная сферы жизни общества, сказались и на деятельности общественных организаций г. Пензы. Революционные события 1917 г., изменившие нашу страну, не могли не коснуться неполитических и общественных объединений, которые решали необходимые для любого общества и государства просветительские и научно-исследовательские задачи, занимались сохранением национального наследия, повышением интеллектуального и творческого потенциала общества.

В первую очередь этих объединений коснулось изменение законодательных основ их деятельности. 12 апреля 1917 г. был принят закон об обществах и союзах, провозглашавший, что «все без исключения российские граждане имеют право без особого на то разрешения образовывать общества и союзы в целях, не противных уголовным законам». Закон специально предусматривал, что «принудительное закрытие общества или союза может последовать не иначе, как по суду, и притом лишь в том случае, если деятельность его оказывается направленной к достижению целей, воспрещенных уголовными законами» [1]. Это значительно упрощало открытие и работу общественных организаций по сравнению с предыдущим законом, который был принят также в условиях революции. Утвержденные 4 марта 1906 г. «Временные правила об обществах и союзах» всю полноту власти по вопросам функционирования общественных объединений передавали местным губернским властям. А губернатор даже имел право по собственному смотрению закрыть негодное общество.

Уже начавшаяся в 1914 г. Первая мировая война внесла значительные коррективы в работу неполитических общественных организаций. А революционные события 1917 г. привели к их закрытию. Так, именно в 1917 г. завершило свою деятельность Пензенское общество содействия внешкольному образованию, занимавшееся организацией просветительских лекций, киносеансов, курсов. Несмотря на трудности военного времени с 1916 г. общество приступило к выпуску ежемесячного журнала «Вестник внешкольного образования». Но события революции эта организация уже не пережила [9].

Созданное в 1900 г. Пензенское Отделение Императорского Российского технического общества, также пыталось приспособиться к новым условиям. Деятельность общества была прервана 1-й мировой войной и возобновлена только в марте 1917 г. После февральской революции оно перестает быть «императорским» и становится просто «Российским Техническим обществом». В марте 1917 г. в Совет Русского Технического общества отправлено решение собрания пензенских инженеров и техников о возобновлении деятельности Пензенского отделения РТО.

На собрании было решено ходатайствовать: «а) об изменении названия общества, вычеркнув слово "императорское"; б) о переделке устава, согласно происшедшим событиям;... с) о предоставлении права Пензенскому отделению общества понизить наполовину членский взнос без взимания единовременной вступной платы, что признается необходимым для развития успешной деятельности отделения» [3: 24].

Еще в начале XX в. наблюдалось стремление технической интеллигенции к объединению инженеров и техников всей России в Союзы для совместной общественно-политической деятельности и защиты своих профессиональных интересов. Так, в январе 1905 г. в центральных газетах была опубликована «Записка инженеров», в которой выражалось требование «полной неприкосновенности личности, свободы собраний и союзов, свободы и печати» [4: 60].

С призывом объединения в мае 1917 г. выступил «Союз инженеров и техников» г. Саратова: «Граждане и товарищи, русские техники! Теперь, когда старый государственный строй пал, перед свободными русскими гражданами стоит великая и неотложная задача перестроить экономическую жизнь нашей родины на новых началах... Нужно работать, а чтобы работа была продуктивна, необходимо действовать дружно и планомерно, объединившись в одну общую организацию... Объединившись на профессиональной почве, инженеры и техники г. Саратова и его района обращаются к своим товарищам... с горячим призывом организовать местные Союзы в других городах и соединиться сначала в Областные Союзы, а затем – в одну мощную организацию Всероссийский Союз Технических Сил...» [4: 93].

16 мая 1917 г. на заседании Правления Пензенского отделения общества рассматривалось воззвание отдела техников и инженеров г. Саратова. Для рассмотрения Общим собранием было постановлено:

1. Организовать Союз инженеров, техников и лиц, работающих в области техники при Пензенском Отделении Русского Технического Общества, но по своей деятельности вполне автономным от Общества.

2. Цель союза – отстаивание профессиональных, правовых и экономических интересов его членов.

3. Установление принципов профессиональной этики; организация товарищеского суда.

4. При Союзе должны быть организованы бюро труда и касса взаимопомощи; организация взаимного страхования [4: 91].

На том же заседании был утвержден Устав «Союза инженеров и техников», по которому деятельность Союза делилась:

- а) на профессиональную;
- б) культурно-просветительную;
- в) научную.

Эти три основных направления включали и юридическую помощь членам Союза, и распространение технических знаний через чтения и публичные лекции, и изучение местных природных богатств и местной промышленности, а также исследование материалов и продуктов производства и многое другое.

На заседании Правления общества 26 мая 1917 г. обсуждалась организация политехнических курсов. Членами Правления предполагалось, что необходимость в технических специалистах по окончании войны увеличится, так как планировалось городское, земское и заводское строительство. В Пензе не существовало на тот момент нужных технических учебных заведений, и молодые люди отправлялись на учебу в Москву. В связи с этим Правление приняло следующее:

1. «Открытие курсов со следующими отделениями: механическое, архитектурно-строительное, дорожное и гидротехническое.

2. Курсы предположены по каждой специальности годовые и трехгодичные (для поступления на первые требуется окончание курса высшего начального училища, для вторых – практические знания по специальности)...

3. Ввиду недостаточности суммы взносов за слушание лекций, которые проводились в течение целого учебного года необходимо для покрытия расходов, для оплаты педагогическому персоналу в первый же год 50 000 рублей, а за три первые года 87 000 рублей» [5].

Пензенское отделение РТО оказывала различную помощь в технических вопросах на местном уровне. Так, в июне 1917 г. для улучшения вентиляции некоторых отделений писчебумажной фабрики Товарищества П. В. Сергеева по просьбе старшего фабричного инспектора были направлены инженеры-специалисты по отоплению и вентиляции зданий.

Немногим дольше продержалось Пензенское отделение Императорского Российского Музыкального Общества, открывшееся в 1881 г. Дирекцией общества в начале своей деятельности было организовано только шесть концертов. Но в 1882 г. были открыты музыкальные классы, дававшие возможность получить некоторое музыкальное образование за сравнительно небольшую плату. Кроме того, Общество тесно сотрудничало с Пензенским попечительством о народной трезвости. А 1 марта 1904 г. были основаны музыкальные классы Попечительства, которые работали весьма успешно. В марте 1917 г. в дирекцию ПО ИРМО пришло следующее постановление: «Главная Дирекция, собравшаяся по почину своего председателя в первый раз после великих событий, сделавших Россию свободной, от своего имени и от имени 60 отделений общества и состоящих при них 5 консерваторий, 25 музыкальных училищ и 23 музыкальных классов восторженно приветствует Временное правительство,... заявляя о своей беззаветной готовности служить делу устройства новой России в области удовлетворения ее духовных потребностей содействием широкому распространению в народе музыки и развитию в России музыкального образования. Вместе с сим Главная Дирекция постановила просить Временное правительство о присвоении обществу наименования «Русское Музыкальное Общество» [2: 57]. 14 мая 1917 г. в Петрограде прошел съезд деятелей РМО, на котором обсуждались вопросы дальнейшего направления деятельности общества. Музыкальные классы, основанные в 1882 г. по инициативе Пензенского Отделения РМО, еще получали от Главной Дирекции пособие (на 1918 г. – 1575 руб.) [2: 62]. Но в 1918 г. общество было упразднено.

Как видим, деятельность общества была в целом необходима для нашего города. К сожалению, и оно было вынуждено прекратить свои действия.

Самым устойчивым к новым общественным тенденциям оказалось Пензенское общество любителей естествознания, устав которого был утвержден 4 ноября 1904 г. Обществом устраивались научные беседы, чтения рефератов, открытые публичные лекции по программам, утвержденным Советом; была открыта библиотека; передвижной музей школьных наглядных пособий. Благодаря работе членов общества в 1911 г. для массовых посещений был открыт естественно-исторический музей. С 1913 г. ПОЛЕ начало свою издательскую деятельность и стало выпускать «Труды общества любителей естествознания». До 1917 г. были изданы четыре выпуска. После 1917 г. общество было реорганизовано и окончательно завершило свою деятельность в 1931 г. [6].

Изменения в социально-экономической жизни государства повлекли за собой и изменения интересов общества. В общественной жизни России в 1917 г. основное место стали занимать политические и экономические организации, поэтому оказались закрытыми все благотворительные, культурно-просветительные организации, а также вспомогательные общества г. Пензы и Пензенской губернии.

Надо признать, что институт общественных организаций, продемонстрировавших удивительную способность содействовать развитию многих сфер жизни в дореволюционный период, оставил заметный след в истории России. Октябрьская революция 1917 г. создала в нашей стране совершенно новую систему общественных организаций. Однако, использование дореволюционного опыта гражданской инициативы, дает возможность оказать содействие в развитии современного общества.

Библиографический список

1. Вестник Временного правительства. – 1917. – 20 апреля.
2. ГАПО. Ф. 317. Оп. 1. Д. 7.
3. ГАПО. Ф. 442. Оп. 1. Д. 1.
4. ГАПО. Ф. 422. Оп. 1. Д. 1.
5. «Наши дни». – 1905. – 25 января.
6. Доброва, О. В. История общественных организаций Пензенской губернии второй половины XIX – начала XX в. / О. В. Доброва. – Саарбрюккен : LAP LAMBERT Academic Publishing, 2011. – 225 с.

СОЗДАНИЕ И ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ РАБОЧИХ ПРОФЕССИОНАЛЬНЫХ СОЮЗОВ В ГОРОДЕ ПЕНЗЕ И ПЕНЗЕНСКОЙ ГУБЕРНИИ В РЕВОЛЮЦИОННЫЙ ПЕРИОД 1917 г.

Д. Р. Зайнетдинов, О. В. Левшов

г. Кузнецк, Пензенская обл., Россия

Аннотация. Материалы статьи отражают истоки создания, основные вопросы деятельности рабочих профессиональных союзов в Пензе и Кузнецке в 1917 г. Отмечается создание профессиональных союзов как на крупных заводах и фабриках, так и в мелких мастерских.

Ключевые слова: профсоюзы, комитеты, профсоюз «Швейник», типография «Единение», А. М. Симонов.

Summary. The materials of the article reflect the origins of the creation and the main activity issues of trade unions in Penza and Kuznetsk in 1917. Those trade unions were established both at large plants and factories and at small workshops.

Key words: The trade unions, Trade unions «Clothing», committee, Printinghouse «Unity», A. M. Simonov.

В этом году исполняется 100 лет революционным событиям в нашей стране, которые изменили не только ход мировой истории, но и парадигму исторического сознания. На протяжении всего постсоветского времени мы уже несколько раз меняли оценку революционных событий. Неизменно одно – Российские революции 1917 г., их последствия и историческое значение – ключевой элемент мировой истории Новейшего времени. Не зная, не изучая эти события, общество обрекает себя на недоразвитость и впоследствии на деградацию. Как отмечает М. Хальбвакс, память – это всегда частичное и избирательное воссоздание прошлого, что рождает современное общество. При этом индивидуальная память – это точка зрения на коллективную память, которая меняется от того неустойчивого места, которое занимает в ней индивид [3: 167].

Одним из актуальных вопросов, рассматриваемых в ходе изучения революционных событий, является проблема создания и развития рабочего и профессионального движения. Акцентируем на развитии данной проблемы в Пензенской губернии после событий Февральской революции.

Профессиональные союзы начали возникать с первых же дней Февральской революции. Первым в начале марта был организован союз низших служащих больниц и лечебниц города Пензы. 17 марта был создан профсоюз «Швейник». Затем последовательно возникли: союз оркестровых музыкантов, союзы печатников г. Пензы, городского самоуправления, союзы рабочих крупных заводов и фабрик и различных узких профессий. Все эти союзы возникали явочным порядком и были лишены единого руководства. Совет Союзов, приступивший к объединению деятельности отдельных профорганизаций, был создан только в июле 1917 г.

Однако основные вопросы будущего рабочего законодательства отдельные профсоюзные организации сформулировали ранее. В частности, к 11 апреля относятся «Требования рабочих типографии «Единение». Всего 27 требований. Среди которых заслуживают внимание – признание выборных, замена сдельной и поденной работы месячной, моложе 16 лет не принимать на работы, устроить вентиляцию и т.д. [5: 92]. Для налаживания деятельности всех профессиональных союзов были созваны губернские съезды союзов. Впоследствии эти требования, наряду с требованиями рабочих крупных промышленных центров страны, легли в основу первого рабочего законодательства.

В Кузнецке ситуация по созданию профессиональных союзов складывалась следующим образом. Уже в течение 1917 г. на Верховозимской, Литвиновской (Сосновоборской) и Асеевской (Сурской) суконных фабриках уезда и крупных промышленных предприятиях города образовались рабочие комитеты. В марте и апреле в городе были созданы Совет рабочих и солдатских депутатов и Совет крестьянских депутатов уездного значения, которые слились в один Совет рабочих, солдатских и крестьянских депутатов [4: 15].

1 мая 1917 г. в Кузнецке состоялась демонстрация трудящихся. Ее организовали местные коммунисты. Они разъясняли народу, что только Советская власть может дать народу мир, хлеб и землю, ликвидировать разруху и восстановить народное хозяйство страны.

13 сентября 1917 г. в Кузнецке при военном гарнизоне возникла первая партийная организация большевиков численностью в 45 человек. Она имела много сочувствующих среди солдат, рабочих и крестьян. Кузнецким коммунистам оказывали большую поддержку солдаты из Евлашевского военного гарнизона, где существовала крепкая партийная организация. Кузнецкий Совет рабочих, солдатских и крестьянских депутатов одним из первых в Пензенской губернии высказался за переход всей власти Советам и стал большевистским.

В декабре 1917 г. начала выходить первая советская газета «Голос труда», а в январе 1918 г. состоялся первый уездный съезд Советов. Этот период считается окончательным для установления власти Совета рабочих, солдатских и крестьянских депутатов на территории региона.

Библиографический список

1. Гриб, М. В. Кузнецк и кузнецчане / М. В. Гриб. – Кузнецк : Кузнецкий рабочий, 1995. – 89 с.
2. Известия Кузнецкого Исполкома Народной власти. – 1917. – № 84.
3. Октябрь 1917 года: взгляд из XXI века : сб. материалов Всерос. науч. конф. – М., 2007. – 253 с.
4. Пономарчук, И. И. Трудящиеся Кузнецкого уезда в борьбе за становление Советской власти / И. И. Пономарчук. – Кузнецк : Общество по распространению политических и научных знаний РСФСР, 1959. – 35 с.
5. Рабочее и профессиональное движение в Пензенской губернии. Материалы к истории. 1850–1918 гг. – Пенза : Издание Истпрофа Пензенского Губпрофсовета, 1927. – 98 с.
6. Весь Кузнецк : сб. – Кузнецк : Издание Кузнецкого кружка краеведения, 1927. – 175 с.
7. Шляпников, А. Г. Канун семнадцатого года. Семнадцатый год : в 3 т. / А. Г. Шляпников. – М. : Политиздат, 1992. – 236 с.
8. Щипанов, В. Революционные традиции нашего города / В. Щипанов // Кузнецкий рабочий. – 1965. – 18 июля.

ПЕНЗА В 1917 г. ГЛАЗАМИ ОЧЕВИДЦЕВ

О. М. Захарова

г. Пенза, Россия

Аннотация. Статья посвящена анализу источников личного происхождения очевидцев Февральской и Октябрьской революций. Рассматривается процесс восприятия прихода к власти большевиков населением Пензенской губернии. Затрагиваются вопросы революционной повседневности граждан Пензы и губернии. Сделаны выводы о том, что в основном революция в Пензе прошла без жестокого кровопролития. Некоторые районы губернии с большим опозданием узнавали о революционных потрясениях. Выделяется ключевая роль мемуарной литературы для анализа исторических событий.

Ключевые слова: революция, мемуары, советская власть, революционная повседневность, Пенза.

Summary. The article is devoted to the analysis of sources of personal origin of eyewitnesses of the February and October revolutions. The process of perception of the establishment of Soviet power in the Penza province is considered. The issues of revolutionary everyday life of citizens of Penza and the province are touched upon. Conclusions are drawn that the revolution in Penza was basically without bloodshed. Some districts of the province were lagging behind to learn about the revolutionary upheavals. The key role of memoir literature for the analysis of historical events is highlighted.

Key words: Revolution, memoirs, Soviet power, revolutionary everyday life, Penza.

Дневниковая, мемуарная, равно как и художественная литература, по сути, является результатом субъективного восприятия действительности. Она дает исследователю возможность взглянуть на определенное историческое событие глазами автора дневника или мемуариста. Соответственно читатель анализирует уже сложившееся определенное отношение к событию или явлению. Но кроме личной оценки, такие материалы позволяют с фотографической точностью передать детали той или иной эпохи.

В начале 1917 г. мало кто мог предположить, какие события произойдут всего через несколько недель. Русская армия была задействована в Первой мировой войне, монархия казалась незыблемой. Однако первые же волнения в Петрограде повлекли за собой цепь роковых для империи событий. Постепенно разрастаясь и обретая силу, сигналы разрушения достигли самых отдаленных ее уголков.

1917 г. нашел свое отражение не только в научной и публицистической литературе, но и в мемуарах и воспоминаниях очевидцев. Необходимо проанализировать восприятие революционной повседневности ее современниками. Это поможет реконструировать систему социальных представлений провинциального социума.

Если в Москве и Петрограде уже бушевали революционные страсти, то Пенза какое-то время жила спокойно. Однако все изменилось 3 марта 1917 г., с известием об отречении Николая II от престола.

Данное событие всколыхнуло общественность Пензы. В городе прошла манифестация, в которой приняли участие примерно 60 тысяч человек. Пензенцы с плакатами и транспарантами направились в центр города – на улицу Московскую и Соборную площадь [1].

Вот как описывает те мартовские дни 1917 г. Роман Борисович Гуль:

«На Московской улице красные банты, красные знамена, полотнища кумача; и откуда достали столько кровавой материи? Пензяки, без различия состояний, все улыбаются, как на Пасху. На извозчиках, потрясая разбитыми кандалами, в халатах, в войлочных шапочках, в казенных котлах едут освобожденные из острога уголовники. С извозчиков они что-то кричат о свободе, о народе. Толпа

«Первые известия о перевороте получил в Аришке я по телефону из Городищ от заведующего отделом народного образования Николая Викторовича Данилова 3 марта. 4 марта я поехал в Шкафт, где уже были получены и телеграммы, и газеты об отречении Николая II и о дальнейших событиях. В Аришке все было спокойно, даже поп в церкви все еще поминал благочестивейшего Императора. В апреле 1917 года был создан первый учительский революционный уездный съезд, на котором я был избран председателем. Первый губернский съезд учителей был созван в самое бездорожье – весеннюю распутицу, поэтому быть не пришлось, но летом 1917 года на втором съезде я был в Пензе, и был избран товарищем председателя 1-й секции губернского съезда» [7: 140].

То есть глубинки губерний были далеки от революционных распри и продолжали жить своей жизнью. Их реакция на происходящие события была запоздалой и неактивной. О чем это говорит? Это говорит о том, что простое население заботили лишь свои проблемы.

Спустя некоторое время и в самой Пензе жизнь нормализовалась. Был сформирован временный Пензенский губисполком. Губернским комиссаром Временного правительства был назначен председатель земского собрания князь Кугушев.

В апреле 1917 г. в Пензе прошел Первый губернский съезд крестьянских депутатов. На нем была принята резолюция – земля должна принадлежать тем, кто ее обрабатывает! Воодушевленные этим решением крестьяне не стали дожидаться земельного акта от центральной власти. С началом весеннего сева они самостоятельно захватили помещичьи земли, сенокосные и лесные угодья. Известно множество случаев захватов помещичьих земель и посевов, порубок леса. К примеру, хозяйка мельницы Комендровская в июле 1917 г. обратилась к уездному комиссару Милованову с жалобой, что крестьяне села Колычево отобрали у нее мельницу. Комиссар направил туда наряд Народной милиции. Пятерых крестьян арестовали, а мельницу вернули владельце. Узаконил переход к крестьянам земли только ленинский декрет [2: 13].

До октября 1917 г. жизнь в Пензенской губернии шла тихо. Повседневность не отличалась яркими событиями, но только до октября.

25 октября 1917 г. известие о восстании в Петрограде было получено в Пензе. Лидеры губернского Совета рабочих, солдатских и крестьянских депутатов, меньшевики и эсеры отреагировали на это созывом 26–28 октября экстренного заседания Совета. С докладом выступит председатель Совета, меньшевик Н. С. Степанов. Он и другие выступавшие осудили Октябрьское вооруженное восстание и призвали население губернии к борьбе с возможным выступлением большевиков. Срочно был создан «Комитет Спасения Родины и Революции» с исполнительным органом – революционным штабом. 28 октября газета «Известия рабочих, крестьянских и военных депутатов» опубликовала распоряжения Комитета о передаче охраны порядка в Пензе и губернии Временному революционному штабу [6].

Вот что вспоминает Анатолий Борисович Мариенгоф об октябре 1917 г.: *«Об Октябрьской революции я узнал в железнодорожном вагоне – ехал домой в Пензу, в отпуск. Поезд был в гнетущем противоречии с ритмом мятущихся дней. Безудержные события неслись, мчались, обгоняя друг друга. А выпавший из графика поезд волочил свои неподмазанные колеса, как разбитые параличом ноги. То и дело горели буксы. На полустанках, где полагалось стоять минуту, мы застревали на часы. Паровозы были в истерике. Грузные чернокрылые птицы, похожие на летающие попарно маленькие рояля, кружили над мокрыми полями, словно ожидая трупов в – Тульской, Тамбовской, Пензенской губерниях: «Вот, мол, и здесь мы скоро полакомимся». [...]*

В зале первого класса, который уже ничем не отличался от зала третьего класса, ко мне подошел немолодой солдат, похожий на Федора Михайловича Достоевского. Левый пустой рукав был у него засунут в карман шинели» [5: 75].

Из данного описания следует, что кругом царили беспорядок и хаос. Революционная повседневность смешала в толпе интеллигентов и простых рабочих. Их было не отличить.

3 ноября по личному указанию В. И. Ленина в Пензу прибыл участник вооруженного восстания в Петрограде, член ВЦИК 2-го созыва Василий Владимирович Кураев. Вместе с ним прибыли Г. Я. Гринштейн и несколько матросов Балтийского флота.

5 ноября на собрании Пензенской группы РСДРП (большевиков и меньшевиков-интернационалистов), которая была образована еще 9 октября 1917 г., был избран постоянный комитет Пензенской группы РСДРП(б). Созданная группа стала с 11 ноября издавать первую большевистскую газету «Голос правды», редактором которой был В. В. Кураев. Газета издавалась по 10 декабря 1917 г. Вышло 11 номеров. В декабре объединилась с газетой «Известия рабочих, крестьянских и военных депутатов».

Вот как описывает В. В. Кураев деятельность большевиков в Пензе: *«Наш партийный актив был невелик, всего человек 30. Все это были рабочие, как говорят теперь, – от станка. Интеллигентов я по своему приезду насчитал не более 3 человек, из которых ни одного не было старого подпольщика. Из рабочих большевиков я припоминаю теперь: Плодухина, Трясогузова, Яковлева, Серегина (приехал в Пензу за несколько дней до переворота), Мебель, Селифонтова, Алексеевых – двое, Лаврова, Гришина, Тихонова, Кузнецова, Иоффе, Слюняева, Горшкова, Корчагина. Дней через 10 после моего приезда, в партийную организацию вступило несколько интеллигентов: Соколова, Марьин, П. Кутузов, Либерсон. Трагическая судьба т. Либерсона известна широким кругам пензенских партийцев. Во время боя с чехословаками в Пензе, в мае 1918 года, он был захвачен чехами в плен и расстрелян ими в Самаре. Вновь вступившие товарищи оказали ценные услуги революционному движению. Видную роль в создании Пензенской партийной организации сыграл старый большевик т. Охлопков, который работал в Мокшанском уезде. Со мной из Петрограда приехал мой давнишний товарищ – большевик Г. Гринштейн. Первая задача, которую мы поставили себе, была создание партийного органа. Без газеты никакая работа была невозможна. Мы поставили этот вопрос перед рабочими массами и встретили среди них активную поддержку. На предприятиях рабочие организовали сборы в «Железный фонд» своей газеты. Скоро партийцы перенесли кампанию за создание большевистского органа в солдатские массы и даже в деревню. 22 ноября вышел первый номер большевистской газеты «Голос правды». Это был огромный шаг вперед. Организацию партии и сплочение вокруг нее рабочих, солдатских и крестьянских масс мы могли теперь развернуть в большом масштабе» [4: 90].*

Из записей В. В. Кураева следует, что установление власти большевиков в губернии прошло без кровопролития. Основной задачей партии являлось установление связи с общественностью. В данной ситуации большевикам было бы не выгодно терять доверие масс из-за кровопролития, которое происходило в период Февральской революции.

22 ноября состоялось общее собрание Пензенской группы РСДРП(б), на котором выступил В. В. Кураев. Он отметил, что значительная масса рабочих идет за большевиками, основная часть крестьян – за эсерами, солдаты гарнизона поддерживают большевистскую линию. Исходя из этого, большевики начали кампанию по перевыборам Совета солдатских депутатов. 6–7 декабря они получили

большинство в Совете. Председателем его был избран В. В. Кураев. 8 декабря на сторону большевиков перешло большинство городского Совета рабочих депутатов. 9 декабря на пленарном заседании губернского Совета рабочих, солдатских и крестьянских депутатов вместо меньшевика Н. С. Степанова председателем был избран В. В. Кураев [6].

В состав президиума Совета также были избраны большевики и им сочувствовавшие. В принятой резолюции по текущему моменту Совет заявил, что будет проводить в жизнь все мероприятия Совета Народных Комиссаров. Была переизбрана редакция газеты «Известия рабочих, крестьянских и военных депутатов». Именно так в Пензе все Советы стали большевистскими, как и во многих городах России в сентябре – октябре 1917 г.

Таким образом, мемуарная литература показывает нам, что революционная повседневность Пензенской губернии не отличалась особыми яркими моментами. Безусловно, события 1917 г. потрясли всю страну, изменили ход мировой истории. Однако, как следует из дневниковых записей очевидцев, после колоссальных потрясений губерния относительно быстро возвращалась в тихое русло и продолжала жить своей жизнью.

Установление власти большевиков так же прошло без значительных эксцессов, Пенза в кратчайшие сроки перешла под знамена советской власти. Раньше, чем в Пензе, новая власть победила в Н. Ломове – 17 декабря, затем 23 декабря – в Наровчатке.

Библиографический список

1. Абубикеров, А. И. Февральская революция 1917 года в Пензе: как это было / А. И. Абубикеров, В. А. Осин. – URL: <http://www.penza-press.ru/lenta-novostey/109635/fevral'skaya-revoljuciya-1917-goda-v-penze-kak-eto-bylo>
2. Вспоминая историю. Как Пенза пережила революцию 1917 года // Аргументы и факты. – 2017. – № 27. – С. 12–13.
3. Гуль, Р. Б. Конь рыжий / Р. Б. Гуль. – Нью-Йорк : Изд-во имени Чехова, 1952. – 632 с.
4. Кураев, В. В. Дневник ссыльного большевика (1933–1935) / В. В. Кураев ; под ред. Г. В. Лебедева. – М. : Азбука, 1998. – 104 с.
5. Мариенгоф, А. Б. Бессмертная трилогия / А. Б. Мариенгоф. – М. : Вагриус, 1998. – 480 с.
6. Установление советской власти в Пензенской губернии. К 96-й годовщине Октябрьской революции // Музеи Пензенской области. 7 ноября 2013 г. – URL: <http://kraeved.museum-penza.ru/news/2013/11/7/11582244>
7. Шишкин, И. С. Пензенский край в мемуарах, художественной литературе и исследованиях [Серия книг] / И. С. Шишкин. – М. : Новые решения, 2016. – Т. 6. – 272 с.

КОНТЕНТ-АНАЛИЗ ИСТОРИОГРАФИИ ИСТОРИИ РОССИЙСКИХ РЕВОЛЮЦИЙ (по материалам диссертаций по истории Тамбовской губернии)

А. Ю. Ильин, В. В. Канищев

г. Тамбов, Россия

Аннотация. В статье предпринята попытка анализа историографии российских революций на материалах одной губернии Центральной России с помощью контент-анализа. В качестве массового историографического источника избраны более 70 диссертаций. Авторы проанализировали время, место подготовки, географические рамки изучения, исследованные в диссертациях сюжеты. В итоге были сделаны выводы о росте числа диссертаций по историко-революционной тематике в 1990–2000-е гг., выполненных в университетах Центрального Черноземья, затухании интереса к теме в 2010-е гг., переходе в выборе географических рамок изучения от большого Центрально-Черноземного региона к локальным и микроисторическим масштабам изучения темы, сохранении преобладания изучения политической истории при относительном росте внимания к социальной истории эпохи российских революций.

Ключевые слова: историография, российские революции, контент-анализ.

Summary. The article attempts to analyze historiography of the Russian revolutions on the materials of one province in Central Russia with the help of content analysis. More than 70 dissertations elected as a mass of historiographic source. The authors analyzed the time and place of the preparation dissertations, the geographical scope of the study, investigated in the thesis subjects. In the end, conclusions were drawn about the growth in the number of dissertations on historic-revolutionary themes, in 1990–2000-ies prepared in the universities of the Central Black-Earth region, the attenuation of the interest in the topic in 2010, the shift in the geographical frame of the study from a large Central Black-Earth region to the local and micro history scale study of the topic, maintaining the predominance of the study of political history in the relative growth of attention to the social history of the period of the Russian revolutions.

Key words: historiography, the Russian revolutions, content analysis.

В изучении историографии редко используются междисциплинарные подходы. Вместе с тем нужно учитывать существование методов других наук, которые подходят для изучения развития исторической науки. В частности, таковым может служить социологический метод контент-анализа, который позволяет выявить частоту и частотность различных параметров исторических работ (время и место написания, географические рамки, изучаемые сюжеты и др.). При многомерном контент-анализе можно определить взаимосвязи этих параметров.

Объектом данной статьи послужили диссертации, посвященные изучению «эпохи трех российских революций» на материалах тамбовского региона. Выбор для изучения именно диссертаций, во-первых, обусловлен тем, что они являются массовым историографическим источником. Во-вторых, мы учитывали то, что диссертации концентрируют выводы и положения предшествовавших их защите статейных и монографических публикаций. В-третьих, бралось во внимание то, что в диссертационных исследованиях часто ставятся вопросы, которые соискатели разрабатывают в своей последующей научной работе.

Выбор региона обусловлен принадлежностью авторов к тамбовской школе историков и соответственно возможностью выявить не только количественные показатели изученной совокупности работ, но и увидеть изнутри факторы и механизмы историографических процессов. В последние годы мы приступили к созданию своего рода банка данных диссертаций, в которых в той или иной мере разрабатываются тамбовские исторические сюжеты. На данный момент выявлено

около 350 таких диссертаций. Точное их количество выявить очень сложно, поскольку существует немало работ с «глухими» с точки зрения указания региона названиями. По понятным причинам нелегко выявить диссертационные работы зарубежных коллег, которые мы также пытаемся включить в наш банк данных. Из всей это совокупности мы выделили для контент-анализа около 70 диссертаций, посвященных историко-революционной тематике, которые включают тамбовский материал.

Анализ показателя времени подготовки диссертаций (табл. 1) вполне объяснимо показал незначительное количество диссертаций, защищенных в 1960–1980-е гг.: неразвитость аспирантуры в провинциальных вузах этого периода.

Таблица 1

Время подготовки диссертаций

Периоды (десятилетия)	Частота (абс. число)	Частотность (%)
1960-е	1	1
1970-е	4	5
1980-е	7	10
1990-е	22	30
2000-е	32	44
2010-е	7	10
Всего	73	100

В Центральном Черноземье был только один Воронежский университет, а поступление в столичные аспирантуры было нелегким делом. Напротив, заметный подъем числа защит интересующих нас диссертаций был обусловлен ростом аспирантуры во вновь открывшихся провинциальных университетах. Относительную распространенность выбора соискателями историко-революционной проблематики мы объясняем историографической инерцией. В советское время такая проблематика была весьма востребованной. Соответственно в 1990–2000-е гг. научные руководители, в свое время сложившиеся как специалисты по истории «эпохи трех российских революций», предлагали близкие им темы своим ученикам. Полагаем, что резкое сокращение числа интересовавших нас диссертаций в 2010-е гг. было связано с угасанием названной инерции в российской историографии вообще. Вероятно, в какой-то мере сказалась и, так называемая, оптимизация высшей школы, приведшая к сокращению числа аспирантов в провинциальных вузах.

Показатель места подготовки диссертаций (табл. 2) свидетельствует о сравнительной широте интереса историков разных городов к изучению революционной истории Тамбовской губернии.

Таблица 2

Место подготовки диссертаций

Города	Частота (абс. число)	Частотность (%)
Москва	16	22
Ленинград, Санкт-Петербург	2	3
Тамбов	26	36
Владимир	1	1
Воронеж	9	12
Иваново	2	3
Курск	16	22
Орел	1	1
Всего	73	100

Понятно, как говорится, по определению преобладание диссертаций, подготовленных в Тамбове (более трети от всей совокупности). Причем эти цифры минимальны, поскольку несколько работ тамбовских историков готовились в период

их пребывания в московских и воронежских аспирантурах и докторантурах. Приведенные сравнительно высокие количественные данные объясняются и тем, что долгое время аспирантурой в Тамбовском государственном университете руководил крупный специалист по истории Революции 1917 г. Л. Г. Протасов. «Человеческим фактором» можно объяснить и ситуацию в Курске (22 % от всех проанализированных диссертаций), где интерес молодых исследователей к историко-революционной тематике поддерживал известный исследователь истории политических партий России начала XX в. Л. С. Полнер. Курские цифры равны московским. Но вместе с тамбовскими, а также воронежскими и орловскими они говорят о готовности историков Центрального Черноземья в большой мере самостоятельно решать вопросы истории своего региона. Дополнительного изучения требует низкий показатель Орла (1 факт) и наличие диссертаций, затрагивающих историю Тамбовской губернии, которые были подготовлены во Владимире и Иванове (1 и 2 факта).

Специальное изучение взаимосвязи времени и места подготовки диссертаций (табл. 3) в первую очередь показало вполне понятный факт подготовки диссертаций по интересующим нас проблемам в 1960–1980-е гг. практически только в Москве и Воронеже (выявлено 2 исключения из 11 случаев).

Таблица 3

Соотношение времени и места подготовки диссертаций

Города/Периоды	1960-е	1970-е	1980-е	1990-е	2000-е	2010-е
Москва	1	1	3	7	4	0
Ленинград, Санкт-Петербург	0	0	1	0	1	0
Тамбов	0	0	2	2	18	4
Владимир	0	0	0	0	1	0
Воронеж	0	3	1	3	1	1
Иваново	0	0	0	1	1	0
Курск	0	0	0	8	6	2
Орел	0	0	0	1	0	0

В Тамбове более всего сказалось открытие в 2000-е гг. диссертационного совета в ТГУ, в котором было защищено 18 из 26 диссертаций, подготовленных местными соискателями по историко-революционной тематике. Подобное обстоятельство в Курске стало сказываться в 1990-е гг. (8 из 16 диссертационных работ). В Орле в 1990-е гг. также открылся диссертационный совет. Но здесь не проявлялся большой интерес к истории российских революций (1 диссертация). Интересно заметить, что в этом совете в 2000-е гг. была защищена еще одна диссертация по интересующей нас тематике. Но она была подготовлена в Тамбове. У московских соискателей пик интереса к изучению революционных событий в Тамбовской губернии достигнут в 1990-е гг. В 2010-е гг. в Москве вообще не было защищено ни одной диссертации, посвященной рассматриваемым сюжетам. Спад интереса проявился в этот период и в научных центрах Черноземного региона, в том числе и в Тамбове. В Воронеже такой спад произошел еще в 2000-е гг. Мы связываем это историографическое явление с общим ослаблением внимания российских историков к изучению революционной проблематики.

Анализ показателя географических рамок диссертаций (табл. 4) свидетельствует о том, что половина изученных диссертаций (37 и 73) была посвящена изучению событий и процессов революционного времени в Тамбовской губернии как части Центрально-Черноземного региона. Это было отражением долго существовавших требований к кандидатским квалификационным работам, которые предполагали «нормальность» сравнительно широких географических рамок исследования (как минимум большой экономический район).

Таблица 4

Географические рамки диссертаций

Периоды (десятилетия)	Частота (абс. число)	Частотность (%)
Тамбовская губерния как часть России	6	8
Тамбовская губерния как часть Центра России	4	5
Тамбовская губерния как часть Центрально-Черноземного региона	37	51
Тамбовская губерния	26	36

В меньшей мере оказались допустимыми диссертационные работы, направленные на изучение только Тамбовской губернии (26 работ или 36 %). Намного меньше диссертаций было посвящено Тамбовской губернии как части всего Центра России или России в целом (4 и 6 работ соответственно или 5 и 8 %).

Рассмотрение взаимосвязей показателей географических рамок и времени подготовки диссертаций (табл. 5) позволяет утверждать, что вплоть до 2000-х гг. почти невозможными были диссертационные исследования «эпохи трех российских революций» на уровне одной губернии (всего 3 диссертации из 34 работ этого периода). С 2000-х гг. локальный и микроисторический подходы стали обычным явлением отечественной историографии. В 2010-е гг. не появилось ни одной диссертации, где бы революционная история Тамбовской губернии рассматривалась как часть истории Центральной России или страны в целом.

Таблица 5

Соотношение времени подготовки и географических рамок диссертаций

Города/ географические рамки	Тамбовская губерния как часть России	Тамбовская губерния как часть Центра России	Тамбовская губерния как часть Центрально- Черноземного региона	Тамбовская губерния
1960-е	0	0	1	0
1970-е	0	1	3	0
1980-е	0	0	6	1
1990-е	2	1	17	2
2000-е	4	2	7	19
2010-е	0	0	3	4

Связывание показателей места подготовки и географических рамок диссертаций (табл. 6) в первую очередь указывает на то, что тамбовская история как часть общероссийского исторического процесса главным образом изучалась в столицах (4 из 7 работ). 2 из 4 работ, в которых историко-революционное прошлое тамбовского региона как части всей Центральной России, были защищены в Москве. Изучение данной взаимосвязи показателей контент-анализа объясняет и наличие тамбовского материала в диссертациях, защищенных во Владимире и Иваново. Их авторы изучали Тамбовскую губернию как часть истории Центра России либо всей страны.

Таблица 6

Соотношение места подготовки и географических рамок диссертаций

Города/ географические рамки	Тамбовская губерния как часть России	Тамбовская губерния как часть Центра России	Тамбовская губерния как часть Центрально- Черноземного региона	Тамбовская губерния
Москва	3	2	10	1
Ленинград, Санкт-Петербург	1	0	1	0
Тамбов	1	0	4	21
Владимир	0	1	0	0
Воронеж	0	0	8	1
Иваново	1	1	0	0
Курск	1	0	15	0
Орел	0	0	1	0

Понятно повышенное внимание тамбовских историков к своему региону. В 21 диссертации из 26 географическим объектом была только Тамбовская губерния, в 4 диссертациях регион рассматривался как часть Центрального Черноземья и лишь в одной как часть всей России. Абсолютно понятно то, что практически во всех диссертациях, подготовленных в Воронеже, Курске, Орле тамбовские сюжеты представлены как составная часть истории ЦЧР. Исключительный случай – защита в Воронеже диссертации А. С. Тумановой о неполитических общественных организациях Тамбова в революционную эпоху – объясняется просто: соискательница была выпускницей Тамбовского пединститута, направленной в аспирантуру ВГУ.

Наиболее интересным показателем нашего контент-анализа явились сюжеты, рассмотренные в изученном круге диссертаций (табл. 7).

Таблица 7

Сюжеты диссертаций

Сюжеты	Частота (абс. число)	Частотность (%)
Политические партии	20	30
Деятельность власти	8	11
Социальная история крестьянства	7	10
Социальная история городов	6	8
Церковь и революционное движение	6	8
Карательные органы власти	4	5
Крестьянское движение	4	5
Образование	3	4
Армия в революционном движении	3	4
Профсоюзное движение	3	4
Дворянство и революционное движение	3	4
Деятельность Советов	2	3
Социальная история рабочего класса	2	3
Социальная структура общества	2	3
Общественные организации	2	3
Деятельность земств	2	3
Власть и общество	1	1
Политическая культура	1	1
Деятельность комсомола	1	1
Рабочее движение	1	1
Протестное движение учащихся	1	1
Преступность	1	1
Продовольственная политика властей	1	1
Всего	84*	

Примечание. * Сумма единиц счета больше числа диссертаций, так как в нескольких работах затронуто по два сюжета.

В общем понятно, почему на первом месте оказались работы, посвященные истории политических партий начала XX в. (около 30 % изученного массива). Сразу подчеркнем, что далеко не все из них были посвящены деятельности большевиков в «эпоху трех российских революций» – только 3 из 20 диссертаций. Мы понимаем, что полученные нами цифры минимальны, поскольку сюжеты, связанные с деятельностью политических партий, опосредовано были затронуты в работах по истории революционных и протестных движений, по истории органов власти, которые боролись с нелегальными политическими партиями, либо поддерживали правые организации.

Все остальные сюжеты исследовались значительно меньше. На втором месте количественно оказались работы, в которых непосредственно рассматривалась деятельность органов власти Тамбовской губернии или участие тамбовских представителей высших государственных органов в революционный период – 8 диссертаций.

«Прелесть» контент-анализа состоит в том, что он уже на стадии создания макета кодировки предполагает учет мелких сюжетов, которые несложно будет объединять в ходе качественного анализа. При таком подходе можно утверждать, что в изученной нами совокупности диссертаций тема власти присутствовала в первоначально отдельно взятых сюжетах «власть и общество», «карательные органы власти» (полиция, жандармерия, ЧК), «деятельность Советов» (в 1917–1918 гг. они только становились органами власти), «церковь и революционное движение» (если учесть, что православная церковь была государственной), «политическая культура» – в общей сложности еще 13 диссертаций. В общей сложности тема власти очевидно присутствовала почти в 29 % обследованных работ.

При этом мы посчитали то, что тема власти слишком опосредованно присутствовала в работах по истории революционных и других протестных движений, которые так или иначе были направлены против власти. Подобные трудноизмеримые предположения говорят об ограниченных возможностях количественного анализа многогранных объектов. Но они достаточны для того, чтобы определить качественные масштабы изучаемых сюжетов. В данном случае мы можем твердо заявлять, что в изученной совокупности диссертаций, даже постсоветского периода, преобладала политическая тематика.

При этом диссертации, посвященные собственно революционную и протестному движению, которые близки политической истории, мы рассматривали отдельно. Контент-анализ показал, что даже такие популярные в советской историографии темы, как революционное движение рабочего класса, крестьянства, солдат, получили специальное освещение только в 2-х, 4-х и 3-х диссертациях соответственно. К этой группе примыкают 1 работа о протестном движении учащейся молодежи, 3 работы о месте дворянства в революционных процессах, 1 – о деятельности профсоюзов в период Революции 1917 г. В целом количество диссертаций непосредственно о революционном движении в Тамбовской губернии едва превышало 20 % от всей изученной совокупности.

Заметим, что диссертации о деятельности профсоюзов, так же как и работы о деятельности земств (1 факт), неполитических общественных организаций (2 факта), в какой-то мере комсомола (1 факт), можно отнести к социальной истории, которая в 1990-е гг. стала заметным явлением отечественной историографии. В изученной нами выборке диссертаций непосредственно к социальной истории можно отнести 7 работ о жизни крестьянства революционной эпохи, 2 работы о жизни рабочего класса, 6 – о социальной истории городского населения. Примыкающими к социально-исторической проблематике мы посчитали единичные работы о социальной структуре общества, о развитии образования в условиях революций, о преступности этого периода (всего 5 диссертаций).

В целом проведенный анализ показал, что в последние десятилетия интерес начинающих исследователей к историко-революционной тематике постепенно снижался, но не исчез вовсе. Скорее можно сказать, что исследовательские интересы несколько видоизменились. Соискатели стали больше обращаться к изучению жизни отдельных групп населения и отдельных людей в условиях революционных «катастроф». Это имеет не только научно-познавательное, но и гуманитарное значение.

Конечно, на материалах одного региона нельзя делать очень широкие выводы. И все-таки мы полагаем, что некоторые общероссийские историографические тенденции удалось уловить. Главным же результатом своего исследования мы считаем очередное подтверждение того, что использование контент-анализа позволяет конкретнее и точнее характеризовать эти тенденции. Относительные количественные показатели такого анализа дают образец для сравнительно-исторического изучения аналогичных процессов в других регионах и России в целом.

**КРЕСТЬЯНСКОЕ ХОЗЯЙСТВО ЛОКАЛЬНОГО СООБЩЕСТВА
СЕЛА КЕРА НИЖНЕЛОМОВСКОГО УЕЗДА
В ЭПОХУ РОССИЙСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ 1917 г.
(по материалам Всероссийской сельскохозяйственной
и поземельной переписи 1917 г.)**

И. Н. Иноземцев

г. Пенза, Россия

Аннотация. В статье рассмотрены особенности развития крестьянского хозяйства на территории локального сообщества села Кера (с. Кера, д. Колобовщина, д. Горюновка и д. Богдановка) Нижнеломовского уезда Пензенской губернии. Основными источниками исследования стали материалы Всероссийской сельскохозяйственной и поземельной переписи 1917 г.

Ключевые слова: крестьянское хозяйство, Российская революция 1917 г., локальное сообщество, Всероссийская сельскохозяйственная и поземельная перепись 1917 г.

Summary. The article considers the main features of the development of peasant farming in the territory of the local community of the village of Kera (village Kera, village Kolobovshchina, thorp Goryunovka and thorp Bogdanovka) of the Nizhnelomovsky district of the Penza province. The main sources of research were the materials of the All-Russian Agricultural and Land Census of 1917.

Key words: peasant farming, The Russian Revolution of 1917, local community, All-Russian Agricultural and Land Census of 1917.

В условиях военного времени, с целью статистического учета населения и обновления данных сельскохозяйственной переписи 1916 г. для нужд продовольственной кампании, а также получения сведений по землепользованию в связи с намечавшейся аграрной реформой, с мая по октябрь 1917 г. в России была проведена Всероссийская сельскохозяйственная и поземельная перепись (далее – ВСиПП). Сведения, полученные в ходе переписи 1917 г., должны были лечь в основу обсуждения и решения земельного вопроса в Учредительном собрании [6: 119–120]. Переписные работы проводились при помощи земских учреждений, там, где нет земства, при помощи уполномоченных представителей Особого Совещания по продовольствию, а также через местные переселенческие управления [6: 121].

В фонде Пензенской губернской земской управы Государственного архива Пензенской области (ГАПО. Ф. 158) находятся на хранении материалы переписи по с. Кера [2], д. Колобовщина [3], д. Горюновка [5], д. Богдановка [4] Н-Ломовского уезда. Их анализ позволяет подробно рассмотреть социально-экономическое положение, с которым локальное сообщество завершало свое развитие в досоветский период.

Так, в с. Кера было зарегистрировано 247 крестьянских хозяйств, 5 из которых были отсутствующими*. Общая численность населения, включая лиц, набранных по наборам и мобилизации и находящихся в отходничестве (около 17 чел.) составляла 1755 чел. (табл. 1). Все жители русские, подавляющее большинство – бывшие гос. крестьяне.

* Отсутствующими считались те хозяйства, владельцы которых выехали из села, а двор их остался. Они, как правило, участвовали в последнем общинном разделе земли и имели небольшой земельный надел.

Таблица 1

**Численность и распределение жителей с. Керра
по крестьянским обществам в 1917 г. (чел.) [2]**

Название общества	Количество хозяйств	Муж.	Жен.	Число всех представителей
Керское 1-е	243	808	757	1565
Керское 2-е	29	98	92	190
Итого по селу	242	906	849	1755

В Колобовщине показано 760 жителей, состоящих в 6-и крестьянских обществах. 111 хозяйств, из которых 2 отсутствующие. Большая часть населения относилась к Колобовщинскому 1-му обществу, и происходила из гос. крестьян (табл. 2).

Таблица 2

**Численность и распределение жителей д. Колобовщина
по крестьянским обществам в 1917 г. (чел.) [3]**

Название общества	Количество хозяйств	Муж.	Жен.	Число всех представителей
Колобовщинское 1-е	94	342	328	670
Колобовщинское 2-е	1	3	1	4
Белелюбское	8	24	21	45
Слепцовское	3	8	7	15
Скворцовское	2	9	10	19
Богдановское	1	3	4	7
Итого по деревне	109	389	371	760

В д. Керка (Горюновка) Голицынской волости 13 дворов, 75 чел. (29 муж., 46 жен.) [5]. В д. Богдановка (Статуевка) той же волости 6 дворов бывших помещичьих крестьян, 41 житель (18 муж., 23 жен.) [4].

Главным показателем благополучия являлся размер земельного участка и количество рабочего скота в хозяйстве. Последний общинный раздел земли в с. Керра был произведен в 1914 г. Если разбивать все крестьянские дворы по группам с количеством земли, то мы увидим, что почти третья часть хозяйств имела надел до 6 дес. Следом шла самая многочисленная группа – 90 (37 % от числа всех хозяйств) – располагавшая землей в количестве от 6 до 9 дес. 72 двора (29, 6 %) имели надел от 9 до 20 дес. Во владении 9 хозяйств состояло более 20 дес. земли (табл. 3).

Таблица 3

Распределение земельных наделов по хозяйствам с. Керра [2]

Размер надела (дес.)	Количество хозяйств	Отношение к общему количеству (в процентах)
Безземельные	4	1,7 %
менее 1	1	0,4 %
от 1 до 2	0	0 %
от 2 до 4	22	9,1 %
от 4 до 6	45	18,5 %
от 6 до 9	90	37 %
от 9 до 15	61	25,1 %
от 15 до 20	11	4,5 %
от 20 до 30	7	2,9 %
от 30 и более	2	0,8 %
Всего	243	100 %

В Колобовщине уровень обеспеченности крестьян землей был еще ниже. Так, 65 (59,6 %) хозяйств располагали наделов до 6 дес. Самый маленький процент от общего числа 3,7 % составляли самые обеспеченные хозяйства, владевшие 20-ю и более десятинами. Как и в Кере, самой численной группой являлись хозяйства – 29 (26,6 %) – располагавшие от 6 до 9 дес. (табл. 4).

Таблица 4

Распределение земельных наделов по хозяйствам д. Колобовщина [3]

Размер надела (дес.)	Количество хозяйств	Отношение к общему количеству (в процентах)
Безземельные	1	0,9 %
менее 1	0	0 %
от 1 до 2	18	16,5 %
от 2 до 4	20	18,3 %
от 4 до 6	27	24,8 %
от 6 до 9	29	26,6 %
от 9 до 15	9	8,3 %
от 15 до 20	3	2,8 %
от 20 до 30	2	1,8 %
от 30 и более	0	0 %
Всего	109	100 %

Стоит отметить, что реальный уровень жизни семьи зависел, прежде всего, от того, сколько земли приходится на 1 члена семьи, а не на двор. Например, лучшие показатели наблюдаются в с. Кера, где на каждого мужчину в среднем приходилось 2, 3 дес. (табл. 5).

Таблица 5

Количество земли, приходящейся на каждого мужчину и члена семьи в крестьянских хозяйствах локального сообщества с. Кера в 1917 г. [2–5]

Показатели (дес.)	Кера	Колобовщина	Горюновка	Богдановка
Общее число всех наделных земель	2094, 95	655,46	47,06	30,83
В среднем на 1-го мужчину	2,3	1,68	1,62	1,7
В среднем на каждого члена семьи	1,2	0,86	0,62	0,75

Важно учитывать также соотношение количества работников и едоков в семье. К примеру, самый крупный земельный надел в Кере (32, 37 дес.) был закреплен за двором Зиновия Васильевича Ермолаева. Однако зажиточным его хозяйство назвать нельзя, поскольку семья его составляла 40 человек (18 муж., 22 жен.) [3]. Таким образом, на каждого мужчину приходилось лишь 1,7 дес., на каждого члена семьи – 0,8 дес., т.е. эти показатели были ниже средних показателей по селу.

При определении уровня развития аграрного сектора, важным показателем является наличие поголовья скота. Так, например, в Кере в собственности 242-х хозяйств находилось 11 413 голов всего скота, в том числе 222 лошади, 253 коровы. Наибольшее количество хозяйств – 137 (56,6 %) и 175 (72 %) – имели 1 лошадь и 1 корову соответственно. Число безлошадных и бескоровных хозяйств составило 27,2 % и 12 % соответственно.

В Колобовщине, где зарегистрировано 460 голов скота, в том числе 82 лошади и 98 коров, наблюдаются схожие процентные показатели (табл. 6).

**Распределение поголовья скота в крестьянских хозяйствах
локального сообщества с. Кера в 1917 г. [2–5]**

Показатели	Количество дворов			
	Кера	Колобовщина	Горюновка	Богдановка
Не имеют лошади	66	40	4	1
с 1 лошадыю	137	57	8	3
с 2 лошадыми	35	11	1	2
с 3 лошадыми	5	1	–	–
Не имеют коровы	30	23	2	–
с 1 коровой	175	77	10	6
с 2 коровам	36	8	1	–
с 3 коровам	2	1	–	–
Не имеют ни лошади, ни коровы	21	19	1	–
Не имеют ни какого скота	20	15	1	–

Таким образом, если брать за основу традиционную классификацию обеспеченности хозяйств в зависимости от имеющего земельного надела, то на территории локального сообщества мы можем увидеть, что в Кере чуть более половины крестьянских хозяйств были малоземельными и находились, по сути, за чертой бедности. В Колобовщине, Горюновке и Богдановке таких хозяйств было подавляющее большинство. Дворов, владеющих большим количеством угодий, было достаточно мало (табл. 7).

Таблица 7

Категории крестьянских хозяйств керского локального сообщества в 1917 г. [2–5]

Категория хозяйств	Количество хозяйств (в процентах)			
	Кера	Колобовщина	Горюновка	Богдановка
Бедняцкие	66,7	87,1	100	83,3
Средняцкие	29,6	11,1	–	16,7
Зажиточные	3,7	1,8	–	–

Впрочем, с учетом показателей количества работников и едоков семье, становится ясно, что на практике реальное число бедняцких хозяйств было еще выше.

Диаметрально противоположная ситуация наблюдалась в выселке из села Кера – деревне Новые Керы Успенской волости Мокшанского уезда. В 1917 г. в деревне показано 11 дворов, из которых 5 были отсутствующими. 6 оставшихся жилых дворов владели 191,5 дес., т.е. в среднем каждое хозяйство располагало 31,9 дес. При этом минимальный надел составлял 18 дес., а максимальный – 85 дес.!

В 4 хозяйствах были задействованы 7 наемных сельскохозяйственных рабочих. На каждого мужчину в среднем приходилось 5,6 дес., а на каждого едока 2,3 дес. В то же время число лошадей в хозяйствах колебалось от 2 до 6 голов. Как правило, там, где была лишь одна корова, было показано не менее 2-х лошадей [1].

Таким образом, все показатели свидетельствуют о том, что большая часть хозяйств д. Новые Керы накануне октября 1917 г. относилась к богатым середняцким и зажиточным, поэтому в годы коллективизации многие из этих хозяйств подвергнутся раскулачиванию.

К лету 1917 г. было призвано в армию и на флот 46,7 % трудоспособных мужчин. Это негативным образом повлияло на экономическое положение в регионе – 35,8 % крестьянских хозяйств остались без рабочего скота, на 19,6 % сократились посевные площади. Так, в Кере, по данным ВСиПП, по наборам и мобилизации было взято 264 мужчины, в Колобовщине – 117, в Горюновке – 9, в Богдановке – 5.

Мобилизация значительной части мужского населения поставила многие крестьянские хозяйства сообщества на грань выживания, лишив их необходимой

рабочей силы. По той же причине была осложнена организация хозяйственной деятельности, являвшаяся частью именно мужской хозяйственной культуры, в которой женщины принимали меньшее участие.

Большинство крестьянских дворов локального сообщества находились за чертой бедности и с трудом могли обеспечить продовольствием самих себя, не говоря уже о рыночных поставках. Упадок сельскохозяйственного производства обусловил продовольственный кризис, от которого особенно страдало городское население.

Сложившиеся в стране условия не могли не привести к масштабным социальным потрясениям. Нарастание недовольства в стране и нерешенность ряда ключевых вопросов демонстрировали неэффективность деятельности Временного правительства, власть которого к осени была фактически парализована. Широкую поддержку со стороны народных масс получили большевики, с легкостью свергнувшие Временное правительство 25 октября 1917 г.

Библиографический список

1. Государственный архив Пензенской области (далее – ГАПО). Ф. 158. Оп. 3. Д. 3262.
2. ГАПО. Ф. 158. Оп. 3. Д. 3886.
3. ГАПО. Ф. 158. Оп. 3. Д. 3888.
4. ГАПО. Ф. 158. Оп. 3. Д. 3928.
5. ГАПО. Ф. 158. Оп. 3. Д. 3930.
6. Антонова, Е. К. Особенности проведения Всероссийских переписей 1916 и 1917 гг. в Томской губернии / Е. К. Антонова // Вестник Томского государственного университета. – 2010. – № 4 (12). – С. 119–123.

«УКРАИНСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ 1917–1921 ГГ.»: СОВРЕМЕННЫЙ ИСТОРИОГРАФИЧЕСКИЙ РАКУРС

Н. Г. Карнишина, В. Ю. Карнишин

г. Пенза, Россия

Аннотация. В статье рассмотрены особенности трактовки понятия «украинская революция 1917–1921 гг.» на основе изучения работ современных историков Украины. Сделан вывод о взаимосвязи историографической ситуации с процессами становления государственности и влияния политики на содержание исследований в соседней стране.

Ключевые слова: Россия, Украина, Украинская революция, историография, политика, политическая конъюнктура, политизация, национализм.

Abstract. In the article the features of interpretation of Ukrainian Revolution in 1917–1921 years are considered on the basis of works of modern Ukrainian historians. There is a conclusion about correlation of historiography situation with processes of making a state and influence of politics on investigation in next country.

Key words: Russia, Ukraine, Ukrainian Revolution, historiography, politics, political environment, politization, nationalism.

Феномен революции 1917 г. и спустя столетие по-прежнему вызывает достаточно широкий диапазон дискуссий и оценочных суждений не только в среде научных сообществ, но и в массмедиа, публицистике. Сопоставляя восприятие революции в течение последних десятилетий, выскажем ряд наблюдений. Во-первых, в прошлом остался издательский бум, связанных с публикациями фундаментальных монографий и многостраничных сборников статей. Нельзя не согласиться с мнением о необходимости создания большого обобщающего труда, посвященного Великой русской революции [1], что в свою очередь позволит учесть вклад российских и зарубежных историков в изучение проблемы на протяжении трех десятилетий, а также осмыслить содержание огромного массива документов, многие из которых еще недостаточно введены в научный оборот. Во-вторых, можно констатировать о том, что на массовое сознание части соотечественников не могут не влиять достаточно упрощенные суждения о содержании процессов, предшествующих началу революции и ее динамике, характерных для книг, в обилии представленных в торговых сетях, и статьях многотиражных таблоидах. Недостаток исторического знания зачастую заполняется многотиражными (по современному состоянию) изданиями, не способствующими историческому просвещению [2–3]. Не случайно, количество приверженцев точки зрения, сводящейся к тому, что причиной революции стал «заговор врагов русского народа» выросло с 1990 по 2011 гг. в два раза согласно опросу одной из социологических служб [4]. В-третьих, следует констатировать, что утверждается подход, отстаивающий единство процессов революций в феврале и октябре 1917 г., что предполагает рассмотрение их как единую Русскую революцию, что, несомненно, открывает новые перспективы в осмыслении судеб российского либерализма, социализма, консерватизма. В-четвертых, уместно напомнить о том, что издание на протяжении 2000–2010-х гг. фундаментальных сборников документов «Политические партии России. Документальное наследие», антологии «Библиотека отечественной общественной мысли с древнейших времен до начала XX века», ряда монографий известных российских и зарубежных историков [5–17] позволяет выйти на новый уровень интерпретаций и анализа событий вековой давности.

Неотъемлемым компонентом историографической ситуации революции являются исследования события на Украине, которые рассматриваются историками

соседней страны как «Украинская революция 1917–1921 гг.». Изучению данной проблемы посвящены немногие публикации российских историков [19–21]. С российскими исследователями согласны немногие из украинских коллег [22–24]. На наш взгляд, рассмотрение историографической ситуации, связанной с понятием, вошедшим в подавляющее большинство работ, позволит не только понять аргументацию современных исследователей. Речь идет и о проблеме взаимосвязи истории как науки с политической линией украинского руководства на протяжении более четверти века с момента провозглашения независимости. Собственно стилистика ряда публикаций украинских историков не может не напоминать о содержании публикаций по истории КПСС и Компартии Украины (достаточно ознакомиться с недавней работой докторанта Национальной академии сухопутных войск имени гетмана Петра Сагайдачного О. Гапеевой «Феномен Украинской революции 1917–1921 гг. в информационно-пропагандистской деятельности Российской Федерации» [25], чтобы понять особенности подходов к оценкам историков, имеющих иные взгляды на феномен 1917–1921 гг.

Как известно, понятие «украинская революция» не является новацией того поколения историков Украины, которая в течение нескольких лет находилась в поисках новой исторической парадигмы, которая разрабатывалась в плоскости обоснования исторического своеобразия украинской государственности. Неизменным был вопрос об отношении к советскому прошлому и поиску скреп, которые должны были обосновать единство Украины. При этом вставал вопрос о конструировании ее территории, судьбах миллионов людей различных национальностей и конфессий. Так или иначе, но политика Перестройки стимулировала интерес к изучению «белых пятен» в истории Украины и поиски новых методологических ориентиров, которые были найдены в наследии историков-эмигрантов, в том числе и тех, кто сотрудничал с нацистами. Заимствованный из работ эмигрантов термин «Украинская революция» [26–28] не мог не ориентировать на изучение «особого пути» и Украины и стимулировал переосмысление многих устоявшихся оценок о феномене Центральной рады, гетманщины П. Скоропадского, роли С. Петлюры и Н. Махно в событиях Гражданской войны.

Украинским историком Г. В. Касьяновым рассмотрены обстоятельства поворота в исторической науке в начале 1990-х гг. Украинская партийная номенклатура, терявшая влияние в сфере идеологии, была вынуждена реагировать на обострение противостояния между так называемыми «национал-демократами», нашедших идеалы «незалежної України» в традициях Украинской народной республики (УНР) и гетманщины и «суверен-коммунистами», занявших ведущие должности во властных структурах после провозглашения независимости в 1991 г. В феврале 1989 г. в Постановлении ЦК Компартии Украины было заявлено о введении отдельного курса истории УССР, что являлось попыткой удержать контроль над данным сегментом идеологии, что оказалось безуспешным на фоне усугубления кризисных явлений в СССР и постепенным падением авторитета правящей партии. Еще одним шагом в плоскость сохранения своего влияния в общественном сознании стала подготовка Постановления Политбюро ЦК Компартии Украины от 21 июля 1990 г. «О реализации республиканской программы развития исторических исследований, улучшения изучения и пропаганды истории Украинской ССР», которое рассматривалось как ориентир для исторического сообщества республики в попытке соединить основы формационного подхода с национальной схемой истории, что объективно вело к постепенному отказу от изучения истории Украины в контексте единства судеб народов Советского Союза. Как оказалось, подобная административная мера представляла собой попытку приспособить устоявшиеся в исторической науке нормы марксистской идеологии к политической конъюнктуре, в которой

«охранительным» ценностям была уготована печальная для них судьба. Программа публикаций по украинской (*не советской!*) истории впоследствии востребовала иные методологические подходы, которые, как уже указывалось, представляли собой заимствования из работ украинских историков-эмигрантов. ... Симптоматично, что намечалась публикация трудов М. Грушевского и В. Винниченко, имена которых по-прежнему были связаны в партийных документах с «буржуазным национализмом» [29–31].

Каковы же были доводы в пользу выбора концепции «Украинской революции»? Часть историков [32] справедливо отмечает, что данный термин встречался и в публикациях авторов в 1920 – начале 1930 гг. [33, 34], которые не вкладывали в его смысл политический контекст, подчеркивая только своеобразие процесса революции применительно к украинским землям.

В современной украинской историографии «украинская революция» трактуется как «национально-освободительная». Обращаясь к содержанию книги львовского историка Я. И. Грицака, возможно выявить его аргументы в пользу отстаивания данного понятия. Автор указывает, что революционные события охватили не только земли, бывшие в составе Российской империи, но и территории Буковины, Галиции и Закарпатья, являя собой отражение более широкой картины трансформаций Центральной и Восточной Европы. Вторым обстоятельством, по мнению историка, было то, что «задачей украинской национальной революции являлось создание государства для нации, лишенной государственности». Наконец, «включение украинской революции в более широкий международный контекст позволяет расширить хронологические рамки украинской революции от уже привычных 1917–1921 гг. до 1914–1923 гг.» [35: 76–77]. К причинам поражения «украинской революции» Я. И. Грицак относит слабость социальной базы украинского национального движения, недостаточная преданность идее государственности со стороны революционных элит [35: 111–112]. Помимо указанных факторов, уместно дополнить их перечень другого сторонника концепции «украинской революции» – известного украинского историка-эмигранта И. Лысяк-Рудницкий, судьба которого была связана с бурными событиями XX в.: учеба во Львовском университете, тайный переход советско-германской границы в декабре 1939 г., учеба в Берлинском и Немецком (Прага) университетах, переезд в Австрию и Швейцарию, наконец – преподавание в США и Канаде.

И. Лысяк-Рудницкий полагал, что к причинам неудачи «украинской революции» следовало отнести неопытность и догматизм молодых лидеров движения; отсутствие достаточного опыта политической борьбы, парламентской деятельности и внешнеполитической практики; отсутствие сильной центристской партии [36: 430–431]. Отметим, что в других публикациях автора достаточно суждений, содержание которых свидетельствует о категоричности его позиций, предопределявших некоторые выводы («В СССР политика Сталина угрожала физическому существованию [украинской] нации» [36: 531]; «позиция украинского народа сыграла выдающуюся роль прежде всего в блестящих успехах немецкого оружия в 1941 г. ...» [36: 569].

Отметим, что среди историков современной Украины не все полностью разделяют господствующую историографическую традицию. Г. А. Королев констатирует доминирование сюжетов политической истории и истории власти, в так называемой «украинской революции», что, на наш взгляд, не позволяет системно проанализировать процесс революции на Украине ввиду недооценки многонационального состава населения, и сторонников утверждения советской модели государственности. Немаловажное значение приобретает и влияние мифов, созданных адептами украинской государственности – сторонников УНР, С. Петлюры.

П. Скоропадского. «Отказ от рассмотрения социальных аспектов революции, который стал основой контрверсии, которая используется частью историков для утверждения преемственности процесса 1917–1921 гг. и других периодов» [37: 372, 376, 379]. Г. В. Касьянов; оценивая историографическую ситуацию, справедливо пишет о том, что украинское общество переживает своеобразное «историческое дежавю»: стандартный национальный проект образца XX в., уже однажды реализованный на рубеже XIX–XX вв., предусматривавший отделение национальной истории от имперской, «общерусской», переживал на излете перестройки своеобразное рождение» [31: 77]. Это суждение справедливо и для современной украинской исторической науки.

Однако подавляющая часть монографий и статей историков соседней страны исходят из того, что категория «украинская революция» наиболее точно отражает содержание процессов на Украине в 1917–1921 гг. Так, авторы двухтомника очерков революции пытаются доказать, жизнеспособность своей концепции, приводя следующие доводы: возрождение и консолидация украинской нации для возрождения собственного государства; ведущая силой социального и национального прогресса – украинская нация и ее политическая элита; система аргументации опирается на основательное историографическое наследие и доступную источниковую базу...» [38: 7]. Подобные доводы не могут не вызывать вопросы. И. В. Михайлов справедливо отмечает, что «украинская революция» была побочным продуктом глобальных процессов (это обстоятельство, в общем, в осторожной форме признают некоторые украинские исследователи). Дистанцирование от российской истории замыкает украинских историков в контекст старых и новых мифов с политической заданностью. Собственно, и сама революция в губерниях нынешней Украины стала производным от распада Российской империи и активности на этом направлении иных геополитических сил (прежде всего, Германии) [19: 8]. Профессор Нью-Йоркского университета О. С. Федюшин в свое время сделал вывод о том, что «лучшим определением Украины в условиях немецкой оккупации в 1918 г. является «сателлит» с ограничением своего суверенитета» [39: 294]. Судя по содержанию публикаций современных историков Украины в течение последних трех лет, достаточно осторожные оценки и оговорки сторонников концепции «украинской революции» применительно к ее интерпретации (сомнения в «утверждении массового национального сознания на Украине до 1917 г.» [40: 456]; «условность определения «украинская революция» «как «национально-демократической» [23: 8]) уступают место работам иной направленности [25].

Как оказалось, перспективы развития исторической науки на Украине по-прежнему связаны с политической конъюнктурой (достаточно напомнить о роли Института национальной памяти в общественно-политической жизни страны). Осмысление истории революции в широком контексте глобальных, региональных и локальных перемен на основе объективности и совокупности всех источников при сотрудничестве и взаимоуважении позволило бы способствовать пониманию смысла трансформаций, и поныне оказывавших воздействие на судьбы народов.

Библиографический список

1. Акулышин, П. В. «Маятник качнулся?» / П. В. Акулышин // Столетие революции в России. Мониторинг общественного мнения и исторического сознания 2017 года. Историографические разработки АИРО-XXI: трансформация образов революций 1917 года под окуляром профессионалов. – URL: <http://gefter.ru> (дата обращения: 17.07.2017).
2. Стариков, Н. В. 1917. Не революция, а спецоперация / Н. В. Стариков. – М., 2007.
3. Стариков, Н. В. 1917. Разгадка «русской революции» / Н. В. Стариков. – СПб., 2016.
4. URL: www.levada.ru/archive/pamyatnye-daty (дата обращения: 17.07.2017).

5. Булдаков, В. П. Хаос и этнос. Этнические конфликты в России, 1917–1918 гг. Условия возникновения, хроника, комментарий, анализ / В. П. Булдаков, Т. Г. Леонтьева. – М., 2010.
6. Булдаков, В. П. Красная смута. Природа и последствия революционного насилия / В. П. Булдаков. – 2-е изд., доп. – М., 2010.
7. Булдаков, В. П. Война, породившая революцию: Россия, 1914–1917 гг. / В. П. Булдаков. – М., 2015.
8. Россия в годы Первой мировой войны: экономическое положение, социальные процессы, политический кризис. – М., 2014.
9. Селезнев, Ф. А. Революция 1917 года и борьба элит вокруг вопроса о сепаратном мире с Германией (1914–1918) / Ф. А. Селезнев. – М., 2017.
10. Шелохаев, В. В. Конституционно-демократическая партия в России и эмиграции / В. В. Шелохаев. – М., 2015.
11. Туманова, А. С. Общественные организации России в годы Первой мировой войны (1914 – февраль 1917 г.) / А. С. Туманова. – М., 2014.
12. Репников, А. В. Консервативные модели российской государственности / А. В. Репников. – М., 2014.
13. *Russia in War and Revolution, 1914–1922. A Documentary History* / Edited and Translated, with Introduction, by J. Daly and L. Trofimov. – Indianapolis and Cambridge, 2009.
14. Мацузато, К. Земства во время Первой мировой войны: межрегиональные конфликты и падение царизма / К. Мацузато // *Земский феномен: политологический анализ.* – Екатеринбург, 2001. – С. 144–198.
15. Badcock, S. *Politics and the People in Revolutionary Russia: A Provincial History* / S. Badcock. – Cambridge, 2007.
16. Holquist, P. *Making war, forging revolution Russia's continuum of crisis. 1914–1921* / P. Holquist. – Cambridge ; London, 2004.
17. Большакова, О. В. Русская революция глазами трех поколений американских историков / О. В. Большакова // 1917 г. Россия революционная : сб. обзоров и рефератов. – 2-е изд., испр. и доп. – М., 2009. – С. 6–32.
18. Шевырин, В. М. Революция 1917 г.: переосмысление в зарубежной историографии (обзор) / В. М. Шевырин // 1917 г. Россия революционная : сб. обзоров и рефератов. – 2-е изд., испр. и доп. – М., 2009. – С. 33–64.
19. Михайлов, И. В. «Украинская революция» или революция на Украине / И. В. Михайлов // *Вестник Московского государственного института международных отношений. Сер.: История.* – 2010. – № 1. – С. 1–11.
20. Российско-украинский коллоквиум «Украина и Россия в 1917–1922 гг. : социальное и национальное в истории». – URL: www.hist.msu/Labs/UkrBel
21. Черданцев, В. В. Исторический выбор народа Украины в контексте этнополитологии / В. В. Черданцев // *Электронный научный журнал «ГосРег».* – 2016. – № 2.
22. Михайлюк, О. В. Українська революція чи Російська революція на Україні / О. В. Михайлюк // *Грані. Науково-теоретичний і громадсько-політичний альманах.* – 2000. – № 5 (13). – С. 70–76.
23. Михайлюк, О. В. Концепція «Української революції: pro et contra» / О. В. Михайлюк // *Гуманітарний журнал.* – 2009. – № 3–4. – С. 3–19.
24. Михайлюк, А. В. О соотношении сознательности и стихийности в революционных событиях 1917 г. в России и Украине / А. В. Михайлюк // *Вісник Дніпропетровського університету. Сер.: Історія і археологія.* – 2003. – Вип. 11. – С. 118–125.
25. Гапеева, О. Феномен Української революції 1917–1921 рр. в інформаційно-пропагандистській діяльності Російської Федерації / О. Гапеева // *Схід.* – 2017. – № 1. – С. 53–57.
26. Винниченко, В. Відродження нації (Історія української революції [марець 1917 р. грудень 1919 р.]) : у 3 ч. / В. Винниченко. – Київ : Відень, 1920.
27. Христюк, П. Записки і матеріали до історії Української революції : у 4 т. / П. Христюк. – Т. 1–3. – Відень, 1921 ; Т. 4. – Відень, 1922.
28. Дорошенко, Д. Історія України 1917–1923 рр. : у 2 т. / Д. Дорошенко. – Т. 1. – Ужгород, 1932 ; Т. 2. – Ужгород, 1930.
29. Касьянов, Г. К проблеме дефиниций: историческая память и историческая политика / Г. Касьянов // *Історія, пам'ять, політика : Збірник наукових статей.* – Київ, 2016. – С. 112–136.

30. Касьянов, Г. Украина 1991–2007: Очерки новейшей истории / Г. Касьянов. – Киев, 2008.
31. Касьянов, Г. Украина-1990: «Бои за историю» / Г. Касьянов // Новое литературное обозрение. – 2007. – № 1. – С. 76–93.
32. Михайлюк, О. В. Концепція «Української революції: pro et contra» / О. В. Михайлюк // Гуманітарний журнал. – 2009. – № 3–4. – С. 15.
33. Затонський, В. Из спогадів про українську революцію / В. Затонський // Архіви України. – 1990. – № 4. – С. 53–72 ; 1991. – № 1. – С. 57–68 ; № 3. – С. 59–70.
34. Річицький, А. Центральна Рада від лютого до жовтня. Нарис з історії української революції / А. Річицький. – Харків, 1930.
35. Грицак, Я. Й. Нарис історії України: формування модерної української нації XIX–XX ст. / Я. Й. Грицак. – Київ, 1996.
36. Лысяк-Рудницкий, И. Между историей и политикой / И. Лысяк-Рудницкий. – М. ; СПб., 2007.
37. Корольов, Г. Академічний дискурс дослідження історії української революції 1917–1921 років (90-ті р. XX ст. – початок XXI ст.) / Г. Корольов // Історіографічні дослідження в Україні. – Київ, 2012. – Вип. 22.
38. Нариси історії української революції 1917–1921 років : у 2 кн. / ред. кол.: В. А. Смолій (голова), Г. В. Боряк, В. Ф. Верстюк. – Київ, 2011. – Кн. I.
39. Федюшин, О. С. Несостоявшаяся украинская держава. Планы германского Генерального штаба по аннексии Юга России 1917–1918 / О. С. Федюшин. – М., 2014.
40. Революція в Україні: політико-державні моделі та реалії (1917–1920) / Політична історія України / В. Ф. Солдатенко (кер.), В. Ф. Верстюк. – Київ, 2003. – Т. 2.

XX ВЕК – ВЕК РЕВОЛЮЦИЙ В РОССИЙСКОЙ ИСТОРИИ¹

А. А. Кирюхин, О. А. Сухова

г. Пенза, Россия

Аннотация. Авторы анализируют результаты разработки в современной российской историографии концепции социальной революции. Высокой познавательной ценностью обладает характеристика революции как системного кризиса цивилизации и одновременно как способа формирования новой идентичности, необходимой для адаптации к новым условиям развития.

Ключевые слова: XX в., российские революции, системный кризис, советская идентичность, традиция «русского бунта».

Summary. The authors analyze the results of the development of the concept of social revolution in modern Russian historiography. The characteristic of revolution as a systemic crisis of civilization possesses and at the same time as a way of forming a new identity necessary for adaptation to new development conditions has a high cognitive value.

Key words: the twentieth century, the Russian revolution, the system crisis, Soviet identity, the tradition of the “Russian rebellion”.

XX столетие стало не только «самым коротким веком», временные пределы которого были заданы Первой мировой войной и распадом СССР, в национальной истории это стадия цивилизационного развития начавшаяся и завершившаяся социальной революцией. Постоянство, с которым Россия погружается в хаос смут, в другом времени – революций, проблема «геосоциальной слабости» российской государственности [3: 53–54; 2: 5–6], формирует настоятельную потребность разработки методологии изучения как закономерностей развития политической организации и нравственного идеала российского социума, так и специфики проявлений социального насилия. Относительно революции 1917 г. в России подобная задача более чем очевидна. В этом контексте неслучайно сравнение с историографией Великой французской революции, достигшей академичных форм лишь по завершению трехпоколенного цикла ее осмысления [2: 9].

Для создания целостной модели, отражающей системный подход к решению проблемы, в мировой и отечественной исследовательской практике накоплен значительный опыт научной рефлексии. Появляются методологические новации в деле разработки периодизации российской истории, основанные на понимании цикличности и кризисности (революционности) российской истории. Так, для объяснения специфики социокультурного развития России известный российский философ и культуролог А. С. Ахиезер предложил концепцию поэтапной смены нравственного идеала в его движении от соборной ипостаси до крайнего авторитаризма и обратно до соборно-либерального этапа. Представляется важным отметить, что каждый из трех этапов, выделенных автором, начинается «рождением» государственности, а заканчивается ее деградацией [1: 799].

Общепринятой в исследовательской практике становится концепция системного кризиса, фактически заменившая собой формационное прочтение революции. Проведение аналогий между процессами пореформенного периода и временного отрезка, ограничивающего советский опыт после смерти И. В. Сталина, становится привычной практикой. В частности, признанный мэтр истории российской революции 1917 г. В. П. Булдаков, характеризуя стадии протекания системного кризиса

¹ Статья подготовлена при финансовой поддержке РФФИ в рамках проекта «Советское общество в условиях социокультурной трансформации (вторая половина 1970-х – начало 1990-х гг.)» № 16-31-00009.

империи (этический, идеологический, политический, организационный, социальный, охлократический, рекреационный), выстраивает свои аргументы, последовательно рассматривая эпоху Смутного времени, революцию 1917 г. и распад Советской империи. Скажем, истоки этической прелюдии кризиса, по его мнению, надлежит искать «в неистовствах Ивана Грозного», в столкновении патернализма и нравственных основ Просвещения, и, наконец, в разоблачении сталинского террора [3: 60–61].

В 2003 г., подводя итоги первого десятилетия посткоммунистических реформ, В. А. Мау обратил внимание на проблему «наложения», пересечения четырех масштабных исторических вызовов, предопределивших собой соответствующую социальную динамику: кризис индустриального общества; собственно посткоммунистическая трансформация (абсолютно уникальная в своем роде); макроэкономический кризис, спровоцированный популистской экономической политикой второй половины 1980-х гг.; и, наконец, полномасштабная социальная революция, породившая экономико-политические, макроэкономические и структурные преобразования [9: 63–65].

В начале 2000-х гг., после длительного периода забвения и существования негласного «табу» на употребление термина в исследовательскую практику вновь вводится понятие «революции» и соответствующих изменений социетальных институтов. В работах этого периода революция определяется как радикальная (и системная) трансформация общества в условиях краха (фактического отсутствия) государственной власти [12].

Проблема происходившего с Российской цивилизацией за последние три столетия, превратившаяся в совершенно определенный методологический штамп, связана с констатацией догоняющего варианта модернизационных процессов, органически не присущих нашему обществу. А сам факт неоднократных попыток изменить ситуацию, совершить модернизационный рывок (в частности, В. А. Мау упоминает о двух «революциях сверху», т.е. реформах, а также о двух полномасштабных социальных революциях: 1917–1929 и 1987–2000 гг. [8: 17]), признается в качестве безальтернативного аргумента в пользу некомплексного (одностороннего) характера российской модернизации, а, значит, выстраивается идея устойчивой зависимости от собственного прошлого, и, косвенно, «бесперспективности» дальнейших реформ в этом направлении.

Помимо данного фактора в трудах исследователей модернизационных программ называются причины следующего порядка: политика Запада (роль институтов и механизмов управления экономическими процессами, которые позволяют развиваться, но не догонять), а также решение проблем координации, связанных с накоплением знаний, физического или человеческого капитала или качеством институтов субъекта модернизации [11: 90].

Сравнительный анализ содержания социально-экономической политики второй половины XIX – начала XX в. и 1970-х гг. позволил В. А. Мау применительно к российской истории сформулировать понятие «охранительной модернизации», к важнейшим характеристикам которой необходимо отнести: консервацию экономической структуры, консерватизм социально-политической структуры, формирование определенного типа образования, чуждого поиску и творчеству, и, наконец, ограничение контактов с Западом [7: 33]. Применение подобной объяснительной модели, по мнению автора, позволяет выявить главный фактор революции (системного кризиса и распада страны) – искусственное торможение модернизации.

Однако если степень революционности перемен, произошедших в России за последнюю четверть века не вызывает возражений у большинства исследователей, то при подведении итогов социокультурного развития страны такого единства

не обнаруживается. При этом четко фиксируется полярное размежевание оценочных суждений. Допустив условное обозначение, приходим к выводу об обоснованности тезиса В. П. Булдакова о цикличности (движения вокруг метаисторического центра) развития России. Мы вновь сталкиваемся с воспроизводством западно-славянофильской традиции, правда, несколько видоизмененной с учетом современных условий. В основание аргументирующей базы для подобных утверждений следует поместить: во-первых, степень вмешательства государства в экономику (этатистская модель индустриализации и максимизация рыночных свобод); и, во-вторых, степень комплексности модернизации (в этом отношении первоочередной задачей выступает выбор модели странового развития, а в другом случае – поиск доказательств уникальности цивилизационного выбора).

Проведение аналогий в концептуальном значении между революциями начала и окончания XX в. уместно и в отношении социальных представлений и психологии. Здесь существенной познавательной ценностью обладает анализ адаптивных механизмов «русского бунта». Для понимания его природы (в традиционном обществе) принципиальное значение имеет интерпретация причин иррациональной жестокости восставших и амбивалентности отношения к власти, допускавшей и восстание против государства, и стремление приобщения к Царю даже ценой жертв, возможность инверсии, признание допустимости насилия со стороны власти [1: 143–145]. Отечественными исследователями была предложена модель реконструкции ритуально-атрибутивной стороны бунта как выражения конфликтности между двумя внутренними альтернативами русского народа: «мирской» и «государственной» [5: 68, 179]. Достаточно убедительным представляется объяснение бунта в традиционном обществе как способа адаптации, сходного по «интеллектуальной конструкции» с ритуалом, и облегчающего восприятие нового [14: 167].

Логическим завершением сформировавшейся тенденции становится изучение феномена бунта уже на уровне монографических и диссертационных исследований. Осмысление «бессмысленного» ориентирует нас на анализ социального насилия как проявления кризиса традиционной идентичности, и одновременно как механизма культурной идентификации переходной эпохи от традиционализма к Новому времени и адаптации к происходившим изменениям [10: 13].

Сегодня лексические значения репрезентаций доиндустриальной эпохи: «бунт», «смута» весьма органично и прочно вписались в современную историографию русской революции, [2; 6], что вызывает необходимость постановки вопроса о допустимости расширения хронологических рамок применения терминов, разработки концепции бунта как ритуала, одного из важнейших поведенческих стереотипов, основанных на матрице социальных представлений общностей традиционного типа.

В 1917 г. формирование «революционного правового чина» как особого уклада повседневности в российской деревне в 1917 г. свидетельствовало о серьезных изменениях, и одновременно, новых вызовах для традиционной идентичности. В условиях краха государственности освященный традицией ритуал бунта был «расколдован», его сакральный смысл как социальной адаптивной практики не только в смысле освоения новой реальности, но и ее упорядочивания, восстановления преемственности был утрачен. Сжимаясь как шагреновая кожа, социальные репрезентации государства в крестьянском сознании деградировали до уровня самых архаичных форм самоорганизации. Следствием реактуализации «общинного архетипа» становится эскалация насилия и разгул локализма, освященного идеями реализации социальной утопии [13].

В свою очередь, результатом революции 1917 г. становится поиск и утверждение новой социальной идентичности, рождение «homo soveticus», призванной

адаптировать ценности традиционализма к современным условиям и использовать этот ресурс для завершения перехода к индустриальному обществу – обществу модерна. В этом случае кризис советской цивилизации в 1970–1980-е гг. можно интерпретировать как реакцию открытой социальной системы уже на вызовы постмодернизационной эпохи. Исследование ценностных оснований массового сознания позволяет сделать вывод о наличии у советских граждан в 1960–1970-е гг. признаков формирования post-modern сознания. С другой стороны, непосредственным итогом поздней и стремительной урбанизации становится рурализация городов, а, следовательно, утверждаются императивы сельского сознания.

Своеобразие адаптации российского общества к вызовам модернизации было исторически обусловлено задачами политической организации на обширной малонаселенной территории. Это, в свою очередь, и предопределило традиционализацию как сознательный выбор адаптационной модели к происходившим изменениям («прорастание» прошлого, воспроизводство архаики в реформистских проектах). Конечно, сама по себе ориентация на реализацию футуристического проекта служила дополнительным фактором мифологизации массового сознания, дополнительным потому, что картина мира коммунитарного общества, изначально строилась на традиционном (мифологическом) восприятии реальности, основанном на символизации всех явлений и предметов. Но подобный коммуникативный формат выступает важнейшим фактором успешного усвоения новых смыслов и поведенческих стратегий, подобное инструментальное прочтение утопии позволяет выявить позитивное созидательное начало, возможность появления новых характеристик, ставших результатом сплава традиций и модерна.

В арсенал средств властно-политического регулирования советские власти привлекли и мифотворчество, высоко оценив уровень религиозности основной массы населения и по сути, следуя в русле понимания мифа как силы преобразующей и формирующей смысл и направленность бытия. Так, выделяемые исследователями в ранге всеобщих, универсальных, первичных и неизменно значимых в истории человечества символических сюжетов, «миф об империи» и сопровождающий его «миф о мессианизме народа» [4: 65], в рамках советского проекта превращаются в предвосхищение мировой революции и позиционирование России в качестве локомотива глобального цивилизационного прорыва. Не менее важным элементом в системе представлений социума о процессе мироздания служат эсхатологические переживания, выступавшие определенным балансиром стремления к постоянной экспансии.

В идеологической практике советских властей конец истории был обозначен фактом построения коммунизма, достижения предельного состояния процветания и благоденствия народа. Вместе с тем, представления о грядущем обладали как конструктивным, так и деструктивным потенциалом. Нереализованные ожидания, рассогласование наличного и потребного могли спровоцировать возникновение амбивалентного отношения к осознанию возможности выполнения великой миссии, а, следовательно, подрывали устои управления.

Для локальных сообществ российской глубинки, не расставшихся еще окончательно с наследием традиционализма, 1960–1970-х гг. оказались временем прорыва через стремительную индустриализацию в post-modern эпоху. При этом стихийные и целенаправленные процессы формирования советской идентичности являют собой свидетельство как высокой степени адаптационных возможностей социума, появления новых социетальных характеристик, так и указывают на «узкие» места советского проекта. Так, игнорирование предпосылок потребительской революции в СССР стало одним из факторов крушения не только государственности, но и сформировавшейся системы ценностей и предпочтений, соответствующей постиндустриальному уровню развития общества.

Библиографический список

1. Ахиезер, А. С. Россия: критика исторического опыта (социокультурная динамика России) / А. С. Ахиезер. – Новосибирск : Сибирский хронограф, 1997. – Т. I. От прошлого к будущему. – 805 с.
2. Булдаков, В. П. Красная смута: Природа и последствия революционного насилия / В. П. Булдаков. – М. : РОССПЭН, 2010. – 967 с.
3. Булдаков, В. П. Революция как проблема российской истории / В. П. Булдаков // Вопросы философии. – 2009. – № 1. – С. 53–64.
4. Быховец, М. В. Проблема мифологизации общественно-политического сознания России в контексте процесса модернизации / М. В. Быховец // Вестник Новосибирского государственного педагогического университета. – 2012. – № 6 (10). – С. 65. – URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/problema-mifologizatsii-obschestvenno-politicheskogo-soznaniya-rossii-v-kontekste-protsesta-modernizatsii> (дата обращения: 12.11.2016).
5. Лурье, С. В. Метаморфозы традиционного сознания. Опыт разработки теоретических основ этнопсихологии и их применения к анализу исторического и этнографического материала / С. В. Лурье. – СПб. : Типография им. Котлякова, 1994. – 288 с.
6. Люкшин, Д. И. Вторая русская смута: крестьянское измерение / Д. И. Люкшин. – М. : АИРО-XXI, 2006. – 144 с.
7. Мау, В. А. Модернизация в условиях политической стабильности (Реформы второй половины XIX в.: логика и этапы комплексной модернизации) / В. А. Мау // Вопросы экономики. – 2009. – № 9. – С. 32–50.
8. Мау, В. А. Преемственность и прерывистость модернизации российской экономики в эпохи революций / В. А. Мау // Пути России: преемственность и прерывистость общественного развития. – М., 2007. – С. 13–24.
9. Мау, В. А. Экономические реформы в России: итоги и перспективы / В. А. Мау // Куда пришла Россия?... Итоги социетальной трансформации. – М., 2003. – С. 63–75.
10. Мауль, В. Я. Социокультурное пространство русского бунта (по материалам Пугачевского восстания) : автореф. дис. ... д-ра истор. наук / Мауль В. Я. – Томск, 2005.
11. Полтерович, В. М. Общество перманентного перераспределения: роль реформ / В. М. Полтерович // Пути России: двадцать лет перемен. – М. : МВШСЭН, 2005. – С. 90–102.
12. Стародубровская, И. В. Великие революции от Кромвеля до Путина / И. В. Стародубровская, В. А. Мау. – М. : Вагриус, 2004. – 512 с.
13. Сухова, О. А. Эволюция бунта: массовые формы протеста в российской деревне в период революции 1917 г. / О. А. Сухова // Вестник НИИ гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия (Саранск). – 2015. – № 3 (35). – С. 46–54.
14. Чеканцева, З. А. Методологический синтез, междисциплинарный подход и возможности обновления истории «снизу»: Франция XVII–XVIII вв. / З. А. Чеканцева // Методологический синтез: прошлое, настоящее, возможные перспективы / под ред. Б. Г. Могильницкого. – М., 2005.

ХОД ВЕЛИКОЙ РУССКОЙ РЕВОЛЮЦИИ 1917 г. В СЕРДОБСКОМ УЕЗДЕ (на основе анализа краеведческих заметок в местных периодических изданиях)

Н. А. Коблова

г. Пенза, Россия

Аннотация. В данной статье рассматривается вопрос о ходе Великой русской революции 1917 г. в Сердобском уезде. Материал основан на анализе данных, представленных местными историками в краеведческих заметках периодических изданий. Основной акцент ставится на рассмотрение хронологии событий в крае.

Ключевые слова: Великая русская революция, Сердобский уезд, большевики, крестьянство.

Summary. The article is devoted to the problem of the Great Russian revolution process in the Serdobskeyezd. The material is based on analysis of the information, presented by local historians in regional periodic edition. Special attention being paid to the review of the chronology of the events in the region.

Key words: the Great Russian revolution, the Serdobskeyezd, Bolsheviks, peasantry.

Нерешенные проблемы русской действительности из-за поражения первой революции в России вызвали к жизни Великую русскую революцию 1917 г. Революция разделилась на 2 этапа: на незавершенный этап буржуазно-демократической революции (февраль-октябрь) и этап большевистского переворота, «социалистический» этап, когда к власти в результате Октябрьского вооруженного переворота в Петрограде пришли крайне левые социал-демократы, установившие сначала диктатуру пролетариата, переросшую в диктатуру партии, а затем в диктатуру номенклатуры и ее вождей.

Данная тема являлась актуальной для изучения как в советские годы, так и в наши дни. Местные историки-краеведы посвятили не одну статью проблеме Великой русской революции и ее особенностям в крае. Сведения о революции были изучены по материалам архивов и обобщены в серию статей в периодических изданиях г. Сердобска середины прошлого столетия. Анализ местной прессы дает возможность погрузиться в ход событий Великой русской революции 1917 г. в крае.

Предреволюционный Сердобск – это захолустный мещанский городок Саратовской губернии. Большинство горожан занималось земледелием. Проживало в Сердобске 13 тысяч человек [7: 7]. Тихую жизнь местного населения перевернула подступающая революция. Она была ускорена Первой мировой войной, которая привела к ухудшению жизненного уровня населения в стране в целом и в Сердобском уезде, в частности. Сократились посевные площади: с 299 661 десятины в 1914 г. до 275 640 десятины в 1916 г. Более чем на 20 % уменьшилось поголовье скота. К январю 1917 г. в уезде было до 40 % безлошадных крестьян. Усилился уход крестьян из деревни. Уезду было предложено покрыть все недоимки по поставкам хлеба и выполнить новую продразверстку в размере 2293 тыс. пудов, т.е. подлежало изъятию по 14 пудов хлеба (224 кг) с каждой десятины [5: 75]. Тяготы войны вызвали рост протестной активности масс.

В этих условиях среди железнодорожников Ртищева и Сердобска находили отклик прокламации антиправительственного содержания, в частности: «К трудящимся Саратова и губернии», что призывала к борьбе за демократическую республику, 8-часовой рабочий день, за передачу земли народу, за прекращение

войны. Это была прокламация Саратовского комитета РСДРП (б). На территории Саратовской губернии в 1915 г. было 36, а в 1916 г. 62 случая крестьянских волнений: в Боровой Полянщине, Байке и других селах Сердобского уезда [5: 76].

В январе 1917 г. возникает профсоюз почтово-телеграфных служащих. Союз являлась наиболее сильной организацией в уезде [4: 5]. 3 (16) и 4 (17) марта в Сердобске в ответ на события в Петрограде прошли митинги и демонстрации, приветствовавшие конец монархии и требовавшие окончания войны. Рабочие при поддержке солдат разоружили полицию.

В марте уездным комиссаром Временного правительства (главой уездной администрации) был назначен руководитель местного уездного комитета эсеров А. В. Сержников. Тогда же возникла и вторая власть в лице уездного Совета рабочих и солдатских депутатов. Он размещался на 1-м этаже двухэтажного кирпичного дома на углу улиц Большой Песчаной (Пушкина) и Железнодорожной (Куйбышева). В уездном Совете, городской и уездной земской управе преобладали черносотенцы, земцы-либералы, эсеры, меньшевики, энесы, кадеты [5: 76].

С апреля по июль наблюдается рост крестьянского движения в связи с нерешенностью земельного вопроса, начинаются самочинные захваты земель. В мае-июле нарастает крестьянское движение, возникают волостные Советы крестьянских депутатов, состоялся, по инициативе эсеров, 1 уездный съезд Советов, был создан уездный Совет крестьянских депутатов [8: 8].

В августе захват земли принял массовый характер: не было в уезде волости, где бы крестьяне не пытались решить по своему усмотрению земельный вопрос [1: 3].

Тяготы хозяйственной разрухи и голода еще больше обострили нужду и бедствия трудящихся масс, сделали их положение к осени 1917 г. нетерпимым. К этому времени во всех уездах губернии крестьянство громило помещичьи имения, самовольно осуществляло порубку леса, захватывало землю помещиков. Сердобские краеведы отмечают разрастание аграрного движения в уезде. Уездные помещики жаловались на насильственную экспроприацию земельной собственности. Саратовская пресса времен революционного 1917 г. пестрит новостями о нескончаемой череде погромов помещичьих владений Сердобского уезда.

В сентябре Сердобский уезд по количеству и силе крестьянских выступлений занял первое место в Саратовской губернии. В Сердобск прибывают фронтовики, которые настраивают в революционном духе солдат и офицеров 161-го пехотного полка. В полку создается солдатский университет, стал выходить журнал «Сердобская жизнь» (выходил до осени 1918 г.) под редакцией прапорщика И. Б. Ребольского. Это был орган Сердобского совета. Создается полковой комитет во главе с Хорьковым и прапорщиком Щегольковым. Комитет выдворил из города карательный отряд [1: 3]. Происходят массовые порубки лесов крестьянами. В городе действовало 16 профсоюзных работников правительственных и общественных учреждений, учащихся, металлистов, кирпичников, пекарей, колбасников, фотографов, строителей.

На 31 августа (13 сентября) в уезде было 5 крестьянских выступлений, а 30 сентября (13 октября) было уже 35 выступлений [2: 3].

В начале октября в 161-м запасном пехотном полку возникает первая большевистская группа [2: 3]. С этого момента начинается рост влияния большевиков в Сердобском уезде. Однако группа эта была еще малочисленна и заметного влияния на дела в уезде не оказывала. В этот сложный политический момент по рекомендации большевистской группы полкового комитета были посланы в Петербург ходяки к Владимиру Ильичу Ленину. Упомянется этот факт в Сердобской печати неоднократно. В состав делегации вошли солдаты полка Федор Сидякин и Антон Климов и представитель союза работников почт и телеграфа Алексей Шишкин.

Их встреча с Лениным состоялась 5 ноября 1917 г. По итогам встречи Владимир Ильич вручил делегатам «Инструкцию» – «Ответ на вопросы крестьян». Согласно данному документу власть переходила в руки народа, помещичья собственность становится общенародным достоянием, а Советы крестьянских депутатов являются полномочными органами государственной власти [6: 9].

В уезде за месяц произошло 70 крестьянских выступлений. С помощью полкового комитета в Уездный Совет рабочих и солдатских депутатов входят революционно настроенные солдаты. Исполком Уездного Совета возглавляет бывший народник, левый эсер, сторонник большевиков Ф. В. Алексеев [5: 77].

В статьях краеведов содержатся данные архивов, согласно которым можно сделать вывод об ухудшении ситуации в уезде. Помещики в своих телеграммах правительству просят экстренной помощи. Они не надеются на местные власти, которые уже не контролируют обстановку в крае. Земельный вопрос решался крестьянами самостоятельно, вопреки распоряжениям властей.

С 30 ноября по 4 декабря в Саратове проходил съезд представителей волостей губернии по вопросу организации Советов по земельному и продовольственному вопросам [2: 3]. Этот съезд имел важное политическое значение. Он наглядно показал, что подавляющее большинство крестьянства губернии поддержит установление советской власти.

14 декабря в селе Малиновке состоялся первый в уезде волостной съезд Советов, на котором была провозглашена Советская власть и избран новый состав исполкома Совета крестьянских депутатов. Подобные съезды прошли в Байке, Куракине и других волостных селах [2: 3].

Назревала необходимость в официальном провозглашении Советской власти в уезде. В конце декабря состоялся I уездный съезд Советов, принявший большевистские резолюции по аграрному, продовольственному вопросам, по отношению к Учредительному собранию [5: 76]. Это говорило о росте большевизации масс. Но большинство в исполкоме Уездного Совета составили меньшевики и провозгласить Советскую власть на съезде не удалось. Этот вопрос был отложен до Учредительного собрания [2: 3].

Окончательная победа Советской власти в Сердобском уезде была достигнута лишь на втором уездном съезде 10 января 1918 г. [2: 3]. Это означало завершение революции в Сердобском уезде.

Библиографический список

1. Бульин, Н. П. На подступах к Октябрю / Н. П. Бульин // Ленинский путь. – 1967. – № 1. – С. 3.
2. Бульин, Н. П. Сердобск, декабрь 1917 года / Н. П. Бульин // Ленинский путь. – 1967. – № 3. – С. 3.
3. Бульин, Н. П. Сердобск: октябрь 1917 года / Н. П. Бульин // Ленинский путь. – 1967. – № 2. – С. 3.
4. Бульин, Н. П. Сердобские ходоки / Н. П. Бульин // Ленинский путь. – 1962. – № 2. – С. 5.
5. Никитин, С. Н. Сказ о Сердобском крае / С. Н. Никитин. – Пенза, 2005. – 220 с.
6. Никишов, С. П. Вспоминая былое / С. П. Никишов // Ленинский путь. – 1967. – № 7. – С. 9.
7. Никишов, С. П. Сердобск, 1910 год / С. П. Никишов // Ленинский путь. – 1966. – № 16. – С. 7.
8. Русинова, Н. А. Аграрное движение в Сердобском уезде в 1917 году / Н. А. Русинова // Пензенская правда. – 1957. – № 1. – С. 8–10.

ОКТЯБРЬСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ В НОВЕЙШЕЙ ПОЛЬСКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ (1989–2017)

Э. М. Ковальчик

г. Варшава, Республика Польша

Аннотация. Автор анализирует проблему изучения Октябрьской революции в России в современной польской историографии. После распада СССР миф о социальной революции сменил нарратив о случайном перевороте, что также не раскрывает всех аспектов проблемы. Автор приветствует изучение русской революции в контенте, лишенном политического давления.

Ключевые слова: Россия, Октябрьская революция, переворот, Ленин, большевики, польская историография.

Summary. The author analyzes the problem of studying the October Revolution in Russia in contemporary Polish historiography. After the collapse of the USSR, the myth of the social revolution was replaced by a narrative about a random coup d'etat, which also does not reveal all aspects of the problem. The author welcomes the study of the Russian revolution in content without political pressure.

Key words: Russia, October revolution, coup d'etat, Lenin, Bolsheviks, Polish historiography.

Октябрьская революция 1917 г. была весьма значимым и знаменательным по своим последствиям событием не только для России, но и для Европы и всего мира. В историю Польши она также вписала важную страницу, сделав большевизм центральной проблемой, интересующей историков.

В 1917 г. часть польских земель, в результате трех разделов польского государства Австрией, Пруссией и Россией (в 1772, 1793 и 1795 гг.), оказались в пределах Российской империи. К тому же, в 1917 г. польские земли были театром военных действий Первой мировой войны, через польские земли пролегал восточный фронт. Поляки, жившие по восточную сторону фронта, т.е. на территориях нынешней восточной Польши, Украины и Беларуси, непосредственно испытали на себе революционные события и перемены. В Первой мировой войне значительная часть поляков усматривала шанс добиться независимости. Они не обращали чрезмерного внимания на события в глубине России. Однако следует упомянуть о группе членов СДКПиЛ¹ и ППС – левицы², интернационалистическое воспитание которых, полученное в рядах своих партий, определяло восприятие ими революции как своего дела. Так же поступали и поляки, которые, задолго до октябрьской революции, уже много лет находились в России и связали свою судьбу с партией большевиков [11: 6]. Как сообщает Александр Коханьский, ссылаясь на данные Польского Бюро ЦК РКП(б), в 1920 г. в рядах РКП(б) было около 18 000 поляков [11: 6].

Чтобы правильно представить вопросы историографии октябрьской революции за последние 30 лет, следует вкратце ознакомиться с тем, как она формировалась в предыдущие годы. Это необходимо, поскольку данный вопрос использовался, как, по-видимому, никакое другое историческое событие, в текущей государственной политике.

¹ Социал-демократия Королевства Польского и Литвы (СДКПиЛ) – социал-демократическая марксистская партия, основанная в 1893 г.

² Польская социалистическая партия – левица (ППС-левица) – партия польских социалистов-интернационалистов, основанная в 1906 г.

Историографию октябрьской революции 1917 г. в Польше можно, в принципе, разделить на три части. Это период после обретения Польшей независимости в 1918 г. до начала Второй мировой войны, то есть межвоенный период. Период Польской Народной республики (1944–1989) и период после перелома 1989 г., который является темой настоящей статьи.

В первом периоде на польскую историографию октябрьской революции, как и вновь возникшего в результате ее советского государства, влияние оказывало постоянно присутствовавшее ощущение угрозы со стороны восточного соседа. Польско-большевистская война, функционировавшая в Польше в виде Коммунистической партии Польши секция Коминтерна, повторявшиеся террористические акты, в инспирировании которых подозревались советские власти, оказывали несомненное влияние на текущую политику Польши и на популярность так называемых идей прометеизма. Под влиянием идей прометеизма, опосредованно либо непосредственно, оставались действовавшие тогда польские научные институты, занимавшиеся исследованием проблемы коммунизма. Это были, в том числе, «Антикоммунистическая лига», «Антикоммунистическое соглашение», которое издавало, в частности, ежемесячник «Борьба с большевизмом» [„Walka z bolszewizmem”], так называемый «Всепольский центр антикоммунистических издательств», «Общество борьбы с большевизмом», и, наконец, наиболее серьезный Институт научного исследования коммунизма.

Для примера, в книге Адама Грифф-Келлера «Коммунизм», изданной в 1926 г., на тему событий 1917 г., автор обращает особое внимание на три основных факта: что большевикам только в 1917 г. удалось взять власть, воспользовавшись исключительно военной неразберихой и помощью немцев, способствовавших возвращению в Россию Владимира Ильича Ленина. Вторым важным аспектом, на который он бегло обращает внимание, является аграрная революция, совершившаяся в России в результате революции. Он сравнивает ее с переменами во Франции в результате французской революции: «свержение феодализма а-ля Франция 1789 г.» [1: 121–122]. Он также пишет: «ряд моментов в жизни этого государства [России] как до войны, так и во время войны, а с другой стороны, ошибки, совершенные вождями первого периода революции, членами Временного правительства Керенским, Александром Гучковым, которые были мастерски использованы максималистами» [1: 121–122].

Тогдашние работы, неглубокие с научной точки зрения, основанные в большой степени на весьма немногочисленных в то время документальных источниках, носят характер скорее политологических, публицистических рассуждений, нежели углубленно-научного исторического анализа [15].

Второй период польской историографии октябрьской революции наступил после Второй мировой войны и продолжался до 1989 г. Установление коммунистической власти на польских землях в 1944 г., создание Польской Народной Республики (ПНР) и включение ее в блок социалистических стран привело к принятию риторики и интерпретации СССР.

Уже в 1923–1924 гг. Сталину и его сторонникам удалось навязать партийной историографии собственную интерпретацию истории своего движения и партии. Это был первый этап подчинения истории советской властью и, следовательно, ее фальсификации [3: 673]. Превращения ее в инструмент, служивший, мягко говоря, укреплению власти Сталина. До 1956 г. эта модель действовала и в Польской Народной Республике [3: 673]. Вопросы октябрьской революции в ПНР служили делу создания культа Сталина, а одновременно «прикрытию и избеганию» наиболее

щекотливых вопросов, например, «большой чистки» и роспуска КПП – польской секции Коминтерна.

Таким образом, в 1944/45–1956 гг. действовала агиографическая модель. Тогда писали, в частности, Вильгельм Менш, автор трехтомного труда «Великая социалистическая октябрьская революция», вышедшего в 1952 г., или Валентина Найдус, автор изданной в 1955 г. книги «Партия большевиков в период подготовки и совершения Великой Октябрьской Социалистической Революции». После XX съезда КПСС в 1956 г. в публикациях заметен постепенный, мягкий отход от этой модели описания революции. В 60-е и 70-е гг. на ее тему писали, в частности, Владислав А. Серчик [19: 24] и Генрик Яблоньский [7: 92]. Ближе к концу эпохи ПНР из-под пера польских историков начали выходить более серьезные и добросовестные работы, как, например, Антония Чубинского или Александра Коханьского [5: 317]. При этом следует отметить, что изложение этой темы в Польше и всем блоке социалистических стран радикально отличалось от изложения, преобладавшего в странах Запада. Западные советологи представляли большевиков как циничных манипуляторов, а историки в социалистических странах – как трибунов, замечательно объединявших вокруг себя народ и доказывавших историческую правоту большевиков. В то время как за поражение революционного процесса, особенно в 80-е гг., вина возлагалась на внешние факторы, либо конкретных личностей, например, на Иосифа Сталина [6].

За период существования ПНР об октябрьской революции появилась весьма богатая литература, в которой преобладали апологетические работы. Эта литература отмечена печатью эпохи ее создания, когда проведение широко понимаемого изучения большевизма было по многим причинам невозможным. К тому же это вспомогательные работы, касающиеся лишь избранных фрагментов интересующей нас тематики. В публикациях периода ПНР сосредотачивались на планах, программах и тезисах. Причины, приведшие к вспышке революции, а также к ее форме, искали через призму теорий философии Маркса и Энгельса, через призму конфликтов внутри коммунистического движения. В то же время, редко уделялось внимание определению места октябрьской революции в историческом процессе, ее связи с другими историческими событиями.

Падение советской империи привело к росту интереса к феномену системы, порожденной в 1917 г. Оно высвободило естественную потребность произвести своеобразное сведение счетов с коммунистической утопией, в отношении как теории, так и неотъемлемо связанной с ней практики общественной жизни. Распад СССР, широкие возможности доступа к новым, неопубликованным источникам привели к тому, что стали появляться работы, которые в большой степени не столько ставят под вопрос, сколько дополняют имевшийся до сих пор образ СССР, в том числе и революции 1917 г. в России [14: 8]. Причем следует отметить, что в первые годы произошел отход польских историков от тематики революции 1917 г. В орбите их интересов оказались другие вопросы, которые в период ПНР были в сфере табу. Однако в последние годы можно заметить новую волну интереса к событиям 1917 г. в России и истории коммунизма. Все чаще обращается к этой тематике и публицистика. Тем временем, в научной литературе исследования постепенно набирают динамику.

В связи с этим следует отметить, что приведенный ниже анализ основывается на нескольких опубликованных в последнее время статьях относительно революции, научной литературе, опосредованно касающейся этой темы, а также репортажах или воспоминаниях, изданных лишь после 1989 г. В Польше за последние

годы не появилось ни одной работы, полностью посвященной исключительно октябрьской революции. К сожалению, нам еще предстоит их дожидаться [14: 7]. Однако достоинством этой небогатой польской историографии, касающейся революции, является отражение в ней современных тенденций в литературе о предмете, появление нескольких существенных вопросов, а также наблюдений, которые могут побудить к дальнейшему изучению этой проблемы.

Принципиально, в польской историографии выделяются два аспекта описания событий октябрьской революции – политико-исторический и историософский. В первом аспекте существенное значение имеют суждения о ее источниках и характере, во втором – революция рассматривается как момент исторического процесса. В новейшей польской историографии, относящейся к революции, мы замечаем преобладание этого второго аспекта – историософского. Мы наблюдаем стремление внимательнее рассмотреть большевистскую философию истории и место, занимаемое революцией. Имеет место своеобразное смещение векторов интересов. Историки периода ПНР писали, сосредотачиваясь на партии и событиях 1917 г. с точки зрения партии, как бы не замечая внешнего мира. Современные историки демонстрируют тенденции к совмещению происходивших исторических процессов и задают вопросы об «этом внешнем мире», например, о влиянии революции на историю Европы, и о том, как ситуация в Европе внесла свой вклад в начало революции.

Современное видение революции польскими историками, кажется, сочетает взгляды, характерные как для западной историографии, так и для историографии бывшего восточного блока. Можно заметить очень большое влияние западного направления, с добавлением субъективного взгляда на эту проблему, характерного для страны, непосредственно испытавшей на себе события в России и коммунизм. Огромное влияние на формирование нового взгляда и возобновление интереса к октябрьской революции, несомненно, оказали книги Ричарда Пайпса, специалиста по истории Советского Союза, профессора Гарвардского университета и советника президента США Рональда Рейгана. В 1981–1982 гг. он опубликовал книгу *The Russian Revolution*, перевод которой на польский язык после 1989 г. вышел уже в трех изданиях. Эта книга вместе с публикацией «Россия большевиков» представляла собой «попытку всестороннего представления русской революции». В своих трудах автор указывает, что революция – это «может быть, крупнейшее событие XX века» [16].

Вслед за западной историографией, молодое поколение польских историков также начало задавать себе вопросы относительно изучения революции. Ключевой среди них: **была ли революция государственным переворотом или социальной революцией?** Пайпс представляет события 1917 г. как государственный переворот и рассматривает их как действия ради реализации амбиций Владимира Ленина и интересов его партии. Из революционных событий, по мнению этого автора, крупные и быстрые перемены широкого политического и социального масштаба были заслугой февральской революции, прежде всего, благодаря тому, что ее результатом стало преобразование монархии в либеральную республику [2: 81].

В своей статье 2016 г. «Государственный переворот или социальная революция? Октябрь 1917 в историографии конца XX – начала XXI в. – избранное публикации и проблемы» [2: 77–101] Алиция Кулецкая вслед за Пайпсом задает этот ключевой для современных историков вопрос. Она приводит мнение на эту тему Януша Паевского – выдающегося польского историка, специалиста по всеобщей истории. Паевский в «Синтезе истории Первой мировой войны» рассмотрел октябрьскую революцию как одно из событий многолетнего конфликта [10: 606]. Так что можно сделать вывод, что он принял совершенно иной подход, нежели Ричард Пайпс, склоняясь к рассмотрению революции в качестве революции социальной.

Паевский также старается ответить на следующий важный вопрос новейшей историографии, а именно: **почему большевики победили?** И здесь появляются различные аргументы. Паевский отметил и то, что либеральное Временное правительство не полностью контролировало ситуацию, допуская политический плюрализм. Вне диапазона его влияния остался такой центр власти, каким был Совет рабочих и солдатских депутатов в столице страны – Петрограде. Историк подчеркнул, что его сила объяснялась подчинением ему столичного гарнизона. Солдаты не хотели продолжения войны. Совет ясно высказывал намерение предпринять действия, ведущие к ее прекращению и сотрудничеству в этой области с рабочими других стран [10: 607]. Паевский пишет: «Хрупкое положение Временного правительства все заметнее ослабевало. Разрыв между правительством и народом был все острее, и его еще больше углублял лозунг продолжения войны» [10: 607].

Другой принципиальный вопрос, на который обращает внимание Паевский, это вопрос возвращения Ленина в Россию в роли вождя большевиков. Он указывает на это событие как на ключевое, приведшее к октябрьской революции. При этом он обращает внимание на факт, замалчивавшийся в историографии периода ПНР, что это стало возможно лишь благодаря согласию немцев на проезд специального поезда, который вез революционных деятелей через территорию Германии. Сразу же после возвращения Ленин заявил о необходимости прекращения военных действий, перехода государственной власти к советам рабочих и солдатских депутатов. Программа была очерчена в «Апрельских тезисах» [10: 607]. А тем временем, новое правительство князя Георгия Львова приняло решение предпринять очередные военные действия. Паевский объясняет причину этой провоенной политики правительства связями между «русской буржуазией» с «французским и английским капиталом». Из этого он делает вывод, что принципиальное значение для политической сферы имели политические и экономические отношения. Далее он рассуждает, что результатом этого союза со странами Запада стало наступление генерала Александра Брусилова в Восточной Галиции, которое через десять дней захлебнулось. В свою очередь, военные действия привели к активизации Совета рабочих и солдатских депутатов и укреплению его позиций в российском обществе. Паевский писал, что еще в конце июня – начале июля Всероссийский Центральный Исполнительный Комитет Советов занимал провоенную позицию, а меньшевики и эсеры имели в нем перевес. Правда, Паевский не указывает прямо, что большевики инспирировали антивоенные демонстрации, имевшие место в середине июля, но обращает внимание на другие события, которые указывают на это. А именно, он сообщает о факте закрытия «Правды», печатного органа большевиков, а также попытку ареста Ленина, которая вынудила его бежать в Финляндию [10: 609]. Вопрос о немецкой помощи довольно часто поднимается в польской литературе по предмету.

В переведенной на польский язык в 2010 г. книге Майкла С. Нейберга и Дэвида Джордана «Восточный фронт 1914–1920. От Танненберга до польско-большевистской войны» авторы обращают внимание на то, что в феврале 1917 г. германское правительство осознало выгоды, которые принесло бы внедрение Ленина и других революционеров в российскую неразбериху в надежде на то, что они смогли бы дополнительно дестабилизировать политическую систему в России [13: 148].

Ян Парандовский (1895–1978), польский писатель, эссеист и переводчик литературы, интернированный в России во время Первой мировой войны, был прямым свидетелем событий 1917 г. В своем репортаже, опубликованном лишь в 1996 г., он пишет: «Большевики, взяв власть в свои руки, объявили немедленный мир. Тогда они были дороги широким массам, которые радовались, что Ленин

только затем сверг Временное правительство, чтобы дать народу давно желанный мир. Другим же казалось, что большевики пришли лишь для того, чтобы не России, а Германии дать мир как можно скорее, чтобы высвободить с восточного фронта войска, нужные им на западном фронте. И это убеждение, видимо, было ближе всего к истине» [8: 67]. Итак, как мы видим, аспект германской помощи революционерам вернулся и заинтересовал польских исследователей. Тезис о большевиках как немецких агентах распространил в межвоенный период американец Эдгар Сиссон, находившийся в Петрограде зимой 1917–1918 гг. и по поручению американского Комитета публичной информации собирал документы, освещавшие отношение большевиков к немцам. В книге Сиссона ясно и выразительно представлены тесные связи немецкой и большевистской политики [8: 68]. В книгах 80-х гг., например, у Валерия Наметкевича, ни словом не упоминается, что Ленину с возвращением в Петроград помогли немцы, зато объясняется, что исходным пунктом ленинских тезисов было определение позиции относительно продолжавшейся войны. Что война, в которой участвует Россия, по-прежнему остается империалистической, и поэтому Ленин выступил за заключение мира [18: 214–215].

Еще один вопрос, занимающий историков после 1989 г., это очень важная для победы революции роль **Александра Керенского**. Паевский пишет о председателе Временного правительства Керенском как о бездарном политике. Историк указал, что его положение как нового председателя российского правительства с 21 июля 1917 г., которому подчинялись советы, не усилилось. События августа 1917 г. получили название «смыкания рядов». Это было также связано с принятием партией большевиков новой тактики. Созванный ею съезд (8–18 сентября 1917 г.) не получил разрешения властей, в связи с чем был нелегальным. Именно на этом съезде большевики сформулировали программу, содержащую положение о необходимости свержения Временного правительства. Сталин, который выступил в роли докладчика тезисов Ленина (не имевшего возможности принять участие в съезде) представил картину экономической катастрофы, предотвратить которую могло только заключение мира. Как подчеркнул Паевский, этой программе сопутствовало и своего рода оправдание отступления от марксистской идеологии, предполагавшей взятие власти рабочими в нескольких странах, через высказывание, что социализм первоначально может развиваться в одной стране. Итак, искали «русского Бонапарта» – как назвал это в своей книге Паевский. Он должен был успокоить ситуацию и сохранить общественный порядок. Такая роль отводилась Лавру Корнилову. Дело дошло до попытки свержения правительства, к которому были враждебны и большевики. Это позволило им сформулировать лозунги, направленные против правительства. За это время, то есть в августе и сентябре, экономическое положение не улучшилось. Это, по мнению Паевского, привело к получению большевиками перевеса в советах рабочих и солдатских депутатов в Петрограде и других крупных центрах. Ленин увидел в этой ситуации благоприятный случай для захвата власти и свержения Временного правительства. В качестве аргументации для своего тезиса Паевский приводит цитаты из Ленина, который утверждал, что «формальное» большинство в соответствии с принципами парламентаризма не потребовалось ни одной революции [10: 610–612]. Это означало принятие концепции переворота как метода захвата власти [2: 95]. Паевский также обращает внимание на то, что Керенский знал о планах переворота, но, видимо, решил ждать до момента, когда он произойдет. Паевский в своей книге утверждает, что Керенский был сторонником того принципа, что арестовывать и преследовать можно не за намерения, а лишь за действия. Такая позиция дала возможность большевикам произвести переворот. Керенский же бежал на фронт в поисках лояльных частей, тогда как Совет министров, собравшийся в Зимнем дворце, был не в состоянии

мобилизовать для обороны никаких серьезных сил. Автор очень верно указал на пустоту и общественное безразличие по отношению к начинаниям российских властей, выдвинувшихся в результате либеральной февральской революции. Этим подтверждается тезис о том, что идея действий в соответствии с законом слабо доходила до сознания русского общества [10: 610–612].

С личностью Керенского тесно связан вопрос корниловского мятежа. Попытка разрешения этого вопроса и его влияния на начало революции является редкостью в современной польской историографии. В репортаже Парандовского этой проблеме посвящено немного места, но напомним, что это репортаж, а не научное исследование. Парандовский описывает конфликт по линии Керенский-Корнилов, а также объясняет, каким образом эту ситуацию использовали большевики: «У большевиков была теперь легкая задача: внести раскол туда, где его до сих пор не было, а заодно провести свой основной тезис, что война – это причина несчастья, нехватки, анархии» [8: 39].

Помимо этого, в репортаже Парандовского показаны картины улиц Петрограда и Москвы (чего не было в ПНР-овских публикациях). Он пишет о настроениях в июле 1917 г., в частности, во время корниловского мятежа: «Фермент, однако же, не затихал, но, скорее, усиливался. Большевики напрягли все силы. Они были везде. На каждом заводе, в каждой деревне, в каждой фронтовой части их агитаторы, оплаченные немцами, проводили антиправительственную политику. Призывали к дезертирству и «братанию». Солдаты не слушались приказов, продавали неприятелю амуницию, выдавали военные тайны. [...] Воевали не с врагом, а друг с другом» [8: 39–40]. При этом, автор репортажа замечает, что разложение русской армии было также делом рук Временного правительства, когда у него под носом был издан «Приказ № 1», ослаблявший военную дисциплину: «он вбил клин между офицером и солдатом и проложил дорогу большевистским лозунгам. Ведь когда солдатам сказали, что они граждане, они поняли это так, что теперь они будут бить генералов по морде» [8: 40].

Авторы книги «Восточный фронт 1914–1920. От Танненберга до польско-большевистской войны», кроме того, обращают внимание на значение реакции самого сильного русского генерала – Корнилова – по-прежнему осуществлявшего полевое командование после поражения правительства Керенского. Тогда он признал, что единственным спасением для России станет устранение Временного правительства и возвращение династии Романовых положенного им места в российских властных структурах.

Еще одной важной проблемой, присутствующей в польской историографии, является революция и вопрос независимости Польши. Януш Паевский в другой своей книге «Всеобщая история 1871–1918» отмечает и описывает отношение большевиков и Временного правительства к польскому вопросу. Он пишет, что перед новой Россией встал польский вопрос. Утверждает, что обе правящие силы осознавали это, и вскоре после падения царизма, еще в марте 1917 г., поспешили с декларациями по вопросу будущего Польши. Первой, не только в хронологическом порядке, но, прежде всего, в смысле значения, стала декларация Совета рабочих и солдатских депутатов. По предложению большевистской фракции, кажется, не без влияния польских левых деятелей во главе с Александром Венцковским, Совет принял постановление о солидарности русского и польского народов в течение полутора веков, и о том, что царизм уже был свержен совместными усилиями пролетариата и армии. Он также заявил, что русская демократия стоит на позиции признания национального и политического самоопределения народа, и что Польша имеет право быть независимым государством. Призыв Совета рабочих и солдатских депутатов заставил Временное правительство высказаться по польскому

вопросу. И вот 30 марта 1917 г. оно выпустило призыв к полякам, в котором заявило, что «принимает участие в создании независимого польского государства». Дальше в призыве содержались тревожные предположения, например, что восстановленное польское государство должно быть «связано с Россией свободным военным союзом» [9: 413]. Однако Паевский также описывает, в соответствии со словами министра иностранных дел Милукова, позицию правительства, которое по-прежнему рассматривало польский вопрос как внутреннее российское дело. Кроме того, он приводит слова Ленина, который оценил призыв Временного правительства. Для Ленина военный союз означал полную зависимость Польши.

Антоний Чубинский в своей книге, написанной, правда, в 1988 г., дает объяснение этого вопроса. Он пишет, что большевики еще с 1903 г. объявляли о праве народов бывшей Российской империи на самоопределение. Это право они провозгласили, в частности, в «Декларации прав народов России» от 15(2) ноября 1917 г. и признали право польского народа на создание суверенного государства. Но национальный вопрос был подчинен фактору, которым была классовая борьба, борьба трудящихся масс за социальную справедливость. Право наций на самоопределение интерпретировалось как право рабочего класса данной нации на определение. А выразителем стремлений рабочего класса должна была стать коммунистическая партия [5: 37].

Здесь я хотела бы коротко остановиться на двух публикациях, которые в различных аспектах отличаются от представленного ранее нарратива.

Первая – это статья Дамиана Винчевского «Революция и переворот в историографии. Большевизм в новой перспективе», которая вышла в 2016 г. в «Теоретической практике», и в которой автор подвергает анализу книгу Джона Марота «*October Revolution in Prospect and Retrospect*» [«Октябрьская революция в перспективе и ретроспективе»] (Leiden-Boston 2012). Популяризируя тем самым в Польше эссе Марота, о котором автор пишет: «В противоположность польским правым историкам, Джону Мароту, несмотря на левые и послереволюционные симпатии, удастся смотреть на отдельные проблемы большевиков холодно и без эмоций, рассматривая каждую из них индивидуально, умея выделить, таким образом, ключевые моменты, которые впоследствии стали определяющими для неудач проекта социалистической трансформации» [6: 251].

Винчевский в своей статье обращает внимание на несколько вопросов, которые в течение последних лет, пожалуй, не присутствовали в польской историографии. Это вопросы конфликта между Лениным и Борисом Богдановым в период до 1917 г., ставшего предвестием той теоретической основы, на которую должна была опираться будущая пролетарская революция. Текст статьи Винчевского вводит в польскую историографию тезис Марота, отсутствовавший в литературе последнего тридцатилетия, о том, что в октябрьской революции очень важную роль сыграл рабочий класс, вопреки популярным нарративам политически мотивированных советологов, убеждающих, что большевики представляли собой немногочисленную группу профессиональных революционеров, которые инструментально воспользовались горсткой наивных рабочих, чтобы совершить переворот и захватить власть вопреки воле большинства. Появление этого тезиса предлагает нам совершенно иную, новую плоскость исторической дискуссии и, определенно, представляет собой вызов для польских историков, которым, возможно, придется вновь столкнуться с тезисом, естественно и внезапно умершим в 1989 г. [6: 251].

В своей статье автор рассматривает и анализирует взгляд Марота на крестьянский вопрос и рабоче-крестьянский союз, а также его влияние на революционный процесс. Это, правда, относится к более позднему периоду, но стоит упоминания.

В 1899 г. Ленин выпустил книгу «Развитие капитализма в России», на страницах которой убеждал, что Россия, страна, на самом деле, глубоко отсталая, находится на пути капиталистической трансформации. Этот тезис также лежал в основе политики НЭПа. Марот в своей книге указывает, что Россия *defacto* так никогда и не прошла через этап капиталистической трансформации. Преобладание в обществе крестьянского класса приводило к тому, что страна в целом все еще находилась на этапе докапиталистического способа производства. Русские крестьяне не были заинтересованы в производстве продуктов для нужд рынка и производили их исключительно для своих нужд и своих семей, излишки же прятали. Так они обеспечивали себя на случай возможного будущего кризиса. Марот считает, что создание соответствующих условий, стимулирующих рост производительности сельского хозяйства, было все же затруднено из-за сложного характера рабоче-крестьянского союза. Когда власти пытались установить более привлекательные цены на сельскохозяйственную продукцию, чтобы поощрить крестьян к увеличению производства, начались, в свою очередь, протесты рабочих, вынужденных платить ухудшением условий жизни за рост цен сельскохозяйственной продукции [6: 251]. Фиаско НЭПа привело в результате к принудительной индустриализации и коллективизации и к победе Сталина. Ведь Марот считает приход к власти Сталина окончанием революционного процесса.

В своем эссе Марот подчеркивает личность **Льва Троцкого**, которому уделено немало внимания. Главной ошибкой его и его сторонников он считает то, что они недостаточно решительно противостояли сталинской политике принудительной индустриализации и коллективизации. Им не удалось поддержать рабочее и крестьянское сопротивление этой политике, более того, программа Лево́й оппозиции и взгляды Троцкого опосредованно поддерживали процесс сталинизации государства и его институтов. Троцкий не понимал природы аграрной проблематики и *defacto* усиливал Сталина в его борьбе против «кулаков», не отдавая себе отчета в том, что крестьянство в СССР представляет собой однородный класс, в рамках которого не получится вызвать антагонизмы в такой форме, которой он ожидал.

В польскую историографию Винчевский вносит тезис Марота о том, что главной ошибкой Троцкого и его сторонников была также ошибочная классификация партийных группировок на левых, центр и правых, в рамках которой он поместил Сталина в центр. В действительности, это деление, воспроизведенное в большинстве работ, не до конца правильно.

Личность Льва Троцкого в настоящее время рассматривается в новом свете. Теперь не замечают аспекта, волновавшего исследователей в период ПНР, т.е. проблемы появления «троцкизма» и его дурного влияния на коммунистическую партию. Сейчас ученые, принимая установки исследования, одновременно пытаются ответить на вопрос, почему стало возможным формирование этого течения в коммунистическом движении. В связи с этим идет поиск причин раскола между Лениным и Троцким [17: 30–31]. Ставится прямой вопрос: почему, имея влияние на ход событий, он не противостоял категорически Ленину и его политике?

Новым является и подход к вопросу преемственности после Ленина. Взятие **власти Сталиным** не как продолжение, а как окончание революционных перемен.

Ян Парандовский в своем репортаже писал: «Ленин и Троцкий сосредотачивают на себе внимание всего мира. В их личностях концентрируется все то, чем является большевизм, и они принимают на себя самую большую долю ответственности за то, что сейчас происходит в России» [8: 62].

В 2008 г. вышла книга Анджея Витковича, краковского историка, который противоречит общепринятым в Польше в последние годы оценкам революции. Ее

исключительность состоит, в частности, в объективизме при анализе необыкновенно сложных проблем. Можно сказать, что он противостоит «пайпсовской школе». Одну из глав своей книги он назвал: «Пайпс, Волкогонов и другие – история на службе у политики». Пайпс, по мнению Витковича, очень сильно вовлечен в политику США, как и Дмитрий Волкогонов – советник бывшего президента Ельцина. Автор не щадит никакие политические силы или социальные группы. Помимо этого, он вводит в оборот малоизвестные либо совсем неизвестные сведения. Виткович выдвигает тезис о том, что русскую революцию подготовил царский режим, в особенности царствование Николая II: «Среди т.н. «цивилизованных» стран Россия Николая II отличалась репрессивностью» – пишет Виткович [4: 53]. Также и во времена правления Александра II и Александра III в отношении непокорных щедро применялись смертные приговоры. Непрерывно вспыхивали крестьянские бунты, жестоко умирямые армией. Беспощадно расправлялись с рабочими и свободомыслящей интеллигенцией. Циклически повторявшийся почти каждые десять лет голод создавал атмосферу всеобщего кипения. А это, в свою очередь, усиливало репрессии. Этот порочный круг сжимался все сильнее. Революция 1905–1906 гг. – также результат созданной царизмом революционной ситуации. Первая мировая война, особенно неудачи на фронтах, голод и репрессии в отношении солдат и гражданского населения значительно углубили и расширили кипение в различных социальных слоях. Радикализация взглядов и позиций вызвала рост влияния революционных партий. А Временное правительство, проводя ненавидимую всеми военную политику Антанты, теряло остатки своего авторитета и возможности управления общественными событиями. Наконец, когда в Совете рабочих и солдатских депутатов большинство в результате выборов получили большевики, они могли покуситься на мирное взятие власти. Поэтому Виткович очень сильно акцентирует легитимность большевистского революционного переворота.

Он отмечает, что с середины 1918 г. усилился террор большевистских лидеров, указывая, что по всей стране начала разливаться волна антибольшевистского насилия. Подтверждающими доказательствами являются убийства нескольких революционеров, а в августе 1918 г. в Москве совершается покушение на Ленина. Он пишет, что Патриарх Московский и Всея Руси Тихон наложил на большевиков проклятие и т.п. Только в контексте этих и многих других событий можно понять, почему 5 сентября 1918 г. Совет народных комиссаров принял постановление «О красном терроре». Он объясняет, что террор был не свободным выбором судорожно хватавшихся за власть революционеров, а представлял собой ответ на террор организаций, защищавших старый порядок, а также на никем не контролируемое и никем не запланированное ожесточение всей жизни общества [4: 53]. Виткович при этом не щадит красных, отмечая ничем не оправданные большевистские репрессии. Он пишет, что под прикрытием ВЧК от имени красных по всей стране действовали обыкновенные бандитские отряды, стихийные крестьянские группировки или отчаявшиеся и деморализованные солдаты, возвращавшиеся с войны. Он пишет, что многие факты и высказывания большевистских лидеров свидетельствуют о том, что они осознавали патологические явления в собственных рядах, поэтому предпринимали различные превентивные действия. Например, в марте 1918 г. Феликс Дзержинский издал инструкцию по вопросу обращения с политическими заключенными: «Все те, которым поручено произвести обыск, лишить человека свободы и держать его в тюрьме, относятся бережно к людям, арестуемым и обыскиваемым, пусть будут с ними гораздо вежливее, чем даже с близким человеком, помня, что лишенный свободы не может защищаться и что он в нашей власти. Каждый (из нас) должен помнить, что он представитель Советской власти рабочих и крестьян и что всякий его окрик, грубость, нескромность, невежливость — пятно, которое ложится на эту власть» [4: 173].

Книга Витковича производит поистине громоподобное впечатление, особенно в польском обществе. При всей противоречивости, она не может остаться незамеченной в польской историографии. Тем более, что автор обильно использует богатый фактографический материал [20].

В своей книге Виткович утверждает, что в личности Ленина, как в линзе, фокусируются суждения на тему русской революции. Ленин в качестве символа Октября 1917 г. привлекает внимание, как это и должно быть. Автор задается вопросом, почему из нескольких десятков томов трудов Ленина цитируется всего несколько выбранных фраз, которые должны служить заранее вынесенной неблагоприятной резолюции? Историков, которых он считает правыми, он называет пайпсами и волкогонами, подчеркивая, что они выбирают все те же несколько цитат и на их основании формулируют мнения и оценки. Он ставит вопрос: почему так происходит? И отвечает на этот вопрос: может быть, потому, что значительно легче нападать на личность, чем на идею политического движения.

Он говорит, что создается новый политический миф. Об этом свидетельствует описание Ленина Пайпсом: «В ненависти было нечто отвратительное и пугающее: укорененная в конкретных (...) животных чувствах и антипатиях, она одновременно была абстрактной и холодной, как и вся личность Ленина» [4: 102]. Далее он пишет: «Как «неприлично» называть Маркса выдающимся философом и историком, так значительно более «неприличным» стало говорить о Ленине иначе, нежели с издевательской улыбочкой, показным презрением или отвращением». Подытоживая свои рассуждения о прежней лжи на тему Владимира Ленина, он пишет, что Ленин – вождь революции, настоящий революционер, и при этом прекрасный организатор и способный на компромиссы политик [4: 102].

Здесь также следует представить ход мыслей Витковича в связи с ключевым вопросом, на который пытаются ответить польские историки: произошла ли в октябре 1917 г. революция, или это был переворот? Своим текстом он противоречит тезисам Пайпса, который, как уже упоминалось, имел после 1989 г. в Польше большое влияние на представления о революции. Он объясняет, что Пайпс не является первооткрывателем тезиса о *coup d'etat*, якобы совершенном меньшинством; его рождение он обнаруживает в периоде холодной войны. Этот тезис был элементом идеологической борьбы с коммунизмом [4: 112]. Он называет его «одной из исторических теорий заговора», предполагающих, что о судьбах мира могут произвольно решать действия маленьких решительно настроенных групп [4: 112].

Стоит упомянуть, что на формирование современной польской историографии оказывают влияние и воспоминания, которые, спрятанные в столах, были опубликованы лишь после 1989 г. В них достаточно акцентов относительно весьма чувствительных сюжетов, касающихся именно российского общества. Это репортажи и воспоминания, представляющие субъективную оценку русского общества времен революции. В своем репортаже «Большевики и большевизм в России» Ян Парандовский весьма критически относился к интеллектуальному уровню русского общества в начале XX в. Похожая картина представлена в редакторской статье об источнике: «Погромы и грабежи. Образ России 1917 г.», составленной Павлом Юзвой. Документом является рассказ Людгарда Грохольского, взятый из ежемесячника «Польская иллюстрация. Служба (ранее), деревня и усадьба» (Варшава 1919, тетрадь VI). Перепечатка появилась в «Глаукописе» от 2017 г. Павел Юзва в предисловии к источнику пишет о большевиках и деморализованных солдатах русской армии, которые, после издания знаменитого приказа № 1 Совета рабочих и солдатских депутатов, начали покидать свои части и создавать банды.

«Вооруженный сброд, разогретый самогонкой, являлся в роли судьи, прокурора и палача. Так что, ничего удивительного, что первыми жертвами нового порядка становились именно беззащитные усадьбы и особняки, искушавшие грабителей свои мнимым и действительным богатством» [12]. Зофья из Замойских, по мужу Грохольская, также подобным образом пишет о революционных событиях. Она вспоминает «примеры одичания и озверения русской солдатни», групп «молодых парней», которые приходили в усадьбу и угрожали ее жителям [21: 36].

Совершенно иным языком представлен образ общества в статье Алиции Кулецкой [2: 99–100], которая пишет: «Россия в 1917 г. была страной, в которой преобладали люди, еще недавно принадлежавшие к числу рабов абсолютной монархии, со слабым опытом относительно представительских институтов, таких как парламент» [2: 99–100].

Подводя итоги, следует еще раз отметить, что после 1989 г. историография, относящаяся к октябрьской революции, небогата в смысле количества работ. В то же время она является источником знаний о тенденциях, господствующих в изучении этого вопроса в Польше. В польской историографии нет одной обязательной схемы рассмотрения вопросов, зато есть весьма разнородные интерпретации и взгляды на события октября 1917 г. Можно заметить тенденцию отхода от трактовки октябрьской революции как отдельного научного вопроса. Сегодня имеется явная тенденция к рассмотрению и анализу революции как составной части более долгого процесса, связанной с кризисами власти и общественного доверия. В настоящее время историки пытаются показать разнообразие детерминант прошлого, как в коллективной, так и в индивидуальной сфере. Нарратив публикации основывается на проблеме критичности событий октября 1917 г.

Основополагающий миф большевистской России и Советского Союза, основанный на риторике социальной революции, не пережил падения Советского Союза. Его в значительной степени заменил нарратив о государственном перевороте, не имевшем общественной поддержки. В этом подходе видно несомненное влияние историографии Великобритании и США.

Перед современными историками стоит еще много вопросов и проблем, которые нуждаются в изучении. С новой, свободной от политического давления перспективы можно было бы вновь проанализировать взаимоотношения двух главных фигур революции: Владимира Ленина и Льва Троцкого. Без рефлексии проходят в польской историографии мимо факта обороны Зимнего дворца. Если уже известно, что Керенский был в курсе приближавшегося переворота, почему его оборонял только женский отряд и юнкера? Так что можно было бы присмотреться к личностям Керенского и Корнилова. А также заново проанализировать момент и место появления документов, принятых 8 ноября 1917 г. Вторым Всероссийским съездом Советов – *Декрета о земле* и *Декрета о мире*. Это всего лишь несколько очень простых вопросов, рассмотрение которых отсутствует в современной польской историографии.

Библиографический список

1. Gryff-Keller, A. *Komunizm* / Adam Gryff-Keller. – Warszawa, 1926.
2. Kulecka, A. *Zamach stanu czy rewolucja społeczna? Październik 1917 w historiografii przełomu XX i XXI wieku – wybrane publikacje i problemy* / Alicja Kulecka // *Klio Polska*. – 2016. – Т. 8.
3. Grabski, A. F. *Dzieje historiografii* / Andrzej F. Grabski. – Poznań, 2006.
4. Witkiewicz, A. *Wokół terroru białego i czerwonego 1917–1923* / Andrzej Witkiewicz. – Warszawa, 2008.

5. Czubiński, A. Rewolucja Październikowa w Rosji i ruchy rewolucyjne w Europie lat 1917–1921 / Antoni Czubiński. – Poznań, 1988.
6. Winczewski, D. Rewolucja i przewrót w historiografii. Bolszewizm w nowej perspektywie / Damian Winczewski // *Praktyka Teoretyczna*. – 2016. – № 2. – S. 246–261. – URL: www.praktykateoretyczna.pl [dostęp: 19.07.2017].
7. Jabłoński, H. Wielka socjalistyczna rewolucja październikowa a Polska: w 50 rocznicę (1917–1967) / Henryk Jabłoński. – Warszawa, 1967.
8. Parandowski, J. Bolszewizm i bolszewicy w Rosji / Jan Parandowski. – Warszawa, 1996.
9. Pajewski, J. Historia powszechna 1871–1918 / Janusz Pajewski. – Warszawa, 2002.
10. Pajewski, J. Pierwsza wojna światowa / Janusz Pajewski. – Warszawa, 1991.
11. Kalestyńska, L. Księga Polaków uczestników Rewolucji Październikowej 1917–1920; biografie, oprac / Lidia Kalestyńska, Aleksander Kochański, Wiesława Toporowicz. – Warszawa, 1967.
12. Grocholski, L. Pogromy i grabieże. Obraz Rosji 1917 r. oprac / Ludgard Grocholski // *Paweł Juzwa „Glaukopis”*. – 2015. – № 32. – S. 240–266.
13. Neiberg, M. S. Front wschodni 1914–1920. Od Tannenbergu do wojny polsko-bolszewickiej / Michael S. Neiberg, David Jordan. – Poznań, 2010.
14. Stobiecki, R. Bolszewizm a historia. Próba rekonstrukcji bolszewickiej filozofii dziejów / Rafał Stobiecki. – Łódź, 1998.
15. Pipes, R. Polska sowietologia do 1939 roku / Richard Pipes // *Studia nad Faszyzmem i Zbrodniami Hitlerowskimi*. – 2011. – T. 33. – S. 33–45.
16. Pipes, R. Rosja bolszewików / Richard Pipes. – Warszawa, 2007. – S. 610.
- Idem, *Rewolucja rosyjska*. – Warszawa, 1994. – S. 713.
- Kulecka, A. Zamach stanu czy rewolucja społeczna? Październik 1917 w historiografii przełomu XX i XXI wieku – wybrane publikacje i problemy / Alicja Kulecka // *Klio Polska*. – 2016. – T. 8. – S. 77–79.
17. Kubiak, S. Miejsce rewolucji październikowej 1917 roku w Rosji w historii nowożytnej, najnowszej i współczesnej, [w:] *Rewolucja październikowa 1917 roku w Rosji a Europa, Polska i Polacy* / Stanisław Kubiak. – Bydgoszcz, 1988.
18. Namiotkiewicz, W. Strategia rewolucji – z perspektywy historycznej. Szkic o rozwoju marksistowskiej myśli politycznej / Walery Namiotkiewicz. – Warszawa, 1981.
19. Serczyk, W. A. Wielka Socjalistyczna Rewolucja Październikowa. Zarys historyczny / Władysław A. Serczyk. – Kraków, 1977.
20. Lebedziński, W. Rewolucyjna Rosja a problem terroru / Włodzimierz Lebedziński // *Studia Gdańskie*. – 2010. – T. VII. – S. 368–375.
21. Zamoyskich, Z. Z. Tadeuszowa Grocholska. Wspomnienia bolesne 1917–1919 / Zofia Z. Zamoyskich. – Warszawa, 2017.

1917 г. В ПЕНЗЕНСКОЙ ГУБЕРНИИ ПО ДОКУМЕНТАМ ГОСУДАРСТВЕННОГО АРХИВА ПЕНЗЕНСКОЙ ОБЛАСТИ

В. В. Кондрашин

г. Пенза, Россия

Аннотация. На основе коллекции документов, выявленных в Государственном архиве Пензенской области и опубликованных в сборнике «Пензенская губерния в годы Первой мировой войны», автор создает образы Российской революции в ее региональном измерении: в политических практиках, в повседневной жизни горожан и крестьянских общин.

Ключевые слова: Великая российская революция, Пензенская губерния, архивные документы, анархия, революционные органы власти, солдаты Пензенского гарнизона, насилие, погромы.

Summary. Based on the collection of documents found in the State Archives of the Penza Region and published in the collection «Penza Province in the First World War», the author creates images of the Russian Revolution in its regional dimension: in political practice, in the daily life of citizens and peasant communities.

Key words: the Great Russian Revolution, the Penza Province, archival documents, anarchy, revolutionary authorities, soldiers of the Penza garrison, violence, pogroms.

В рамках проекта «Документальная история Пензенского края» выявлены новые документы из Государственного архива Пензенской области на тему революции 1917 г. в Пензенской губернии. На их основе остановимся на характеристике ряда важных событий повседневной жизни жителей губернии в рассматриваемый период [1].

О начале революции и свержении самодержавия сразу же сообщила губернская пресса. 2 марта 1917 г. «Пензенские епархиальные ведомости» опубликовали текст отречения от власти Николая II [2: 22]. 16 марта они же поместили текст отказа от престола брата свергнутого императора, великого князя Михаила Александровича [2: 23]. 5 марта 1917 г. по приказу Верховного главнокомандования войска Пензенского гарнизона перешли в подчинение образованному в Петрограде Временному правительству, а 10 марта принесли ему присягу в верности [2: 23–24, 31]. 6 марта 1917 г. решением Временного правительства отстраняется от управления губернии губернатор А. А. Евреинов и на его место в должности губернского комиссара Временного правительства назначается председатель Пензенской губернской земской управы князь Л. Н. Кугушев [2: 24–25]. В этот же день распоряжением Временного правительства распускается Пензенское губернское жандармское управление [2: 24].

Подавляющее большинство чиновников губернской администрации и духовенства Пензенской епархии выразили полную поддержку новой власти и изъявили готовность верно ей служить. В результате они сохраняют свои должности и продолжают работать на прежних местах [2: 25, 29–30]. Новую власть поддержали на губернском съезде и пензенские кооператоры [2: 77–78]. О свергнутом царе не было особых сожалений среди основной массы населения. К лету 1917 г. во всех присутственных местах губернии были уничтожены «все имеющиеся портреты бывшего царствующего дома» [2: 168].

В марте-апреле 1917 г. в губернии создаются новые органы власти. Губернию возглавляет губернский комиссар. В мае 1917 г. эту должность занимает член партии эсеров Ф. Ф. Федорович [2: 35]. Наряду с властью губернского комиссара

в марте 1917 г. в Пензе возникает Советская власть, легализуют свою деятельность революционные партии, создаются многочисленные общественные организации. Революционно настроенные солдаты и офицеры Пензенского гарнизона формируют из своих представителей Пензенский Совет солдатских и офицерских депутатов. Его члены пытаются войти в состав Пензенской городской думы с правом решающего голоса. Так же, как и в Петрограде, Пензенский Совет солдатских и офицерских депутатов берет под контроль командование Пензенского гарнизона и действия на территории губернии всех дислоцированных воинских частей [2: 27–28, 44].

В марте 1917 г. в Пензе происходит ликвидация дореволюционных силовых структур – полиции и жандармского управления. Бывший начальник губернского жандармского управления и его помощник заключаются под стражу за прежнюю деятельность против революционеров [2: 26]. По распоряжению Временного правительства в губернии начинается выявление тайных сотрудников охраны и провокаторов, сотрудничавших с губернным жандармским управлением [2: 45].

Большинство бывших полицейских переходят на работу в созданную вместо полиции милицию. При этом возникает конфликт между жителями «Завальской части» Пензы и новой власти из-за приема на работу в новые органы бывших руководящих чинов пензенской полиции. Все они были известны своей коррупцией и попустительством владельцам притонов. Горожане предложили отправить их на фронт, чтобы они вместо того, чтобы «жаться по теплым, безопасным и хлебным местам», «хоть частью загладили свои проступки перед Родиной». По их мнению, оставление на службе этих лиц могли приветствовать «только их друзья воры, мародеры и содержатели притонов» [2: 32–33].

Но данная мера все же их не коснулась. Зато она была применена к бывшим служащим Пензенского губернского жандармского управления. 26 марта 1917 г. бюро Пензенского губернского временного исполнительного комитета постановило: «Чинов ликвидированных жандармских управлений, годных к военной службе, предложить воинским начальникам губернии немедленно направить в действующую армию; негодных же и возрастов непризванных – отпустить» [2: 33].

Интересным фактом из истории становления в Пензенской губернии новой власти является активное участие воспитанников пензенских учебных заведений в охране города от погромов в первые дни после свержения самодержавия. Весть об этом была встречена в Пензе одобрением большинством горожан. Но 5 марта 1917 г. произошел трагический инцидент. Толпой революционных солдат Пензенского гарнизона был растерзан генерал М. А. Бем, не разделивший их радости по поводу революции. Полиция при этом бездействовала, и город мог оказаться в руках погромщиков и уголовных элементов. Но этого не произошло, потому что к охране города была привлечена пензенская учащаяся молодежь. Об этом прямо было сказано на заседании бюро Пензенского временного исполнительного комитета 24 марта 1917 г. [2: 45].

И после установления в губернии новой власти продолжала свою деятельность Пензенская комиссия по изготовлению для армии обуви и обмундирования. В Пензе и уездах работали мастерские, где шили шинели, походные рубахи и шаровары. Сапожники изготавливали сапоги [2: 65–66]. 18 мая 1917 г. Казанский военно-окружной совет утвердил для Пензенской комиссии по изготовлению для армии обуви и обмундирования 6 нарядов на 200 000 штук шинелей, 50 000 походных рубах и 50 000 шаровар [2: 140–141]. 26 мая 1917 г. городская газета «Пензенская речь» поместила заметку, в которой указывалось, что за годы Первой мировой войны Пензенской комиссии по изготовлению для армии обуви и обмундирования за поставленную продукцию было заплачено государством 3 384 000 руб. [2: 140].

Февральская революция кардинально изменила ситуацию в войсках Пензенского гарнизона. Прежде всего, нижние чины перестали беспрекословно подчиняться офицерам [2: 23–24]. Более того, с их стороны стали не редки самоуправные и оскорбительные действия в их адрес, они получили право участвовать в отстранении офицеров от занимаемой должности [2: 38–39, 53–54].

Не опасаясь наказания со стороны командиров, солдаты в любое время покидали свои части, бросали караулы, отказывались целыми полками нести их, свободно разгуливали по городу, спекулировали табаком, спичками и папиросами, обирали частные сады и сады учебных заведений города, околачивались на вокзалах, где выбрасывали из вагонов более высокого класса пассажиров и ехали в них сами к месту назначения и т.д. [2: 50, 55, 116–117, 120–121, 123, 124–125, 145].

Большой резонанс в губернии и за ее пределами, в том числе в действующей армии, где служили пензяки, получило убийство в Пензе 22 мая 1917 г. капитана 178 пехотного Венденского полка Жигарева. Офицер прибыл с фронта в отпуск. На вокзале он столкнулся с группой празднующих солдат из запасных частей Пензенского гарнизона с «красными бантами» и сделал им замечание, что «пора бы им ехать на фронт». Оно вызвало взрыв агрессии. Сначала капитан Жигарев был избит, а затем зверски растерзан солдатской толпой в губернской земской больнице [2: 151–155].

Произошел фактический крах строевой подготовки в частях Пензенского гарнизона. Солдаты практически перестали заниматься ею под руководством офицеров [2: 51, 56–57, 116–117]. В частях процветало пьянство. Пили все подряд: «кислушку», «денатурат» и т.п. [2: 55].

Новым явлением в жизни солдат стали частые кратковременные отпуска в родные места под предлогом помощи своим семьям в выполнении полевых работ [2: 49]. На законном основании, приказом начальника гарнизона, солдатам мусульман и евреям было разрешено не нести караулы и не служить в дни религиозных праздников [2: 59, 123].

Созданный Совет солдатских и офицерских депутатов Пензенского гарнизона занимался вопросами дисциплины военнослужащих, охраной станций и поездов, отправкой маршевых батальонов на фронт, борьбой с дезертирством, грабежами и погромами в губернии, разбирая конфликты между солдатами и офицерами, организовывал митинги на актуальные политические события в России и за рубежом и т.п. [2: 48, 77, 100–101, 105–106, 109, 110].

27 июня 1917 г. его члены совместно с Пензенским городским продовольственным комитетом провели обыски на частных квартирах в Пензе для выявления припрятанных спекулянтами запасов продовольствия и предметов первой необходимости [2: 111–112]. Это была реакция на стихийные выступления горожан 24–25 июня 1917 г., недовольных ростом дороговизны и разгулом спекуляции [2: 111–113]. Но обыски не дали должного результата. Более того, на членов Совета поступила коллективная жалоба жителей Пензы министру внутренних дел Временного правительства [2: 167]. Было организовано расследование. Но результатов оно не дало, виновных не нашли [2: 133, 168–169].

Весной 1917 г. в Пензе оказались сотни эвакуированных с Востока «сартов» – оседлых узбеков и равнинных таджиков, среди которых оказалось много больных и неспособных к труду немощных стариков. Кроме того, с идущих через город эшелонов снимались десятки больных тифом «инородцев». В городе возникла угроза эпидемии. Пензенской городской санитарной комиссией при поддержке губернской власти были приняты все меры, чтобы не допустить ее. Как и в случае с турками, «сартов» и «инородцев» вымыли в банях, накормили, временно разместили [2: 66–67].

Большая часть населения Пензенской губернии устала от войны и не испытывала патриотического порыва в связи с ее продолжением. 21 июня 1917 г. прокурор окружного суда Нижне-Ломовского уезда Лихачев сообщил прокурору Пензенского окружного суда о гражданине Ф. А. Невежине, который «порицал, ругая неприличными словами, новое Временное правительство, современный строй и армию, называя их никуда не годными» [2: 141–142].

Газета «Пензенская речь» весь 1917 год вела рубрику «Аграрные беспорядки». День за днем, неделю за неделей она публиковала сообщения корреспондентов из всех уездов губернии о разгромах имений, захватах земли, лугов, зерна, скота, сельскохозяйственного инвентаря и личного имущества землевладельцев крестьянами-общинниками [2: 85–92]. Объектом «общинной аграрно-крестьянской революции» стали не только помещики, но и «стольпинские крестьяне» – выделенцы из общины. Их земли пускались в общий передел и запахивались. Травились посевы. При этом совершавшие потравы лица приговаривали: «довольно пользоваться; теперь наша земля и наша власть» [2: 90–91]. Летом 1917 г. в губернии распространяется незаконная рубка казенного леса [2: 91].

Под удар «аграрных беспорядков» попали и земли украинских крестьян-переселенцев. В основной своей массе они владели землей в губернии на правах частной собственности. Состоявшийся в Пензе 13–14 августа 1917 г. Второй губернский крестьянский украинский съезд («рада») констатировал: «крестьяне-великороссы обижают крестьян-украинцев»: «отбирают хлеб, землю, сенокосы, нивы с хлебом на корню, скот и прочее». Съезд обратился с просьбой к губернскому комиссару «принять все меры к прекращению подобных явлений». При этом делегаты съезда напомнили ему о факте, что на Украине «права всех народов, представляющих из себя меньшинство, распоряжением Центральной украинской рады всецело обеспечены, и их имущество никто не расхищает» [2: 99–100].

Несмотря на революцию, губерния весь 1917 г. жила активной культурной жизнью: работали театры, кинематограф, приезжали с гастрольями известные музыканты и артисты, работали библиотеки, общества и драматические кружки [2: 492–494].

Но наряду с этими фактами были и другие, свидетельствующие о перемене в худшую сторону культурного облика и поведения пензяков в результате войны и революции. Они стали больше пить: самогон лился рекой. Усилились хулиганство и антиобщественные действия. Например, 26 июля 1917 г. исполняющий должность губернского предводителя дворянства Селиванов направил министру внутренних дел Временного правительства телеграмму о содействии в прекращении уничтожения населением садов и огородов. «Население уничтожает плодовые сады, огороды, распоряжение местных властей не исполняется», – указывалось в телеграмме [2: 167].

Осенью 1917 г. в Пензенской губернии проходила активная избирательная кампания по выборам в Учредительное собрание. Сроки выборов постоянно откладывались Временным правительством. 21 августа 1917 г. в циркуляре губернского комиссара уездным комиссарам и земским управам они были определены окончательно: днем выборов в Учредительное собрание объявлялось 12 ноября 1917 г., сроком его созыва 28 ноября 1917 г. [2: 237]. 29 октября 1917 г. Губернской по выборам в Учредительное собрание комиссией были утверждены и опубликованы 6 списков кандидатов в Учредительное собрание от политических партий. Под № 1 на выборах выступали кандидаты от партии Народной свободы (кадетов), под № 2 – от Пензенской группы российской социал-демократической рабочей партии (объединенной) [меньшевики. – В. К.] и Пензенской организации «Бунд», под № 3 – от национального блока (украинцев, мусульман, поляков и литовцев), под № 4 –

от Пензенской губернской организации партии социалистов-революционеров, под № 5 – от Российской социал-демократической рабочей партии (большевиков и интернационалистов), под № 6 – от Российской трудовой народно-социалистической партии [2: 238–239]. По списку большевиков от Пензенской губернии избирались в Учредительное собрание видные деятели партии А. М. Коллонтай (будущий посол СССР в Швеции) и М. Н. Покровский (известный историк-марксист, в дальнейшем руководитель советской исторической науки).

Явка на выборы составила 68 процентов. Проголосовало 580 588 чел. из 850 тысяч, имеющих право голоса. Результаты выборов оказались следующими. За кадетов было отдано 25 297 голосов избирателей, за меньшевиков и «Бунд» – 25 663, за национальный блок – 4717, за эсеров – 467 657, за большевиков – 52 426 и за народных социалистов – 4828. Таким образом, на выборах в Учредительное собрание в Пензенской губернии победили эсеры. Они набрали 80 % голосов избирателей [2: 240–243].

Об угрозе большевистского переворота губернский комиссар получил телеграмму Временного правительства 25 октября 1917 г., когда переворот начался, но еще не завершился [2: 243].

26 октября 1917 г. на экстренном заседании Пензенского Совета рабочих, солдатских и крестьянских депутатов была принята резолюция, осуждающая действия большевиков. В ней указывалось, что «политический переворот накануне созыва Учредительного собрания, которого добивалась вся демократия», неизбежно приведет страну к гражданской войне, углублению экономической разрухи и «может оказаться роковым для обороны страны». Участники заседания призвали все местные революционные организации, городское и земское самоуправление и комиссариат совместно с Советом взять всю власть в Пензенской губернии и принять все меры «против возможных контрреволюционных наступлений» и по «охране революционного порядка» [2: 244].

В тот же день в электро-театре «Олимп» состоялось многочленное собрание общественных организаций под председательством городского головы Н. С. Степанова, посвященное последним событиям, происходящим в Петрограде. Оно также осудило большевистское выступление и постановило «не исполнять распоряжения из Петрограда и всеми силами бороться с возможным наступлением в г. Пензе большевиков», возложив эту задачу на революционный комитет [2: 244].

27 октября 1917 г. на имя губернского комиссара и Совета рабочих и солдатских депутатов поступила телеграмма из ставки Верховного главнокомандующего, в которой факт захвата власти в Петрограде большевиками констатировался как свершившийся. «От имени армии и флота» в ней объявлялось о намерении «силой» поддержать свергнутое Временное правительство. В адрес большевиков выдвигалось требование «прекратить насильственные действия» и подчиниться Временному правительству [2: 243].

Негативной на захват власти большевиками была реакция Пензенской городской думы. На состоявшемся 27 октября 1917 г. ее экстренном заседании выступление большевиков было названо преступным, необдуманном и вредным для страны, сравнимым с выступлением генерала Корнилова [2: 244–245]. 31 октября 1917 г. на очередном ее заседании был поставлен вопрос «об организации власти для Пензенской губернии». Было решено образовать при городском самоуправлении особую комиссию с представительством в ней всех думских групп и начальника милиции «для разработки способов борьбы с нарушением порядка в г. Пензе» [2: 245–248].

С осуждением большевистского переворота выступили и действовавшие в губернии после свержения самодержавия политические партии: меньшевики,

народные социалисты и др. [2: 248]. Например, в воззвании пензенских меньшевиков от 3 ноября 1917 г. большевики назывались предателями, вонзившими нож «в спину измученной армии на фронте». «Обещание немедленного мира – ложь (Ленин уже сознался в этом). Обещание хлеба – обман. Обещание порядка, обещание земли – сказка!» – говорилось в воззвании [2: 249].

17 ноября 1917 г. еще сохранивший свои полномочия губернский комиссар Ф. Ф. Федорович призвал уездных комиссаров, уездные земские и городские управы «противодействовать большевистскому выступлению» «путем образования местных отделов Комитета спасения Родины и революции» [2: 249–250]. В этот же день Пензенский Совет солдатских депутатов рассмотрел данный вопрос и принял решение выполнять лишь те распоряжения «Революционного штаба Комитета спасения революции», которые получают одобрение окружного совета солдатских депутатов [2: 250].

В декабре 1917 г. Пензенская городская дума, общественные организации и политические партии, осудившие большевистский переворот, сделали ставку на поддержку Учредительного собрания как единственно законного высшего органа власти в России, выборы в которое только что прошли, и большевики потерпели на них поражение [2: 251–253].

Но она не имела успеха, поскольку симпатии солдат Пензенского гарнизона и большинства крестьян все больше склонялись на сторону большевиков [2: 254]. В декабре 1917 г. Пензенский гарнизон поддержал большевистский переворот и принял участие в формировании отрядов «Красной гвардии» [2: 198]. С нарушением формальных процедур пензенские большевики во главе с прапорщиком В. В. Кураевым переизбрали Совет солдатских депутатов и заняли в нем руководящие позиции [2: 253–254, 261–262]. Лидер большевиков В. В. Кураев стал председателем новоизбранного объединенного губернского Совета рабочих, крестьянских и солдатских депутатов. Аналогичные процессы происходили в крупных частях, дислоцированных в уездных городах губернии [2: 255]. Ситуация развивалась по «петроградскому сценарию», где большевики захватили власть с помощью солдат и матросов Петроградского гарнизона.

Опираясь на поддержку частей гарнизона, пензенские большевики в декабре 1917 г. активизировали свою деятельность, заняв бескомпромиссную позицию по отношению к своим оппонентам. Например, на состоявшемся 18 декабря 1917 г. губернском земском съезде В. В. Кураев открыто выступил против большинства съезда, заявившего о поддержке Учредительного собрания. В своей речи он заявил, что большевики «готовы приветствовать Учредительное собрание», если только оно «оправдает надежды русского пролетариата», но при его «теперешнем составе» этого случится не может. Оно пойдет «по пути правительства Керенского» [2: 255–257].

Утром 21 декабря 1917 г. местные большевики захватили все пензенские банки и фактически стали брать власть в Пензе в свои руки [2: 257]. Реакция городской думы на их выступление была сдержанной. Хотя она и осудила захват банков, но, руководствуясь интересами города и здравой оценкой ситуации, на своем заседании 23 декабря 1917 г. признала «вооруженное сопротивление большевикам нецелесообразным». «Мы не можем бросить такие области городского хозяйства, как водопровод, больницы, скотобойни», – говорил городской голова Н. С. Степанов. Он призвал гласных думы использовать «все имеющиеся в ее распоряжении средства, чтобы не допустить окончательного разрушения хозяйственной жизни города» [2: 260–261].

Гласные городской думы и земские деятели собирались и в последующие дни на специальные заседания в связи с захватом власти в городе большевиками. Они

осуждали их за нарушения норм «всеобщего избирательного права», митинговую демагогию, за действия, ведущие страну к гибели и т.д., но изменить ничего не могли, потому что деморализованный Пензенский гарнизон был на стороне большевиков [2: 261–262]. Их лозунги о мире и земле сделали свое дело.

Таковы лишь некоторые факты о жизни Пензенской губернии в революционном 1917 г., ставшие известными благодаря введенным в научный оборот документам Государственном архива Пензенской области.

Библиографический список

1. Пензенская губерния в годы Первой мировой войны. 1914 – март 1916 : в 2 кн. / отв. сост. В. В. Кондрашин. – Прага : Vèdecko vydavatelské centrum «Sociosféra», 2014. – Кн. 1: 1914–1916. – 544 с. ; Кн. 2: 1917 – март 1918 / отв. сост. В. В. Кондрашин. – Прага : Vèdecko vydavatelské centrum «Sociosféra-CZ», 2014. – 595 с.

2. Пензенская губерния в годы Первой мировой войны. 1914 – март 1916 : в 2 кн. / отв. сост. В. В. Кондрашин. – Прага : Vèdecko vydavatelské centrum «Sociosféra-CZ», 2014. – Кн. 2: 1917 – март 1918. – 595 с.

ПАМЯТНИКИ РЕВОЛЮЦИИ 1917 г. В ГОРОДЕ ПЕНЗЕ

М. В. Конкина

г. Пенза, Россия

Аннотация. В данной статье рассматривается проблема мест памяти (памятников) г. Пензы, связанных с революцией 1917 г. в России.

Ключевые слова: г. Пенза, революция 1917 г., памятник, мемориал, место памяти.

Summary. In this article the problem of places of memory (monuments) of Penza connected with revolution of 1917 in Russia is considered.

Key words: Penza, revolution of 1917, monument, memorial, place of memory.

Места памяти появляются и существуют благодаря осознанию идеи о том, что спонтанной памяти не бывает, а, следовательно, есть настоятельная потребность отмечать годовщины, устраивать празднования, создавать архивы и памятники [1: 17–18]. В год 100-летнего юбилея Великой российской революции, представляется обоснованным напомнить пензенцам о местах памяти, посвященных событиям 1917 г. в Пензе.

Безусловно, следует начать с первого в Европе памятника Карлу Марксу, который был сооружен в нашем городе в 1918 г. В стране, провозглашенной Советской Республикой, было необходимо обозначить новые пути развития. А. Г. Раппопорт отмечал, что когда категория свободы, распространяется на все сферы человеческой деятельности, то становится такой жизненной основой, на которой вырастает и расцветает архитектура Нового времени [2: 18]. В те годы, в соответствии с Декретом о памятниках [3: 1] и Ленинским планом монументальной пропаганды, были инициированы новые проектные работы. В модернизации площади принимали участие лучшие местные художники. Куратором работ выступил уполномоченный Отдела ИЗО Наркомпроса Ефим Владимирович Равдель. Напротив Дома Губернатора, был установлен памятник Карлу Марксу, изображенный Е. Равделем в единстве классических и авангардных приемов. В итоге, Карл Маркс, стал для советской Пензы одной из первых культовых личностей. Создание памятника не только преобразило площадь, но и полностью изменило ее идеологическую направленность. Особенность данного места памяти, безусловно, заключается в том, что он создавался не в мастерской, а непосредственно на месте установки и всего за одну неделю [4: 91].

Памятник находился в самом сердце города, чем были недовольны пензенцы, выступавшие против революционных идей. Через месяц памятник был уничтожен. 7 ноября 1918 г., был заложен новый памятник на улице Никольской, но воплотить идею в жизнь не удалось, воссоздали его только в 1960 г. на Советской площади. Бронзовый бюст был установлен скульптором С. С. Алешинным на гранитном пьедестале. Памятник достиг высоты 8 метров.

13 июля 2013 г. рабочие демонтировали памятник немецкому философу, социологу и экономисту Карлу Марксу, в связи с началом воссоздания Спасского кафедрального Собора. На протяжении года монумент находился на реставрации, затем он был установлен на пересечении Лермонтова и Куйбышева. На открытии памятника бывший губернатор Пензенской области Василий Кузьмич Бочкарев отметил, что новое место памятника куда лучше предыдущего.

Перейдем к следующему не менее значимому месту памяти. Этому гениальному революционеру установлено более 6 тысяч монументов по всей стране. Пенза не стала исключением. Безусловно, речь пойдет о памятниках В. И. Ленину. На территории города было устроено около 12 мест памяти вождю мирового пролетариата, 10 из них сохранились на сегодняшний день.

Следует обратить внимание на одно, особо выдающееся. Данный памятник находится в центре сквера, намеренно разделенного вдоль фасада пятиэтажного здания Правительства Пензенской области; являясь своеобразным центром города, как в идеологическом, так и в художественном плане, памятник обращен лицом к одноименной площади, месту всех торжественных мероприятий.

Изучаемое нами место памяти В. И. Ленину было открыто 6 ноября 1959 г. Его создателями стали: советский архитектор Н. Ф. Бровкин, а так же известный во всем мире скульптор, народный художник СССР, Герой Социалистического Труда – Е. В. Вучетич, чьи работы украшают далеко не каждый город России [5: 346].

Сам памятник – это шестиметровая бронзовая фигура вождя, которая установлена на семиметровом гранитном постаменте. Постамент – это четырехгранный пилон из серого полированного гранита. Который опоясан в нижней части бронзовым горельефным изображением гирлянды из дубовых листьев, перевязанных лентой. В месте перехода к пилону имеется бронзовый рельефный пояс с изображением из колосьев. Постамент установлен на искусственном возвышении, которое покрыто дерном и окружено подпорной гранитной стенкой высотой 40 см, которую делят на 3 равные части гранитные тумбы. Владимир Ильич сотворен в полный рост, с непокрытой головой. В левой руке статуи сжата скомканная кепка, правая заложена в карман брюк. Ленин изображен в движении, будто он идет на встречу мировой революции. Скульпторы создали изваяние с помощью крупных масс и объемов, придавая ей особую монументальность.

Но при создании памятника был допущен ряд просчетов, связанных с нарушением пропорций: по отношению ко всей массе тела голова, безусловно, меньше чем необходимо, а грудная клетка увеличена. И все же, в целом памятник производит внушительное впечатление, чему в большей степени способствует удачная архитектурная привязка к месту и решение постамента.

Пензенская область – родина 16 адмиралов и сотен офицеров-моряков, которые буквально с первых дней основания флота ушли служить на различные корабли. Матрос Балтийского флота Николай Григорьевич Маркин – участник Октябрьской революции (Петроград) и Гражданской войны. Родился в селе Русский Сыромяс (ныне Маркино) Сосновоборского района. Погиб в бою с белогвардейцами на реке Каме в октябре 1918 г., являясь комиссаром Волжской флотилии. Пензенцу установлен бюст напротив ДК «Авангард».

Еще одно не менее важное место памяти, располагается на Советской площади. Об истории этого памятника многим жителям Пензы мало что известно. Чехословацкий корпус появился в России во время Первой Мировой войны. Сформированная из сдавшихся в плен чехов и словаков, воинская часть должна была отправиться во Владивосток, а за тем во Францию. Пенза в то время находилась под обороной красных и роты интернационального полка, в котором служили немцы, венгры и чехи. В конце мая 1918 г. при попытке разоружения легионеров вспыхнул мятеж. Основные бои проходили на Советской площади, где располагались учреждения новой власти. Большевики отступили. Чехи взяли город и устроили погром. Легионеры бесчинствовали в Пензе три дня, после чего оставили город.

В память о погибших защитниках города был воздвигнут деревянный обелиск на братской могиле. Через десять лет было принято решение об установлении памятника [5: 324]. Памятник «Слава борцам отдавшим жизнь за дело пролетарской революции» был открыт 6 ноября 1928 г. на Советской площади. Автором работы стал скульптор М. С. Бабинский. Первоначально памятник был выполнен в бетоне. А затем после проведения реставрационных работ в 1970-х гг. в качестве материалов для памятника выбрали чугун и гранит. Данное место памяти символически

отражает драматизм революционной борьбы и ее движущие силы. У подножия могильного холма располагается мемориальная доска с именами захороненных – русских, немцев, венгров, чехов, словаков (народника А. Л. Теплова, рабочего А. М. Фролова и др.).

В постаменте памятника замурована урна с прахом А. А. Маршана. С одной стороны комплекс огорожен каменной стеной, с двух других – металлическими цепями на столбиках.

История возведения мемориалов, посвященных революционной тематике неизменно доказывает, что места памяти – это особая форма, в которой живет коммеморативное сознание в истории, игнорирующей его, но нуждающейся в нем. Это то, что поддерживает, реконструирует, создает с помощью искусства и памяти общество, которое поглощено процессом трансформации и обновления, сообщество, которое по природе своей ценит новое выше старого [1: 25–26].

Библиографический список

1. Нора П. Франция-память / П. Нора, М. Озуф, Ж. де Пюимеж, М. Винок. – СПб., 1999. – С. 17–50.
2. Раппапорт, А. Г. Зрители и герои «архитектурного театра» / А. Г. Раппапорт // Архитектура СССР. – 1979. – № 10.
3. Декрет СНК «О памятниках Республики» // Известия Пензенского Совета рабочих и крестьянских депутатов. – 1918. – 17 апреля. – № 74.
4. Богданова, В. З. Первый советский памятник – манифест революции и авангарда / В. З. Богданова // Теория и практика общественного развития. – 2013. – № 12. – С. 91.
5. Пензенская энциклопедия. – М. : Большая российская энциклопедия, 2001. – 759 с.

ПРИЧИНЫ, ОСНОВНЫЕ ЭТАПЫ И ХАРАКТЕР ВЕЛИКОЙ РОССИЙСКОЙ (РУССКОЙ) РЕВОЛЮЦИИ 1917 г.

В. А. Космач

г. Витебск, Республика Беларусь

Аннотация. Автор анализирует расстановку сил на политической арене в тот момент, когда российская монархия стояла перед выбором: не допустить революции, а следовательно, и распада государственности ценой ограничения абсолютизма, либо сохранить всевластие самодержца и тем самым спровоцировать народное возмущение. Создание «ответственного правительства» помогло бы предотвратить революцию 1917 г.

Ключевые слова: Великая российская революция, причины, периодизация, характер революции, государственный переворот.

Summary. The author analyzes the alignment of forces in the political arena at a time when the Russian monarchy faced a choice: to prevent a revolution, and, consequently, the collapse of statehood at the cost of limiting absolutism, or to preserve the omnipotence of the autocrat and thereby provoke popular outrage. The creation of a "responsible government" would help prevent the 1917 revolution.

Key words: The Great Russian Revolution, the reasons, the periodization, the character of the revolution, the coup d'état.

В январе 1917 г. российского императора **Николая II Романова** одиннадцать раз предупреждали о готовящемся государственном перевороте. Он ничего не предпринял для своей защиты [14: 5]. И очень зря. Еще в августе 1915 г. в Государственной Думе оформился Прогрессивный блок, объединивший все фракции, за исключением крайних левых и правых. Либеральная часть правительства в лице А. В. Кривошеина, С. Д. Сазонова, А. А. Поливанова (нового военного министра), И. К. Григоровича (морского министра) и других поддерживала создание блока, членами которого признали себя 235 депутатов Государственной Думы из 422 (в том числе даже такой убежденный правый, как В. В. Шульгин). К Прогрессивному блоку Думы примкнули три влиятельные фракции Государственного Совета [5: 336; 6: 55–58]. Фактическим лидером Прогрессивного блока являлся кадет П. Н. Миллюков.

Прогрессивный блок требовал от императора пойти на создание «ответственного правительства», т.е. такого министерства, которое формировалось бы Государственной Думой и Государственным Советом, и было бы ответственно перед ними, а не перед царем, который превращается в монарха «царствующего, но не правящего», как в современной Великобритании или Швеции. Государь же был готов только на «кабинет общественного доверия», когда министры назначаются монархом из числа лиц, которым доверяет большинство Думы и Госсовета, но при этом министры продолжают отвечать за свои действия только перед императором. Если бы Николай II Романов согласился на «ответственное министерство» в 1916 г., революции в 1917 г. в России бы не было. Но император стоял на своем. И тогда в недрах Госдумы и Госсовета, среди членов Прогрессивного блока созрел заговор. Лидеры думского Прогрессивного блока решили вырвать власть у царя путем «дворцового переворота» и опираясь на стихийное недовольство народных масс и уставшей от войны армии [5: 341]. Вызвать подобное недовольство было несложно. Достаточно было небольшой провокации в столице, что и случится в феврале 1917 г. в Петрограде.

Следует отметить также, что к Прогрессивному блоку в Думе тесно примыкала и так называемая «**межпартийная оппозиционная группа**» депутатов

в составе А. И. Гучкова, М. И. Терещенко, Н. В. Некрасова, А. И. Коновалова и А. Ф. Керенского – будущих активных членов Временного правительства. Обсуждались планы опять же «дворцового переворота», способного предотвратить кризис всей системы государственной власти и обеспечить победу России в войне. Предполагалось передать престол цесаревичу Алексею при регентстве великого князя Михаила Александровича и управлении министерства, ответственного перед Думой [5: 339–340].

Как отмечает в своей книге Святослав Рыбас «Заговор верхов, или Тотальный переворот» (М. : Молодая гвардия, 2016. – 365 с.), заговор распространялся все шире и шире. К нему присоединился дворцового переворота председатель земского Союза князь Георгий Евгеньевич Львов, будущий председатель первого состава Временного правительства. По его плану монархом должен был стать великий князь Николай Николаевич. Посвящая в заговор своих соратников-земцев, среди которых были московский городской голова М. В. Челноков и тифлисский – А. И. Хатисов (по данным Н. Берберовой, оба масоны), Львов сказал, что заговор поддерживали 29 председателей земских управ и городских голов, что великий князь Николай Николаевич оповещен и что сам Львов возглавит будущее правительство [14: 267–268].

А. И. Хатисов отправился на встречу с Николаем Николаевичем, которого хорошо знал. Перед Тифлисом он заехал в Петроград обсудить план с Милюковым и депутатом ГД, социал-демократом Чхеидзе. Однако Милюков заговор не поддержал, сказав, что в ближайшее время произойдет революция, а Чхеидзе вообще заявил, что царский режим нельзя свергнуть. 30 декабря 1916 г. Хатисов встретился с Николаем Николаевичем и предложил план Львова, а также сообщил, что начальник ГАУ генерал Маниковский готов всячески содействовать замыслу. Великий князь попросил два дня на размышление.

Накануне их встречи Николай Николаевич виделся с приехавшим рано утром великим князем Николаем Михайловичем, который сообщил, что 16 великих князей договорились устранить Николая II от трона. Николай Михайлович пользовался большим авторитетом в семье, он был членом Французской академии наук, историком, масоном, открыто высказывался против «темных сил» в окружении Александры Федоровны, за что был выслан из Петрограда. Кроме того, у него на Кавказе был собственный бизнес, он владел источниками минеральной воды «боржоми».

Спустя два дня Николай Николаевич снова принял Хатисова и сказал, что решил не участвовать в заговоре. Таким образом, план Львова с опорой на великого князя не был осуществлен, остался гучковский – с регентством великого князя Михаила Александровича. Однако то, что великий князь, главнокомандующий Кавказским фронтом не арестовал посланца заговорщиков, говорило о наступлении последних времен. Н. Берберова встречалась в 1929 г. в Париже с самим Хатисовым, и тот полностью подтвердил эту историю [14: 268].

По В. Никонову, решение приступить к свержению **Николая II Романова** принималось не один раз. А. И. Гучков, которого, безусловно, можно считать ведущим авторитетом в этом вопросе, в качестве ключевого момента называет встречу, состоявшуюся в октябре 1916 г. в конторе депутата Думы и масона Михаила Федорова. Присутствовали около 15 человек: Милюков, Шингарев, Некрасов, Гучков, Коновалов, Маклаков, Терещенко, Годнев, Шидловский, Вл. Львов, некоторые источники называют также князя Львова и Родзянко. Обсуждали, что делать дальше. Согласились на том, что Николай не может больше царствовать – он является источником недовольства в стране, попытки его образумить ни к чему не привели, власть не в состоянии предотвратить победу улицы. Необходимо добиться отречения императора [9: 474].

1 ноября 1916 г. в Государственной Думе с обвинениями в адрес государственной власти в измене резко выступил лидер Прогрессивного блока и кадетской партии **П. Н. Миллюков**. Задавая перед депутатами государственной думы риторический вопрос «Что это? Измена или глупость?» лидер партии конституционных демократов назвал правительство Николая II главным виновником развала в стране, как на фронте, так и в тылу [4: стб. 55–57]. По В. Никонову, «именно выступление Миллюкова 1 ноября 1916 года... с полным основанием можно считать сигналом к началу революции или даже ее началом» [9: 475]. На наш взгляд, выступление П. Н. Миллюкова было подобно событиям 5–6 мая 1789 г. во Франции. Это было преддверие к революции, сигнал «третьего сословия» и Фронды, что революция будет. Она неизбежна [7: 61–62; 1: 181–182; 12: 64–65]. Так было во Франции, так случится и в России в 1917 г. По словам **П. Н. Миллюкова**, за его речью в Государственной Думе 1 ноября 1916 г. «установилась репутация штурмового сигнала к революции» [8: 445].

Международный женский день **8 марта** (по ст. стилю **23 февраля**) **1917 г.** выпал на четверг. В центре Петрограда с утра было тихо, а на окраинах бурлило. Застрельщиками во многих местах были женщины. Бастовали почти все предприятия Выборгской стороны. Около 130 тыс. человек вышли на улицы с лозунгами «Хлеба!» и «Долой войну!». То, что началась именно революция, стало проясняться уже на следующий день, когда стачка охватила почти весь город и на улицы вышли до 200 тыс. человек (население Петрограда тогда – 2,3 млн чел., 400 тыс. из них – рабочие).

24-го бастующие прибавили лозунги «Долой монархию!», «Долой царское правительство!», они пытались прорваться на Невский сквозь военно-полицейские заслоны. Появились первые жертвы. Как отмечает профессор Олег Волобуев, среди народной массы были отдельные представители разных революционных партий, но Февральская революция протекала без значимого их участия – она носила стихийный характер [3: 10].

25-го на улицы вышли уже 300 тыс. человек. Началась всеобщая политическая стачка. Войскам раздали патроны. Но многие солдаты отказывались стрелять. Так, в этот день, в четвертом часу дня, со стороны Гончарной улицы на митингующих двинулся наряд конной полиции... А на него вдруг понеслись казаки с шашками наголо – это молодой казачий офицер послал свой отряд (еще недавно самые надежные войска для власти) в помощь восставшим.

26-го по городу развешаны объявления: «Всякие скопления людей воспрещаются. Предупреждаю население, что возобновил войскам разрешение употребить для поддержания порядка оружие, ни перед чем не останавливаясь». Подпись главы МВД Александра Протопопова. В этот день и впрямь стреляли гораздо больше.

27-го большая часть (67 тыс.) солдат столичного гарнизона присоединились к восставшим. К 16:00 город был в их руках. Появились обращения от революционных партий. В одном из них – призыв избирать в Петроградский совет (Советы появились в революцию 1905 г.). В тот же день был избран и Временный комитет Госдумы, предвестник создания Временного правительства. Так и получилось, что одновременно были созданы две ветви власти победившей революции. Их даже создавали в одном месте – в Таврическом дворце (Совет – в левой его половине, а комитет – в правой).

Так начиналась **Великая Российская (Русская) революция 1917 года**, с февральско-мартовских событий в Петрограде, которые можно и нужно называть Февральской, точнее **Февральско-мартовской революцией 1917 г.**, которая стала первым, буржуазно-демократическим, этапом Великой Российской (Русской)

революции 1917 г. У нее, как и на подобном этапе Великой Французской буржуазной революции последней четверти XVIII в. также были свои герои. Они хорошо известны – от князя Г. Е. Львова, М. В. Родзянко и П. Н. Милюкова и до А. Ф. Керенского, Н. С. Чхеидзе и И. Г. Церетели. По И. Солоневичу, в феврале 1917 г. в России был составлен заговор. «Заговор был организован:

а) земельной знатью, при участии или согласия некоторых членов династии – тут главную роль сыграл Родзянко;

б) денежной знатью – А. Гучков;

в) военной знатью – ген. М. Алексеев.

У каждой из этих групп были совершенно определенные интересы» [15: 16]. Как стало известно гораздо позднее, отмечает современный российский историк Борис Романов, даже и те первые «стихийные» демонстрации и беспорядки первых дней Февральской революции (23–26 февраля) были организованы заговорщиками – об этом рассказал П. Н. Милюков в 1922 г. [13: 519].

Весьма важно и поучительно разобраться в **причинах** Великой Российской (Русской) революции 1917 г. Выделим главные из них. **Во-первых**, это раскол правящей элиты страны на «правительственную» и «думскую», что активизировало внесистемную оппозицию (контрэлиту в лице российских меньшевиков, большевиков, эсеров; различных мастей сепаратистов и националистов). Даже императорский дом Романовых не был един. В начале января 1917 г. Николай II вынужден был выслать из Петербурга четырех великих князей, подозревая их в заговоре. А великий князь Николай Николаевич сам не против был занять монарший престол и прямо участвовал в организации дворцового переворота в 1915–1917 гг. [15: 21–22]. **Во-вторых**, Русскую (Российскую) революцию 1917 г. вызвала нараставшая неэффективность и бюрократическая застойность правительственной власти. Отсюда – неразрешимость острейших для России первой четверти XX в. аграрного, национального, рабочего, конституционного, финансового, религиозного, династического, социального, еврейского и других вопросов. **В-третьих**, революцию 1917 г. в России во многом «подготовили» буржуазные реформы второй половины XIX в. и политическая модернизация начала XIX в. в ходе Первой русской революции 1905–1907 гг. На смену «старой» России шла «новая» – буржуазная и земско-чиновничья, абсолютная монархия сменилась ограниченной, конституционной. На первое место в экономике, в сфере государственного управления и политике выходили все более активно новые «деловые люди», доходы и богатство которых, как и занимаемое социальное положение, были во многом сомнительны, нажитыми с нарушениями известного принципа «равенства возможностей», и по владению собственностью и по доступу к власти. И чем больше становилось подобных дельцов, тем сильнее накапливалось недовольство среди трудовых слоев – рабочих, крестьян, разночинной интеллигенции.

Несомненно, и это, **в четвертых**, Российской империю, сильную и процветающую экономически, влиятельную в мировой геополитике ослабила Первая мировая война, тяготы и лишения которой затронули миллионы российских семей. **В-пятых**, Русская революция 1917 г. во многом была подготовлена и вызвана атакой на Россию извне и изнутри как минимум тремя объединившимися против Российской империи, правящей династии Романовых в лице императора Николая II и его правительства мощными силами – масонами, революционерами и сепаратистами. Именно их в войне с Россией использовали Германия, Великобритания, Франция, Япония и США в ходе Великой Русской революции 1917 г. и задолго до ее начала. **В-шестых**, «великое потрясение» 1917 г. в России связано с личностью самого государя, императора Николая II Романова. В январе 1917 г. российского императора Николая II, как уже было отмечено, одиннадцать раз предупреждали

о готовящемся государственном перевороте. Но он ничего не предпринял для своей защиты и сохранения Российской империи, доставшейся ему от своего знаменитого отца – императора Александра III [14: 5]. **В-седьмых**, важной причиной крушения империи и начала Великой Русской революции 1917 г. стали противоречия между русскими и иностранными финансово-промышленными группами [14: 49–50]. **В-восьмых**, революцию в целом ряде стран, начиная с XVI в., вызывали бездушные и хамство чиновников разных уровней в отношении своих же собственных граждан, что вызывало справедливое возмущение и гнев населения. И Россия начала XX в. в этом плане не исключение.

Важной причиной Великой революции 1917 г. в России, и это, **в-девятых**, стала потеря российским самодержавием своей традиционной социальной базы в лице дворянства и духовенства. За 1861–1912 гг. «первое сословие» (русское дворянство) претерпело резкие социальные изменения. Накануне отмены крепостного права в 1861 г. 80 % всех дворян принадлежали к семьям землевладельцев, лишь 20 % или меньше были горожанами. Накануне Первой мировой войны к семьям землевладельцев принадлежало менее 40 %, тогда как от 60 до 80 % этой группы числилась уже городскими жителями [2: 46].

Дворянские землевладельцы, 1861–1912 гг.

Год	Число дворянских семей землевладельцев	Дворяне, принадлежавшие к семьям землевладельцев, %
1861	114,5–115,5	78–81
1877	98,0–100,0	69–74
1895	103,0–104,5	54–55
1905	86,5–88,0	38–39
1912	94,5–96,5	36–37

Превращение дворян-землевладельцев в меньшинство первого сословия, потеря дворянством более половины земель, которыми оно владело накануне освобождения крестьян, и трансформация дворянства из преимущественно сельской группы населения в преимущественно городскую – все это признаки драматических изменений, пережитых дворянством за первые полстолетия после Великих реформ. «Второе сословие» в лице православного духовенства давно выражало недовольство синодальной системой, установившейся в Российской империи со времен Петра I Великого. Большинство православных архиереев требовало восстановления Патриаршества и проведения реформ, направленных на освобождение Церкви от государственной зависимости [10: 26–40; 16: 13–29].

Как отметил в своей книге американский историк Сеймур Беккер, «крушение 1917 г. привело к гибели как монархии, так и дворянства... Ответственность за катастрофу 1917 г., среди жертв которой оказались не только монархия и дворянство, но и, много печальнее, большинство населения Российской империи, лежит главным образом не на дворянстве и даже не на остатках ее землевладельческого класса, а на самодержавии. Именно самодержавие, а не дворянство так и не смогло освободиться из плена прошлого и приспособиться к современному миру» [2: 317]. По Б. А. Филиппову, «к началу XX в. Россия обладала тремя национальными институтами: монархией, Православной Церковью и армией. Тесно связанные между собой и с народом, эти институты олицетворяли Российскую империю. Ослабление взаимосвязи и взаимопонимания между ними при первом же серьезном испытании (Первая мировая война) способствовало разрушению империи» [16: 13]. Таковы в самом сжатом виде основные причины «великих потрясений» в России в 1917 г. и т.д.

Великая Российская (Русская) революция 1917 г. продолжалась достаточно долго, с нашей точки зрения, 22 года, с 1917 по 1939 гг. В своем развитии

по нарастающей, а затем по нисходящей линиям она, как и Великая Французская буржуазная революция последней четверти XVIII в., по нашему мнению, прошла четыре этапа:

1. **Буржуазный** (февраль/март – октябрь/ноябрь 1917 г.), который в свою очередь делился на два периода – буржуазно-либеральный (весна-лето 1917 г.) и буржуазно-демократический (лето-осень 1917 г.).

2. **Радикально-демократический или «якобинский»** (октябрь/ноябрь 1917 г. – март 1921 г.). Это было время политики «военного коммунизма», красного террора и гражданской войны, сопровождаемой иностранной военной интервенцией. В революцию включились огромные массы мелкой буржуазии города и деревни.

3. **Народно-демократический или «нэповский»** (весна 1921–1928 гг.). Это был этап завершения гражданской войны и иностранной военной интервенции, поправления большевизма и отказа от политики «военного коммунизма», время образования СССР (т.е. почти полностью восстановления границ бывшей Российской империи) и новой экономической политики (нэпа).

4. **Государственно-социалистический или «реставрационный», «советский термидор»** (1929–1939 гг.). В результате ускоренной и во многом силовой модернизации в СССР был построен государственный социализм в виде сильной, современной державы. Именно этому были подчинены сталинские индустриализация, коллективизация и культурная революция. В результате в конце 1930-х гг. была построена супердержава в своих прежних границах. В 1939–1940 гг. были окончательно восстановлены границы исторической Руси и Российской империи. В этом огромная историческая заслуга советского большевизма и лично И. В. Сталина, который, по словам У. Черчилля, принял Россию с сохой, а оставил с ядерной ракетой. В 1936–1939 гг. в СССР была осуществлена «номенклатурная революция» и устранена угроза военно-политического государственного переворота со стороны старой «ленинской гвардии» и группы советских военных во главе с маршалом М. Н. Тухачевским, тесно связанных с Великобританией, США и Германией. Победу «государственного социализма» в СССР, который мы привычно называем «административно-командной системой» или «сталинизмом», де-юре закрепила Конституция СССР 1936 г. [5: 955–974; 17: 36–52; 11: 322–324].

Так, на наш взгляд, завершилась Великая Российская (Русская) революция 1917–1939 гг., которая по своему характеру, вне всякого сомнения, была народно-демократической. **Великая Российская (Русская) народно-демократическая революция 1917–1939 гг.** заменила «старую» императорскую Россию 1721–1917 гг. на «новую», советскую Россию, воплощением которой стал Союз Советских Социалистических республик (СССР) 1922–1991 гг. Именно большевизм и И. В. Сталин возродили и построили сверхдержаву, победили фашизм и открыли уже новой стране путь к «**общенародному государству**». Все новое и великое рождалось в жертвах и лишениях и было невозможно без трудового героизма и энтузиазма советских людей, строивших социализм, в который они в своей подавляющей массе верили, как верили и в «великого Сталина». Таковы, на наш взгляд, исторические реалии и основные итоги Великой Российской (Русской) народно-демократической революции 1917–1939 гг.

Библиографический список

1. Арзаканян, М. Ц. История Франции : учеб. для вузов / М. Ц. Арзаканян. – М. : Дрофа, 2007.

2. Беккер, С. Миф о русском дворянстве: Дворянство и привилегии последнего периода императорской России / С. Беккер ; пер. с англ. Б. Пинскера. – М. : Новое Литературное обозрение, 2004.

3. Волобуев, О. Февраль 1917-го: шесть бурных дней / О. Волобуев // СБ. Беларусь сегодня. – 2017. – 11 февраля.
4. IV Государственная Дума. Созыв четвертый. Сессия пятая. Стенографические отчеты. – Т. 1. – Пг., 1916.
5. История России. XX век: 1894–1939. – М. : Астрель : АСТ, 2009.
6. Лавринович, Д. С. Либерально-консервативная оппозиция в России: формирование и борьба за власть (1912–1917) / Д. С. Лавринович. – Могилев : МГУ им. А. А. Кулешова, 2006.
7. Манфред, А. З. Великая французская революция / А. З. Манфред. – М. : Наука, 1983.
8. Милюков, П. Н. Воспоминания / П. Н. Милюков. – М., 1991.
9. Никонов, В. Крушение России. 1917 / В. Никонов. – М. : АСТ : Астрель, 2011.
10. Поспеловский, Д. В. Русская православная церковь в XX веке / Д. В. Поспеловский. – М. : Республика, 1995.
11. Пыжиков, А. Корни сталинского большевизма / А. Пыжиков. – М. : Аргументы недели, 2016.
12. Ревуненков, В. Г. Очерки по истории Великой французской революции. Падение монархии. 1789–1792 / В. Г. Ревуненков. – М. : Изд-во ЛГУ, 1982.
13. Романов, Б. С. Император, который знал свою судьбу. И Россия, которая не знала / Б. С. Романов. – СПб. : БХВ-Петербург, 2012.
14. Рыбас, С. Ю. Заговор верхов, или Тотальный переворот / С. Ю. Рыбас. – М. : Молодая гвардия, 2016.
15. Солоневич, И. Великая фальшивка февраля / И. Солоневич. – М. : Алгоритм : БСК, 2007.
16. Филиппов, Б. А. Очерки по истории России. XX век : учеб. пособие / Б. А. Филиппов. – М. : Изд-во ПСТГУ, 2012.
17. Хлевнюк, О. Номенклатурная революция: региональные руководители в СССР в 1936–1939 гг. / О. Хлевнюк // Российская история. – 2016. – № 5.

ФАБРИЧНО-ЗАВОДСКАЯ ПРОМЫШЛЕННОСТЬ ПЕНЗЕНСКОЙ ГУБЕРНИИ В РЕВОЛЮЦИОННЫЙ ПЕРИОД

Т. Н. Кузьмина

г. Пенза, Россия

Аннотация. В статье прослеживаются тенденции промышленного развития Пензенской губернии в 1917–1918 гг., характеризуется влияние внутри- и внешнеполитических факторов на состояние фабрично-заводской промышленности региона, показывается процесс складывания новых органов управления промышленностью. Источниковой базой исследования являются материалы архивов, периодической печати и статистики.

Ключевые слова: промышленность, рабочие, предприятие, фабрично-заводские комитеты, рабочий контроль.

Summary. The article deals with the trends of Penza region industrial development in 1917–1918, with the characterization of the influence of internal and external factors to the state of the regional factory industry, with the process of the new control industrial authorities' formation. The study is based on the archives sources, periodicals and statistics data.

Key words: industry, workers, enterprise, factory committee, working control.

Революционные события 1917 г. были вызваны комплексом причин в разных сферах жизни общества. Несмотря на определенные изменения в политической системе, аграрной политике, интенсивное экономическое развитие в предвоенный период, Россия продолжала отставать от развитых западных государств. Стране была необходима дальнейшая модернизация.

Первая мировая война привела к возникновению общенационального кризиса: перенапряжению экономики, ухудшению условий жизни населения, обострению социально-политических отношений. Промышленность перестраивалась на выпуск военной продукции, обеспечение нужд фронта. Однако при этом возникла нехватка предметов широкого потребления. Росли цены, инфляция. Возникли топливный, транспортный, продовольственный кризисы.

Буржуазия, пришедшая к власти весной 1917 г., затягивала решение назревших задач и не имела поддержки среди населения. Партию В. И. Ленина поддерживали широкие слои российского пролетариата, стремящиеся к улучшению условий жизни и труда, к участию в управлении предприятиями, крестьянство, надеявшееся на перераспределение земли, армия, часть интеллигенции.

Рассмотрим, как повлияли события 1917 г. на промышленное развитие страны на примере Пензенской губернии. В дореволюционный период это был типично аграрный регион. Основная масса населения (почти 92 %) проживала в сельской местности и занималась сельским хозяйством [6: 7]. Большинство промышленных предприятий губернии было связано с переработкой сельхозсырья. Сам губернский город в дореволюционный период не имел крупных предприятий, за исключением отдельных заводов и фабрик.

В первое десятилетие XX в. в губернии наблюдалось некоторое оживление промышленного производства. В 1911 г. общее количество предприятий составило 11 230, причем на большинстве из них работало не более 5–6 человек. К более крупным можно отнести только 253 предприятия [7: 51].

Первая мировая война негативно сказалась на состоянии народного хозяйства нашей страны. Увеличились военные расходы. Изменился характер промышленности, наблюдается ее милитаризация. Из 5912 действующих заводов, зарегистрированных в странепромышленной переписью 1918 г., оборонные заказы выполняли 3200 или 54,1 %. На них было занято около миллиона рабочих, т.е. 80 % от их

общего числа [9: 5, 7, 21, 65]. По данным переписи 1918 г., в Пензенской губернии было 72 предприятия с 5729 рабочими, выполнявших военные заказы [8: Оп. 37. Д. 3. Л. 27–34]. Среди них предприятия металлообработки и машиностроения, кирпичные заводы № 1 и 2, лесопильные заводы, деревообрабатывающий завод В. А. Лебедева и др. В число оборонных предприятий входили суконные фабрики, продукция которых направлялась военно-заготовительным комитетам.

Война тормозила развитие промышленного производства. Недостаток финансовых средств, сырья и топлива негативно сказался на состоянии заводов и фабрик. К тому же в армию было призвано большое количество работников. Все это привело к сокращению производства.

Данные Всероссийской промышленной и профессиональной переписи 1918 г. свидетельствуют, что число действующих предприятий и рабочих из года в год сокращалось. В 1913 г. на территории губернии было 254 предприятия. К концу 1915 г. насчитывалось 194 действующих предприятия с общим количеством рабочих 12 244 человек и 29 бездействующих с 906 рабочими; на 1 января 1917 г. число действующих предприятий уменьшилось до 109 (11 508 рабочих), а бездействующих – увеличилось до 113 (2501 рабочих). В апреле – мае 1917 г. закрылось еще 20 предприятий [2: Ф. 177. Оп. 1. Д. 143. Л. 5; Ф. Р-2. Оп. 1. Д. 13. Л. 16]. На 1 июля 1918 г. перепись указала 93 действующих завода и фабрики.

Такое положение складывалось не во всех губерниях Поволжья. В Самарской, Саратовской, Казанской, Астраханской губерниях наблюдался некоторый количественный рост промышленных заведений и рабочих. Это было связано с эвакуацией промышленных предприятий в поволжские губернии из прифронтовых губерний. В Симбирской губернии численность рабочих практически не изменилась. И только Пензенская губерния показала сокращение промышленного производства.

Сокращение количества действующих предприятий привело к уменьшению выпуска продукции фабрично-заводской промышленности. Так, валовая продукция металлообрабатывающей промышленности Пензенской губернии в 1913 г. составила 214,6 тыс. довоенных рублей, в 1917 г. – 159,1 тыс., а в 1918 – 27,4 тыс.; деревообрабатывающего производства соответственно 3240,9; 1373 и 509,5 тыс. руб.; обработки шерсти – 5573,2; 4189 и 1386,4 тыс. В целом в 1917 г. удельный вес Пензенской губернии в выпуске валовой продукции фабрично-заводской промышленности понизился и составил 0,45 %, тогда как в 1913 г. он достигал 1,1 % ко всей продукции европейской части страны [подсчитано по 1: 374–403]. По этому показателю среди поволжских губерний Пензенская занимала одно из последних мест.

Сокращение производства в первый год пролетарской диктатуры было вызвано проводившейся демобилизацией промышленности, остановкой многих предприятий из-за отсутствия сырья, топлива, а также уходом многих рабочих в деревню из-за продовольственных трудностей. Сказывалось также нарастание революционного движения. Ряд предприятий был разгромлен, закрыт. Многие фабриканты бежали, захватив заводскую документацию, или умышленно саботировали производство, отказывались финансировать его с целью дезорганизации.

Чтобы приостановить негативный процесс промышленного спада, вводится рабочий контроль над производством. Он был наиболее эффективным средством в борьбе с разрухой. Положительную роль в установлении рабочего контроля сыграли массовые рабочие организации, в первую очередь Советы, фабрично-заводские комитеты, создававшиеся по инициативе самих рабочих.

Еще в феврале – марте 1917 г. фабзавкомы возникли на Большелукинской и Литвиновской суконных фабриках, стекольном заводе № 1 (с. Николо-Пестровка),

заводе акционерного общества В. Л. Лебедева и лесопильном заводе А. С. Новикова [2: Ф. Р-6. Оп. 1. Д. 21. Л. 12, 65-66, 70-71; Д. 50. Л. 18-19; Ф. 177. Оп. 1. Д. 165. Л. 35-36, 70]. В апреле-мае 1917 г. ФЗК были созданы на спичечных фабриках С. П. Камендровского (Нижний Ломов), Е. М. Перемышлиной, писчебумажной фабрике П. В. Сергеева, Золотаревской, Нижнешкафтинской суконных фабриках и пензенской вальцовой мельнице Н. И. Алипова [8: Ф. 1562. Оп. 36. Д. 303. Л. 18; 2: Ф. 177. Оп. 1. Д. 165. Л. 10-12, 45-46, 88-89; Д. 330. Л. 80]. Внимание фабрично-заводских комитетов тогда было направлено на введение 8-часового рабочего дня, пересмотр тарифных ставок, повышение зарплаты и упорядочение продовольственного вопроса. Наряду с этим предпринимались попытки установить контроль над увольнением работников и за работой предприятий в целом. Так, в мае 1917 г. рабочие спичечной фабрики Е. М. Перемышлиной вынесли постановление о лишении ее права единолично увольнять работников [2: Ф. Р-674. Оп. 1. Д. 18. Л. 22].

19 марта 1917 г. состоялось заседание фабричного исполнительного комитета Большелукинской суконной фабрики (арендатор А. Агишев), принявшее решение вручить владельцу предложения об улучшении положения рабочих и служащих. На 10 из 12 пунктов А. Агишев дал согласие. 26 мая Совет фабричного комитета постановил внести владельцу фабрики предложение о 8-часовом рабочем дне и повышении оплаты сделанных работ [2: Ф. Р-65. Оп. 1. Д. 1. Л. 1-4].

Рабочие предпринимали решительные меры, чтобы пресечь попытки владельцев закрыть предприятия. Так, когда хозяин пензенской мельницы А. И. Юров объявил о расчете всех рабочих, 2 июля 1917 г. они организовали экстренное собрание и заявили, что это решение является преступным ввиду приближающейся жатвы и подвоза зерна для размола. Рабочие категорически заявили о недопущении увольнений без ведома и согласия профсоюза; если хозяин не будет считаться с профсоюзом, то они будут ходатайствовать о передаче мельницы в руки Советов. 5 июля 1917 г. газета «Известия» сообщила о победе рабочих: предприниматель заявил об отмене увольнения рабочих и готовности подчиниться всем «законным требованиям профсоюзов» [5: 1917. № 61. С. 2; № 62. С. 3; № 69. С. 2].

Однако не всегда рабочие добивались успеха. 21 июня 1917 г. состоялось собрание рабочих пензенского галетного завода, которые были возмущены неправильной раздачей муки (ее давали только служащим). Рабочие постановили временно поручить рабочему комитету взять на себя управление предприятием под контролем Совета рабочих и солдатских депутатов. Однако исполком не поддержал решение рабочих. Тем не менее, сам факт взятия управления рабочими знаменовал их силу и возможность самим через свои организации осуществлять управление предприятием.

Рабочий контроль в 1917 г. только делал первые шаги. Как правило, он устанавливался лишь на отдельных предприятиях. В условиях Пензенской губернии контроль осуществлялся только фабзавкомками. Специальные контрольно-хозяйственные комиссии, как это имело место в промышленных районах страны, не создавались. Да и фабрично-заводские комитеты были далеко не на всех предприятиях: с февраля по октябрь 1917 г. они действовали только на 18 предприятиях. Фабзавкомкомы губернии стали создаваться в основном после установления Советской власти (21 декабря 1917 г.). В 1918 г. их стало 43. То же можно сказать и о времени образования специальных органов рабочего контроля: до октября 1917 г. они появились на пяти предприятиях, в течение 1918 г. – на 35.

14 (27) ноября 1917 г. ВЦИК принял «Положение о рабочем контроле», который являлся подготовительным мероприятием к национализации промышленности. В Положении указывалось, что контроль осуществляют все рабочие через свои выборные учреждения, такие как заводские и фабричные комитеты, советы старост

и т.п. Решения органов рабочего контроля объявлялись обязательными. Владельцы предприятий обязывались предъявлять им отчеты [4: С. 25–27]. В новых условиях рабочий контроль должен сломить саботаж прежних владельцев предприятий. Рабочие добивались нормального функционирования производства, контролировали действия администрации, давали отпор попыткам владельцев закрыть производство и отдельных лиц растащить имущество, следили за вывозом продукции, снабжением [5: 1918. № 19. С. 2].

На писчебумажной фабрике товарищества П. В. Сергеева, владелец которой бежал в Ялту, управление производством перешло в руки рабочих. Они столкнулись с большими трудностями: не было сырья, топлива и материалов, надо было не допустить остановки машин и сохранить оборудование. Был сформирован отряд Красной гвардии для охраны фабричных корпусов и складов [8: Ф. 1562. Оп. 36. Д. 844. Л. 150–154].

Установление рабочего контроля происходило в обстановке острой борьбы. Предприниматели стремились дезорганизовать производство, задерживали зарплату, занимались хищением денежных средств, переводя их на счета своих родственников. Упорное сопротивление рабочим оказал владелец суконных фабрик Л. С. Казеев. Под разными предлогами он не допускал рабочих до контроля над производством, категорически отказался выплачивать зарплату членам контрольной комиссии на Нижне-Липовской суконной фабрике [2: Ф. Р-65. Оп. 1. Д. 1. Л. 100]. То же было и на Нижне-Шкафтинской фабрике, где администрация оказывала сопротивление органам рабочего контроля, не выполняла их решения [2: Ф. Р-311. Оп. 1. Д. 37. Л. 65]. В ответ на требование рабочих повысить зарплату владелец лесопильного завода Г. Б. Левит заявил, что он скорее закроет фабрику, чем согласиться удовлетворить требование рабочих [5: 1917. № 22. С. 3]. Нередко владельцы пытались распродать готовые изделия и получить деньги помимо кассы предприятия и без ведома контрольной комиссии. Так было, например, на кирпичном заводе И. А. Грошева.

Однако были и случаи, когда владельцы промышленных заведений стремились сохранить, восстановить свои предприятия. В частности, в Пензенскийгубсовнархоз в апреле 1918 г. поступило заявление за подписью О. Н. Аш: «Я как временный владелец и арендатор спичечной фабрики Н. Ф. Ломакина в Нижне-Ломовском уезде, настоящим обращаюсь к Совету со следующим предложением. Фабрика, на которой работало 350–400 рабочих..., разгромлена в ноябре 1917 г. В настоящее время ко мне часто приезжают депутации от крестьян и рабочих с просьбой о восстановлении деятельности фабрики. В виду того, что лично я не в состоянии таковое восстановить, обращаюсь к Совету, не найдет ли он возможность в интересах крестьян и рабочих, которые сильно бедствуют, а также населения, которое нуждается в спичках... взять на себя расходы по восстановлению вышеозначенной фабрики» [2: Ф. Р-442. Оп. 1. Д. 110. Л. 127].

Постепенно руководство рабочим контролем переходило в ведение профессиональных союзов. Число профсоюзов росло. Если в 1917 г. в губернии насчитывалось всего четыре профсоюза с 1073 членами, то в первой половине 1918 г. – уже 22 (10 636 человек), во втором полугодии – 37 (21 281) [10: С. 76–77]. Вопрос об объединении этих двух форм рабочего движения был решен в январе 1918 г., однако практическая реализация в губернии затянулась до осени 1918 г., что было характерно для слаборазвитых в промышленном отношении районов.

Рабочий контроль сыграл большую роль в подготовке национализации промышленности. Рабочие сами выносили решения о национализации того или иного предприятия. Национализация крупной промышленности была начата после Октября 1917 г. Наряду с крупными предприятиями обобществлялись и мелкие,

брошенные их бывшими владельцами, в целях предотвращения растаскивания материальных ценностей.

В Пензенской губернии национализация промышленности началась, как и в других районах, в первой половине 1918 г., но шла медленнее, чем в промышленных центрах. Большинство предприятий губернии были мелкими и средними. Да и при остром недостатке квалифицированных рабочих кадров нельзя было проводить национализацию в широких масштабах. До 28 июня 1918 г. в губернии было национализировано только 30 предприятий: механический завод Е. В. Платовой, галетный А. А. Столыпина, два кирпичных завода, 10 типографий, ряд лесопильных предприятий и мельниц. Эти хотя и небольшие предприятия были взяты в руки государства с целью спасти их от окончательного разрушения. Поводом к национализации служили либо отказ владельца подчиниться декрету о рабочем контроле, либо острая нужда в продукции.

Иногда до национализации на предприятие накладывался секвестр, т.е. решением местных органов власти владелец предприятия лишался права распоряжаться имуществом по своему усмотрению. Как правило, эта мера применялась к саботажникам. Секвестр применялся и в Пензенской губернии. Так, ввиду саботажа наследников спичечной фабрики Е. С. Лошкарева 12 октября 1918 г. Наровчатский уездный исполком вынес решение о ее секвестре, о чем телеграфировал Пензенскому губсовнархозу. ГСНХ 15 октября ответил: «Временно передать ведение дела фабричному комитету. Ни в коем случае фабрика останавливаться не должна» [2: Ф. Р-442. Оп. 1. Д. 1586. Л. 263–264].

Владельцы предприятий сопротивлялись национализации. Некоторые из них, например, владельцы лесопильных заводов Г. Б. Левит, Н. Гурвич, О. В. Лифшиц и др., направляли ходатайства в ГСНХ, ВСНХ и другие инстанции с просьбой об отмене национализации [2: Ф. Р-442. Оп. 1. Д. 72. Л. 55]. К осени 1920 г. национализация всех более или менее крупных предприятий Пензенской губернии в основном была завершена.

14 декабря 1917 г. при Совете народных комиссаров создается Высший Совет народного хозяйства (ВСНХ), а 23 декабря – районные (областные) и местные совнархозы. 25 января 1918 г. был рассмотрен вопрос о создании пензенского губернского совнархоза [2: Ф. Р-442. Оп. 1. Д. 18. Л. 151]. Процесс его формирования был длительным, проходил в течение всего 1918 г. В итоге в его составе было создано 12 отделов (технический, экономический, дорожно-строительный, кооперативный, снабжения, секции по топливу, торговле и др.) [2: Ф. Р-442. Оп. 1. Д. 8. Л. 80].

Первые декреты Советской власти были направлены на удовлетворение требований рабочих и крестьян с целью заручиться их поддержкой, а также укрепить новую власть. В числе первых был декрет от 29 октября 1917 г. об установлении 8-часового рабочего дня, а для работающих в условиях, вредных для здоровья, – 6 часового. 11 декабря 1917 г. ВЦИК и СНК РСФСР обнародовали Положение о страховании на случай безработицы. С 22 декабря вводится страхование на случай болезни. Для женщин устанавливался 16-недельный отпуск по материнству, рабочий день для кормящих матерей сокращался до шести часов [3: 201, 267–276]. Новые органы власти осуществили ряд мер по улучшению охраны труда, жилищных условий, быта, медицинского обслуживания.

Итак, Пензенская губерния относилась к числу слаборазвитых в промышленном отношении регионов. Первая мировая война и революция 1917 г. негативно сказались на состоянии промышленного производства в губернии. Из-за топливного и сырьевого кризиса прекратили работу многие предприятия. Некоторые из них были разгромлены, сожжены. Пагубное влияние на состояние фабрик и заводов оказывал усилившийся развал транспорта, остро ощущался продовольственный

кризис. Особенно пострадали заведения, связанные с переработкой сельхозсырья. Перестали действовать спиртовые заводы, большинство мельниц, крахмалопаточных, лесопильных и деревообделочных предприятий.

Статистические данные за 1913–1918 гг. свидетельствуют о сокращении количества действующих предприятий, рабочих занятых на них, уменьшении выпуска продукции фабрично-заводской промышленности. Это было вызвано как объективными причинами, сложностями военного и революционного времени, так и субъективными факторами, умышленными действиями владельцев предприятий из-за боязни потерять контроль над производством.

Еще с весны 1917 г. многие предприятия стали переходить под контроль рабочих организаций, которые добивались нормального функционирования производства, контролировали действия администрации, следили за вывозом продукции, снабжением и т.п. Рабочий контроль был наиболее эффективным средством в борьбе с разрухой, важным фактором в приобретении навыков управления промышленностью.

Формирование новых органов управления предприятиями началось одновременно с проведением национализации. Это был исключительно трудный процесс, так как впервые создавались такие органы, с привлечением рабочих масс. Формирование их в Пензенской губернии осложнялось рядом специфических условий: преобладанием мелких и средних предприятий, разрухой, допущением бывших владельцев к руководству предприятиями, что сказывалось на состоянии производства.

Уже первыми декретами Советская власть стремилась удовлетворить основные требования рабочих об улучшении условий труда и быта. Однако пензенская промышленность оставалась в тяжелом положении. Большая часть предприятий не работала, производство продолжало сокращаться. Усугубила ситуацию гражданская война.

Библиографический список

1. Всероссийская промышленная и профессиональная перепись 1918 г. Фабрично-заводская промышленность в период 1913–1918 гг. // Труды ЦСУ. – М., 1926. – Т. XXVI, вып. 2.
2. Государственный архив Пензенской области (ГАПО).
3. Декреты Советской власти. – М. : Политиздат, 1957. – Т. 1. – 640 с.
4. Директивы КПСС и Советского правительства по хозяйственным вопросам. – М. : Госполитиздат, 1957. – Т. 1. – 879 с.
5. Известия Пензенского Совета рабочих, крестьянских и солдатских депутатов. – 1918. – № 74.
6. Пензенская область за 40 лет Советской власти (1917–1957). – Пенза : Пенз. кн. изд-во, 1957. – 542 с.
7. Природа и хозяйство Пензенского края: Орган Пензенской губернской плановой комиссии. – 1924. – № 1.
8. Российский государственный архив экономики (РГАЭ). Ф. 1562.
9. Россия в мировой войне. 1914–1918 гг. (в цифрах). – М. : ЦСУ, 1925. – 103 с.
10. Шарошкин, Н. А. Профсоюзы и фабзавкомы Пензенской губернии в годы гражданской войны. 1918–1920 / Н. А. Шарошкин // Профсоюзное движение в Поволжье. 1917–1928 : межвуз. сб. науч. тр. Ульяновского гос. пед. ин-та / отв. ред. В. В. Казюхин. – Ульяновск : УГПИ, 1981. – 106 с.

ВЕЛИКАЯ РУССКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ И СТРОИТЕЛЬСТВО КОММУНИЗМА В ОДНОЙ ОТДЕЛЬНО ВЗЯТОЙ СТРАНЕ: ПЛАНЫ ЦЕНТРА И ИХ РЕАЛИЗАЦИЯ НА МЕСТАХ

А. А. Куреньшев

г. Москва, Россия

Аннотация. В статье говорится о российском революционном проекте 1917–1921 гг., сочетавшем продолжение процесса демократизации общества, его децентрализации и де-бюрократизации, начатых в феврале 1917 г. с попытками навязать стране административно-плановую систему управления. При этом центральная власть постепенно принимала вид бюрократически-централизованного аппарата, а низовая, провинциальная продолжала сохранять полуанархические, полуобщинные черты советской системы власти, сформированной в ходе революции. Апогеем несовместимости двух начал революции явились решения VIII Всероссийского съезда Советов, пытавшегося распространить планово-регулирующие, административно-нажимные методы управления на индивидуальные крестьянские хозяйства. Эти попытки вызвали резкий рост крестьянского протеста, включая вооруженную повстанческую борьбу. Произошло и расхождение в оценке ситуации между центральными и местными советскими властями. Методы организации производства и распределения продуктов (в первую очередь питания), навязывавшиеся центральными властями, не выводили страну из кризиса, а все более погружали ее в разруху и хаос. В результате отмеченных противоречий правящей группировке пришлось пойти на уступки крестьянству и местным властям и отказаться от коммунистических приемов и методов управления.

Ключевые слова: революция, Советы, демократизация, система управления, коммунизм, планово-административная система.

Summary. The article refers to the Russian revolutionary project 1917–1921, combining the continuation of the process of democratization, decentralization and debureaucratization, which began in February 1917 with the attempts to impose on the country administrative-planned system of management. While the Central government gradually took the form of bureaucratic centralized apparatus and grassroots, provincial, continued to maintain a semi-anarchist, polyomino features of the Soviet system of government formed during the revolution. The climax of the incompatibility of the two principles of the revolution was the decision Vserossiiskogo VIII Congress of Soviets trying to spread the planning and regulatory, administrative pressure management techniques on the individual farms. These attempts caused a sharp increase in peasant protest, including armed insurgency. There was a discrepancy in the assessment of the situation between Central and local Soviet authorities. Methods of organization of production and distribution of products (primarily food), navasyalchan the Central authorities didn't take the country out of the crisis, and more it plunged into ruin and chaos. The result was contradictions, the ruling group had to make concessions to the peasantry and local authorities and to renounce the Communist techniques and methods of management.

Key words: Revolution, Tips, Democratization, System of government, Communism, Planning and administrative system.

Большинство историков связывают воедино ряд социально-экономических, военно-политических и политических факторов, приведших в конечном итоге к отказу от политики «военного коммунизма», введению так называемой Новой экономической политики (НЭП). К этим основополагающим обстоятельствам относят недовольство крестьян и населения в целом продовольственной политикой Советской власти, приведшей к многочисленным крестьянским восстаниям, социальной напряженности в обществе, грозившей свержением коммунистической диктатуры и заменой ее более адекватной с точки зрения населения, властью. О форме

и политическом и социально-экономическом наполнении этой новой власти историки предпочитают умалчивать, поскольку очевидно, что контуры этой пост коммунистической власти были неясны и основным фигурантам тех судьбоносных для страны событий. В этих очевидных для большинства исследователей социально-экономических и политических параметрах истории Советской России, тем не менее, остается немало темных, не до конца даже определенных и изученных моментов. О тех, которые более менее, исследованы, а это, несомненно, «военный коммунизм» и воздействие его мероприятий, из которых, на наш взгляд, не вполне обоснованно выделяют в качестве главного фактора влияния на настроение крестьянской массы, продразверстку и, вообще фактор продовольствия, голода и т.п.; вызванные этим крестьянские восстания, то есть высшая, по нашей классификации, военно-политическая форма организации крестьянства, а также, ряд других проявлений недовольства населения действиями властей.

Гораздо меньше внимания уделяется, на наш взгляд, взаимоотношениям Центра и мест, российской провинции, центральной и местной советской, партийной, а также военной, чекистской власти. Считается, что эти взаимоотношения и взаимодействия центра и мест, столицы и провинции носили характер улицы с односторонним движением. Центр приказывал, давал директивы, а места их безоговорочно выполняли. Мы не будем сейчас затрагивать более общий вопрос о советской демократии, диктатуре пролетариата ее трактовках различными политическими силами, в том числе и внутри РКП(б). Это вопрос очень сложный и многогранный, связанный и с теорией «тоталитаризма» и попытками ее опровержения. Скажем, только, что вопрос о советской форме послереволюционной власти, связан, на наш взгляд, с решением общих политических и конкретно управленческих задач, которые стремилась разрешить Великая русская революция. Несомненно, что в ее задачи входила демократизация политической и экономической жизни, деюрократизация и децентрализация управленческих структур и систем. Как бы ни относиться к большевистскому перевороту, как к Великой социалистической революции или почти что контрреволюционному деянию, разрушившему хрупкое, едва наметившееся здание демократии, ясно, что Ленин и его соратники вынуждены были решать, как в этом признавался сам В. И., задачи буржуазно-демократической революции. А они, эти задачи, состояли не только в том, чтобы передать землю крестьянам, уничтожив один из пережитков феодализма – помещичье землевладение и сохранив и усилив другой – земельную общину, но и в дальнейшем сломе централизованно-бюрократической власти, передаче властных полномочий на места на низовой уровень, чему прекрасно соответствовала полуобщинная форма местной власти – Советы. С организацией власти Советов в Центре дело обстояло уже несколько иначе. Она, эта власть, с пугающей неизбежностью превращалась в квази парламентскую, с неизбежной для такой формы власти дрязгами, склоками, влиянием материальных факторов, партийных и внутрипартийных разборок и т.п. Угроза немедленного отзыва висела ведь только над головой депутатов местных советов. Конечно, местные советы, в прерогативы которых входил и посыл и отзыв депутатов на Всероссийские съезды, могли воздействовать на них, но степень влияния была все же не сопоставима.

Таким образом многократно снижался демократизм принципа аксьон директ, прямого действия, несомненно, заложенный в основу новой советской власти.

Многие вопросы, помимо выполнения и исполнения декретов СНК, ВЦИК и т.д., местным властям приходилось решать самостоятельно. Например, борьба с крестьянскими протестными выступлениями, включая вооруженные восстания, велась первоначально исключительно местными силами. С повстанцами боролись политически, экономически, смягчая некоторые мероприятия «военного коммунизма»

и военными средствами. К началу 1921 г. стало совершенно ясно, что подавление повстанчества местными вооруженными формированиями к успеху не ведет и практически повсюду для борьбы с повстанцами были привлечены регулярные воинские подразделения. В Саратовской губернии, например, были использованы части 27-й дивизии, участвовавшей в подавлении Кронштадтского восстания, и бронепоезд. В Тамбовской губернии регулярная конница Котовского, броневики и другие войска под командованием Тухачевского. Однако подобного рода решения были приняты не сразу. Им, этим решениям предшествовали конфликты в руководстве Тамбовской губернией и местной власти с центральной. В мае 1921 г. комиссию по борьбе с бандитизмом, которой руководил малоизвестный и малоавторитетный Данилов, возглавил Склянский, правая рука всеильного Наркома, главы РВС республики Советов Л. Д. Троцкого. «В мае 1921 года Склянский стоял во главе Межведомственной комиссии по борьбе с бандитизмом. Именно по этой причине ему писали из Тамбова лица, коим было поручено бороться с антоновским восстанием. Вот Выдержка и разговора по прямому проводу Главкома с тов. Павловым прот. О.Б. 94 п. 29 Д. № Ар 4 Л. 56.

«Разрешите один вопрос. В Тамбове такая склока идет между партией и Губисполкомом, что скоро придется применять к ним какие-нибудь исключительные меры. Тов. Шлихтер был у меня и умоляет спасти положение вещей, спасти партию. Подавление восстания возможно при дружной работе партии. Этого здесь нет. Такое мнение вынесли Луначарский и Бухарин, с которыми я говорил. Поэтому является очередным вопросом (в чем я прошу вашего совета) не нужно ли наложить на них твердую военную руку путем создания реввоенсовета при условии, чтобы членами такового были назначены тот же Шлихтер и Мещеряков, которых вы знаете и с которыми я бы мог продуктивно без трений работать. Повторяю положение очень серьезно» [5: Ф. 17. Оп. 112. Д. 152. Л. 55]. Здесь же в резолюции, написанной карандашом, было сказано: «В ЦК РКП. Безусловно, необходимо принять экстренные меры к устранению склоки, о которой говорит тов. Павлов, так как из-за этого очевидно страдает дело подавления восстания 4.2.1921. Склянский» [5: Ф. 17. Оп. 112. Д. 152. Л. 56]. В результате помимо Тухачевского в губернию был направлен В. А. Антонов-Овсеенко, а Шлихтер и Мещеряков были отозваны и направлены в другие места работы и в отличие от Тухачевского и Антонова-Овсеенко умерли своей смертью.

Борьба с разного рода антиправительственными выступлениями, как бы мы сейчас к этим выступлениям ни относились, входила в сферу прямых обязанностей Склянского. На подавление крестьянского восстания в Тамбовской губернии Склянский счел целесообразным направить Тухачевского, специалиста по карательным операциям. Он послал Ленину соответствующую записку. Ленин полностью одобрил решение Склянского

Кризис в руководстве, разногласия и внутривластная борьба, вылившаяся в так называемую дискуссию «о профсоюзах», а на самом деле о путях и методах дальнейшего развития страны вносили разноречивую путаницу в проведение в жизнь, казалось бы, жестких директив Центра.

На наш взгляд, каплей переполнившей чашу терпения крестьянства и вызвавшую небывалый рост повстанчества, была не продрозверстка, к которой худо бедно крестьяне приспособились за несколько лет, а некоторые другие решения Центральной советской власти и, главное, их реализация на местах. Мы имеем в виду так называемые мероприятия по подъему сельского хозяйства, осуществлявшиеся административно-нажимными методами в русле планового коммунистического хозяйства, петлю которого пытались накинуть на индивидуальные крестьянские хозяйства в ходе реализации решений VIII съезда советов, прошедшего в декабре 1921 г.

«Наркомзем дает определенный план, определенное задание деревне: обработать столько-то земли. Это задание распределяется по губерниям, уездам. «Посевкомы присматривают за выполнением плана, следят, чтоб указанное количество десятин было обработано и равнялось по наилучшему хозяйству. VIII Съезд одобрил выдачу премий лучшим сельскохозяйственным обществам, коммунам и отдельным крестьянам некулацкого типа, которые не эксплуатируют чужой силы, не занимаются спекуляцией. Премия будет выдаваться в виде средств производства, предметов личной потребности и домашнего обихода». Уже на съезде возникли сомнения в реалистичности и эффективности этой системы. Во-первых. Для премирования не было ресурсов. А, во-вторых, советско-классовые принципы в этом деле соблюсти было практически невозможно, ибо лучшими естественно становились хозяйства кулацкого типа. Эти методы планового воздействия на крестьянские хозяйства вносили еще больший разлад и раздразни в деревенские отношения, что, естественно, использовалось врагами режима.

Недовольство этой политикой выражали не только крестьяне, но и низовые советские работники. Так, в резолюции совместного съезда представителей волпосевкомов и делегатов от фабрик и заводов Московского уезда, состоявшегося 11 марта 1921 г. было записано: «заслушав доклад об организации и задачах волпосевкомов и селькомов, съезд констатирует, что отношение крестьянства к проведению единого сельскохозяйственного плана в том виде, как таковой принят VIII Всероссийским съездом советов, самое отрицательное. Проведение в жизнь данного законопроекта приведет не только к поднятию производительности сельского хозяйства, но, наоборот, к понижению и еще дальше заведет страну в непроходимый тупик, поставив население государства в продовольственном отношении в катастрофическое положение» [4: 170]. Думается, что подобного рода резолюции оказывали, куда большее воздействие на центральную советскую власть, нежели даже такие крупные крестьянские восстания, как Западносибирское и Тамбовское.

Во многих местах именно эти мероприятия по изъятию семян, складывание их в общественные амбары, якобы для учета и большей сохранности, а также, совмещение этих действий с продразверсткой, что, кстати говоря, центральными властями не одобрялось, вызывали не просто возмущение крестьян, но прямо-таки их отчаяние и решимость сломать во что бы то ни стало эту «плановую систему подъема сельского хозяйства». К этому надо добавить, что попытки материального стимулирования хозяйственной деятельности путем премирования лучших крестьян при тогдашнем упадке производства, совмещаемом с классовым подходом (нельзя премировать кулаков), не могли не внести еще больший хаос в российскую деревню. Ленину поступало огромное количество вопросов на эту тему.

Эти указы и постановления не могли не вызвать недоумения и отторжения на местах, тем более, что диктовали эти требования не только высшие органы власти ВЦИК, СНК, а подчиненные им ведомства Народный комиссариат Продовольствия, Народный комиссариат земледелия и т.п. Именно Наркомпрод устанавливал параметры производства и распределения продукции в стране. Местные органы власти, лучше знавшие ситуацию, которая становилась во многих случаях все более критической, пытались решать проблемы на свой страх и риск. В итоге этой «самодеятельности» мы имеем в своем распоряжении многочисленные следственные дела и обвинительные приговоры по адресу местных советов, включая ГИКи, УИКи и некоторые хозяйственные органы. Так, например, Мелекесский УИК Самарской губернии был обвинен в том, что по его приказу были отцеплены 4 вагона с продовольствием, от состава, сформированного Наркомпродом и шедшего по его разрядке. Члены исполкома должны были за содеянное предстать перед Верховным

трибуналом ВЦИК. Кроме этого вопиющего факта нарушения государственной плановой дисциплины, а можно сказать, и грабежа народнохозяйственных грузов, были и другие факты невыполнения требований Наркомпрода и Наркозема местными властями. Как правило, нарушались требования по учету и сохранности семенного фонда и принципы распределения продовольствия, установленные центральными советскими и продовольственными органами. Так, Пензенский ГИК был обвинен в том, что 5 сентября 1921 г. принял постановление об отпуске из местного губпродкома 8000 пуд. Семенного зерна для внутри губернского обсеменения.

Царинский ГИК был обвинен «В Преступлении по должности, заключавшемся «в вынесении постановления о предоставлении губсоюзу права перебросить лесные материалы и соль в Дон округ, где произвести товарообмен» [1: Ф. 1005. Оп. 1 Д. 278. Л. 74.].

13 февраля 1922 г. в ревтрибунал были вызваны для допроса губисполкомы и уездные исполкомы:

1. Архангельский
2. Царицынский
3. Пензенский
4. Камышинский
5. Мелекесский
6. Пермский,
7. Вятский
8. Гомельский;
9. Рязанское Губ эконом совещание
10. Тамбовского губ эконом совещания.

11. Тамбовского Губпосевкома за вынесение 31 августа 1921 г незаконного постановления об отпуске 10000 пуд семян на внутри губернное обсеменение [1: Ф. 1005. Оп. 1 Д. 278. Л. 5–6].

Какое же предписание центральных органов власти нарушили эти местные советские и иные органы? 21 марта 1921г. СНК РСФСР за подписью В. И. Ленина издал два очень разноречивых постановления (Декрета) Первым путем замены продрозверстки продналогом, как мы знаем, вводился НЭП, а вторым – усиливались плановодиктаторские полномочия Наркомпрода, за посягательство на которые и были привлечены к суду Верховного трибунала руководители местных советов и других государственных организаций. В упомянутом постановлении было сказано: «Право издания распоряжений, циркуляров, инструкций и т.п. по вопросам снабжения продовольствием и предметами широкого потребления, определяющим принципы и методы распределения, устанавливающим нормы, порядок, очередность и пропорциональность снабжения различных групп и категорий потребителей. равно как и установление этих категорий, составляет исключительную компетенцию Народного комиссариата продовольствия и центральной комиссии по снабжению рабочих при Наркомпроде и их местных органов по принадлежности. Примечание: Местные органы Наркомпрода издают обязательные постановления через президиум ИК.

1. Какие бы то ни было распоряжения, циркуляры и т.п., исходящие из других ведомств и учреждений по указанным пар.1 вопросам не имеют обязательной силы и исполнению не подлежат.

2. За издание указанных пар. 1 и 2 настоящего постановления распоряжений, циркуляров и т.п., а равно и за принятие подобных распоряжений и т.д. к исполнению, ответственные руководители ведомств и учреждений привлекаются к суду, как за преступление по должности.

Подписали: Председатель Народных комиссаров Ульянов (Ленин)
Управляющий делами СНК Горбунов
Секретарь Фотиева
21. III. 21 г. [З: 256]

7 июля 1921 г. Президиум ВЦИК издал разъясняющее постановление к упомянутому Декрету СНК.

«Советская республика переживает сейчас острый продовольственный кризис, который усиливается нарушением местными органами плановой работы наркомпрода по сосредоточению, продвижению и распределению продовольственных грузов. Несмотря на исключительное право издания всех видов распоряжений по вопросам снабжения лишь Наркомпродом, Центральной комиссией по снабжению рабочих и их местными органами, о чем говорит Декрет 21 марта с... местные власти своими распоряжениями, продиктованными местными потребностями в ущерб общегосударственных интересов, продолжают вторгаться в деятельность органов Наркомпрода. К этим недопустимым явлениям в последнее время присоединились и случаи захвата различными местными властями проходящих продовольственных маршрутов и отцепления от них вагонов с продгрузами.

Президиум ВЦИК, считая подобные приемы преступлениями государственного характера, постановили подтвердить к точному постановлению декрет СНК от 21 марта с.г. и обязать все местные ИК, а также, административные и железнодорожные органы на местах немедленно принять самые решительные меры к недопущению захватов кем бы то ни было прод грузов и отцепки вагонов от прод маршрутов и виновных привлекать к ответственности. Надзор за соблюдением этого постановления возлагается на местные органы ВЧК. Циркуляр в этом смысле разослан всем ГИК» [1 : Ф. 1005. Д. 278. Л. 11]. Экономика страны должна была продолжать развиваться по единому плану, местные власти должны были строго соблюдать требования и выполнять распоряжения Центра. Именно эта методика только и могла, по мнению большевистского руководства, вывести страну из жесточайшего социально-экономического кризиса. Но зачем же тогда было вводить НЭП, то есть взять на вооружение совсем иную модель хозяйственного развития. Вопрос, на наш взгляд, остается открытым и без изучения взаимоотношения различных центральных и местных властных структур того времени ответить на него непросто.

Библиографический список

1. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ).
2. Государственный военный архив (ГВАО).
3. Декреты советской власти. – М. : Политиздат, 1989. – Т. 13, вып. XVIII. – 574 с.
4. Куреньшев, А. А. Крестьянство и его организации в первой трети XX века / А. А. Куреньшев. – М. : Государственный исторический музей, 2000. – 222 с.
5. Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ).

СВОБОДА СОВЕСТИ И НАРОДНОЕ ОБРАЗОВАНИЕ В ПЕРВЫЕ ГОДЫ СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ¹

Г. А. Куршева

г. Саранск, Россия

Аннотация. В статье на конкретно-историческом материале Мордовского края анализируются процессы секуляризации образования в условиях революции 1917 г. и Гражданской войны. Особое внимание акцентируется на реакции общества на образовательную политику новой власти.

Ключевые слова: школа, религия, отделение школы от государства, народное образование, советская власть.

Summary. The processes of secularization of education in the conditions of the 1917 revolution and the Civil war are analyzed in the article on basis of the specific historical material of the Mordovian region. Particular attention is emphasized on the society response to the educational policy of the new government.

Key words: school, religion, school separation from the state, public education, the Soviet power.

После Октябрьской революции, одним из главных направлений в руководстве народным образованием большевики считали отделение школы от церкви и, соответственно, ликвидацию церковно-приходской школы. Декретом Совета Народных Комиссаров ВСФСР от 20 января (2 февраля) 1918 г. «О свободе совести, церковных и религиозных обществах» государство провозгласило отделение школы от церкви [1: 373]. В одночасье решить эту проблему было нельзя, так как до революции до 45 % учебного времени отводилось на религиозные предметы [7: 20].

Проведение в жизнь основных положений данного декрета натолкнулось на сопротивление большинства населения и части учительства как по всей России, так и в Мордовии, традиционно считавших религию неотъемлемым элементом нравственного воспитания в школе. Так, в постановлении общего собрания родителей учащихся Краснослободского высшего начального училища говорилось: «Святую православную веру нашу мы считаем святым святых души нашей и всякое покушение на нее, от кого бы оно ни исходило, считаем величайшим оскорблением религиозного чувства ста миллионов православного русского народа. Преподавание в школах закона Божьего считаем необходимым и его изгнание из школы ни в коем случае не допустимым, так как он имеет величайшее воспитательное и образовательное значение..., безрелигиозное воспитание и обучение поведет наших детей к полному нравственному растлению и гибели. Посему мы единогласно постановили просить Совет Народных Комиссаров закон об изгнании закона Божьего из школ, как оскорбляющий религиозное чувство, немедленно отменить» [8: 1].

Мы подробно процитировали этот документ, поскольку он ярко отражает настроения населения, преобладавшие на территории мордовского края после принятия декрета. Подобные решения в 1918 г. только в Краснослободском уезде Пензенской губернии были приняты родительскими собраниями 2-х классов женского, мужского приходского, женского бывшего церковно-приходского, начального сельскохозяйственного училищ, Шаверской школы и др. [8: 61, 65]. Аналогичная ситуация сложилась и в других уездах Пензенской губернии.

¹ Статья подготовлена в рамках поддержанного РГНФ научного проекта № 15-31-12034.

На местах декрет вызвал такое резкое противодействие со стороны земских деятелей, большинства представителей творческой и инженерной интеллигенции, учительства, что многие губернские комиссариаты по народному образованию вначале пошли на попятную. Так, в своем обращении в Народный Комиссариат Просвещения РСФСР Симбирская губернская коллегия по образованию обратилась с просьбой разрешить временно оставить преподавание в школах Закона Божьего, либо преподавать его после уроков, на что был получен резкий отрицательный ответ [2: 29]. После этого, губернский отдел народного образования активно взялся за разрушение прежней школы, заложение никому не понятного «фундамента» новой единой трудовой школы, претворение в жизнь принципа всеобщего обязательного обучения» [6: 99]. Его деятельность в основном носила разрушительный характер. Период разрушительной работы с октября 1918 г. по январь 1919 г. характеризовался удалением из школы преподавания «различных вероучений и отправлений богослужений», обязательного изучения мертвых языков. Этот период характеризовался ликвидацией раздельного обучения мальчиков и девочек, а также ломкой социально-педагогических воззрений учащихся, учеников и родителей. Для тех, кто не был согласен с проводимой политикой, существовала практика массовых увольнений и сокращений. Для тех, кто поддавался оказываемому воздействию, организовывались так называемые «митинги, лекции, дискуссии» с заранее заданным результатом [6: 99-99 об.].

Бывшие церковно-приходские школы либо закрывались, либо переводились в разряд светских с одновременным изгнанием учителей-священников. Например, до революции в Алатыре было 5 церковно-приходских школ. 3 из них, которые имели лучшие помещения, преобразовали в светские школы I степени (при Инвалидной церкви, мужском и женском монастырях), а еще 2, помещения которых были признаны худшими, были ликвидированы [3: 16–17]. Во многих уездах передача церковноприходских школ в ведение Наркомпроса проходила в сложной обстановке, вызывая недовольство, а иногда и противодействие, населения. В Карсунском уезде дело по отделению школы от церкви проходило с большим скандалом и было завершено только к концу 1919 г. В октябре-ноябре 1919 г. во всех учебных заведениях Симбирской губернии прошла кампания по изъятию из школ книг религиозного содержания [4: 73].

Большинство родителей учеников Ардатовского уезда также крайне негативно отнеслись к отмене преподавания вероучения и выносу из школ икон. Они, в своей основной массе, также не понимали новых методов преподавания и нередко не пускали детей в школу [5: 55 об.]. Для того, чтобы оторвать народ и учеников от церкви, в мордовском крае была пущена в обиход такая «иезуитская» форма атеистической пропаганды, как выступления бывших священников, которые сняли с себя сан и устроились работать учителями других предметов. Им было предписано активно проводить с учащимися беседы на антирелигиозные темы, если они хотят «сохранить свои рабочие места» [4: 19 об.].

Когда накал возмущений по поводу ликвидации икон из школ достиг своего апогея, и события грозились выйти из вод контроля, закончившись массовым антисоветским вооруженным мятежом, Симбирский губернский отдел народного образования решил «выпустить пар». На своем заседании 21 октября 1918 г. были признаны «некоторые перегибы» со стороны «неопытных» и «случайных» инструкторов по внешкольному образованию, которые действовали «вопреки получаемым указаниям». Были «осуждены» выбросы и уничтожение икон из школ, аресты учителей и учительниц по подозрению в «укрывательстве икон». Эти мероприятия были проведены потому, что возмущение народное переливалось «через край». Даже во время антибольшевистской крестьянской войны марта 1919 г., вошедшей

в историю, как «чапанный мятеж», в Карсунском уезде – центре восстания, был крайне популярен лозунг: «Бей коммунистов и учителей» [4: 98–99].

Под воздействием массовых просьб и повсеместного сопротивления проведению декрета в жизнь даже Народный комиссариат просвещения вынужден был на экстренном заседании коллегии 15 апреля 1919 г. поставить вопрос о разрешении преподавания закона Божьего в школах во внеурочное время. Причем, за принятие такого решения выступил и нарком народного образования А. В. Луначарский. Но предложение это было отклонено большинством голосов и очень быстро запрет на преподавание религии в школе превратился в полный контроль над религиозной жизнью подрастающего поколения. «В настоящее время закон Божий окончательно изгнан из школы и теперь принимаются меры к тому, чтобы выгнать его из психологии населения» – заявлялось в отчете Саранского УОНО в 1918 г. [10: 22].

Решение об отделении школы от церкви еще долгое время отрицательно сказывалось на отношении большинства населения мордвы к новой школе, поставило ее в критическое положение. Закрытие церковно-приходских школ и запрещение преподавания лицам духовного звания в условиях, когда во многих селах, русских и мордовских, школы при церквях были единственными, лишало детей возможности приобретения основ грамоты [9:61, 62]. Следует отметить, что при острой нехватке новых учительских кадров, тяжелом экономическом положении школьного образования, наносился значительный удар по просвещению широких народных масс. Во многих селах Мордовии крестьяне отказывались посылать детей в «безбожную» школу, не давали дров на ее отопление, не продавали учителям продукты. Даже в середине 1920-х гг. в отчетах местных отделов народного образования отмечалось, что «религиозные праздники заметно отражаются на посещаемости школ – происходит полный отрыв учащихся от занятий. А открытая борьба с религией вызывает негодование и враждебное отношение к школе» [11: 22].

После ликвидации церковно-приходской школы и преподавания в школах Закона Божьего стали возникать такие проблемы, о которых ранее и думать не приходилось. Например, когда в некоторых школах с огромным трудом в декабре 1918 и начале 1919 гг. были организованы горячие завтраки для детей, многие дети от них стали отказываться. Все школьные руководители и педагоги были в недоумении, однако когда с детьми откровенно поговорили, они признались, что не могут есть «запрещенную к употреблению пищу в Великий пост», и педагоги так от детей ничего и не добились [11: 64 об.].

В целом, за годы Гражданской войны произошло резкое снижение уровня учебной работы, в особенности в средней школе. Это было вызвано тремя главными причинами. Во-первых, хозяйственной разрухой и отсутствием самого необходимого для поддержания нормального учебного процесса: отопления, освещения, учебников и учебных пособий и т.д. Во-вторых, бедственным материальным положением учителей, многие из которых вынуждены были оставить педагогическую работу, а шедшая им на смену молодежь, как правило, не обладала ни достаточными знаниями, ни опытом. И наконец, в-третьих, осуществление радикальной задачи «революционной ломки» школы нанесло ей непоправимый урон. Старая школа была во многом разрушена, но никакой новой школы, тем более «идеальной», построить не удалось. Государственная политика в сфере образования в первое десятилетие Советской власти стала носить ярко выраженный классовый и идеологический характер. Она была направлена на слом старой школы и создание принципиально новой системы образования. Однако участники этого процесса, идеологи новой школы, чиновники от образования чаще всего еще сами не понимали сущности и направлений преобразований, что породило многие издержки в процессе формирования основ советской школы.

Библиографический список

1. Декреты Советской власти. – М. : Политиздат, 1971. – Т. 5 : 1 апреля – 31 июня 1919 г. – 701 с.
2. Государственный архив Ульяновской области (далее – ГАУО). Ф. Р-190. Оп. 1. Д. 5.
3. ГАУО. Ф. Р-190. Оп. 1. Д. 9.
4. ГАУО. Ф. Р-190. Оп. 1. Д. 14.
5. ГАУО. Ф. Р-190. Оп. 1. Д. 101. Л. 55 об.
6. ГАУО. Ф. Р-200. Оп. 2. Д. 273.
7. Ососков, А. В. Начальное образование в дореволюционной России (1861–1917) : учеб. пособие для студентов пед. ин-тов / А. В. Ососков. – М. : Просвещение, 1982. – 208 с.
8. Центральный государственный архив Республики Мордовия (далее – ЦГА РМ). Ф. Р-21. Оп. 2. Д. 3.
9. ЦГА РМ. Ф. Р-58. Оп. 1. Д. 8.
10. ЦГА РМ. Ф. 327-П. Оп. 1. Д. 98.
11. ЦГА РМ. Ф. 327-П. Оп. 1. Д. 746.

СОВЕТСКИЕ ПРАЗДНИКИ В ИДЕОЛОГИЧЕСКОЙ ПРАКТИКЕ ГОСУДАРСТВА

Л. В. Лебедева

г. Пенза, Россия

Аннотация. В статье характеризуется процесс становления советской праздничной культуры. Она рассматривалась большевиками как одно из массовых и эффективных средств закрепления новых ценностей. Борясь с религиозностью населения, традиционной культурой, мировоззрением, новая власть для достижения своих целей использовала уже сложившиеся формы, привычные и понятные народу. Сценарий праздников включал митинги, шествия, пение революционных песен, собрания, выступления лекторов, постановку спектаклей. Со временем праздничные мероприятия принимали все большую организованность и обязательный характер.

Ключевые слова: советские праздники, традиции, идеология.

Summary. The article deals with the formation of the Soviet festive culture. It was considered by the Bolsheviks as one of their mass and effective means of consolidating new values. Struggling against the religiosity of the population, traditional culture, worldview, the new government used already established forms, customary and understandable to the people, to achieve its goals. The scenario of the holidays included rallies, processions, singing revolutionary songs, meetings, lectures, staging performances. Over time, the celebrations became more organized and compulsory.

Key words: soviet holidays, traditions, ideology.

Утверждение новых общественных отношений, успех реформирования во многом зависели от распространения новой идеологии. Одним из способов воздействия власти на массовое сознание населения было формирование советской праздничной культуры. Данная тема является одной из актуальных проблем в истории повседневности [10]. В создании новых идеологизированных образцов большевики использовали принятые формы традиционной культуры.

Уже в первый год существования советской власти начал формироваться праздничный календарь. Советские праздники должны были разрушить религиозные традиции. К числу наиболее значимых были отнесены даты революционных событий. В декабре 1918 г. (2 декабря декретом СНК были приняты «Правила СНК о еженедельном отдыхе и праздничных днях») законодательство устанавливало шесть государственных праздников, в которые «Производство работы воспрещается» (ст. 7). От старого праздничного календаря сохранялся Новый год. Новыми праздниками были определены: 9 января 1905 г., который праздновался 22 января; свержение самодержавия – 12 марта, день Парижской Коммуны, который отмечался 18 марта; день Интернационала – 1 мая и день Пролетарской Революции – 7 ноября [2]. Постепенно количество советских праздников увеличивалось. Они рассматривались как политическая акция, одна из форм распространения новых ценностей. Их подготовке и проведению уделялось большое значение. Главное направление празднования содержалось в инструкциях Центрального комитета партии. Агитационный отдел ЦК готовил план празднования, Наркомпрос разрабатывал сценарий мероприятий. Для сельской местности, где приверженность традициям была высока, отдел по работе в деревне при Главполитпросвете выпускал дополнительные рекомендации по проведению новых праздников. Импровизация на местах не приветствовалась. Все этапы проведения праздничных торжеств контролировались государственными инстанциями [3: 124].

Обязательными компонентами всех торжеств были митинги и шествия. Во время торжественных маршей люди двигались строго вперед и никогда по кругу,

что символизировало дорогу в будущее, к победе коммунизма. Сценарий включал в себя пение революционных песен, «вечера воспоминаний», доклады на политические и экономические темы, собрания, длившиеся 3–5 часов. Иногда на празднике раздавалось бесплатное угощение и подарки. Повсеместно ставились спектакли. Они рассматривались как одно из массовых и доступных средств агитации. Увеселительные программы в виде игр и танцев практически отсутствовали, были минимальны. У участников мероприятия должно было возникнуть ощущение торжественности, важности данных событий [11].

В период становления советских праздников семейно-бытовая их часть их отсутствовала. В первую очередь это были общественные мероприятия. Также сказались борьба с самогоноварением в этот период времени. Поэтому домашние застоля не приветствовались [9].

К датам празднования разрабатывались лозунги, под которыми должно было пройти торжество. К празднествам приурочивали торжественные церемонии по открытию библиотек, изб-читален, яслей, школ, а также памятников, обелисков, отражающих идеи революции [11]. Теперь демонстранты на 7 ноября и 1 мая часто обходили все деревни, входившие в один сельсовет, и в каждой проводили митинг. В начале праздничного движения шли партийцы, комсомольцы, школьники, затем к ним присоединялись беспартийные. Новое содержание и оформление традиционных шествий вызывало интерес, любопытство [3: 128].

У крестьян многие обрядовые действия сопровождалось пением. Советские праздники включали в себя пение революционных песен: «Интернационал», «Революционер», «Степан Разин», «Вы жертвою пали...» и др. [1: 100]. Они создавали приподнятое настроение, привлекали зрителей, формировали отношение важности к происходящим событиям.

Большевики создавали революционные символы на основе традиционных обозначениях праздника. Издавна красный цвет использовался в праздничной одежде крестьян, обозначал красоту и возрождение новой жизни. Теперь он обозначал пролитую кровь в борьбе за новую жизнь и призыв к борьбе с врагами. Красный цвет создавал настроение нетерпимости к старому, повышал революционную активность и, в тоже время, придавал торжественность мероприятиям. Праздничными атрибутами были красные знамена, банты, которые прикрепляли на груди, косынки, скатерти, расстилавшиеся на столе президиума [4: 175]. В революционную повседневность входили флаги, лозунги, портреты политически деятелей. Из народных праздников было заимствовано украшение зелеными ветками [8].

Характерным явлением различных обрядов было использование театрализованных действий. Теперь революционные мероприятия часто заканчивались спектаклями политической тематики. Театрализованные постановки были эффективным способом донесения до неграмотных масс новой идеологии. Участниками спектаклей были самодеятельные актеры. Несмотря на то, что революционные постановки были менее зрелищны и красочны, чем традиционные народные праздники, они вызывали к себе интерес и собирали много народа [3: 129].

Традиционным явлением российской деревни были помочи – совместный труд, который использовался в интересах всей общины, например, при строительстве школ, церквей, мельниц и т.п., так отдельных домохозяев. после работ всегда было угощение. Такой коллективный труд по благоустройству населенных пунктов стал включаться в сценарий советских праздников [8].

В повседневную жизнь стали входить гражданские панихиды, как заимствование обряда поминовения усопших, на которых 7 ноября у могил революционеров проводились митинги, пели революционные песни [3: 133].

Как встретило население новые советские праздники? Для части населения, особенно городского пролетариата, которое активно участвовало в революционных событиях, гражданской войне, они были продолжением классовой борьбы, закреплением своих побед и утверждением новых идеологических принципов. Процесс утверждения советской праздничной культуры в деревне проходил сложнее и медленнее. Активно в них принимала участие в первую очередь деревенская беднота, так же те, кто меньше всего был связан с традициями – молодежь, школьники и те, для кого строительство новой жизни стало смыслом существования. Они воспринимали их как политическую акцию, подчеркивающую торжество победы и вдохновляющую на дальнейшую борьбу, были основными участниками празднеств. Первоначально значительная часть сельского населения не отождествляла революционные памятные даты как праздничные. Крестьяне понимали праздник как важный день религиозного календаря, когда было «грешно» трудиться [6]. Религиозность сельского населения в первое десятилетие советской власти была значительной [5]. В связи с этим многие не понимали, почему большевики, будучи атеистами, запрещали работать в новые революционные праздники.

Основное внимание уделялось празднованию годовщин Октябрьской революции и дню интернационала. Участие женщин расценивалось как политическая победа. Большую роль в их привлечении к торжествам играли женорганизаторы и делегатки [7]. Некоторые праздники вводились специально для крестьян. Яркими примерами борьбы с их религиозными воззрениями было проведение осеннего праздника «Урожая» на Покров, «Дня электрификации» на Ильин день, «Дня древонасаждения» на Троицу и т.п.

Подводя итог, отметим большую роль советской праздничной культуры в идеологии государства. Она рассматривалась большевиками как одно из массовых и эффективных средств закрепления новых ценностей. Борясь с религиозностью населения, традиционной культурой, мировоззрением новая власть для достижения своих целей использовала уже сложившиеся формы, привычные и понятные народу. Укоренившись в массовом сознании, форма проведения советских праздников с конца 1920-х гг. стала меняться. Начали создаваться новые механизмы символической поддержки революционных завоеваний. Праздники приняли обязательный характер, стали еще более организованными и подконтрольными.

Библиографический список

1. Государственный архив Пензенской области (ГАПО). Ф. Р-2. Оп. 4. Д. 30.
2. Декреты советской власти. – М. : Издательство политической литературы, 1968. – Т. 4. – С. 123.
3. Иникова, С. А. Советские праздники в русской деревне / С. А. Иникова // Российский этнограф. Этнологический альманах: Антропология. Культурология. Социология. – М. : Российская Академия наук, 1993. – С. 122–139.
4. Крестьянские истории: Российская деревня 1920-х годов в письмах и документах / сост. С. С. Крюкова. – М. : РОССПЭН, 2001. – 232 с.
5. Лебедева, Л. В. Религиозность сельского населения в 1920-е годы / Л. В. Лебедева // Исторические науки. – 2012. – № 2 (50). – С. 23–25.
6. Лебедева, Л. В. Тенденции в мировоззрении крестьян в 20-х годах XX века на примере Пензенской губернии / Л. В. Лебедева // Пензенский временник любителей старины : науч. и науч.-попул. сб. Церковно-исторического комитета Пензенской епархии Московской Патриархии Русской Православной Церкви. – Пенза : Пензенское епархиальное управление, 2004. – Вып. 14. – С. 148–155.
7. Лебедева, Л. В. «Теперь мы равноправные граждане, теперь мы, бабы, такие же люди...» / Л. В. Лебедева // Российская повседневность в зеркале гендерных отношений : сб. ст. / отв. ред. и сост. Н. Л. Пушкарева. – М. : Новое литературное обозрение, 2013. – С. 583–604.

8. Лебедева, Л. В. Формирование советской праздничной культуры в 1920-е гг.: новые ритуалы в процессе социального конструирования / Л. В. Лебедева // *Фундаментальные исследования*. – 2015. – Ч. 8, № 2. – С. 1784–1787.

9. Мальте, Р. Советские праздники / Рольф Мальте. – М. : РОССПЭН, 2009. – С. 127, 135.

10. Новинская, Т. Ю. Советская повседневность: введение в историографию / Т. Ю. Новинская // *XXI век: итоги прошлого и проблемы настоящего плюс*. – 2015. – Т. 2, № 1 (23). – С. 167–171.

11. Шаповалов, С. Н. Особенности организации и проведения первого советского государственного праздника в 1918 г. / С. Н. Шаповалов // *Общество: политика, экономика, право*. – 2001. – № 2. – С. 31–32.

ОТРАЖЕНИЕ РЕВОЛЮЦИОННЫХ СОБЫТИЙ 1917 г. В РОССИЙСКОЙ ПРОВИНЦИИ В ВОСПОМИНАНИЯХ СОВРЕМЕННОКОВ (на примере Балашовского уезда Саратовской губернии)

С. В. Левин, О. С. Левина

г. Саратов, Россия

Аннотация. Воспоминания участников революционных событий 1917 г. в российской провинции являются интересными, информационно насыщенными источниками. Они позволяют с разных позиций взглянуть на кардинальные изменения, происходившие в российской глубинке, представить отношение к ним простого обывателя. В статье предпринята попытка анализа воспоминаний некоторых современников и активных участников революционных потрясений 1917 г. в одном из наиболее крупных аграрных уездов Саратовской губернии. Авторы приходят к выводу, что большинство сохранившихся источников личного происхождения принадлежат большевикам и сторонникам советской власти. В них февральские и октябрьские события освещены односторонне и предвзято. Более объективно революционная повседневность представлена мемуарными свидетельствами рядовых обывателей.

Ключевые слова: большевики, губерния, источник, обыватель, революция, советская власть, уезд.

Summary. The memoirs of the participants of the revolutionary events of 1917 in a Russian province are interesting, information-rich sources. They allow us to have a look at dramatic changes happening in a Russian province from different positions, to imagine a layman's attitude towards them. In the paper an attempt is made to analyze the memoirs of some contemporaries and active participants of the revolutionary upheavals of 1917 in one of the largest agrarian uyezds of Saratov gubernia. The authors come to the conclusion that most of the remained sources of personal origin belong to Bolsheviks and supporters of the Soviet power. In them the February and October events are reflected singlesided and prejudiced. In a more objective way the revolutionary everyday life is presented by memoir evidences of common laymen.

Key words: bolsheviks, gubernia, source, layman, revolution, soviet power, uyezd.

Революционные потрясения 1917 г. охватили практически все регионы России. Не обошли стороной они и Саратовскую губернию. Составить достаточно полную картину крушения старой власти на местах и становление новых государственных институтов, отношение к происходившим изменениям обывателя, позволяют источники личного происхождения. Значительное их количество, как опубликованных, так и архивных сохранилось по одному из крупнейших аграрных уездов губернии – Балашовскому. Условно эго-источники можно сгруппировать по следующим категориям: мемуарные свидетельства непосредственных участников революционных событий и воспоминания очевидцев, не принимавших в них участия. Следует отметить, что в большинстве документов освещаются октябрьские события 1917 г.; февральским вниманием уделено значительно меньше. Работа с источниками личного происхождения, в которых отражены февральские события, позволяет констатировать их меньшую политизированность по сравнению с воспоминаниями, посвященными октябрьским событиям 1917 г.

Падение монархии не вызвало у рядового обывателя таких эмоций, как свержение Временного правительства и приход к власти большевиков. Известие о свержении царя население Балашовского уезда восприняло в целом равнодушно. «Проведение февральской революции ничем не ознаменовалось», – вспоминали старожили Котоврасинской волости [6: Д. 170, Л. 8]. Правда, балашовские историки Е. А. Печурин и В. В. Танонин подчеркивали, что «в деревнях уезда свержение

царизма было встречено с такой же радостью, как и в городе» [10: 20]. Но в качестве примера привели лишь письмо крестьян Благовещенской волости, в котором сообщалось о «радостном» снятии ими со стен своих изб портретов императора Николая II после сообщения о февральских событиях в столице. А вот как об этом вспоминала, проживавшая в селе Бобылевка Балашовского уезда, малолетняя Н. К. Веселовская: «Был уже 1917 год. Далеко, в столице, шло брожение и разлаживалась жизнь, надвигалась революция... Взрослые говорили об этом, но меня эти разговоры не интересовали, все проходило мимо. Запомнился только вечер в начале марта. В ярко освещенной лампой "молнией" столовой Бобылевского флигеля мы ожидали приезда Татуши с подругой ее Челноковой, за ними были посланы лошади к поезду на железнодорожную станцию в 8 верстах, Романовку.

Вдруг стук в форточку и Татуша кричит через нее "Царя свергли!". Потом, за ужином, долго шли разговоры взрослых, как это произошло, и что теперь будет. Упоминались имена Милюкова, Родзянки, князя Львова и других, которые теперь будут играть такую большую роль. <...>. Анна Степановна и обе девушки были радостно взволнованы и без конца говорили о будущем. Мне подумалось: "А как же без царя?". Долго на этой мысли я не задерживалась, так как вообще мое представление о царской семье ограничивалось картинками на крышке сундука няни Дарьи Николаевны, где в овалах была изображена вся царская семья: царь в военной форме, царица и ее дочери в нарядных платьях, с жемчугами на шее и мальчик-наследник моего возраста. <...>. Уже на следующий день я совсем забыла "о свержении царей", так как нас всех заняли более близкие и интересные происшествия» [5: 194–195].

Рядовые балашовцы отмечали растерянность местных властей и царившую, как в самом городе, так и в уезде, неразбериху. «В первые дни революции, – писал в 1923 г. в местной газете "Борьба" анонимный корреспондент, скрывшийся под псевдонимом "А. К-в", – была полная неразбериха, долго не знали, кого признавать за главу государства. Даже разные военные части, стоявшие в городе, за общей молитвой поминали то Михаила, то Николая, то Алексея, то временное правительство» [2: д. 90, л. 1]. Житель Ивановской волости Балашовского уезда Н. В. Герасимов, повествуя о том, как население волости встретило падение монархии, отмечал: «По получении телеграммы об отречении от престола Николая II (3 марта) немедленно была организована манифестация крестьян с красными флагами и бантами. Собравшиеся на манифестацию крестьяне не знали с чего начать и первым делом пошли в церковь служить молебен за укрепление революции» [6: Д. 140, Л. 1].

Если в воспоминаниях Н. К. Веселовской и Н. В. Герасимова представлена, образно говоря, бытовая сцена восприятия известия об отречении царя от престола, то в воспоминаниях таких известных балашовских деятелей революционного движения как А. Л. Банквицер и А. И. Жагар в центре внимания находится, своего рода, организационно-политическая составляющая революционных событий. Авторы повествуют о своей повседневной агитационно-революционной работе. Первый председатель Балашовского Совета рабочих депутатов А. Л. Банквицер, например, вспоминал, что практически каждый день приходил на железнодорожный вокзал агитировать «проходящие эшелоны не идти на фронт» и «полемизировал до хрипоты в глотке с меньшевиками и эсерами» [9: 31]. Секретарь Совета А. И. Жагар с нескрываемым восхищением писал о быстроте, с которой «местная группа большевиков» арестовала жандармов и уездного предводителя дворянства, разогнала земскую управу [6: Д. 332, Л. 1–2].

Октябрьские события 1917 г. в воспоминаниях их активных участников освещены, примерно в том же ключе, что и февральские. Так, Г. И. Солонин

самозабвенно повествует о своем вкладе в установление советской власти в селе Андреевка Аркадакской волости Балашовского уезда, не утаивая, что он и его товарищи действовали крайне жестко [6: Д. 402, Л. 1–4]. О необходимости быстро и сурово расправиться «со старым строем» писал в своих мемуарах С. И. Дудин. Он обозначил следующие, неотложные задачи, которые большевикам было необходимо, с его точки зрения, решить в кратчайший срок: «Разломать, разогнать и ликвидировать Балашовское уездное земство, земских начальников, ликвидировать полсотни волостных земств на местах, разогнать все уездные буржуазные аппараты власти, заставить старых офицеров подчиниться законам Великой Октябрьской революции, заглушить враждебную работу эсеров и меньшевиков и обезвредить господствующие классы всей буржуазии, кулаков и попов, и созвать уездный съезд Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов» [2: Д. 92, Л. 11].

Если в центре внимания большевиков и сторонников советской власти находится описание их революционной деятельности, то обыватель затрагивает именно хозяйственно-бытовые вопросы. К примеру, та же Н. К. Веселовская, приехавшая поздней осенью 1917 г. из Бобылевки в Балашов, была поражена произошедшими негативными изменениями. «Осенью 1917 года, – писала она, – в Балашове чувствовалось изменение в его тихой жизни: на улицах много людей, особенно военных, много движения, часто на площади и у Народного дома собирались кучки людей, устраивались митинги, шла подготовка к выборам в Учредительное Собрание. Почти на каждом углу сидели старухи с мешками жирных подсолнечных семечек, которые они продавали гранеными стаканами разных размеров. Покупали и грызли все, взрослые и дети, это было повальное увлечение. Если раньше было неприлично, что-либо есть на улице, а тем более грызть семечки и плевать шелуху на тротуар, то теперь все плевали, куда попало, бросали бумажки; дворники и домохозяева не успевали подметать и не смели останавливать: была "свобода!". <...>. На улицах было много солдат, они ходили группами по тротуарам, в распахнутых шинелях, или внакидку, в шапках набекрень, не отдавали чести офицерам. Особенно много было их в Ильинском садике (может быть, это мне так казалось?). Этот садик-сквер около церкви Ильи-Пророка раньше посещали только няньки или матери с детьми, ни собак, ни солдат, ни уличных мальчишек сторож туда не пускал. Теперь он был затоптан, заплеван подсолнечной шелухой, забросан бумажками» [5: 294–295].

Интересно, что ярый большевик С. И. Дудин в гротескно-патетической форме приводит схожую картину, но, по его мнению, «прежней местной жизни». Автор не жалеет, образно говоря, мрачных оттенков и резких эпитетов, описывая ее: «Балашов и Балашовский уезд был переполнен крупными богачами, помещиками, коммерсантами, спекулянтами, кулаками и попами, которые занимались прямым и косвенным грабежом рабоче-крестьянского труда; коммерсанты и спекулянты господствовали на рынках, покупали и перепродавали все, включительно до человеческого труда и женского тела. Разврат, пьянство, картежная игра, метание в орла, взятки, вымогательство, воровство, жульничество, ходячее, бродячее нищенство и монахи, массовые драки и массовые кулачные бои с убийствами, религиозный мрачный позорный дурман – заставлять рабочих, крестьян и солдат молиться богу за веру, царя и отечество и стращать трудовой народ чертом, дьяволом и кипящим адом, а кто не подчиниться всему этому, для тех: полицейский и жандармский закон, плеть, розги, тюрьма, каторга, виселица – таков был господствующий режим зверской уродливой казнью(sic!), дурманить, грабить, казнить, убивать трудовой народ темной, полудикой России» [2: Д. 92, Л. 12–13].

В воспоминаниях революционеров освещены события военно-политического характера, непосредственными участниками которых они сами были, в то время

как простой обыватель отразил бытовые изменения, вызванные начавшейся кардинальной трансформацией устоев государственного строя и общественной жизни. Представляется справедливым замечание О. В. Ольневой и В. П. Федюка, что «первой реакцией обывателя на изменившиеся условия была попытка приспособиться к ним», которая проявлялась «во множестве символических мелочей: от манеры лузгать семечки до поголовной манеры одеваться под солдат» [8: 282]. По сути, социальные аномалии становились повседневной нормой. Воспоминания Н. К. Веселовской убедительно это подтверждают.

Анализ источников позволяет констатировать, что во многом, а где-то и в решающей степени, отношение населения к событию формировали слухи. Они заменяли своевременную и достоверную информации. Крестьянин села Дурникино Романовской волости Т. М. Сыроежкин так охарактеризовал отношение односельчан к Октябрьской революции: «Население отнеслось к ней отрицательно, потому что верило тому, что **говорилось и писалось** [выделено нами – авт.], что Ленин есть шпион Германии, и приехал в запломбированном вагоне, чтобы своими выступлениями помочь Германии завоевать Россию. Кроме того, отрицательное отношение крестьян к Октябрю объясняется еще тем, что к тому времени у нас уже было введено волостное земство, к которому перешла вся политическая и административная власть бывшего временного исполнительного комитета» [6: д. 170, л. 2]. «Значение слухов в данный период, – пишет В. Б. Аксенов, применительно к Петрограду и Москве, – велико еще и потому, что обыватель не только черпал из них информацию, зачастую являвшуюся руководством к действию, но и само по себе распространение данного феномена приводило к определенному рода психологическим изменениям. Разносясь толпой, он являлся, в то же время, проводником различных форм коллективного сознательного и бессознательного, заражающих и подчиняющих себе индивида» [1: 35]. Думается, данный вывод вполне можно отнести и к провинции.

Несомненно, субъективность документов личного происхождения является одной из причин «осторожного», критического подхода к ним. Следует отметить, что значительный пласт этих источников, по исследуемому вопросу, еще не введен широко в научный оборот. Большое количество мемуаров хранится в школьных краеведческих музеях, и только начинают использоваться в научных исследованиях [3]. На наш взгляд, актуальность использования документов, представленных источниками личного происхождения, хранящихся в школьных музеях и семейных архивах, не вызывает сомнений. Они содержат уникальную информацию о ряде аспектов повседневной жизни простого жителя провинции в условиях трудных периодов кардинальных перемен. А в отдельных случаях это единственный источник о некоторых аспектах изучаемой проблемы. Конечно, данный информационный ресурс требует тщательного и глубокого источниковедческого анализа, но он, безусловно, представляет интерес для научно-исторических исследований краеведческого характера.

Не столь богато представлены эпистолярные источники, в основном, это письма крестьян в советские учреждения. Их тематика разнообразна: от «политически мотивированных», до бытовых. Преобладающим, фигурально выражаясь, жанром является жалоба. Например, жители деревни Агеевки Турковской волости в середине ноября 1917 г. обращались с вопросом к Балашовскому Совету рабочих депутатов с вопросом, какую же власть считать «настоящей» [7]. В свою очередь балашовские крестьяне в коллективном письме в Саратовский Совет, жаловались, что у них «царит старая власть, по-прежнему, угнетает, а депутат нас не защищает. Дайте нам помочи бороться с этой царизмой, пришлите нам, какого желаете человека» [4: 131]. Жители села Мещеряковки Аркадакской волости в письме

от 29 ноября 1917 г., адресованному прямо в Москву «советскому правительству», интересовались сроками созыва Учредительного Собрания [2: Д. 36, Л. 9-9 об.]. Данная группа источников позволяет проследить происходившие в сельской глубинке изменения через призму восприятия «революционной повседневности» самими крестьянами. Практически все их письма, по-прежнему, содержатся в архивах. Думается, их научная публикация существенно пополнила и информационно обогатила бы корпус источников по рассматриваемой проблеме.

Библиографический список

1. Аксенов, В. Б. Повседневная жизнь Петрограда и Москвы в 1917 году : дис. ... канд. ист. наук / Аксенов В. Б. – М., 2002. – 231 с.
2. Архивный отдел муниципального казенного учреждения «Административно-хозяйственное управление Балашовского муниципального района». Ф. Коллекция. Оп. 1.
3. Булгаков, А. О. «Зеленовщина» Прихоперья в свете мемуарных источников: лидеры, организация, итоги / А. О. Булгаков // «Атаманщина» и «партизанщина» в Гражданской войне: идеология, военное участие, кадры : сб. ст. и материалов / под ред. А. В. Посадского. – М. : АИРО-XXI, 2015. – С. 603–613.
4. Вахрушев, В. С. «Большой, как солнце, Балашов...» (очерки по истории и культуре Среднего Прихоперья) / В. С. Вахрушев. – 2-е изд., испр. и доп. – Балашов ; Николаев, 2007. – 268 с.
5. Веселовский, С. Б. Семейная хроника. Три поколения русской жизни / С. Б. Веселовский ; подгот. и сост. текстов А. Г. Макарова. – М. : АИРО-XXI, 2010. – 536 с.
6. Государственный архив новейшей истории Саратовской области. Ф. 199. Оп. 3.
7. Октябрьская революция 1917 г. в воспоминаниях ее участников (Собрание рукописных документов) // Турковский историко-краеведческий музей. Ф. Коллекция.
8. Ольнева, О. В. Общественные настроения российской провинции в 1917 году / О. В. Ольнева, В. П. Федюк // Социальная история : ежегодник. 2010 / отв. ред. Л. Н. Пушкарева. – СПб. : Алетей, 2011. – С. 251–283.
9. От февраля к октябрю (Из анкет участников Великой Октябрьской социалистической революции) / ред. М. Гильгулин. – М. : Госполитиздат, 1957. – 432 с.
10. Печурин, Е. А. Город Балашов / Е. А. Печурин, В. В. Танонин. – Саратов : Приволж. кн. изд-во, 1979. – 110 с.

РЕВОЛЮЦИЯ 1917 г. ГЛАЗАМИ ДЕТЕЙ РОССИЙСКИХ ЭМИГРАНТОВ

А. И. Любишина

г. Пенза, Россия

Аннотация. 1917 г. стал переломным не только для России в целом, но и для отдельных личностей в частности. Несколько тысяч российских семей вместе с детьми были вынуждены покинуть пределы страны. А дети понимали революцию по-своему, те образы, которые возникали в детской памяти, навсегда сформировали их представления о революционных событиях 1917 г.

Анализ детских сочинений показал, что на страницах своих воспоминаний они отражают не ход событий, а общее настроение в обществе, психологическую атмосферу. Сегодня благодаря сочинениям детей российских эмигрантов мы можем проследить «эмоциональный» ход революции.

Ключевые слова: революция, дети, эмиграция, повседневность, история.

Summary. In 1917 a fateful moment came for Russia and for different people. Several thousand Russian families, together with children, were forced to leave the country. And the children saw the revolution in their own way, those images that arose in children's memory forever formed their ideas about the revolutionary events of 1917. On the pages of their memoirs, children describe not the course of events, but the general mood in society, the psychological atmosphere. Thanks to the works of the children of Russian emigrants, we can trace the "emotional" course of the revolution.

Key words: revolution, children, exile, everyday life, history.

История повседневности – новая отрасль исторического знания, предметом изучения которой является сфера человеческой обыденности во множественных историко-культурных, политико-событийных, этнических и конфессиональных контекстах. На сегодняшний день тема детской повседневности является важным объектом внимания со стороны исследователей. Это связано с тем, что детская повседневность отражает исторические события по-своему, ведь мир детства – это особый мир, который «несет в себе» особую память происходивших событий, поэтому дневниковые записи детей крайне важны: они непосредственны, более документальны, но они также передают эмоциональное состояние детей [3: 119].

Революция и последовавшие за ней гражданская война и реконструкция системы российского общества не только стимулировали процесс русской эмиграции, но и наложили на него свой неизгладимый отпечаток, придав ему политизированный характер. Несколько тысяч российских семей, вместе с детьми были вынуждены покинуть пределы страны. А дети понимали революцию по-своему, те образы, которые возникали в детской памяти, навсегда сформировали их представления о революционных событиях 1917 г. Конечно, дети помнят все, что с ними произошло, неодинаково. Но их воспоминания крайне важны: они непосредственны, более документальны, но они также передают эмоциональное состояние детей: «Я так узнала революцию. В маленький домик бросили бомбу. Я побежала туда. Все осыпалось. В углу лежала женщина. Рядом ее сын с оторванными ногами. Я сразу сообразила, что нужно делать, так как увлекалась скаутизмом. Я послала маленького брата за извозчиком, перевязала раненых, как могла... Самое ужасное в революции – раненые. Их никогда не кормили. Приходилось нам, детям, собирать им деньги на хлеб» [1].

Детям российских эмигрантов пришлось разделить со своими родителями все тяготы гражданской войны и изгнания, многие познали горечь сиротства, голод и другие лишения. Конечно, сообщество российской военной эмиграции приложило

значительные усилия по спасению детей, их воспитанию и образованию [5: 64]. Кроме того, была создана достаточно эффективная система учебных заведений и внеучебных просветительных и спортивных организаций, благодаря им, мы сейчас имеем представления о жизни детей вне России.

Так, педагогическим бюро по делам средней и низшей русской школы за границей в 20-х гг. XX в. был реализован проект по сбору детских воспоминаний о революции 1917 г. и их жизни в эмиграции. Учащиеся писали сочинение на тему: «Мои воспоминания с 1917 г. по день поступления в гимназию» [1]. Собранные сочинения были очень разными, что не случайно: ведь их писали учащиеся разных возрастов, причем возрастной диапазон колебался от 8 (ученики приготовительных классов) до 24 лет (молодые люди, возобновившие обучение после вынужденного перерыва). Среди детей не было единого отношения к революционным событиям. Некоторые оказывались чуткими к революционному воодушевлению, чувствовали приливы надежд и ощущение свободы. При анализе сочинений напрашивается вывод, что жизнь детей теперь разделилась на две части: до и после прихода большевиков. Время до революции в большинстве сочинений – это идеализированный «утраченный рай» детства, беззаботной, тихой и мирной жизни, защищенной любовью близких и материальным достатком. С революцией, напротив, начинается время страданий, лишений и утрат. Так, молодой человек 19-ти лет писал: «...потом мы стали получать известия от наших знакомых о смерти тех или других близких, погибших от руки большевиков, и вот с тех пор я возненавидел эту дрянь».

Один из первых исследователей детских воспоминаний, видный деятель в прошлом крупнейшей в России либеральной Конституционно-демократической партии и казначей Педагогического бюро Петр Дмитриевич Долгоруков в телеграфной манере перечислил картины революции и гражданской войны, запечатленные в детской памяти: «Все тетрадки наполнены описаниями прихода большевиков, пальбой, жизнью в подвалах, обысками, грабежами, голодом, очередями, скитаниями, холодом, тифом, расстрелами, попытками, кровью, разбрызганными мозгами, сиротством» [4: 10].

Младшие школьники, у которых не могло отложиться собственных воспоминаний о революции, описывают прошедшее как поступательное ухудшение жизни: «Раньше в России было очень хорошо, а после становилось все хуже» [2]. Для детей более старшего возраста, особенно для юношей, революция 1917 г. тесно переплетается с их личной судьбой. Те ребята, которые успели повоевать за «белых» используют клише антибольшевистской пропаганды: «Во мне закипала злоба против людей, у которых не было ничего святого, которые исковеркали жизнь миллионов людей, превратили богатое государство в груды развалин. Я их не считал, да и теперь не считаю за русских; мне казалось, что какие-то полчища диких, совершенно чуждых мне людей нахлынули и затопили собой и кровью тех, на кого они напали» [1].

Тот, кто во время революции был ребенком, в своих воспоминаниях описывает то эмоциональное состояние, которое царило в их семье: «Видела, что мама плакала: а я так верила маме и думала тогда, что мама никогда не может ошибиться, что внутренне решила, что революция принесет нам горе, и что это нехорошо» [1].

Отъезд, а для многих это было бегство из России, присутствует во всех детских сочинениях и сопровождается чувством неизвестности. Почти все дети «эвакуировались» в самых ужасных условиях, среди всеобщей паники и смятения. Но условия жизни последнего времени были ужасны и отъезд казался единственным выходом. Однако красной нитью через детские сочинения просачивается чувство любви к Родине, многие дети пишут о том, что будут очень скучать:

«...на берегах Босфора или еще где-нибудь будем лелеять давно желанную мечту – восстановить прежнее могущество и славу нашей горячо любимой святой Руси» [1].

Значительно отличаются воспоминания о революции в сочинениях мальчиков и девочек. Революция в сочинениях девочек предстает как время скитаний и безнадзорности. Многие лишились родителей и воспитывались родственниками. Девочки, используют при написании сочинения более эмоциональный язык: «И потянулись страшные памятные дни. По ночам, лежа в постели, жутко прислушиваешься в тишине. Вот слышен шум автомобиля. И сердце сжимается и бьется, как пойманная птичка. Этот автомобиль несет смерть... Так погиб дядя, так погибло много из моих родных и знакомых» [1]. Мальчики используют более «сухой» язык, стараются разложить все по полочкам, объяснить суть происходящих событий: «Из России я уехал по следующим причинам: когда наши неприятели начали нас беспокоить, то мы были принуждены выехать оттуда в другой город» [1].

Русский философ В. В. Зеньковский, в 1925 г. писал о глубоком потрясении детей, на глазах которых «рассыпались вековые устои русской жизни». «Наши дети психически отравлены, пережили тяжелейшие ушибы и вывихи, от которых как бы парализованы и заломлены целые сферы души, – констатировал он. – А то, что осталось живым и целым, становится носителем жизни и силится хотя бы прикрыть забвением то, что нельзя уже удалить из души» [2: 141].

Анализ детских сочинений показал, что на страницах своих воспоминаний они отражают не ход событий, а общее настроение в обществе, психологическую атмосферу. Дети делили свою жизнь на время до революции и после нее, до эмиграции и после отъезда из России, разделяли общие идеализированные образы прошлого и светлые надежды на лучшее будущее после того, как будут изгнаны большевики. И сегодня, благодаря, сочинениям детей российских эмигрантов, мы можем проследить «эмоциональный» ход революции.

Библиографический список

1. Дети эмиграции. Воспоминания : сб. ст. – М., 2001.
2. Зеньковский, В. Детская душа в наши дни / В. Зеньковский // Дети эмиграции: Воспоминания. – М., 2002. – С. 140–141.
3. Ляшок, А. С. Семиотика детской повседневности / А. С. Ляшок // Теория и практика общественного развития. Культурология. – 2010. – № 3. – С. 118–124.
4. Нарский, И. В. Взрослые ожидания в детских воспоминаниях: представления детей русской эмиграции о будущем России в школьных сочинениях 1924 г. / И. В. Нарский // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. – 2007. – № 3. – С. 3–16.
5. Сотников, С. А. Дети российских военных эмигрантов в 1920–1930 гг.: судьбы, образование, ментальность / С. А. Сотников // Вестник ассоциации вузов туризма и сервиса. – 2009. – № 3. – С. 64.

1917 г.: РЕВОЛЮЦИЯ И РУССКАЯ ПРАВОСЛАВНАЯ ЦЕРКОВЬ¹

И. И. Маслова

г. Пенза, Россия

Аннотация. В статье анализируются причины противостояния государства и Русской Православной Церкви после революции 1917 г., основные этапы эволюции государственно-конфессиональной политики в советский период.

Ключевые слова: государство, Русская Православная Церковь, революция.

Summary. In this article author analyzes the reasons for the confrontation between the government and the Russian Orthodox Church after the Russian Revolution in 1917 and the main stages in the evolution of state-confessional politics.

Key words: government, Russian Orthodox Church, revolution.

1917 г. явился переломным моментом в духовной жизни, ознаменовавшим крушение российской государственности и начало эпохи вульгарного атеизма и богоборчества, что пошатнуло устои традиционного православного мировоззрения общества. Такого длительного и воинственного натиска на православие история России еще не знала.

В советский период религии была отведена роль не только пережитка досоциалистических формаций, но и «врага культуры и прогресса» [6: 420]. Война с религией, которой предстояло быть отправленной на «свалку истории», отождествлялась с борьбой за социализм [1: 41]. Острие этой борьбы было направлено, в первую очередь, против православия, которое исповедовало большинство населения дореволюционной России. Православный культ должен был заменить особый культ «революционной святости», который имел своих святых, свое священное предание, свои догматы. «Революционная мораль, революционная святость глубоко противоположны христианству», – писал известный философ, свидетель событий тех лет. – «пафос социализма – желание устроить царство Божие на земле без Бога, осуществить любовь между людьми без Христа – источника любви» [2: 90].

Идеология коммунизма в глазах Русской Православной Церкви выглядела как богоотступничество, а события октября 1917 г. как «нашествие антихриста, беснующегося безбожием». Обличительные выступления духовных отцов церкви содержали призывы к православному народу сплотиться вокруг храмов и монастырей для защиты попираемой веры, тем же, кто отступил от нее, предлагалось покаяться [8: 103–105].

Декларируя свободу совести, большевики начали осуществлять мероприятия, которые в действительности ее ограничивали. Символично, что редактируя проект одного из первых декретов Советской власти, В. И. Ленин изъял статью, гласившую: «Религия есть частное дело каждого гражданина». Вместо нее появилось: «Церковь отделяется от государства» [5: 48].

Основным содержанием большевистской церковной (точнее антицерковной) политики стали попытки изолировать РПЦ от общества, отделив ее от государства, лишив собственности и возможности заниматься религиозным просвещением.

По мнению философа Н. А. Бердяева, у большевиков задолго до их появления был предшественник, который в своей церковной политике был «большевиком на троне» – это император Петр I. «Приемы Петра были совершенно большевистские, –

¹ Публикация подготовлена при финансовой поддержке РГНФ научного проекта № 15-31-14003/15.

писал философ. – Он хотел уничтожить старую московскую Россию, вырвать с корнем те чувства, которые лежали в основе ее жизни... Он не любил старого московского благочестия и был особенно жесток в отношении к старообрядчеству и старовойне. Петр высмеивал религиозные чувства старины, устраивал всешутейший собор с шутовским патриархом. Это очень напоминает антирелигиозные манифестации безбожников в советской России» [3: 12–13].

В первые годы Советской власти проводились также кампании «вскрытия мощей святых угодников», «изъятия церковных ценностей», которые имели своей главной целью дискредитацию самого православия, ослабление его влияния в обществе. Не соглашаясь с властью, отринувшей Христа, оказавшись идеологическим знаменем белого движения, церковь не устранилась от помощи народу, терпящему бедствие. За несколько месяцев до массового грабежа церковью под лозунгом спасения голодающих крестьян духовенство образовало благотворительный комитет, который должен был организовать передачу части церковного имущества государству с целью помощи умирающим от голода. Но власть предпочла отказаться от сотрудничества с церковью, комитет был ликвидирован.

Одним из основных приемов борьбы государства с РПЦ стали попытки разложить ее изнутри. Власть поддерживала деятельность различных внутрицерковных течений, выступавших под лозунгами «обновления» православия. В архивах Всероссийской Чрезвычайной Комиссии оседали такие сообщения: «СОВЧК (секретный отдел ВЧК – И. М.) за последнее время в своих планах по разложению церкви сосредоточивает все свое внимание именно на поповскую массу... только через нее мы сможем путем долгой, напряженной и кропотливой работы разрушить и разложить церковь до конца ... опы, проводя нашу линию, разложение будут вносить в самую гущу верующих, а это – все» [7: 34].

Данная тактика не имела особого успеха, тогда власть начала открытые гонения на церковь, которые не ограничились богохульными акциями, а повлекли репрессии священнослужителей. Между тем, духовенство, согласно Конституции 1936 г., получало избирательные права наравне со всеми гражданами страны, а фактически лишалось права на свободу и даже жизнь. В 1930-е гг. осуществлялось массовое закрытие и уничтожение православных храмов, к 1939 г. по всей России осталось всего около 100 соборных и приходских храмов. В деревнях целыми телегами сжигались богослужебные книги и иконы, в том числе и древнего письма [10: 106]. Вероятно, уничтожение произведений церковной архитектуры и искусства после революции причинило русской культуре ущерб, сопоставимый с последствиями монголо-татарского нашествия.

В условиях возможного уничтожения всех православных святынь и священнослужителей церковь первой сделала шаг в сторону поиска компромисса с государством. Еще в начале 1920-х гг. наметился ее переход на позиции аполитичности, тогда Патриарх Тихон после судебного «процесса 54-х» священников и мирян, обвиняемых в сопротивлении изъятию ценностей, публично заявил о своем отказе от антисоветской деятельности. Перед кончиной, после длительного домашнего ареста Патриарх советовал «не питать надежд на возвращение монархического строя и убедиться в том, что Советская власть – действительно народная, рабочая и крестьянская власть и потому прочная и непоколебимая... осудить всякое сопротивление власти, злонамеренные против нее умышления, мятежи, всякую против нее вражду» [10: 107]. Обстоятельства кончины Патриарха Тихона до сих пор остаются невыясненными.

В конце 1920-х гг. появилась «декларация митрополита Сергия», в которой осуждались взгляды представителей духовенства, считавших революцию в России «недоразумением», «явлением случайным», а также содержались призывы к православным быть верными Советской власти.

В годы тяжелейших испытаний, вызванных Великой Отечественной войной, церковь стремилась упрочить не только дух советского народа, но и его армию: на средства православных приходов были созданы танковая колонна имени Дмитрия Донского, эскадрилья боевых самолетов имени Александра Невского. Десятки священников были расстреляны за помощь партизанам. Подавляющее большинство священников было преисполнено патриотическими чувствами. В трагической обстановке войны власть признала силу нравственного воздействия на общество мировоззренческих ценностей православия. Началось восстановление храмов, открытие семинарий и духовных академий, возвращение из ссылки, лагерей священнослужителей. Произошло восстановление патриаршества.

В послевоенные годы в государственной церковной политике вновь происходит поворот в сторону антирелигиозных кампаний 1920–1930-х гг. По требованию властей была осуществлена церковно-приходская реформа, в результате которой церковным имуществом и пожертвованиями распоряжались т.н. «двадцатки» – советы из двадцати прихожан, подобранных властями. Своим решением они могли уволить священника и даже закрыть храм. Началась кампания борьбы с церковной обрядностью и пропаганды социалистических обрядов. Коммунисты и комсомольцы, замеченные в церкви, становились объектами морально-психологического давления, получали дисциплинарные взыскания, увольнялись с занимаемых должностей, исключались из рядов КПСС и ВЛКСМ. Несмотря на запретительные меры в 1970-х – первой половине 1980-х гг. более 60 % умерших в Пензенской области ежегодно отпевались по православному обряду, а каждый второй родившийся ребенок участвовал в обряде крещения. Учитывая тенденцию сохранения приверженности значительной части общества православным обрядам, государство утверждает негласный запрет на регистрацию религиозных обществ, что явилось административным пресечением распространения религиозных взглядов. В эти годы возобновилось массовое закрытие и снос церквей, которые часто превращались в гаражи, склады, конюшни, реже – в клубы. Во время «оттепели» развернулась борьба не только за ликвидацию церквей, но и за искоренение паломничества к святым местам, начало которой было положено секретным постановлением ЦК КПСС от 1958 года. В Пензенской области, например, на родниках «Сорок ключей» (Нижнеломовский район) каждое лето – во время паломничества – размещался летний трудовой лагерь, который организовывал детские агитпосты для проведения атеистической пропаганды [4: 7–9].

В середине 1980-х гг. происходит новый поворот в отношениях церкви и государства, который выразился в установлении диалога между ними. Празднование 1000-летия принятия христианства на Руси вышло за рамки собственно церковных торжеств, получило широкое общественно-политическое звучание в нашей стране и за рубежом. Юбилейные торжества подтвердили наличие заметного влияния церкви на общество, сохранность православных традиций в его духовной жизни. Религиозные организации впервые за семь десятилетий Советской власти были признаны юридическими лицами, получившими право участвовать в общественной жизни и использовать средства массовой информации, осуществлять культурно-просветительскую и благотворительную деятельность.

История взаимоотношений Русской Православной Церкви и Советского государства развивалась зигзагообразно в направлении от конфронтации к диалогу. Власть официально признала ошибочность курса насильственного искоренения религии из жизни общества, историческую роль церкви в сохранении культурно-исторических ценностей и традиций, морально-нравственных норм поведения.

В постсоветский период Русская Православная Церковь стремится выполнить свою роль в поиске путей становления святынь веры и основ идеологии возрождения

России, воссоздания разорванных связей между традиционной православной духовностью и современностью.

Библиографический список

1. Алексеев, В. А. Иллюзии и догмы: Взаимоотношения Советского государства и религии / В. А. Алексеев. – М., 1992. – С. 41, 258.
2. Бердяев, Н. Духи русской революции / Н. Бердяев // Из глубины. – М., 1990. – С. 89–90.
3. Бердяев, Н. А. Истоки и смысл русского коммунизма / Н. А. Бердяев. – М., 1990. – С. 12–13.
4. Государственный архив Пензенской области. Ф. 148. Оп. 8. Д. 1492. Л. 7–9.
5. Куроедов, В. П. Религия и церковь в Советском государстве / В. П. Куроедов. – М., 1981. – С. 48.
6. Ленин, В. И. Полн. собр. соч. / В. И. Ленин. – Т. 17. – С. 420.
7. Неизвестная Россия. XX век. – М., 1992. – С. 34–35.
8. Русская Православная Церковь в советское время. 1917–1991. – М. : Пропилеи, 1995. – Кн. I. – С. 103–105.
9. Русское православие: Вехи истории. – М., 1989. – С. 632.
10. Цыпин, В. История Русской Православной Церкви. 1917–1990 / В. М. Цыпин. – М., 1994. – С. 106–107.

ВЛАСТЬ И СОЦИАЛЬНЫЕ ПОРЯДКИ В СТЕПНОМ КРАЕ И ТУРКЕСТАНЕ В 1917–1921 гг.: МЕХАНИЗМЫ И ПРАКТИКИ РЕВОЛЮЦИОННОГО НАСИЛИЯ

Е. И. Медеубаев

г. Актобе, Казахстан

Аннотация. В статье рассматриваются социальные конфликты, сопровождавшие крах империи и становление новых форм государственных институций. Революционное насилие превратилось в универсальный метод решения всех текущих задач. Под натиском преобразований новой власти правосознание в обществе претерпело значительную трансформацию. Полностью игнорировалось право неприкосновенности частной собственности. Большевистский режим не признавал правовых механизмов, подменив их аморфным понятием «революционная законность». События 1917–1921 гг. на локальном уровне имели свою специфику.

Ключевые слова: революция, насилие, конфискация, большевики, советская власть, Степной край и Туркестан.

Summary. The article discusses the social conflicts accompanying the collapse of the Empire and the emergence of new forms of state institutions. Revolutionary violence has become a universal method of solving all current issues. Under the pressure of reforms of the new government, legal consciousness in the society has undergone significant transformation. The right of private property's inviolability has been ignored completely. The Bolshevik regime did not recognize the legal mechanisms, replacing them with an amorphous concept of "revolutionary legitimacy". The events of 1917–1921 had its own specifics on the local level.

Key words: revolution; violence; confiscation; the Bolsheviks; the Soviet government; the Steppe region and Turkestan.

Одной из главных черт революции 1917 г. и последовавшему за ней распаду имперских институций стало широкое распространение насилия, превращение его в универсальный метод решения всех текущих задач. Известно, что вожди Октябрьской революции отличались крайним радикализмом своих действий, часто цитируя слова К. Маркса о насилии, как повивальной бабке каждого старого общества. Становление Советской власти в Степном крае и Туркестане затруднялось удаленностью от главных центров большевизма, преобладанием крестьянского и кочевого населения, малочисленностью промышленных рабочих, слабой развитостью транспортных артерий. К этому можно добавить и «вялость» социального пространства, архаичность форм сопротивления новым порядкам. Все это объективно предопределило особую роль насилия «сверху».

Многие общественные и политические деятели в Казахстане пытались в то время говорить об этих острых проблемах. Так, Ахмет Байтурсинов в своей статье «Революция и киргизы» (так до революции назывались казахи, современная форма этнонима появилась в 1936 г.), опубликованной в газете «Жизнь национальностей» в ноябре 1919 г., писал о том, с каким восприятием казахский народ принял Октябрь 1917 г.: «Наводила же на киргизов ужас октябрьская революция своими внешними проявлениями. Как происходило большевистское движение в центральных частях России – киргизам было неизвестно. На окраинах же оно сопровождалось повсюду насилиями, грабежами, злоупотреблениями и своеобразной диктатурой власти. Говоря короче, движение на окраинах часто представляло собой не революцию (как обычно она понимается), а полнейшую анархию» [4]. Байтурсинов отмечает тот факт, что если раньше угнетали царские чиновники, то «теперь же, прикрываясь именем большевика, на окраинах творят бесчинства».

Пути создания новых форм государственных институций пролегли через социальные конфликты. В общем контексте «красной смуты» находились бесконечные частные логики насилия. «Чрезвычайщина» и эскалация насилия, характерные черты этой эпохи, порождали бесконтрольность и всесилие представителей органов власти на локальном уровне. Бестактные, а зачастую и явно преступные действия в отношении крестьян со стороны хозяйственных управленцев, увы, стали обычным явлением в ту суровую эпоху. А коренное население во многих случаях было просто беззащитно и бесправно перед лицом новой административно-хозяйственной системы. Вот как описывает подобную ситуацию, очевидцем которой он стал, член Кокчетавского уездкома РКП(б) Ф. В. Воронов. Обоз казахов в январе 1921 г., выполняя наряды по гужевой повинности, возил хлеб из Кокчетавы в Петропавловск. В Петропавловске им нагрузили керосин, который они привезли в Кокчетав. Теперь в Кокчетаве им нагрузили соль для отправки в Петропавловск. Таким образом, измученных людей заставляли в третий раз подряд проделывать тяжелый путь в 180 верст в условиях зимы, Конечно же, они отказывались выполнить этот наряд. Тогда заместитель уездпродкомиссара Гительсон приказал привести к нему старших из обоза. «Ввели двух киргизов. Товарищ Гительсон бросился на них, грозя кулаками в лицо, извергая неприличные (матерные) слова. «Грузить сейчас же, без разговоров», – отдал приказание тов. Гительсон. Опешившие и пришибленные киргизы ушли. С какими мыслями, с каким понятием о Советской власти ушли эти киргизы догадаться нетрудно», – сообщает Ф. А. Воронов [5: 84].

В сфере социальной психологии культивировалась вера во всемогущество насилия в ущерб достоинству личности. В хаотичном процессе конфискации и реквизиций, применяя нажим и угрозы, нередко изымалось приглянувшееся «экспроприаторам экспроприруемого» движимое и недвижимое частное имущество. Полностью игнорировалось право неприкосновенности частной собственности. Так в адрес Иргизского ревкома (Оренбурго-Тургайская область) 21 июня 1920 г. поступила жалоба от жителей Челкара о том, что руководство местного ЧК приказывало в трехдневный срок дать двух скакунов-иноходцев ценной породы, отобрав их у владельцев Тотанова и Умекбаева. В случае неисполнения приказа угрожали арестом [9: 91]. В Верном (современный Алматы) у жителей при обыске забирались все деньги, особенно ценились ассигнации царского времени («никколаевки»), все золотые и серебряные вещи. Широкий размах приобрела реквизиция мебели у граждан. Мебель забиралась в государственные учреждения, в первую очередь такие, как ЧК, Особый отдел, уездный исполком, коммунальный отдел [1: 16 об.]. При этом каждое учреждение вело самостоятельные реквизиции, изымая у горожан все необходимое для себя. Пользуясь безнаказанностью, немалая часть ответственных работников в Верном конфисковывала предметы быта у частных владельцев для личного пользования. Вот как описывает подобную ситуацию один из жителей города: «При отбирании не руководствовались какими-либо нормами или соображениями о законности и государственной целесообразности, а просто орали, применяя угрозы и аресты. Особенно аппетиты разыгрывались насчет реквизиции мягкой мебели и ковров для создания буржуазного комфорта в квартирах некоторых ответственных работников» [1: 17].

В атмосфере «красного террора» невозможно было различить грань, отделяющую «революционную законность» от элементарного беззакония. Прежний механизм судебно-правовой системы подменили собой чрезвычайные органы большевистской власти: ЧК, ревтрибуналы, тройки, бесчисленные комитеты и комиссии. В такой обстановке разгул произвола и беззакония достиг невероятных размеров. Сама новая господствующая идеология насаждала такую обстановку

революционной нетерпимости, направленную на раскол общества по социальному признаку. В упомянутой выше докладной записке члена Кокчетавского уездкома Ф. Воронова так описывается ситуация, сложившаяся в уездном ЧК: «При ревизии в начале марта 1921 г. ...была раскрыта картина ужасов, происходивших в застенках Кокчетавского политбюро (уездный орган ЧК по борьбе с контрреволюцией и саботажем). Здесь проводили пытки, заключенных забивали шомполами, нагайками до смерти» [5: 81]. Далее автором записки приводятся примеры тех безобразий, которые творились при вынесении приговоров: «Интересен также принцип народных судей при производстве суда. Один из народных судей, коммунистов. Антоненко, не вникая в сущность дела, спрашивает о количестве быков, лошадей у подсудимого, словом узнает его имущественное положение и тут же выносит «виноват». Если богат – значит виноват» [5: 82]. Произвол и садистская самодеятельность отдельных комиссаров стали устойчивой практикой той эпохи социальных и политических потрясений, когда в управленческие структуры попадали люди с явными психическими отклонениями.

Важным документом, в котором освещается состояние дел в Казахстане в рассматриваемый период, является письмо Т. Седельникова Ленину от 23 апреля 1920 г. Тимофей Седельников, бывший депутат Российской Государственной Думы 1-го созыва от оренбургского казачества, был известен своим последовательным отстаиванием интересов казахского народа по земельному вопросу, за что политические противники навесили на него ярлык «лидера казахских националистов». Излагая «пролетарскому вождю» свой взгляд на происходящие в крае события, автор письма особенно отмечает тот факт, что многие представители государственных структур своими действиями и грубым произволом восстановили против Советской власти коренное население края. По определению Седельникова, эти «прапорщики коммунизма»... понимают партию как привилегированную касту, а власть как «боевую награду». Вместе с этим автор письма попытался объяснить одну из основных причин неприятия казахским народом идеологии и практики новой власти. «Почему киргизы... были «принципиально против» большевиков и гражданской войны? Очень просто. Им, «пацифистам», мирный, законный путь к разрешению всех спорных вопросов, внешних и внутренних, всего более по душе: получишь все, что тебе следует, отдашь, что с тебя причитается, «по указу всенародной, справедливой власти» и делу конец! Никого тебе не нужно бить, никто тебя не побьет: «овцы целы и волки сыты», – заключает Седельников [8: 79–80].

Хрестоматийным примером преступной деятельности некоторых руководителей органов советской власти в Туркестане может служить фигура председателя Перовского уездного исполкома Сырдарьинской области Иосифа Гержота. Один из большевистских деятелей Туркестана Георгий Сафаров писал о нем: «В Перовске (современная Кызыл-Орда – Е. М.) сидел потомок литовских князей «товарищ» Гержот, присужденный потом Реввоен трибуналом Туркфронта к расстрелу за свои «художества», которые тысячам и десяткам тысяч киргиз стоили жизни» [7: 157].

Иосиф Гержот, скромный чиновник почтово-телеграфной конторы, на мутной волне революционных потрясений стал в конце 1917 г. председателем Перовского уездного Совдепа и безраздельно правил уездом до октября 1919 г. За это время Перовский уезд превратился в подобие феодальной вотчины средневековья. Здесь, раньше где бы то ни было, на территории Туркестанской республики началось проведение «военнокоммунистических» мер по национализации и реквизиции частной собственности, больше похожие на грабежи. Присылаемые Совдепом вооруженные отряды затерроризировали казахские аулы. При проведении реквизиций забирали последнее, вплоть до конфискации юрт, все это сопровождалось физическим насилием [12: 79, 41 об.]. Скотоводческие хозяйства, не имевших зерновых

посевов, вопреки здравому смыслу заставляли выполнять декрет о хлебной монополии [10: 2]. Все это привело к полной хозяйственной катастрофе. Казахское кочевое население, составлявшее подавляющее большинство жителей Перовского уезда, было вынуждено бежать за пределы данной административной территории не в силах более выносить бесчинства и произвол со стороны Гержота. При этой вынужденной откочевке погибло много людей.

В самом Перовске, некогда тихом, уездном городе, по словам очевидцев творилась «вакханалия, всякое понятие о морали у лиц, стоявших у власти, отсутствовало... Перовский исполком наводил ужас на население уезда. Все те, кто осмеливался указывать на неправильность действий со стороны исполкома, расстреливались» [10: 12]. Под видом национализации и реквизиции у жителей города отбирались дома, орудия труда, личное имущество. Из свидетельства местных жителей: «Раньше, где бы то ни было на территории Туркестанской республики начались в Перовске реквизиции, которые очень немногим отличались от грабежей. К некоторым ремесленникам приходили ночью, забирали вещи, материалы и примитивные орудия кустарного производства. Перовский Совдеп вел ожесточенную классовую борьбу с портным, сапожником, колбасником» [16: 41]. Люди жили в страхе, повсюду распространялись доносы. В городской тюрьме физически расправлялись с недовольными и противниками Гержота. Один из жителей города портной Иоффе так пишет в своем письме в адрес Туркестанского ЦИКа: «Вот в каких условиях приходилось жить перовскому населению при Советской власти в лице Гержота и его сообщников, превзошедших своими же тонкостями и варварским обращением с народом некоторых царских правителей» [12: 40 об.].

В период политических катаклизмов приход к власти на местах новых социальных сил больше определялся принципом отрицательной селекции. Существование таких руководителей, как Гержот, показывает, что в большевистских Совдепах и ревкомах Степного края и Туркестана заседали авантюристы и проходимцы всех мастей, искавшие личную выгоду в складывающейся политической действительности и успешно орудовавшие под сенью Советской власти. Неслучайно другие руководители органов власти Перовского уезда подобрались под стать Гержоту, такие, как председатель уездкома партии Трефилов, председатель уездЧК Архипов, председатель продовольственного комитета Дворцов, зампредисполкома Чипков. Все они вместе с Гержотом были арестованы по приговору Особой Чрезвычайной комиссии ТурЦИКа в декабре 1919 г. Некоторые лица из числа местного населения также поддерживали Гержота из корыстных побуждений. За преподносимые ими материальные ценности и проявление лояльности по отношению к существующим порядкам он назначал их на ответственные посты. Используя их влияние среди казахского населения уезда, Гержот царствовал в подвластной ему территории [12: 79–80 об., 41 об., 83].

Подобные явления происходили и в соседнем с Перовским Казалинском уезде. В марте 1920 г. Особая комиссия ТурЦИКа расследовала здесь деятельность Османа Миреева на посту товарища председателя уездного исполкома, до 1917 г. служившего помощником полицейского пристава, коллежским асессором в этом уезде [14]. Как видно, многие управленцы, заполнившие ячейки советской власти на местах, в прошлом являлись чиновниками колониальной администрации низовых звеньев. Этот факт придавал революционной эпохе в Казахстане свою специфику. События на локальном уровне нельзя рассматривать по аналогии с событиями в Петрограде и Москве, будто бы организованные большевиками по заранее подготовленному сценарию.

Демагогия местных большевиков возвела в ранг официальной экономической доктрины методы конфискации и реквизиции, идеологически обосновывая грабеж

населения подведомственной территории. Так, жители селения Сайрам в своем письме от 23 октября 1919 г. в комиссию ТурЦИКа по обследованию деятельности советских учреждений Черняевского (Чимкентского) уезда пишут: «Сайрамский исполком представляет из себя без всякого преувеличения просто-напросто шайку разбойников. Взятничество, незаконные реквизиции денег у приезжих и много подобных злоупотреблений, перечислять которые в настоящем прошении займет слишком много места» [13: 3]. Нравственная атмосфера «казарменного коммунизма» способствовала тому, что все большее число преступлений стало оправдываться интересами строительства нового общественного и экономического строя. Характерны в этом отношении слова В. И. Ленина, обращенные к известному башкирскому деятелю Ахмед-Заки Валиеву: «Что же Вы, товарищ Валиев, ссылаетесь на какие-то нравственные уставы, какой же Вы революционер?» [6: 170].

Мораль большевистской партии в ходе борьбы за политическую гегемонию изменялась не в лучшую сторону. В декабре 1917 г. М. Горький на страницах газеты «Новая жизнь» говорил о том, что «Ленин, Троцкий и сопутствующие им уже отравились гнилым ядом власти...» [3: 149]. Пагубное влияние оказывали на партию и советскую власть различного рода привилегии, которыми наделяла себя формировавшаяся партийно-советская элита. На общем фоне беспросветной полуголодной жизни народа, острой нехватки всех видов продовольствия и продукции промышленности эти привилегии выглядели вызывающе и порождали справедливые упреки и возмущения. Тем более, что большевистская партия в своей экономической политике рассматривала уравнительное распределение материальных благ как важнейший социальный стимул. Простых людей раздражало отступление от принципов эгалитаризма. Все это привело к усилению неприятия власти большевиков, терялась социальная поддержка в массах. Так, в апреле 1920 г. в докладе члена агитационного отряда по выполнению хлебной разверстки в волостях Чимкентского уезда Шевченко говорится: «На собраниях население говорило агитаторам, что вы приехали для того, чтобы отбирать у нас последний хлеб, у нас забрали на фронт семена, инвентарь, работников, чтобы они вас защищали. Сами вы ничего не делаете, за наш счет раскатываете на рысках, пьянствуете и расточаете народное достояние... Езжайте к себе в город и устраивайте там агитации, а нам нужна свободная торговля и свободный наемный труд» [11: 70, 104].

В такой ситуации местной власти было с кого брать пример. Даже в те тяжелые годы в Москву с далеких окраин в адрес правительственных учреждений отправлялись продовольственные посылки. К примеру, в ноябре 1919 г. по распоряжению президиума ТурЦИКа были отправлены для управления делами СНК РСФСР большое количество фруктов, чая, риса, урюка. Для ВЦИК было послано пятьдесят ведер вина [15: 58]. Двойная мораль стала обычным явлением для партийно-государственного аппарата сверху донизу. В июне 1920 г. заградительный отряд Ташкентского ЧК по борьбе с продовольственной спекуляцией обнаружил и изъял в вагоне, в котором ехал член Турккомиссии ВЦИК Ф. И. Голощекин, около 200 бутылок коньяка, большое количество различных сладостей и фруктов. Однако по распоряжению Турккомиссии ВЦИК все изъятое было возвращено Голощекину, а кроме того был выдан специальный мандат на беспрепятственный провоз продуктов [6, с. 168]. На практике для широких слоев населения – расстрел за спекуляцию продовольствием и самогонование, а для новой советской элиты – неограниченный доступ к запасам продовольствия и алкоголя.

Завершить статью хотелось бы словами автора одного из наиболее глубоких современных исследований о Русской Революции 1917 г.: «Подходить к любой революции, Октябрьской в особенности, с мерками политического крохобора или морализирующего обывателя – то же самое, что пытаться измерять слона ученической

линейкой. Ход и исход «красной смуты» лежит за пределами обычных представлений о добре и зле – сколь бы высокими и благостными идеалами ни руководствовались ее вольные и невольные вдохновители и какими бы низменными и бесчеловечными не оказывались действия тех, чьими руками она творилась. Насилием пронизана вся человеческая история» [2: 7].

Библиографический список

1. Архив Президента Республики Казахстан (АП РК). Ф. 666. Оп. 1. Д. 198.
2. Булдаков, В. П. Красная смута: природа революционного насилия / В. П. Булдаков. – М. : РОССПЭН, 2010. – 967 с.
3. Горький, М. Несвоевременные мысли / М. Горький. – М. : Сов. писатель, 1990. – 400 с.
4. Жизнь национальностей. – 1919. – 2 ноября.
5. Из истории Ишим-Петропавловского восстания (Из доклада члена Кокчетавского уездкома РКП (б) Ф. В. Воронова в ЦК РКП (б) и Омский губком 31 марта 1921 г.) // Партийная жизнь Казахстана. – 1991. – № 10. – С. 81–87.
6. Обухов, Л. А. Изнанка сверхценностных установок: моральный облик большевиков в годы гражданской войны / Л. А. Обухов // Революция и человек: быт, нравы, поведение, мораль : материалы Всерос. науч. конф. (Москва, 14–15 ноября 1995 г.). – М. : ИРИ РАН, 1997. – 224 с.
7. Сафаров, Г. Колониальная революция (Опыт Туркестана) / Г. Сафаров. – Алма-Ата : Жалын, 1996. – 269 с.
8. Царская окраина взгляд изнутри (Письмо Т. Седельникова пролетарскому вождю) // Мысль. – 1993. – № 7. – С. 79–82.
9. Центральный государственный архив Республики Казахстан (ЦГА РК). Ф. 14. Оп. 3. Д. 13.
10. ЦГА РК. Ф. 849. Оп. 1. Д. 17.
11. Центральный государственный архив Республики Узбекистан (ЦГА РУз). Ф. 17. Оп. 1. Д. 212.
12. ЦГА РУз. Ф. 17. Оп. 1. Д. 679.
13. ЦГА РУз. Ф. 17. Оп. 1. Д. 684.
14. ЦГА РУз. Ф. 17. Оп. 1. Д. 690.
15. ЦГА РУз. Ф. 17. Оп. 1. Д. 703.
16. ЦГА РУз. Ф. 17. Оп. 1. Д. 979.

ЧРЕЗВЫЧАЙНАЯ КОМИССИЯ ПО БОРЬБЕ С КОНТРРЕВОЛЮЦИЕЙ, СПЕКУЛЯЦИЕЙ И ПРЕСТУПЛЕНИЯМИ ПО ДОЛЖНОСТИ 1-й АРМИИ ВОСТОЧНОГО ФРОНТА ЛЕТОМ – ОСЕНЬЮ 1918 г.

Е. О. Наумов

г. Саранск, Россия

Аннотация. В докладе рассматриваются процесс становления и деятельность ЧК 1-й армии Восточного фронта. Подробно характеризуются внутренняя структура данного органа, кадровый состав, а также основные направления функционирования: борьба с дезертирством, пьянством и спекуляцией, проявлением «контрреволюционных» настроений среди штабных работников, а также местного населения.

Ключевые слова: Гражданская война, ЧК, 1-я армия, Восточный фронт, Среднее Поволжье, дезертирство, «контрреволюция».

Summary. The report considered the formation and activities of the Eastern Front's 1st army Cheka. In detail is characterized the internal structure this organ, staffing, and the main functioning: struggle with desertion, drunkenness and speculation, and "counterrevolutionary" manifestations among staff workers, as well as local people.

Key words: Civil War, Cheka, 1st army, Eastern front, the Middle of Volga, desertion, «counterrevolution».

Репрессивная политика советского правительства в годы Гражданской войны традиционно ассоциируется с мероприятиями, осуществляемыми Чрезвычайными комиссиями по борьбе с контрреволюцией, спекуляцией и преступлениями по должности, партийно-государственными органами, занимавшимися изоляцией и ликвидацией лиц, а также целых социальных групп, представлявших угрозу для новой власти. Практически каждый аспект функционирования ВЧК, а также ее губернских и уездных подразделений был подробно проанализирован исследователями. Однако деятельность ЧК, сформированных при армейских объединениях, не привлекала особого внимания историков.

Создание чрезвычайных комиссий в Красной армии было обусловлено необходимостью решения тех же задач, что и на остальной территории советской республики, с учетом особенностей военного времени. Поэтому 16 июля 1918 г. председатель СНК В. И. Ленин подписал постановление об организации Чрезвычайной комиссии по борьбе с контрреволюцией на Восточном фронте под руководством члена коллегии ВЧК М. Лациса [3: 1]. Однако последующие распоряжения центральной власти, в частности уточняющие положения и инструкции, были обнародованы только в ноябре 1918 г. [3]. Например, образование армейских ЧК было официально узаконено в резолюции 2-й Всероссийской конференции сотрудников чрезвычайных комиссий от 28 ноября 1918 г. [2: 148]. Тем не менее на Восточном фронте данные органы были созданы значительно раньше по инициативе фронтового и армейского руководства. Например, чрезвычайная комиссия при штабе 1-й армии, а также ее подразделения появились уже в начале августа 1918 г. [3: 22–23; 8: 320 об.; 16: 20–25]. Из-за значительной площади объединения, включающей территорию нескольких губерний, в 1-й армии всего было укомплектовано 4 отдела ЧК:

- 1) при штабе на ст. Инза;
- 2) в Пензе;
- 3) при Инзенской дивизии [3: 22–23];
- 4) в Саранске.

Последняя комиссия была организована 29 сентября 1918 г. при мобилизационном отделе, сотрудники которого занимались проведением призывов населения, размещением новобранцев и пополнением частей и соединений [15: 121].

Органом, контролирующим деятельность ЧК, являлся политический отдел штаба, сотрудники которого лучше чем кто-либо иной представляли себе суть борьбы с «контрреволюцией». Согласно положению об армейских чрезвычайных комиссиях, написанному М. Лацисом и опубликованному 1 ноября 1918 г., указанные органы образовывались непосредственно при политотделах, которые определяли штаты и оклады ЧК, а также занимались их финансированием [1: 28; 3: 7]. Так, политический комиссар Инзенской дивизии Г. Звейнек отчитывался, что ЧК работала «все время под нашим руководством» [8: 320 об.].

Армейские ЧК должны были состоять из двух отделов:

1) по борьбе с контрреволюцией (шпионаж, контрреволюционные организации, распространение ложных слухов с целью посеять панику среди войск, провокации, пьянство, разврат, «которые по своим результатам равноценны контрреволюции»);

2) по борьбе с преступлениями по должности (неисполнение декретов центральной советской и местной военной власти, расточительство, воровство) [3: 8].

Армейская ЧК, находившаяся в постоянном передвижении вместе со штабом армии, в представлении М. Лациса мыслилась в качестве небольшого и мобильного органа, при котором планировалось создать вооруженный отряд численностью не менее 50 человек «из красноармейцев коммунистов» [3: 8]. Так, состав ЧК при штабе 1-й армии в начале августа 1918 г. выглядел следующим образом: председатель – Карл Ратнек, 1 помощник, 5 сотрудников, 1 заведующий арестованными, 3 машинистки, 1 каптенармус, 1 начальник дружины и 26 дружинников. Таким образом, первоначально штатный состав комиссии включал всего 13 человек. Следует отметить, что из общего количества сотрудников ЧК, включая дружинников, 26 человек являлись нерусскими [12: 2–2 об.]. Однако уже к сентябрю 1918 г. в ЧК при штабе армии работало 25 человек и 40 дружинников [1: 28]. К ноябрю 1918 г. количество дружинников выросло до 44 человек [3: 22–23]. Тем не менее, член коллегии и иногороднего отдела ВЧК Ю. Янель, которая в сентябре 1918 г. инспектировала армейскую ЧК, считала, что последняя располагала небольшими силами [1: 27].

В конце июля 1918 г. чрезвычайным комиссаром Пензенского района 1-й армии был назначен член ВЦИК Г. И. Пфафродт (Бруно). Согласно докладу в политотдел, ему вплоть до середины августа 1918 г. приходилось работать только с делопроизводителем Фоменко и сотрудником Шульманом из-за невозможности получить от Пензенской организации коммунистов «подходящих товарищей». Впоследствии в ЧК были «приняты надежные товарищи коммунисты» в количестве 4-х человек, которые исполняли его «прямые приказания». Канцелярия включала 1 делопроизводителя, 1 следователя, 1 регистратора-конторщика, 2 машинисток и 2 писцов, которые выдавали пропуска на вход и выход из здания ЧК [16: 20–25].

Масштабные задачи по установлению и сохранению порядка в Красной армии и прифронтовой полосе требовали наличия большой агентуры, которая могла бы вовремя предотвращать проявление «контрреволюции» путем сообщения о данных случаях в ЧК, работники которых, в свою очередь, должны были осуществлять задержание указанных лиц или другие формы воздействия. Например, Г. И. Бруно помимо явных имел также и тайных сотрудников [16: 20–25]. В положении об армейских ЧК сообщалось, что последним необходимо было широко пользоваться сведениями, получаемыми от коммунистических ячеек, политических отделов, а также военных комиссаров. В крупных воинских формированиях должны

были постоянно находиться сотрудники ЧК, которые были обязаны ежедневно составлять подробную сводку о состоянии войск [3: 8–9]. Определенную лепту в поиск «контрреволюционеров» вносило местное население. Например, во время нахождения армейской ЧК в Симбирске в сентябре 1918 г., в ее адрес поступала масса доносов, большинство из которых были анонимными, что препятствовало их разработке [1: 28]. Помимо указанной работы, сотрудники ЧК вели следствие по указанным делам [13: 37], которое осуществлялось, по словам Ю. Янель, «энергично, сознательно и со всеми формальностями» [1: 28], а также занимались содержанием арестованных и приведением приговоров, которые выносились военно-революционными трибуналами, в исполнение [7: 49 об.] Однако, согласно цитированному выше положению, армейские ЧК также имели право «применения высшей меры наказания», необходимость которой решалась при помощи голосования [3: 8].

Совершенно очевидно, что компетенции армейских и территориальных ЧК, а также других местных органов власти в отношении применения карательных мер так или иначе сталкивались, что приводило либо к сотрудничеству, либо к конфликтам из-за отсутствия между ними разграничения сфер деятельности. Логично предположить, что армейские ЧК должны были отвечать за вооруженные силы, а губернские и уездные за прифронтовую полосу. Однако подобное разделение не соблюдалось, так как армейское командование стремилось распространить свою власть и на тыловую территорию. Так, согласно удостоверению, Г. И. Бруно должен был «решительными мерами подавлять малейшие проявления контрреволюции как на фронте, так и в тылу армии». Для этого ему предоставлялось право пользоваться воинскими частями и милицией, привлекать к содействию сотрудников губернских и уездных ЧК, а также работников местных органов власти [9: 39]. Тем не менее, Г. И. Бруно удалось наладить взаимоотношения с Пензенской губернской ЧК, совместно с которой рассматривались некоторые дела и выносились расстрельные приговоры [16: 20–25]. Сотрудник Симбирской губернской ЧК Левин также принимал участие в работе армейской комиссии в Симбирске в сентябре 1918 г. [1: 27]. В некоторых случаях на территориальные ЧК полностью возлагалась обязанность разрешения тех или иных дел. Например, в Саранске, согласно приказу от 26 сентября 1918 г. из-за отсутствия на тот момент при мобилизационном отделе ЧК, пойманных дезертиров необходимо было арестовывать и направлять в Саранскую уездную ЧК [15: 107]. Но происходили и обратные случаи. В инструкции М. Лациса сообщалось о том, что некоторые армейские комиссии распускали территориальные ЧК, либо препятствовали их работе. Поэтому сотрудникам вооруженных сил рекомендовалось обращать ключевое внимание на фронтовую военную среду, в то время как губернские и уездные комиссии должны были обслуживать тыл [3: 9]. Однако осенью 1918 года связь с местными чрезвычайными комиссиями была еще слаба, несмотря на предпринимаемые меры к сближению и установлению контакта [3: 22–23]. Это было также обусловлено тем, что прифронтовые уездные ЧК еще не успели наладить плодотворную деятельность. Тем не менее, даже при условии возникновения сотрудничества оно носило крайне неопределенный и путанный характер [1: 28].

Существовало несколько направлений деятельности армейской чрезвычайной комиссии. Во-первых, это «проверка проезжающих по железной дороге и прибывающих со стороны противника» [3: 22–23]. Так, 20 августа 1918 г. ЧК опубликовала объявление, согласно которому всякое передвижение по железной дороге, сухопутным и водным путям в прифронтовой полосе запрещалось без наличия специального разрешения. В случае его отсутствия задержанный должен был уплатить штраф в размере 3000 рублей [14: 66]. Данная мера осуществлялась с целью задержания подозрительных лиц, а также направляющихся в тыл дезертиров. Так,

приказом по 1-й армии от 26 августа 1918 г. всех красноармейцев, задержанных в тылу без удостоверений, необходимо было арестовывать и предавать суду [13: 84 об.]. Для этого на станциях Пензы была выставлена комендатура, на которой лежала обязанность выдачи пропусков на выезд из города, а также «поверка всех приезжающих и отъезжающих пассажиров» [16: 20–25]. Подобные посты в конце августа 1918 года были созданы в Саранске [15: 107].

Во-вторых, путем задержания и расстрелов самогонщиков велась «борьба с систематическим спаиванием армии» [3: 22–23; 4: 36]. В третьих, большое внимание уделялось борьбе со «спекуляцией и расхищением на жел[езной] дороге». В сельской местности достаточно актуальной являлась «борьба с кулацкой контрреволюцией», под которой скрывалось подавление крестьянских антибольшевистских выступлений, вызванных жесткой продовольственной политикой, а также армейскими мобилизациями. Примечательно то, что главарями «контрреволюции» чекисты часто видели священнослужителей [3: 22–23]. Например, 16 сентября 1918 г. военно-революционный трибунал рассматривал дело священника Николая Румянцева, который обвинялся в шпионаже. В итоге он был приговорен к тюремному заключению на 1 год с общественными работами [7: 55, 62]. Впоследствии враждебное отношение крестьян к солдатам отмечалось и во время наступления 1-й армии и захвата новой территории [1: 28].

Сотрудники ЧК также занимались чисткой штаба армии от «контрреволюционных элементов» [3: 22–23]. Так, согласно донесениям начальника передвижений армии И. А. Морозова, составленным осенью 1918 г., одно из которых было направлено в адрес Г. И. Бруно, многие штабные работники занимались распитием спиртных напитков, тратой казенных денег, азартными играми и бездельем [6: 85, 96–98 об.]. Так, в сентябре 1918 г. за пьянство и пользование казенным автомобилем начальник отдела связи Симонов был осужден на тюремное заключение сроком на 6 месяцев [7: 56, 61]. В октябре 1918 г. «началась чистка штаба 1 армии, где находилось много контрреволюционеров». Из штаба были «выселены» бывшие офицеры Веденский, Кузнецов и генерал Комаров. Военный специалист Гавлич и вовсе был арестован, так как последнему были «известны ближайшие планы нашего командования» [3: 22–23]. В ноябре 1918 г. работники ЧК арестовали заведующего типографией Голубева, который также обвинялся «в употреблении спиртных напитков». Однако по причине того, что сотрудники политотдела пользовались покровительством политического комиссара О. Ю. Калнина, 23 ноября 1918 г. политком штаба армии Соловьев направил в ЧК телеграмму с просьбой освободить Голубева [7: 27, 34].

Кроме того, армейские ЧК занимались осуществлением вышеуказанных функций на только что отвоеванной территории. Так, после захвата Симбирска войсками 1-й армии 12 сентября 1918 г. в город вместе с губернским советом прибыли сотрудники армейской ЧК, которые первоначально несли усиленную караульную службу, а позднее приступили к обыскам и арестам среди «контрреволюционеров» по предварительно составленным спискам. Однако большинство указанных лиц покинули город, поэтому в распоряжение чекистов переходило имущество, а также пустые квартиры, которые опечатывались. В результате развернуть массовый террор не удалось. Впоследствии «была объявлена регистрация всего духовенства, офицерства, домовладельцев и торговцев, из которых предполагалось взять заложников». Сразу после захвата Сенгилея Симбирской губернии войсками 1-й армии в конце сентября 1918 г. в город также были отправлены сотрудники ЧК [1: 27–28].

Нужно отметить, что деятельность чекистов была достаточно интенсивной, что неудивительно, учитывая объем возложенной на них работы. Так, к ноябрю

1918 г. армейской ЧК было расследовано и находилось в рассмотрении более 145 дел [3: 22–23]. Однако по сведениям Ю. Янель к началу октября 1918 г. на счету ЧК было уже около 300 дел [1: 28]. Вполне возможно, что в первом случае имелась в виду только ЧК при штабе армии, а во втором – все отделы ЧК. Например, только с 1 августа по 1 октября 1918 г. чрезвычайным комиссаром Пензенского района 1-й армии Г. И. Бруно было рассмотрено 110 дел, т.е. в среднем по 2 дела в день. К ответственности было привлечено всего 156 человек, из них по политическим преступлениям 89 человек, по уголовным – 67 [16: 20–25].

подавляющее большинство преступлений (пьянство, продажа спиртных напитков, спекуляция, азартные игры) каралось штрафами. Наиболее зажиточные «контрреволюционеры» подвергались конфискации имущества. Например, Г. И. Бруно с 1 августа по 1 октября 1918 г. собрал штрафов на сумму в 79 470 рублей 72 копейки. Среди конфискованных предметов числились золото, серебро, галантерейные и кожаные товары, а также 6 пишущих машинок для нужд 1-й армии – одна для военно-революционного трибунала, одна для военного комиссара при штабе Мазо и один литограф для политического комиссара Медведева. Всего было оштрафовано 53 человека, из них 36 за пьянство, 17 за карточную игру и пьянство. Кроме того, за проституцию было выслано 16 человек [16: 20–25].

Деятельность Г. И. Бруно по борьбе с «контрреволюцией» была настолько активной, что вызывала недовольство представителей последней. 19 сентября 1918 г. гимназист Ш. С. Каплан пришел в здание ЧК, «вычислил, где сидит Г. Бруно, в соседней комнате отсчитал несколько шагов и выстрелил в него через тонкую стенку между помещениями». Комиссар ЧК Пензенского района 1-й армии был легко ранен в шею. Каплан был схвачен на месте преступления и через месяц расстрелян. В ответ на этот акт, а также ряд покушений на сотрудников губЧК в Пензенской губернии в сентябре 1918 г. было расстреляно около 300 человек [5: 193–196].

ЧК при штабе Инзенской дивизии, который находился в сельской местности, по словам политического комиссара соединения Г. П. Звейнека, также занималась расследованием «контрреволюционных дел, которых нам было в изобилии. Деревни кругом кулацкие и почти в каждой из них приходилось отнимать оружие, арестовывать, расстреливать, конфисковывать имущество и передавать советам» [8: 320 об.]. Это подтверждается сводкой политического отдела от 7 августа 1918 г., согласно которой дивизионная ЧК была буквально «завалена делами» [11: 6 об.].

Обладая правом вынесения расстрельных приговоров, сотрудники ЧК за наиболее тяжкие преступления назначали и приводили в исполнение исключительную меру наказания. Например, работниками ЧК Пензенского района 1-й армии с 1 августа по 1 октября 1918 г. было расстреляно 30 человек, среди них 4 человека «за ряд самочинных обысков», 1 красноармеец за «самочинные разоружения постовых милиционеров и обыски», а также убийство милиционера. 2 красноармейца было расстреляно «за ряд грабежей». Рассматривались и более крупные дела. Например, за кражу казенных 14 000 рублей был расстрелян Пензенский уездный комиссар внутренних дел Гусаров. За похищение из комиссариата финансов важных документов и попытку получения из банка крупной суммы денег по фальшивым переводам был расстрелян вор-аферист Петров (Марвихер) [16: 20–25]. Кроме того, чекисты приводили в исполнение приговоры, выносимые военно-революционными трибуналами 1-й армии. Например, приказом по трибуналу № 23 от 19 августа 1918 г., который был отправлен председателю ЧК, 3 красноармейца Витебского полка обвинялись «в самовольном оставлении передовых линий [в] боевой обстановке», из которых 2 были приговорены к расстрелу в течение 24 часов. В этот же день в 6 часов 30 минут утра за мешочничество и провоз спирта был расстрелян Петр Егорович Колотилин [14: 64, 65].

Нужно отметить, что зачастую деятельность ЧК носила профилактический характер, так как значительное число людей задерживалось при возникновении малейших подозрений. Например, в период с августа 1918 г. по февраль 1919 г. из 483 человек, привлеченных к суду военно-революционного трибунала, 136 было оправдано. Данный приговор являлся самым распространенным. Кроме того, 86 дел было прекращено «за отсутствием состава преступления» [10: 107].

Таким образом, чрезвычайная комиссия по борьбе с контрреволюцией, спекуляцией и преступлениями по должности 1-й армии Восточного фронта сыграла важную роль в наведении порядка и дисциплины не только в войсках, но и в прифронтовой полосе. Облагая четкой организацией, строгой иерархией подчинения, отборным кадровым составом, состоящим исключительно из коммунистов, а также широкими полномочиями, ЧК, несмотря на небольшую численность и название, решала проблемы, характерные для вооруженных сил военного времени – дезертирство и пьянство. Однако наибольшее внимание уделялось разбору преступлений, не имеющих прямого отношения к армии и заключающихся в укреплении советской власти в районе действия 1-й армии.

Библиографический список

1. Еженедельник Чрезвычайных комиссий по борьбе с контрреволюцией и спекуляцией. – 1918. – № 4 (13 октября). – 31 с.
2. Из истории Всероссийской Чрезвычайной Комиссии. 1917–1922 г. : сб. документов. – М. : Госполитиздат, 1958. – 511 с.
3. Красный террор // Еженедельник Чрезвычайной Комиссии по борьбе с контрреволюцией на Чехо-Словацком фронте. – 1918. – № 1. – 33 с.
4. Лопухов, В. Из истории политической работы в Первой армии / В. Лопухов // Годовщина Первой революционной армии. – М. : Литературно-издательский отдел Политического Управления Революционного Военного Совета Республики, 1920. – С. 31–39.
5. Ратьковский, И. С. Красный террор и деятельность ВЧК в 1918 году / И. С. Ратьковский. – СПб. : Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2006. – 286 с.
6. РГВА. Ф. 157. Оп. 1. Д. 6.
7. РГВА. Ф. 157. Оп. 2. Д. 6.
8. РГВА. Ф. 157. Оп. 2. Д. 9.
9. РГВА. Ф. 157. Оп. 2. Д. 14.
10. РГВА. Ф. 157. Оп. 2. Д. 160.
11. РГВА. Ф. 157. Оп. 2. Д. 570.
12. РГВА. Ф. 157. Оп. 3. Д. 26.
13. РГВА. Ф. 157. Оп. 3. Д. 609.
14. РГВА. Ф. 157. Оп. 3. Д. 628.
15. РГВА. Ф. 157. Оп. 3. Д. 1042.
16. РГВА. Ф. 157. Оп. 7. Д. 38.

ВРЕМЯ В ДОКУМЕНТЕ И ДОКУМЕНТ ВО ВРЕМЕНИ. Об одном интервью П. Б. Аксельрода начала мая 1917 г.

А. П. Ненароков

г. Москва, Россия

Аннотация. В наши дни задача реконструирования (восстановления) реальных представлений о прошлом, не искаженных никакими политическими или конъюнктурными соображениями, имеет особое значение. На примере известного интервью П. Б. Аксельрода начала мая 1917 г. данное сообщение свидетельствует: понять время в документе можно, лишь профессионально его публикуя и комментируя, отчего напрямую зависит и истинная оценка самого документа во времени.

Ключевые слова: документальное наследие, реконструкция текста, события, архивная революция.

Summary. Today, the task of reconstructing (restoring) real notions of the past, not distorted by any political or tactical considerations, is of particular importance. On the example of the famous interview of P. B. Akselrod beginning May 1917, this message shows: you can understand the time in the document only professionally publishing it and commenting on why the true assessment of the document itself depends directly on time.

Key words: documentary heritage; reconstruction of the text, events; archival revolution.

В наши дни в связи со 100-летием Великой российской революции 1917 г. задача реконструирования (восстановления) реальных представлений о прошлом, не искаженных никакими политическими или конъюнктурными соображениями имеет особое значение. Чтобы никого не задеть и не обидеть, в качестве примера к чему приводят вольные или невольные отступления от данных подходов приведу пример из собственной практики.

Когда в конце 1980-х – начале 1990-х гг. мы готовили к публикации материалы 1 тома «Меньшевики в 1917 году» в серии «Политические партии России. Конец XIX – первая треть XX века. Документальное наследие» (руководитель проекта доктор исторических наук, профессор В. В. Шелохаев). Готовили мы его совместно с американскими коллегами, составителями выступали сотрудники ЦПА при ЦК КПСС (затем РХЦДНИ, РГАСПИ). По предложению американской стороны было решено републиковать интервью Павла Борисовича Аксельрода «О тактике социал-демократии в русской революции», данное им в Стокгольме 4 мая 1917 г. корреспонденту «Биржевых ведомостей». Документ чрезвычайно важный для понимания тактических представлений российской социал-демократии весной 1917 г.

При первом же обсуждении я обратил внимание, что документ представлен перепечаткой из «Рабочей газеты» центрального органа РСДРП, возглавляемого Организационным Комитетом (ОК). На мое замечание о том, что интервью следовало бы дать по тексту первой публикации, американские коллеги возразили, и как мне тогда показалось, весьма аргументировано: во-первых, текст интервью сверен с «Биржевкой» и абсолютно идентичен воспроизводимому в томе; во-вторых – документ датирован по времени первой публикации; в-третьих – для них важна публикация данного интервью с ссылкой на официальную партийную печать, а не на одиозную – «Биржевые ведомости». Я отступил. И зря.

Когда через 20 лет после выхода 1-го тома трехтомника в четырех книгах «Меньшевики в 1917 году» мы приступили к подготовке трехтомника «Революция 1917 года глазами современников», и я посчитал необходимым включить в него данное интервью П. Б. Аксельрода, меня снова обеспокоила ссылка не на первоисточник.

Да и датировка документа по времени первой публикации смутила заново и теперь уже неприятно. Ясно, что раз интервью опубликовано 5 мая, то дано оно было Аксельродом корреспонденту «Биржевых ведомостей» раньше, следовательно, и датировать его следовало иначе. И я попросил П. Ю. Савельева, который вместе с Р. М. Гайнуллиной подбирали материал по прессе 1917 г. для нашего нового трехтомника в бывшей библиотеке ИМЛ, сделать мне ксерокопию данного материала из «Биржевых ведомостей».

К своему ужасу я обнаружил, что интервью в «Биржевке» имело не только иной заголовок: «Беседа с П. Б. Аксельродом. Телеграмма специального корреспондента “Биржевых ведомостей”», но и указание места, и, главное, точной даты, когда бралось интервью: Стокгольм, 2 (15) мая, в 1 час дня.

Дальше – больше!

«Рабочая газета», естественно, выбросила ненужные ей шесть строк самого интервьюера – спецкора «Биржевки» в Швеции – Александра Николаевича Троповского. Между тем он сообщал: «Вчера прибыл сюда (в Стокгольм) П. Б. Аксельрод. Вид у него бодрый. Он рвется в Россию. Аксельрод проехал через Германию в качестве швейцарского подданного. Его проезд не находится ни в какой связи с проездом других эмигрантов. В продолжительной беседе с вашим корреспондентом Аксельрод заявил: ...». И лишь затем шел собственно текст интервью, в котором, естественно, ни в «Рабочей газете», ни в нашем томе не было извращено ни одного слова. Но, зато мы упустили другое, а это другое было не менее важно, чем сам текст интервью.

Вне нашей публикации оказалась дата приезда Аксельрода в Стокгольм – 1 мая, что увело нас в сторону от важнейшего факта. Несмотря на то, что Аксельрод был активным участником всех обсуждений о путях возвращения российских политических эмигрантов на родину, и подпись его стоит на всех коллективных обращениях к руководителям Временного правительства, Петроградского совета и Комитета Веры Фигнер, его личный проезд через Германию совсем не зависел от остальных российских политических эмигрантов. Аксельрод, как гражданин Швейцарии, получил разрешение на проезд через Германию по личным мотивам (в связи с транспортировкой в Россию тяжело больной с 1911 г. дочери Сони к своим родным в Петрограде). А поручителем его выступал один из основателей и теоретиков германской социал-демократии, действующий депутат рейхстага – высшего законодательного органа германской империи – Э. Бернштен. И переезжал Германию Аксельрод не в спецвагоне, как до него в марте В. И. Ленин, и не в спецсоставе, как все остальные (более двухсот человек) в мае. И сопровождал его в поездке по территории Германии не кто-либо из представителей левого крыла Швейцарской социал-демократии, как Ф. Плетен в случае с Лениным, или Р. Гримм в случае с Мартовым и другими, а все тот же Бернштейн.

Это уже из Стокгольма, где он два дня дожидался Мартова, Мартынова и других, Аксельрод отправится с ними в Россию. Так вместе они и придут в Петроград на Финляндский вокзал 9 мая в первой половине дня.

На вокзале их будут встречать члены президиума Общероссийской конференции объединенных организаций РСДРП, которая к этому времени работала уже третий день.

Уже были заслушаны не только приветственные выступления министров-социалистов И. Г. Церетели и М. И. Скоболева, но и доклады. Среди них – отчетный «О деятельности ОК» (избранного Венской конференцией в августе 1912 г.), «О Временном правительстве и коалиционном министерстве», «О войне», «По аграрному вопросу». Были приняты и соответствующие резолюции, а резолюция «О войне» была дополнена и отдельной резолюцией «О братании».

Однако, несмотря на доминирование на конференции точки зрения так называемых революционных оборонцев, развернувшиеся в прениях страсти были не шуточными. Объяснялось это тем, что в вопросах об участии социалистов в составе Временного правительства и стремлении к миру позиции руководителей Петроградского совета и сложившегося в февральско-мартовские дни политического руководства РСДРП(о) резко разошлись. Первые были близки к позиции так называемых меньшевиков-интернационалистов во главе с Ю. О. Мартовым, вторые – придерживались позиций так называемых революционных-оборонцев во главе с Церетели.

Еще раньше по всем этим вопросам разошлись, как оказалось, и взгляды Мартова с Аксельродом. Свидетельством этому были в частности, некоторые формулировки стокгольмского интервью, на что никто из нас, редакторов 1 тома «Меньшевиков в 1917 году» должного внимания тогда не обратил. А это, между прочим, во многом объясняет нервозность и озлобленность, которую привнес в работу майской конференции своими заявлениями Мартов, объявивший вхождение социал-демократов в правительство «не преступлением, а хуже – глупостью».

Более того, он даже попытался заставить Аксельрода публично отказаться от поддержки данного решения, хотя он в интервью говорил о возможности решения этого вопроса в связи с зависимостью от обстоятельств. В нарушение всех норм приличия, Мартов предпримет попытку от имени Аксельрода сорвать предложение о включении Аксельрода в список выдвинутых в состав ОК, заявив от его имени, об отказе от данной чести.

Именно данное заявление Мартова, вызвав бурю возмущения делегатов конференции, приведет к тому, что они, вопреки этому неприкрытому давлению, не только выдвинут Аксельрода в состав ОК, но и изберут его первым по списку, абсолютным большинством голосов. Так начнется открытое противостояние мартовцев с новым руководством партии и скрытое с председателем ее Организационного Комитета – П. Б. Аксельродом. А мы, составители и редакторы 1 тома «Меньшевики в 1917 году», в их числе и я, это проигнорировали.

Между тем, Церетели, не ожидавший такой резкой и неприличной по форме реакции, попытается микшировать ситуацию тем, что, адресуясь к лидерам меньшевиков-интернационалистов, назовет их учителями, которые возможно еще не разобрались в ситуации. Он даже в первый и последний раз назовет себя «циммервальдийцем», что прилипло к нему затем на всю жизнь, хотя фактически не вполне соответствовало действительности.

Хочу обратить ваше внимание на этом примере, что мы вообще-то теряем не просто навыки профессионального чтения. У меня складывается впечатление, что мы уже потеряли их даже в отношении к чтению трудов друг друга. Иначе чем объяснить то, что никто из наших коллег не прореагировал на попытку реконструировать позицию Церетели и его группы в первый год Великой войны 1914–1918 гг., которая была предпринята в соответствующем 4-м томе «Первой мировой войны в оценке современников». А, ведь, там совсем не случайно специально обращено внимание на то, что выступления Церетели и его группы против оборонцев (Плеханова, Потресова) и пораженцев (Ленина и его сторонников) пришлось в основном на декабрь 1914-го и январь 15-го. Незамеченным осталась и реконструкция текста статьи Церетели, и указание на то т.н. циммервальдская конференция состоялась лишь осенью 1915 г., и определять его позицию, как и позицию его соратников, в качестве циммервальдской – не совсем верно. Даже Мартов в рецензии на первый и единственный выпуск так называемого «Сибирского журнала» называл их «сибирскими марксистами». Что было более верно.

Приведенный нами пример свидетельствует: в данном случае понять время в документе можно, лишь профессионально его реконструируя, а от этого напрямую

зависит и истинная оценка самого документа во времени, в уточнении трактовок событий, людей, их позиций и мнений.

Одно время у нас много говорили о так называемой архивной революции. Трактовали ее по большей части как открытие архивов и расширение документальных публикаций. Но открытие архивов – норма, а об эффективности публикаций можно судить не по их факту и количеству, а лишь по вовлеченности новых источников в научный оборот. Между тем именно с этим дела у нас обстояли и все обстоят весьма удручающе.

Я об этом писал неоднократно. А архивной революцией, на мой взгляд, можно и нужно считать изменение условий работы в архивах и утверждение реконструктивного характера публикаций, что в значительной мере является заслугой выпускников МГИАИ 1950–1980-х гг. по обработке фондов, составлению описей, путеводителей, методических рекомендаций, библиографий и т.д. У А. А. Чернобаева в двухтомнике «Историки России» их можно выделить поименно. От выпускников 1950-х гг. – Т. П. Коржихиной, С. М. Каштанова, В. М. Кабузана, А. В. Елпатьевского, В. Д. Есакова, Ю. В. Оксютина, до группы выпускников 1960-х – В. К. Виноградова, Н. Н. Митрофанова, И. Л. Беленького, П. Н. Зырянова, А. Е. Иванова, В. В. Кабанова, В. А. Муравьева, М. М. Мухамеджанова, 1970-х гг. – В. П. Козлова, В. Ю. Афиани, 1980-х – А. Н. Артизова и др. Именно они стали, не уникальными, единичными специалистами, которыми прославилось старшее поколение, а той первой когортой профессионалов, которые пришли в архивы, научные и библиотечные центры уже зная как в них работать. И именно они создали ту обстановку и условия, которые и стали тем, что мы называем архивной революцией.

РЕВОЛЮЦИЯ КАК ФАКТОР, ОПРЕДЕЛЯЮЩИЙ СОЦИОКУЛЬТУРНУЮ ТРАНСФОРМАЦИЮ РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА (на примере Пензенской губернии)

Т. Ю. Новинская

г. Пенза, Россия

Аннотация. Настоящая статья посвящена социокультурным изменениям, происшедшим в российском обществе в послереволюционные годы. С помощью идеологического давления и насилия представители коммунистической идеологии стремились приобщить крестьян к новым общественно-политическим условиям. Болезненно отрываясь от старого уклада, крестьяне приспосабливались к новым формам жизни.

Ключевые слова: социокультурные изменения, вера, народ, крестьяне, традиционный уклад, церковь.

Summary. This article is devoted to the socio-cultural changes that took place in the Russian society in the post-revolutionary years. With the help of ideological pressure and violence, representatives of the communist ideology sought to admit the peasants to new social and political conditions. Painfully breaking away from the old way, the peasants adapted to new forms of life.

Key words: sociocultural changes, faith, people, peasants, traditional way of life, church.

В психологии культура и состояние общества, в котором живет и развивается человек, являются двумя основными компонентами, определяющими понятие социокультурной среды. Социокультурная среда играет важную роль в формировании представлений человека об окружающем мире и о своем месте в нем, влияет на морально-нравственные ориентиры, способствует выбору программы поведения.

Революция стала началом коренных изменений в российском обществе. В последующий за социалистической революцией период, как и до нее, в России основным носителем религиозности оставался крестьянин, составлявший подавляющее большинство населения страны. Вплоть до 20-х гг. XX в. быт российского крестьянина полностью определялся религией, а точнее, особой системой верований – народным православием, которое объединяло в себе христианские традиции и языческие аграрно-магические ритуалы [4]. Однако, начиная с 1917 г., происходят процессы, предопределившие изменения религиозной составляющей в жизни людей. Политические события – революции, войны, и социально-экономическое развитие страны в соответствии с плано-идеологическими установками разрушали веками формировавшийся и четко обусловленный традициями и ритуалами образ жизни.

Государство с помощью идеологического давления и репрессивных мер вовлекало крестьян в общественно-политическую жизнь страны. «В задачи нового государства входило не только преобразование политических и экономических устоев общества, но и создание новых взглядов, убеждений, идеалов «советского человека», не связанных с религией» [3: 100].

В истории страны стал формироваться новый тип человека – «советский». Он являлся носителем новой «советской идеологии». Он общественник, в том плане, что у него отняли собственное хозяйство, поэтому он вынужден заниматься общественным трудом. Он весь свой день проводит на работе, оторван от семьи. Семейный мир как бы тоже разрушается, перерастая в ячейку советского общества, находящейся под пристальным вниманием государства.

В одном из циркулярных писем в 1923 г. И. В. Сталин пишет: «успех в деле разложения церкви и искоренения религиозных предрассудков зависит не от гонений на верующих – гонения только укрепляют религиозные предрассудки, – а от тактичного отношения к верующим при терпеливой и вдумчивой критике религиозных предрассудков, при серьезном историческом освещении идеи бога, культа и религии и пр.» [7: 413].

С самого начала церковь рассматривалась многими вождями коммунистической партии как «опасный идеологический соперник». Поэтому усилия государственной идеологии, были направлены на создание образа «реакционного духовенства». Важной составной частью борьбы с религиозными убеждениями стало огульное, особенно в 30-е гг., закрытие церквей и монастырей. Однако, перепись 1937 г. показала, что большая часть советского народа считает себя верующей. Советский режим ответил на это расправами над сотнями тысяч священнослужителей и мирян, многие из которых приняли мученическую кончину.

В 1931 г. по делу о «Истинно-православной церкви» был арестован архиерей Кирилл (Соколов) и многие другие священнослужители. В 1932 г. было сфабриковано дело о раскрытии контрреволюционной организации «Союз Христовых воинов» [5: 511].

Причём террор был направлен не только на православных верующих, но и на другие религии. После православных главными жертвами этого террора стали мусульмане. Например, в Татарии именно в 30-е гг. прошли массовые закрытия мечетей и аресты мулл.

На местах все эти мероприятия сопровождалось перегибами. В поисках виновных «многие из городских чужаков, тысяч городских коммунистов, рабочих и студентов, специально командированных для этой цели в деревню, проникнутые духом Культурной Революции, которая была тогда в самом разгаре, были исполнены воинственного стремления к переменам и презрения к темноте и отсталости крестьянской массы» [6: 10].

Закрытие церквей сопровождалось часто снятием на переплавку колоколов для нужд индустриализации [6: 58]. Колокола снимали, церкви закрывали, некоторые из них разрушали или перестраивали под склады, клубы и другие учреждения. Деревня также не отставала в борьбе с «реакционным духовенством». «Создание колхозов зачастую сопровождалось насильственным закрытием сельских церквей и публичным уничтожением икон» [6: 10].

В 90-е гг. оставшиеся в живых жители села Калинино Пензенского района вспоминали, как долго не могли найти человека среди сельчан для «погрома» церкви. Успенская церковь была построена в 1768 г. в усадьбе Вигелей. О ее разрушении остались следующие воспоминания: «Нашелся такой среди них (*коммунистов – авт.*). На глазах у всех полез, сбил крест, а на следующую ночь удушился» [*Записано в 1994 г. со слов О. Новинской, уроженки с. Калинино, Пензенского района*].

Однако надо признать, что процесс закрытия церквей часто делался руками самих верующих. «Но эта «добровольность» сродни той, когда доведенный до нищеты человек вынужден так же «добровольно» продавать свои вещи». Ставший непосильным для значительно поредевшей религиозной общины налог за пользование зданием церкви и невозможность поддерживать храм в надлежащем состоянии вынуждали прихожан к отказу от пользования храмом. Ну а там, откуда уходит жизнь, наступает запустение» [1: 301].

Самое большое количество закрытых церквей в Пензенской губернии пришлось на начало 1930-х гг. Согласно учетным данным, в области к середине 1944 г. насчитывалось 506 православных храмов, из которых 476 использовались под культурно-хозяйственные цели, а 28 стояли пустыми. К июню 1944 г. от верующих поступило 60 заявлений с просьбой об открытии церквей.

Несмотря на установку не трогать верующих, постоянное их преследование со стороны государства выражалось в завышенных налогах на хозяйства, в повышенной оплате на обучение и пр., как в сталинский, так и в хрущевский периоды.

Следствием антирелигиозной пропаганды стало открытие в июне 1926 г. в Пензе первого губернского съезда Союза воинствующих безбожников (СВБ). Союзы воинствующих безбожников (губернский и городской) ставили перед собой главную задачу – борьба с церковью, с религиозным дурманом людей и особенно среди молодежи. Летом того же года в губернии работало 93 ячейки, из них 48 в селах. В газетах имелись рубрики «Уголок безбожника», «За безбожную Пензу». Безбожники отличались грубостью выражений по отношению к верующим [2: 385]. Уголки безбожника устраивались в каждом клубе, библиотеке, на предприятиях и в других общественных местах.

Таким образом, главных носителей православной культуры, русской религиозности и нравственности с каждым годом все больше «отваживали» от православных традиций, заменяя их на новые, свойственные коммунистической идеологии. Болезненно отрываясь от старого уклада, крестьянство приспособлялось к новым формам жизни. Искоренить традиции, веками определяющие образ мышления и жизнедеятельности крестьян, было невозможно.

Библиографический список

1. Дворжанский, А. И. История Пензенской епархии / А. И. Дворжанский. – Пенза, 2001. – Кн. 2.
2. Каблуков, Ю. Годы, события, факты в истории Пензенской области (К 350-летию г. Пензы) / Ю. Каблуков. – Пенза, 2012. – 471 с.
3. Лебедева, Л. В. Повседневная жизнь пензенской деревни в 1920-е годы: традиции и перемены / Л. В. Лебедева. – М. : РОСПЕН, 2009. – 184 с.
4. Лебедева, Л. В. Религиозность сельского населения / Л. В. Лебедева // Полит.ру. – 2009. – 28 июля. – URL: <http://polit.ru/article/2009/07/28/lebedeva/>
5. Пензенский край в истории и культуре России : моногр. / под ред. О. А. Суховой. – Пенза : Изд-во ПГУ, 2014. – 526 с.
6. Фицпатрик, Ш. Сталинские крестьяне: социальная история Советской России в 30-е годы: деревня / Ш. Фицпатрик. – М. : Российская политическая энциклопедия, 2001. – 422 с.
7. Циркулярное письмо № 30 (Об отношении к религиозным организациям) // Архивы Кремля : в 2 кн. – М. ; Новосибирск : РОСПЕН : Сибирский хронограф, 1997. – Кн. 1. Политбюро и церковь. 1922–1925 гг. – С. 414–418.

ВЛАСТЬ И ОБЩЕСТВО В УСЛОВИЯХ РЕВОЛЮЦИИ 1917 г.: РЕВОЛЮЦИОННАЯ ПОВСЕДНЕВНОСТЬ В ИСТОЧНИКАХ ЛИЧНОГО ПРОИСХОЖДЕНИЯ

В. А. Паничкин, Н. И. Рахматуллина

г. Кузнецк, Пензенская обл., Россия

Аннотация. Авторы предпринимают попытку реконструировать повседневность революционной эпохи г. Кузнецка Саратовской губернии на примере биографии Н. В. Глухова.

Ключевые слова: революция 1917 г., Россия, г. Кузнецк, повседневность, Н. В. Глухов.

Summary. The authors attempt to reconstruct the daily life of the revolutionary epoch of the city of Kuznetsk in the Saratov region by the example of the biography of N. V. Glukhov.

Key words: revolution of 1917, Russia, Kuznetsk, everyday life, N. V. Glukhov.

В начале XXI в. в исторической науке начинает формироваться концепция изучения всех событий 1917 г. в едином контексте. Ключевые сюжеты истории минувшего века – 1917 г., включая и Февраль, и Октябрь, Гражданская война, 1937 г., хрущевская «оттепель», перемены 1990-х гг. – по-прежнему остаются в сфере исследовательского внимания и острого гражданского интереса. Спустя век очень остро можно видеть параллели развития страны, хотя ни в коем случае нельзя утверждать о наличии революционной ситуации в настоящее время.

Ключевые события 1917 г. – Февральская и Октябрьская революции взаимосвязаны между собой. Февральская революция отняла власть у государства, у главной в России созидательной силы, и создала власть не другой реальной силы, не власть простого народа (солдат, рабочих и крестьян), а временную и переходную «полувласть», переходную к единственно оставшейся силе – к власти этого самого народа во главе с социалистами – радикалами. Следствием Февраля стал Октябрь.

В октябре 1917 г. большевики пришли к власти на волне страхов «низов» перед возвратом к старому. Лидеры большевиков смогли рационально использовать демократические лозунги Февраля. Благодаря этому они и получили поддержку широких общественных слоев. Декрет о земле и в особенности Декрет о мире предложили решение вопросов, которые волновали большинство населения страны.

В Кузнецке события разворачивались следующим образом. Ночью 25 октября 1917 г. телеграфист станции Кузнецк принес вест о победе в Петрограде вооруженного восстания. «... Временное правительство низложено, государственная власть перешла в руки Советов», – читал на телеграфной ленте Ф. Г. Елфимов, старший телеграфист станции.

Приветствуя события Октябрьской революции, рабочие города и уезда с чувством удовлетворения встретили первые декреты Советские власти о мире и о земле. Но пройдет год, прежде чем новая власть в маленьком провинциальном городе победит окончательно.

Историю в масштабах страны и провинции всегда вершат отдельные личности. В ходе подготовки статьи мы работали в фондах Кузнецкого музейно-выставочного центра, где собран обширный документальный и эпистолярный материал про участников революционных событий 1917 г.

Мы решили акцентировать свое внимание на судьбе Н. В. Глухова. Глухов Николай Васильевич – участник Первой Мировой войны, революционных событий, Гражданской войны.

Родился в 1894 г. Более точная дата неизвестна. Этот человек воевал в первой империалистической. Участвовал в операциях Российской империи против

Турции. С началом боевых действий на Ближневосточном военном театре она (Турция) в конце 1914 г. заявила о своем нейтралитете, а сама готовилась выступить против России в любой удобный для нее момент. Германия поощряла захватнические устремления Турции на Кавказе. Здесь до русских солдат, состоящих из рабочих и крестьян, дошла весть о революции в России. Солдаты думали, что войне теперь конец. Но их ожидания не оправдались, поскольку Временное правительство выражало интересы российского империализма. Оно было намерено продолжать кровопролитную войну.

Затем судьба забросила Н. В. Глухова в Батуми. Здесь в 1921 г. было изгнано меньшевистское правительство Грузии. Но за победу социалистической республики пришлось повоевать. Большое значение для победы власти Советов на окраинах страны имела Декларация прав народов России, принятая Совнаркомом в ноябре 1917 г. Этим историческим актом был положен конец национальному гнету.

Одним из участников и творцов революции был Н. В. Глухов. Простой русский мужик, он еще слабо разбирался тогда в обстановке, однако интуитивно всем своим существом был на стороне нового строя. Политическое воспитание довершили армейские большевики и комиссары.

Вся полнота власти в армии была передана солдатским комитетам и Советам, устанавливалась выборность командного состава. С демократизации начиналась Советская власть, поэтому Николай Васильевич и приветствовал грядущую в будущем перестройку.

Конечно, были мысли и о возвращении домой, и о мирном труде. Однако надо было защищать завоевания Октября. Рядовому Красной Гвардии предстояло пройти через испытания гражданской войны. Он их прошел достойно. Защищал колыбель революции – Петроград от наступления войск Юденича.

Подводя итоги данной работы, можно сделать вывод, что революция 1917 г. сыграла огромную роль в становлении государства и общества. Ценой огромных усилий и социальных потерь СССР превратился в безусловного лидера глобального порядка. Обращение к мемуаристике и источникам личного происхождения позволяет очертить траекторию формирования новой идентичности и персонального участия в судьбах мира.

Библиографический список

1. Голос труда. – Кузнецк : Издание Кузнецкого земского и гор. самоуправления. – 1918. – № 30.
2. Государственный архив Пензенской области. Ф. 1521. Д. 12. Л. 16.
3. Гриб, М. В. Кузнецк и кузнечане / М. В. Гриб. – Кузнецк : Кузнецкий рабочий, 1995. – 89 с.
4. Известия Кузнецкого Исполкома Народной власти. – 1917. – № 84.
5. Известия Кузнецкого Уик'а. – 1919. – № 69.
6. Курепина, А. А. Кузнецк: вчера, сегодня, завтра / А. А. Курепина. – Пенза : Пензенская правда, 2016. – 336 с.
7. Комаров, А. Как часть истории страны / А. Комаров // Кузнецкий рабочий. – 1987. – 21 марта.
8. Пономарчук, И. И. Как жили и боролись трудящиеся Кузнецкого уезда до революции / И. И. Пономарчук. – Кузнецк : Общество по распространению политических и научных знаний РСФСР, 1957. – 30 с.
9. Пономарчук, И. И. Октябрь в Кузнецке / И. И. Пономарчук. – Кузнецк : Общество по распространению политических и научных знаний РСФСР, 1958. – 28 с.
10. Пономарчук, И. И. Трудящиеся Кузнецкого уезда в борьбе за становление Советской власти / И. И. Пономарчук. – Кузнецк : Общество по распространению политических и научных знаний РСФСР, 1959. – 35 с.

УКРАИНСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ 1917–1921 гг. В СОВРЕМЕННОЙ УКРАИНСКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

В. А. Пархоменко

г. Николаев, Украина

Аннотация. В статье даны краткая характеристика основных достижений современной украинской историографии в освещении актуальных проблем истории Украинской революции 1917–1921 гг. Внимание акцентируется на интерпретации учеными ключевых, дискуссионных вопросов общественно-политических трансформаций в Украине, связанных с деятельностью Центральной Рады, Гетманата П. Скоропадского, Директории, крестьянско-повстанческого движения.

Ключевые слова: историография, Украинская революция 1917–1921 гг., Центральная Рада, Гетманат П. Скоропадского, Директория.

Summary. The author gives a brief description of the main achievements of modern Ukrainian historiography in covering the topical problems of the history of the Ukrainian revolution in 1917–1921. Attention is focused on the scientists' interpretation of the key, debatable issues of socio-political transformations in Ukraine related to the activity of the Central Rada, the Hetmanate of P. Skoropadsky, the Directory, the peasant-insurgent movement.

Key words: historiography, Ukrainian revolution in 1917–1921, Central Rada, Hetmanate of P. Skoropadsky, Directory.

Важное место в истории Украины занимают революционные события 1917–1921 гг., предопределившие дальнейшее национально-освободительное движение XX в. Поэтому, в современной украинской историографии эта проблема постоянно находится в центре внимания ученых.

В советской историографии события 1917–1921 гг. в Украине рассматривались в общей схеме процессов происходящих на территории бывшей Российской империи: Февральская и Октябрьская революции, борьба народных масс за власть Советов во время Гражданской войны. Все, что ни вписывалось в данную идеологическую схему, квалифицировалось как контрреволюционное, буржуазное, мешающее общественному прогрессу. В научной литературе даже не ставилась попытка рассмотреть альтернативный путь политического национально-государственного развития в Украине (Украинская Народная Республика, Гетманат П. Скоропадского). Такой подход способствовал лишь однобокости в изучении проблемы, отсутствия целостности в восприятии и оценки исторических событий, негативно отражался на научной полноте представляемого исследователями материала.

С обретением Украиной независимости начался новый этап в изучении событий Украинской революции 1917–1921 гг., позволяющий объективно, без идеологической догм, критически осмыслить национально-освободительное движение первой четверти XX столетия. Открытие архивных фондов и спецфондов библиотек значительно обогатили источниковедческую базу исследований. Термин «Украинская революция» зародившийся в среде лидеров украинского национального движения и использовавшийся в публикациях 1920-х гг., вскоре оказался в советской исторической литературе под запретом. Под этим термином в современной науке подразумевается национально-освободительная и социальная борьба украинского народа за свое политическое самоопределение и учреждение государственности на протяжении 1917–1921 гг.

Современной историографии предшествовал период конца 1980-х гг. когда началось интенсивное переиздание работ историков украинской диаспоры и мемуарного наследия участников и свидетелей тех революционных событий. Произошла

своего рода «интеллектуальная репатриация» достижений зарубежной украинской историографии. Этот процесс в постсоветской исторической науке Г. Касьянов назвал «национализацией истории» [21: 36]. По нашему мнению, в работах украинских ученых и публицистов 1990-х гг. наблюдаются две тенденции:

- 1) отход от советской методологии с ее классовым подходом;
- 2) работы диаспорных исследователей воспринимаются как максимально объективные, не требующими научной критики.

Одними из первых на рубеже 1980–90-х гг. появились публикации, сыгравшие свою информационную и просветительскую роль, посвященные ведущим деятелям национального движения. В качестве примера отметим статьи исследователя И. С. Хмеля [60]. А с начала 1990-х гг., по словам ведущего историка В. Ф. Солдатенко, начинается своеобразный «исследовательский всплеск» в разработке проблем национально-освободительного движения 1917–1921 гг. По состоянию на 1997 г. защищено 10 докторских и 42 кандидатских диссертации, посвященных различным аспектам Украинской революции [49: 77]. К 2002 г. количество защищенных докторских и кандидатских диссертаций возросло почти до 200 [15]. Эти данные свидетельствуют о научной перспективности и актуальности разрабатываемых учеными проблем.

Приблизительное представление о достижениях украинских историков дает библиографический указатель, конечно далеко не полный, где составители представили 6848 публикаций, посвященных ключевым вопросам истории революционных событий в Украине [56]. Центром изучения заявленной проблемы является отдел истории Украинской революции 1917–1921 гг., возглавляемый В. Ф. Верстюком, созданный при Институте истории Украины НАН Украины (г. Киев). С 2002 г. тут издается тематический научный сборник «Проблемы изучения истории Украинской революции 1917–1921 годов», в публикациях которого анализируются основные тенденции развития украинской государственности 1917–1921 гг., характеристика социально-политических сил, внешнеполитические аспекты деятельности украинских правительств, национально-культурная проблематика.

Вначале хотелось бы охарактеризовать изучение учеными самой историографии рассматриваемой проблемы. Необходимо отметить, что первыми оценили работы украинских историков 1990-х гг. в своих публикациях Л. Радченко [37] и В. Солдатенко [46]. В дальнейшем предметом исследования стал историографический анализ отдельных периодов Украинской революции. Так, историография Центральной Рады представлена в работе П. Билян [4]. Ряд диссертаций посвящены историографии периода Гетманата [6, 12]. Оценку научной литературы по истории Директории УНР (1918–1920 гг.) осуществил Н. Стопчак [51]. Основательное исследование В. Великочия анализирует историографию общественно-политических процессов на западноукраинских землях в 1914–1921 гг. [7]. В этих работах обозначены проблемно-тематические составляющие, определены главные тенденции, указаны достижения и перспективы дальнейших исследований.

Из обобщающих, комплексных исследований по истории революции в Украине необходимо, в первую очередь, отметить фундаментальные работы В. Ф. Верстюка [8], Р. Я. Пырига [34], А. П. Рэнта [39, 41], А. П. Рублева [41], В. Ф. Солдатенко [46, 48], раскрывающие основные аспекты внутренней и внешней политики украинских национальных правительств в 1917–1921 гг.

Ряд работ в украинской историографии характеризует источниковедческую базу проблемы. Периодику в качестве источника Украинской революции проанализировал П. И. Губа [13], мемуаристику – Ю. Ю. Калиберда [18] и В. А. Пархоменко [33].

Среди ученых занимающихся отдельными периодами или вопросами данной проблемы значительный научный интерес вызывают работы И. Дацкива [14], В. Матвиенко [31], П. Притуляк [36], где представлена характеристика дипломатических служб УНР и Гетманской Украины. Монография Н. Литвина [28] посвящена украино-польскому противостоянию 1918–1919 гг. Важный вклад в установление авторства (раскрытие псевдонимов, криптонимов) исследователей Украинской революции осуществил В. Капелюшный [19]. В работах А. Высоцкого [9] и Е. Любовец [30] показана деятельность украинских политических партий. Местные органы УНР и Гетманата представлены в исследованиях Т. Винцковского [10] и Е. Лемижанской [27].

Культурно-образовательные трансформации в Украине в 1917–1921 гг., в отличие от общественно-политических процессов, не вызывают у исследователей такого интереса. Проблемам народного образования посвящены работы М. М. Собчинской [43] и В. Г. Богуславской [5], театральная жизнь исследовалась И. И. Романько [40].

Национальная революция актуализировала в 1917 г. вопрос об автокефалии Украинской православной церкви. Церковная жизнь в Украине этого периода анализируется в работе В. Ульяновского [58]. К сожалению, объем данной статьи, даже тезисно, не позволяет представить весь объем фактологического материала наработанного украинскими историками за последние десятилетия.

Украинскими учеными проделана значительная работа по написанию научных биографий политических деятелей периода Украинской революции: В. Винниченко [47], М. Грушевского [62], Н. Махно [11], С. Петлюры [29], П. Скоропадского [38]. Несмотря на различный научный уровень и авторские интерпретации, данные работы максимально объективно представляют политические портреты знаковых личностей тех революционных лет.

Значительный пласт научной литературы посвящен Украинским национальным вооруженным силам. Украинизация в армии в 1917 г. освещена Л. Зинкевич [16]. Войска Центральной Рады и Гетманата, противостояние с большевистской Россией проанализированы Я. Тинченко [52]. Этим же историком в 2016 г. защищена кандидатская диссертация по наградной системе УНР [53]. Военной униформе украинской армии посвящено и исследование К. Анисимова [3], историю отдельных родов войск отображают работы А. Харука [59] и П. Ткачука [54]. Борьбе вооруженных сил Директории УНР против белогвардейских войск осенью 1919 г. посвящена основательная монография М. Ковальчука [24]. Боевая деятельность Галицкой армии в Надднепрянской Украине в 1919 г. исследована В. Солдатенко и Б. Савчук [44].

В современной украинской историографии остается ряд дискуссионных, полемических вопросов требующих дальнейшего изучения и уточнения на которые хотелось бы вкратце обратить внимание. Например, в историографии существуют разные подходы относительно терминологии связанной с пребыванием немецко-австрийских войск в Украине в 1918 г. Так, в энциклопедическом издании использован термин «контроль над территорией Украины» [1]. Действительно, германские войска оказались на украинских землях согласно мирного договора, и УНР не была воюющей стороной. Однако в статье авторитетного ученого Р. Пырига убедительно показано, что, несмотря на эти факторы, анализ отечественной и зарубежной историографии, изучение немецких дипломатических документов, факты вмешательства кайзеровской военной администрации во внутренние дела УНР, а затем и Гетманата (введение военно-полевых судов, реквизиции, карательные экспедиции), свидетельствуют о правомочности использования в современной историографии термина «оккупация» [35: 29–30]. От себя добавим, что в стране,

которая перед этим три года воевала с Германией и Австро-Венгрией, основная часть населения восприняла приход иностранных войск как оккупацию.

Из концептуальных подходов в оценке Украинской революции, по мнению ведущего историка В. Ф. Солдатенко, некоторые современные ученые представляют события в Украине исключительно в контексте лишь национальной революции, отвергая ее социальную составляющую, игнорируют социально-экономические факторы и предшествующие наработки в этом направлении советской историографии [45: 75]. По мнению этого же ученого, ряд исследователей, в частности Ф. Турченко и Г. Кривошей [55], преувеличивают влияние «самостийников» (Н. Михновского и др.) на политические процессы в Украине в 1917 г. и их роль в создании Центральной Рады [45: 205–210].

В свою очередь, часть исследователей критически относятся к оценке В. Солдатенко роли Гетманата П. Скоропадского (1918 г.) в Украинской революции. Ученый считает, что правление гетманского «анахронического», консервативного, марионеточного режима, стало шагом назад в поступательном развитии революции [50: 155–156, 190–191]. С его оценкой не согласны В. Г. Сарбей [42] и Б. И. Андрусин [2], рецензирующие монографии ученого, и указавшие на определенные успехи П. Скоропадского в становлении национальной государственности. Альтернативная точка зрения представлена, например, и в публикации В. Клименко, считающего Гетманат закономерным этапом национальной революции, попыткой построить государственность на ином, «не социалистическом фундаменте» [22: 61].

Исследование истории масонства, показывает активизацию его деятельности в России в предреволюционные годы. Представители украинской политической элиты: М. Грушевский, Д. Дорошенко, С. Ефремов, С. Петлюра, П. Скоропадский, Е. Чикаленко и др. были членами масонских лож. В своей работе В. Солдатенко приводит характерный пример: в 1918 г. С. Петлюра, получив указание по масонской линии, дал возможность П. Скоропадскому, свергнутому Директорией, выехать в Германию [50: 358]. Трудности в изучении роли масонства в Украинской революции обусловлены ограниченным кругом источников, их спецификой, проблемой выявления. Из историков занимающихся этой темой отметим монографию О. О. Крыжановской [26].

Дискуссионным в современной историографии также остается проблема относительно роли, классификации и численности крестьянско-повстанческого движения в Украине в 1917–21 гг. Необходимо отметить ряд работ посвященных различным проблемам этого явления. Так, повстанческому движению на Левобережной и Правобережной Украине посвящены диссертационные исследования [32, 17]. Баштанская и Висунская крестьянские республики (1919 г.) на Николаевщине рассмотрены в работе Ю. В. Котляра [25]. Среди активного популяризатора этой темы необходимо назвать Р. Н. Ковалю [23]. В своих публикациях, в контексте возвращения исторической памяти, представившего материал о повстанческих атаманских различных регионов Украины. Национальное сознание крестьянских масс ярко проявилось в борьбе против австро-немецких войск, большевиков, денкинцев. Однако, по мнению Н. Стопчак в работах Р. Ковалю прослеживается идеализация и даже мифологизация вождей восставшего крестьянства, замалчивается их местный сепаратизм, участие в грабежах, еврейских погромах [51: 707]. По-прежнему нет и однозначной оценки роли «атаманщины», неподконтрольной главному командованию и часто меняющей свою политическую ориентацию, в поражении войск Директории УНР. Здесь мы полностью согласны с Н. Стопчаком – для основной массы крестьянства первостепенным все-таки было решение аграрного, а не национального вопроса.

Выдвигаются разные оценки причин помешавших заключению перспективного военно-политического союза С. Петлюры и Н. Махно в борьбе против большевиков. Часть исследователей (В. Волковинский) указывала, что союз с Директорией Н. Махно рассматривал как временную вынужденную меру (отступая под натиском Добровольческой армии ему нужна была помощь боеприпасами и медикаментами); другие ученые (В. Чоп) утверждают, что С. Петлюра вел двойную игру, начав одновременно переговоры и с Махно и с Деникиным [61: 212–215]. Для лидера украинских повстанцев союз с белогвардейцами был невозможен, к тому же и Петлюра и Махно рассчитывали взять под свой контроль часть войск потенциального «союзника». По мнению, Н. Стопчака данное соглашение вообще не имело долгосрочных перспектив, учитывая разные политические платформы: Директория ориентировалась на европейский парламентаризм, Махно – на «свободный советский строй» [51: 703].

В исторической литературе представлены разные хронологические рамки Западно-Украинской Народной Республики. Традиционными считаются 1918–1919 гг. – летом 1919 г. территория ЗУНР оккупирована войсками Польши. Часть же исследователей указывает на март 1923 г., обосновывая это тем, что именно тогда Совет послов Антанты передал Галицию в состав возрожденной Польской державе, сделал дальнейшую дипломатическую борьбу западных украинцев бесперспективной [20].

Необходимо также отметить важную археографическую работу, осуществленную украинскими учеными по выявлению и публикации документов по истории Украинской революции [57]. Введение их в научный оборот значительно обогатило источниковедческую базу исследований.

В 2017 г. общественностью Украины отмечается столетие с начала Украинской революции 1917–1921 гг. Кабинет Министров Украины принял постановление «Про утверждение плана мероприятий в ознаменование 100-летия событий Украинской революции 1917–1921 годов и чествование памяти ее участников на период до 2021 года». Согласно постановлению, планируется установка памятных знаков, проведение тематических конференций, выставок, обновление действующих экспозиций музеев, публикация научных работ, посвященных 100-летию событий Украинской революции 1917–1921 гг.. В контексте этого в июне в Киеве состоялась международная научная конференция «Революция, государственность, нация: Украина на пути самоутверждения (1917–1921 гг.)». Однако основные мероприятия запланированы на осень 2017 г. и приурочены к столетию провозглашения УНР.

Таким образом, начиная с 1990-х гг. украинскими учеными проделана весомая работа по изучению различных аспектов истории Украинской революции 1917–1921 гг. Вместе с тем обозначим ряд перспективных проблем, требующих дальнейшего изучения: концептуальная оценка роли Гетманата и «атаманщины» в процессе становления украинской государственности; роль масонства в политической жизни Украины 1917–1921 гг.; взаимоотношение российских и украинских политических партий в этот период; этнонациональные процессы в Украине; конфликт политических элит УНР и ЗУНР. По этим вопросам в украинской современной историографии существуют контрверсионные подходы, однако для достижения объективных знаний и существует механизм научных дискуссий, благодаря аргументированности, научной этике, толерантности достигается компромисс по дискуссионным проблемам.

Библиографический список

1. Австро-німецьких військ контроль над територією України 1918 // Енциклопедія історії України. – Київ : Наукова думка, 2003. – Т. 1. – С. 19–20.

2. Андрусишин, Б. І. [рец.] Українська революція: концепція та історіографія (1918–1920) / Б. І. Андрусишин [рец.], В. Ф. Солдатенко. – Київ : Книга Пам'яті України, 1999. – 508 с. // Український історичний журнал. – 2000. – № 3. – С. 137–143.
3. Анісімов, К. В. Однострої збройних сил України періоду національних змагань 1917–1920 р. : автореф. дис. ... канд. іст. наук / Анісімов К. В. – Донецьк, 2002. – 19 с.
4. Білян, П. Я. Історіографія Української революції 1917 – початку 1918 рр. : дис. ... канд. іст. наук / Білян П. Я. – Львів, 2001. – 234 с.
5. Богуславська, В. Г. Народна освіта України в добу національно-демократичної революції 1917–1920 рр. : автореф. дис. ... канд. іст. наук / Богуславська В. Г. – Донецьк, 2001. – 19 с.
6. Булгаков, Ю. В. Життя та діяльність Павла Скоропадського: українська історіографія 1991–2011 : автореф. дис. ... канд. іст. наук / Булгаков Ю. В. – Київ, 2011. – 16 с.
7. Великочий, В. Українська історіографія суспільно-політичних процесів у Галичині 1914–1919 рр. / В. Великочий. – Івано-Франківськ, 2009. – 812 с.
8. Верстюк, В. Ф. Українська Центральна Рада. – Київ: Заповіт, 1997. – 334 с.
Нариси історії Української революції 1917–1921 рр. / В. Ф. Верстюк та ін. – Київ : Наукова думка, 2011. – Кн. 1. – 388 с. ; 2012. – Кн. 2. – 464 с.
9. Висоцький, О. Ю. Українські соціал-демократи та есери: досвід перемог і поразок. – Київ : Основні цінності, 2004. – 272 с.
10. Вінцовський, Т. С. Формування і діяльність місцевих органів влади першої УНР на півдні України : автореф. дис. ... д-ра іст. наук / Вінцовський Т. С. – Одеса, 2016. – 31 с.
11. Волковинський, В. Нестор Махно: легенда і реальність / В. Волковинський. – Київ, 1994. – 252 с.
12. Гнатюк, С. Л. Внутрішня політика гетьманату П. Скоропадського: Українська історіографія проблеми : дис. ... канд. іст. наук / С. Л. Гнатюк. – Київ, 2002. – 249 с.
13. Губа, П. І. Українське відродження: Спроба джерелознавчої оцінки вітчизняної преси 1917–1920 рр. / П. І. Губа. – Черкаси : ЧДТУ, 2002. – 263 с.
14. Дацків, І. Б. Дипломатія українських державних утворень у захисті національних інтересів 1917–1923 рр. / І. Б. Дацків. – Тернопіль : Астон, 2009. – 520 с.
15. Дисертації з проблем Української революції, захищені в Україні протягом 1991–2001 рр. // Проблеми вивчення історії Української революції 1917–1921 рр. – Київ : Інститут історії України НАН України, 2002. – С. 279–294.
16. Зінкевич, Л. Розпад російської армії та український військовий рух в умовах національної революції на Україні (березень 1917 – лютий 1918 рр.) : автореф. дис. ... канд. іст. наук / Л. Зінкевич. – Львів, 1995. – 23 с.
17. Ісаков, П. М. Селянський повстанський антикомуністичний рух на Лівобережній Україні (березень 1919 – листопад 1921 рр.) : автореф. дис. ... канд. іст. наук / Ісаков П. М. – Київ, 2001. – 23 с.
18. Каліберда, Ю. Ю. Військова мемуаристика як джерело вивчення історії українських військових формувань 1917–1921 рр. : дис. канд. іст. наук / Каліберда Ю. Ю. – Київ, 2003. – 183 с.
19. Капелюшний, В. П. Замасковані імена: псевдоніми і криптоніми та проблема авторства в історіографії українських національно-визвольних змагань 1917–1921 рр. / В. П. Капелюшний. – Київ : Нора-Прінт, 2001. – 104 с.
20. Карпенко, О. Про хронологічні межі існування Західно-Української Народної Республіки / О. Карпенко // Вісник Прикарпатського університету. – 2000. – Вип. 3. – С. 57–67.
21. Касьянов, Г. Націоналізація історії: методологічні та термінологічні проблеми. (пострадянський простір, 1990-ті роки) / Г. Касьянов // Сучасна українська історіографія: проблеми методології та термінології : Матеріали Всеукраїнського науково-методологічного семінару (Київ, 17 червня 2004 р.) – Київ : Інститут історії України НАН України, 2005. – С. 36–46.
22. Клименко, В. Українська гетьманська держава 1918 року: її місце в українській революції / В. Клименко // Нова політика. – 1996. – № 4. – С. 59–62.
23. Коваль, Р. М. Отамани гайдамацького краю. 33 біографії / Р. М. Коваль. – Київ : Правда Ярославичів, 1998. – 616 с.
- Коваль, Р. М. Повернення отаманів Гайдамацького краю / Р. М. Коваль. – Київ : Діо-кор, 2001. – 288 с.

24. Ковальчук, М. Невідома війна 1919 року: українсько-білогвардійське збройне протистояння / М. Ковальчук. – Київ : Темпора, 2006. – 576 с.
25. Котляр, Ю. В. Висунська і Баштанська республіки (до 90-ї річниці проголошення) / Ю. В. Котляр. – Миколаїв : Вид-во ЧДУ ім. Петра Могили, 2010. – 92 с.
26. Крижановська, О. О. Таємні організації: масонський рух в Україні / О. О. Крижановська. – Київ : Наш час, 2009. – 200 с.
27. Леміжанська, О. І. Взаємовідносини органів державної влади і місцевого самоврядування доби Гетьманату П. Скоропадського (квітень-грудень 1918 р.) : автореф. дис. ... канд. іст. наук / О. І. Леміжанська. – Київ, 2012. – 20 с.
28. Литвин, М. Р. Українсько-польська війна 1918–1919 рр. / М. Р. Литвин. – Львів : Інститут українознавства ім. І. Крип'якевича, 1998. – 488 с.
29. Литвин, С. Суд історії: Симон Петлюра і Петлюріана / С. Литвин. – Київ : Вид-во ім. О. Теліги, 2001. – 639 с.
30. Любовець, О. М. Ідейно-політичні процеси в українських партіях у контексті альтернатив революційної доби (1917–1920 рр.) : автореф. дис. ... д-ра іст. наук / О. М. Любовець. – Київ, 2006. – 31 с.
31. Матвієнко, В. Українська дипломатія 1917–1921 років на теренах постімперської Росії / В. Матвієнко. – Київ : Київський нац. ун-т ім. Т. Шевченка, 2002. – 372 с.
32. Нестеров, О. В. Селянський повстанський рух на Правобережній Україні (1919 р.) : автореф. дис. ... канд. іст. наук / О. В. Нестеров. – Київ, 2001. – 19 с.
33. Пархоменко, В. А. Національно-визвольна боротьба та революційні події 1914–1921 рр. в українській мемуаристиці / В. А. Пархоменко. – Миколаїв : Іліон, 2014. – 480 с.
34. Пиріг, Р. Я. Українська гетьманська держава 1918 р. Історичні нариси / Р. Я. Пиріг. – Київ : Інститут історії України НАН України, 2011. – 336 с.
35. Пиріг, Р. Я. Німецько-австрійська окупація України 1918 р.: до питання про термінологічну визначеність / Р. Я. Пиріг // Український історичний журнал. – 2013. – № 3. – С. 13–30.
36. Пригуляк, П. П. Україна і Брестський мир : від підписання до виконання (1917–1918 рр.) / П. П. Пригуляк. – Київ : Київський нац. торг.-екон. ун-т, 2004. – 217 с.
37. Радченко, Л. О. Сучасна історіографія національно-демократичної революції в Україні 1917–1920 років / Л. О. Радченко. – Харків : Око, 1996. – 120 с.
38. Реєнт, О. Павло Скоропадський / О. Реєнт. – Київ : Альтернативи, 2003. – 304 с.
39. Реєнт, О. П. Українська революція і робітництво. Соціально-політичні та економічні зміни 1917–1920 рр. / О. П. Реєнт. – Київ : Інститут історії України НАН України, 1996. – 265 с.
40. Романько, І. І. Розвиток театрального мистецтва України в 1917–1920 рр. : автореф. дис. ... канд. іст. / І. І. Романько. – Київ, 1999. – 19 с.
41. Рубльов, О. П. Українські визвольні змагання 1917–1921 рр. / О. П. Рубльов, О. П. Реєнт. – Київ : Альтернативи, 1999. – 320 с.
42. Сарбей, В. Г. [рец.] Українська революція: концепція та історіографія / В. Г. Сарбей [рец.], В. Ф. Солдатенко. – Київ : Книга Пам'яті України, 1997. – 416 с. // Український історичний журнал. – 1998. – № 3. – С. 145–149.
43. Собчинська, М. М. Становлення і розвиток шкільництва і педагогічної думки в Українській Народній Республіці (1917–1920 рр.) : дис. канд. пед. наук / М. М. Собчинська. – Київ, 1995. – 207 с.
44. Солдатенко, В. Ф. Галицька армія у Наддніпрянській Україні / В. Ф. Солдатенко, Б. П. Савчук. – Київ : Світогляд, 2004. – 213 с.
45. Солдатенко, В. Ф. Україна в революційну добу: Історичне есе-хроніки : у 4 т. / В. Ф. Солдатенко. – Харків : Прапор, 2008. – Т. 1 : Рік 1917. – 560 с.
46. Солдатенко, В. Ф. Українська революція: концепція та історіографія / В. Ф. Солдатенко. – Київ : Книга Пам'яті України, 1997. – 416 с.
47. Солдатенко, В. Ф. Три Голгофи. Політична доля Володимира Винниченка / В. Ф. Солдатенко. – Київ : Світогляд, 2005. – 349 с.
48. Солдатенко, В. Ф. Українська революція: концепція та історіографія (1918–1920 рр.) / В. Ф. Солдатенко. – Київ : Книга Пам'яті України, 1999. – 508 с.

Солдатенко, В. Ф. Революційна доба в Україні (1917–1920 роки): логіка пізнання, історичні епізоди, ключові постаті / В. Ф. Солдатенко. – Київ : НВЦ «Пріоритети», 2012. – 521 с.

49. Солдатенко, В. Ф. Стан історіографічної розробки та актуальні проблеми дослідження історії Української революції / В. Ф. Солдатенко // Український історичний журнал. – 1999. – № 1. – С. 68–85.

50. Солдатенко, В. Ф. Україна в революційну добу / В. Ф. Солдатенко. – Київ : Світотгляд, 2009. – Т. 2 : Рік 1918. – 411 с.

51. Стопчак, М. Утворення та діяльність Директорії УНР (1918–1920 рр.): Історіографічний нарис / М. Стопчак. – Вінниця : І. Балюк, 2010. – 812 с.

52. Тинченко, Я. Українські збройні сили, березень 1917 р. – листопад 1918 р. (організація, чисельність, бойові дії) / Я. Тинченко. – К. : Темпора, 2009. – 480 с.

53. Тинченко, Я. Ю. Нагородна справа урядів Української Народної Республіки, 1917–1992 : автореф. дис. ... канд. іст. наук / Тинченко Я. Ю. – Київ, 2016. – 18 с.

54. Ткачук, П. П. Організація артилерійських частин та їх бойова діяльність по захисту української державності 1917–1920 рр. : автореф. дис. ... канд. іст. наук / П. П. Ткачук. – Київ, 2004. – 19 с.

55. Турченко, Ф. Г. Магістралі й глухі кути Української революції / Ф. Г. Турченко, Г. Ф. Кривоший // Українська революція: 1917 – початок 1918 рр. (Проблеми, пошуки, узагальнення). – Запоріжжя, 1998. – С. 3–64.

56. Українська революція і державність (1917–1920 рр.) : Науково-бібліографічне видання. – Київ, 2001. – 816 с.

57. Українська Центральна Рада : Документи і матеріали : у 2 т. – Київ, 1996. – Т. 1. – 580 с. ; Київ, 1997. – Т. 2. – 424 с.

Український національно-визвольний рух. Березень – листопад 1917 року : Документи і матеріали. – Київ, 2003. – 1024 с.

Директорія, Рада Народних Міністрів Української Народної Республіки. Листопад 1918 – листопад 1920 : Документи і матеріали : у 2 т. – Київ, 2006. – Т. 1. – 688 с. ; Т. 2. – 744 с.

Дипломатія УНР та Української Держави в документах та спогадах сучасників : у 2 т. – Київ, 2008. – Т. 1. – 369 с. ; Т. 2. – 379 с.

58. Ульяновський, В. І. Церква в Українській державі 1917–1920 рр. (доба Української Центральної Ради) / В. І. Ульяновський. – Київ : Либідь, 1997. – 200 с.

59. Харук, А. І. Військово-повітряні сили України в 1917–1920 рр. : автореф. дис. ... канд. іст. наук / А. І. Харук. – Львів, 2000. – 19 с.

60. Хміль, І. С. Політична діяльність В. Винниченка / І. С. Хміль // Український історичний журнал. – 1989. – № 7. – С. 82–91.

Хміль, І. С. Петлюра і петлюрівщина / І. С. Хміль // Український історичний журнал. – 1990. – № 3. – С. 107–119.

61. Чоп, В. М. Союз і змова: обставини підписання і розриву військово-політичної угоди РПАУ (махновців) та УНР (вересень 1919 р.) / В. М. Чоп // Наукові праці історичного факультету Запорізького державного університету. – Запоріжжя : Просвіта, 2005. – Вип. XIX. – С. 206–221.

62. Шаповал, Ю. Михайло Грушевський / Ю. Шаповал. – Київ : Альтернативи, 2005. – 352 с.

СОЗДАНИЕ ЖЕНСКИХ ВОИНСКИХ ЧАСТЕЙ В РОССИЙСКОЙ АРМИИ В 1917 г.

В. Н. Паришина

г. Пенза, Россия

Аннотация. Статья посвящена исследованию деятельности женских воинских формирований боевого назначения летом – осенью 1917 г. Автор приходит к выводу, что данные формирования появились в обстановке резко усилившейся борьбы классов и партий за армию. Появление в русской армии женских воинских частей в 1917 г. стало своеобразным прологом к началу военной службы женщин в России.

Ключевые слова: женские воинские формирования, Первая мировая война, М. Л. Бочкарева.

Annotation. The article is devoted to the analysis of the female military groups of a combat purpose in summer and autumn 1917. The author comes to the conclusion that these troops were necessary in the situation of raising class struggle. The appearance of women's military groups in 1917 started the history of female military service in Russia.

Key words: female military groups, the First World War, M. L. Bochkareva.

Создание в 1917 г. в российской армии женских воинских частей является малоизученной страницей прошлого. Во многих изданиях, включая энциклопедические, содержатся сведения о формировании единственного женского батальона, вошедшего в историю в связи с его участием в событиях Великой Октябрьской социалистической революции [1: 96]. Между тем создание женских воинских частей приобрело широкий размах задолго до октябрьских событий.

Они появились в обстановке резко усилившейся борьбы классов и партий за армию. В их формировании важную роль сыграли различные полувойсковые общественные организации. Одной из них являлся созданный в Петрограде Организационный комитет женских маршевых отрядов. 20 мая представители совета обратились к А. Ф. Керенскому с просьбой разрешить формирование «исключительно женских отрядов». 2 июня газета «Русское слово» опубликовала обращение комитета к женщинам России с призывом записываться в специальные подразделения для участия в боевых действиях и проведения просветительно-агитационной работы на фронте [7: 177].

Активную роль в организации женских частей сыграла военная разведчица М. Л. Бочкарева – уфимская крестьянка, младший унтер-офицер 28-го Полоцкого полка, награжденная Георгиевским крестом и тремя медалями в годы первой мировой войны [4: 164]. В мае 1917 г. возник женский батальон. Приехав в столицу, М. Л. Бочкарева встретила с М. В. Родзянко, которому изложила свою идею поддержки морального духа солдат путем создания под ее командованием «Женского батальона смерти».

Вскоре ее инициатива получила поддержку генерала А. А. Брусилова и А. Ф. Керенского. В первый же день в 10-й Петроградский женский батальон смерти записались 1500 женщин, на следующий день – еще 500. Под штаб приспособили находившийся поблизости Коломенский женский институт.

По наблюдению корреспондента газеты «Биржевые новости», бросалась в глаза интеллигентная внешность солдат. До 30 процентов состава батальона были курсистками, свыше 40 процентов имели среднее образование. Постигали азы военного дела и бывшие сестры милосердия. По национальному составу, кроме 8–9 эстонок и латышек, 6 евреек и одной англичанки, остальные были русские.

Уже через пару недель успехи дам были впечатляющими. Командующий войсками Петроградского военного округа генерал П. А. Половцев с удивлением

констатировал: «Из вновь формируемых частей для спасения Отечества особенно интересным оказался женский батальон смерти госпожи Бочкаревой... Потеха замечательная. Хорошо отчеканенный рапорт дежурной девицы один чего стоит, а в казарме «штатская одежда» и шляпки с перьями, висящие на стене против каждой койки, производят оригинальное впечатление. Зато строевой смотр проходит на 12 баллов. Удивительные молодцы женщины, когда зададутся определенной целью...» [4: 164]. Однако, несмотря на успехи в подготовке женщин, в батальоне росло недовольство командованием М. Бочкаревой, которая была груба, не гнушалась заниматься рукоприкладством и т.п. В результате конфликта большинство женщин ушли из батальона, а с М. Бочкаревой осталось 300 верных ей добровольцев.

Считая, что «успех войны зависит... исключительно от восстановления моральной боеспособности армии», военное ведомство охотно поддержало формирование женских «батальонов смерти» [7: 177]. При Главном управлении Генерального штаба была образована Комиссия по женской трудовой повинности. Общеорганизационную часть по формированию отрядов женщин-добровольцев предполагалось сосредоточить в штабах военных округов.

Военные женские организации стали стихийно возникать в различных городах (Москве, Киеве, Минске, Полтаве, Харькове, Симбирске, Вятке). По их инициативе, а также отдельных частных лиц началось формирование женских воинских отрядов. В июне – июле такие отряды появились в Екатеринбурге, Ташкенте, Киеве. Союз женщин Вятки принял решение о создании женской роты. В Мариуполе при 24-м пехотном запасном полку формировался Украинский женский «батальон смерти». Инструкторы 692-й пешей дружины помогали обучению Саратовского ударного женского батальона. 5 июня в Военном министерстве была получена телеграмма комиссара Временного правительства из Екатеринодара о том, что группа женщин готова отправиться в Действующую армию. 17 июня екатеринодарский «Листок войны» опубликовал призыв создать воинское формирование женщин-волонтерок, чтобы вселить «дух бодрости и отваги в сердца малодушных воинов. А уже 25 июня состоялось их собрание, на котором присутствовали 240 волонтерок. Женский «батальон смерти» был создан даже в Баку [7: 177].

На юге России был создан Черноморский военный союз женщин. Активную деятельность по формированию женских батальонов развернул и женский военно-патриотический союз во главе с Е. И. Моллесон. С 1 по 5 августа в Петрограде проходил Всероссийский женский военный съезд. На нем присутствовали представительницы женских военных организаций и воинских частей из Москвы, Киева, Саратова и других городов.

В июле 1917 г. началось обучение женской морской команды при морской стрелковой школе в Ораниенбауме. Россиянки активно осваивали военные специальности. Сотни провинциалок писали прошения с просьбами принять их в женские батальоны. Невеста одного из белобилетников послала своему жениху записку: «Пока ты будешь пользоваться отсрочкой от призыва, я успею за тебя повоювать с врагами Родины» [5: 20].

Женские отряды и организации оказались вне контроля со стороны военных властей в силу своего явочного возникновения. Военное ведомство с тревогой отмечало, что ему остаются совершенно неизвестными «ни их политическая платформа, ни их военная программа, ни источники комплектования и снабжения, ни штаты, по которым они формируются, ни состав инструкторов». Стремясь ввести стихийное движение в организованное русло, Военный совет 29 июня специальным решением создает два отдельных пехотных батальона и четыре отдельные команды связи. Позднее военное ведомство решило сформировать еще один батальон и семь команд связи.

Таким образом, в стране официально организовывались: 1-й Петроградский женский батальон, 2-й Московский женский батальон смерти, 3-й Кубанский женский ударный батальон; команды связи: в Петрограде – 2, в Москве – 2, в Киеве – 5, а Саратове – 2. По штату каждый батальон должен был состоять из 19 офицеров, 5 военных чиновников, 1083 строевых и 85 нестроевых солдат, а каждая команда связи – из 2 офицеров и 99 солдат. Все организованные ранее явочным порядком воинские части должны были влиться в состав названных батальонов и команд. Например, женщины-добровольцы из Баку направлялись в Петроград, из Мариуполя – в Киев и т.д. Однако стихийное формирование женских воинских частей продолжалось. В августе в Одессе был образован женский отряд, причем 100 женщин-добровольцев изъявили желание отправиться немедленно на фронт.

23 октября штаб Верховного главнокомандующего утвердил штат и Положение о Минской отдельной караульной дружине женщин-добровольцев в составе 200 человек. Рассчитывая сформировать «надежную» часть в условиях резко усилившегося революционного движения в армии, военное командование настаивало на том, чтобы «лица, поступившие в дружину», не принадлежали «ни к каким политическим партиям», а «все приказания начальствующих лиц» исполняли «в точности».

Фактически руководство женским «патриотическим» движением осуществлял Организационный комитет Женского военного союза под председательством Е. И. Моллесон, а также Всероссийский женский союз помощи Родине «Женщины за Отечество» во главе с М. Рычковой. В числе организаторов женских отрядов были жена генерала А. А. Брусилова – Н. В. Брусилова и жена Керенского – О. Л. Керенская. Формированием женских отрядов заинтересовался и Всероссийский центральный комитет по организации Добровольческой революционной армии (председатель комитета капитан М. А. Муравьев). Он высказался за передачу всего дела организации женского военного движения в одни руки. Заботу о женщинах-добровольцах взял на себя Союз георгиевских кавалеров. Постановлением Главного совета «Военной лиги» был учрежден Комитет женских военно-трудовых команд. 2 июля в Москве на Красной площади митрополит Московский Тихон благословил «ударниц» 2-го Московского женского батальона смерти [9:183].

1–5 августа 1917 г. в Петрограде состоялся Всероссийский женский военный съезд. На нем присутствовали представители женских военных организаций и воинских частей из Москвы, Киева, Саратова и других городов. Съезд рассмотрел вопросы создания объединенного всероссийского женского военного союза, а также Центрального совета, ведавшего делами организации женщин, вступавших в ряды армии, и женской добровольческой военно-трудовой помощи государству.

Отношение к женским воинским частям и организациям с мая по октябрь 1917 г. претерпело изменения. Первоначально Временное правительство, буржуазные общественные организации стремились ускорить процесс формирования женских батальонов и команд. Муравьев писал в ГУГШ 26 июня: «Организация добровольчества, в том числе и добровольчества женского, есть организация момента и поэтому должна протекать более чем интенсивно и должна произойти в течение двух – трех недель» [7: 179]. Вместе с тем отдельные представители военного командования и тогда высказывались осторожно насчет целесообразности использования на фронте женских частей.

В начале июля главнокомандующий армиями Западного фронта генерал-лейтенант А. И. Деникин на ходатайстве о создании женского военного отряда в Минске написал резолюцию: «На фронт прибывает Петроградский женский легион (речь идет о батальоне Бочкаревой). Нужно выждать и посмотреть, как к нему отнесутся войска. До тех пор признаю формирование преждевременный

я нежелательным». 7 августа в управлении дежурного генерала Ставки Верховного главнокомандующего была подготовлена справка о женских частях, на которой Верховный главнокомандующий Л. Г. Корнилов написал: «Дальнейшее формирование из женщин-добровольцев и частей чисто боевого назначения прекратить; части уже существующие оставить пока на фронте, воспользоваться ими для охраны дорог». 22 августа Временное правительство издало постановление о привлечении женщин для несения этой службы, а в октябре было принято решение отправить все три женских батальона в Действующую армию (по одному на каждый фронт) в целях охраны железных дорог, станций, вокзалов и т.д. В справке ГУГШ от 27 сентября отмечалось, что «малое число женских батальонов не возымело никакого воздействия на общую массу войска, солдаты отнеслись к ним равнодушно, а иногда и враждебно».

На фронт летом 1917 г. были отправлены лишь две женские воинские части (М. Л. Бочкаревой и Кинерт), «имеющие характер явочных организаций, никакими штатами не предусмотренных и возникших по частной инициативе».

27 июня 200 бойцов батальона Бочкаревой прибыли на Западный фронт в район Молодечно. В тот же день туда по указанию начальника штаба 10-й армии генерал-майора А. Ф. Добрынина было направлено для дальнейшего обучения женского батальона 15 опытных инструкторов. Командование торопилось разместить батальон в тыловом районе 1-го Сибирского армейского корпуса. 7 июля 525-й пехотный полк 132-й пехотной дивизии получил приказ выдвинуться на позиции в район Крево. Входивший в состав полка женский батальон расположился на правом фланге вместе с 1-м батальоном. Утром 9 июля полк вышел на опушку Новоспасского леса и попал под артобстрел. В течение двух дней он отразил 14 атак противника, и, несмотря на сильный пулеметный огонь, несколько раз переходил в контратаки. По свидетельству офицеров полка, женский батальон вел себя в бою «геройски, все время в передовой линии неся службу наравне с солдатами» [7: 177]. Женщины-добровольцы ходили в атаку, в разведку, подносили патроны, перевязывали раненых, подавая пример «храбрости, мужества и спокойствия, поднимая дух солдат» [8: 331].

В Советской военной энциклопедии указано, что в ночь на 9 июля у дер. Белая близ Сморгони во время атаки позиций противника женский «батальон смерти» потерял треть личного состава убитыми и ранеными, был отозван в Петроград и переформирован в 1-й Петроградский женский батальон. Но это не так, в боях 9–10 июля участвовали 170 добровольцев. Потери составили: 2 убитых, 33 раненых и контуженых (из них 5 тяжело), 2 пропали без вести. Была ранена и Бочкарева [2: 205]. В должности командира батальона ее заменила М. Скрыдлова, что вызвало недовольство большинства женщин-добровольцев. Ротный комитет высказался за ее замену, заявив, что в противном случае не будет подчиняться приказам. Временно исполняющий должность начальника дивизии полковник М. А. Желенин отправил в штаб корпуса телеграмму следующего содержания: «Волнения в женском отряде «смерти» дурно влияют на войсковые части дивизии. Вместо того, чтобы являть собой образец сплоченности, единения и безропотного повиновения поставленному над ними начальнику отряд сам нуждается в водворении в нем порядка». Под угрозой отправки в Петроград на переформирование волнения улеглись, и женский отряд продолжал участвовать в боевых действиях в составе 525-го пехотного полка в районе рек Виляй, Оканы, деревень Талут, Белая. Октябрь 1917 г. батальон встретил в лагере у дер. Оленец, находясь с 12 октября в резерве дивизии [1: 94].

Сохранились сведения, что 25 женщин в частном порядке прошли полный курс программы военных училищ ускоренных выпусков при Александровском

военном училище в Москве. Педагогический комитет училища 28 сентября доложил, что женщины-юнкера 2-го Московского женского батальона смерти выполнили все условия для производства в офицерский чин. Но отважные юнкера так и не были произведены в прапорщики, несмотря на принципиальное согласие военного министра и Политического управления Военного министерства.

В октябре завершилось формирование, обучение и вооружение 1-го Петроградского женского батальона, находившегося с 5 августа в лагере у ст. Левашово Финляндской ж.д. 25 октября он должен был отправиться на Румынский фронт. Однако в ночь на 24 октября 1917 г. его командир гвардии штабс-капитан А. В. Лосков получил приказ начальника штаба Петроградского военного округа немедленно прибыть с батальоном в столицу. Лосков и другие командиры считали, что речь идет о параде перед отправкой в Действующую армию. В полдень 24 октября женский батальон в полном составе разместился на Дворцовой площади.

Когда выяснилась истинная цель вызова его в Петроград (Временное правительство лихорадочно собирало последние силы, на которые оно могло бы опереться в борьбе с революционным движением), Лосков принял решение вывести женский батальон из столицы, видимо, понимая бессмысленность его участия в защите правительства. Министр путей сообщения А. В. Ливеровский в своем дневнике записал разговор 25 октября министра торговли и промышленности А. И. Коновалова с только что назначенным главнокомандующим войсками Петроградского военного округа Я. Г. Багратуни: Коновалов – «Почему же вчера были выведены из Петрограда женские батальоны?»; Багратуни – «По условиям расквартирования. Кроме того, мне было доложено, что на фронт они охотно идут, но вмешиваться в политическую борьбу не желают» [7, с. 181].

Обманым путем, под предлогом содействия доставке бензина с завода Нобель, в столице удалось оставить только 2-ю роту батальона в составе 137 человек. 24 октября вечером штаб Петроградского военного округа предписал командиру роты поручику В. А. Сомову выслать на охрану мостов: Николаевского – полвзвода, Дворцового – полвзвода и Литейного – взвод. Задача – способствовать разводке мостов, чтобы отрезать рабочие районы от центра и огнем предотвратить всякую попытку навести их снова. Однако эти действия юнкеров и 2-й роты женского батальона закончились провалом. Революционные матросы и красногвардейцы прочно удерживали мосты. Командир роты Сомов в часть не явился, сославшись на неожиданную болезнь.

Днем 25 октября женская рота заняла позиции на первом этаже Зимнего дворца, справа от главных ворот до Миллионной улицы. После сигнального выстрела с крейсера «Аврора» и в условиях начавшейся перестрелки перед дворцом рота выслала парламентаря и заявила о своем желании покинуть позиции.

25 октября она сдалась революционным солдатам Павловского резервного полка, была разоружена, а на следующий день отправлена на ст. Левашово. 30 октября весь батальон был разоружен прибывшими туда красногвардейцами. 1-й Петроградский женский батальон окончательно прекратил свое существование к 10 января 1918 г. [1: 96].

420 женщин-добровольцев 2-го Московского женского батальона смерти 30 сентября 1917 г. прибыли на Западный фронт. Вскоре батальон был направлен в распоряжение 27-й пехотной дивизии 10-й армии. 15 декабря на съезде представителей дивизии было принято решение о его расформировании. 3-й Кубанский женский ударный батальон формировался медленно. 27 декабря командир батальона войсковой старшина А. Г. Синчило получил телеграмму из штаба Кавказского военного округа о переводе батальона в Тифлис для несения гарнизонной службы. Там же он должен был быть полностью вооружен. Но батальон в Тифлис не прибыл,

а 26 февраля 1918 г. штаб округа принял решение о невозможности его вооружения и снаряжения.

После событий октября 1917 г. партия большевиков в тяжелое для Советской России время гражданской войны и интервенции мобилизует на защиту социалистического Отечества, борьбу «за классовые интересы всех без различия пола». Эту же линию поддерживал и 1-й Всероссийский съезд работниц и крестьянок, проходивший в ноябре 1918 г.

Официально провозглашенное равноправие мужчин и женщин автоматически закрепило за последними права и обязанности по отношению к военной службе [6: 63].

Библиографический список

1. Астрахан, Х. М. О женском батальоне, защищавшим Зимний дворец / Х. М. Астрахан // История СССР. – 1965. – № 5. – С. 93–97.
2. Бочкарева, М. Яшка: моя жизнь крестьянки, офицера и изгнанницы. В записи Исаака Дон Левина / М. Бочкарева. – М., 2001. – 444 с.
3. Деникин, А. И. Очерки русской смуты / А. И. Деникин. – Париж, 1921 (Репринт). – Т. 1, вып. 2. – 314 с.
4. Дроков, С. В. Организатор Женского батальона смерти / С. В. Дроков // Вопросы истории. – 1993. – № 7. – С. 164–167.
5. Журавлев, В. А. Российская государственность и армия в 1917 г. / В. А. Журавлев, В. М. Боер. – СПб., 1999. – 98 с.
6. Кирюшина, Т. А. «Раз война, значит, нужно на фронт» / Т. А. Кирюшина, В. Н. Паршина // Военно-исторический журнал. – 2015. – № 3. – С. 63–68.
7. Сенин, А. С. Женские батальоны и военные команды в 1917 г. / А. С. Сенин // Вопросы истории. – 1987. – № 10. – С. 176–182.
8. Советская военная энциклопедия. – 1977. – Т. 3. – С. 331.
9. Соловьев, А. Г. Записки современника / А. Г. Соловьев. – М., 1964. – С. 355.

ПЕНЗЕНСКИЙ ГУБЕРНСКИЙ СТАТИСТИЧЕСКИЙ КОМИТЕТ И УЧЕНАЯ АРХИВНАЯ КОМИССИЯ

В 1917–1918 гг.

(по материалам Государственного архива
Пензенской области)

В. И. Первушкин

г. Пенза, Россия

Аннотация. В статье рассматривается деятельность Пензенского губернского статистического комитета и Пензенской ученой архивной комиссии в 1917–1918 гг. В начале дана характеристика этих учреждений. Проанализированы архивные документы из фондов Государственного архива Пензенской области, которые привели автора к мысли о том, что губерния переживала экономическую катастрофу. Документальный материал позволил проследить процесс ликвидации ученой архивной комиссии.

Ключевые слова: губернские статистические комитеты, губернские ученые архивные комиссии, архивные документы, экономическая катастрофа.

Summary. The report covers the activities of the Penza provincial statistical Committee and the Penza scientific archival Commission in 1917–1918. In the beginning, the characteristic of these institutions. Analyzed archival documents from the collections of the State archive of the Penza region, which led the author to believe that the province experienced an economic catastrophe. The documentary material has allowed to trace the process of elimination scientific archival Commission.

Key words: the provincial statistical committees, provincial scientific archival commissions, archival documents, economic disaster.

В период социальных преобразований особенно важным для общества становится сохранение исторической памяти. Революционные события 1917 г., несомненно, были величайшим потрясением для России. Старая государственная система, неотъемлемой частью которой являлись ведомственные делопроизводства и архивохранилища, упразднялась по всей стране. Из одних зданий спешно выезжали прежние чиновники, вывозя с собой мебель и привычные канцелярские принадлежности, в другие тут же въезжали новые. В марте 1917 г. военный архивист Ф. А. Нинева отправил Государственной думе и Временному правительству «Записку об организации архивов в России», в которой обращал особое внимание на бедственное положение архивного дела и массовое уничтожение документов, он, как и многие другие неравнодушные к подобной ситуации люди, просил остановить вопиющий беспредел [5: 17]. Мы поддерживаем тезис историка Т. И. Хорхординой о том, что в эти непростые для нашей страны времена этический смысл профессиональной работы архивистов становится высшим, надсистемным стимулом к восстановлению искусственно разрываемой в ходе социально-политических катаклизмов «связи времен» [6: 38].

Приведем, в качестве наглядного примера деятельность Пензенского губернского статистического комитета (ПГСК) и Пензенской ученой архивной комиссии (ПУАК) в 1917–1918 гг., опираясь на документы Государственного архива Пензенской области (ГАПО). В начале, следует сказать несколько слов об этих учреждениях. ПГСК был создан 6 мая 1835 г. для сбора и обработки местных статистических материалов. Его председателем являлся губернатор, фактически же руководил работой секретарь. ПГСК собирал сведения для составления ежегодных отчетов губернаторов, представляемых в Министерство внутренних дел (МВД), «Обзоров» губернии, поддерживал связи с научными учреждениями и обществами страны,

был организатором краеведческого движения в губернии. Комитет издавал: «Отчеты», «Протоколы», «Журналы» заседаний комитета, «Памятные книжки Пензенской губернии», «Адрес-календари Пензенской губернии», «Справочные книги Пензенской губернии», «Сборники Пензенского губернского статистического комитета», готовил к публикации неофициальный отдел «Пензенских губернских ведомостей». При ПГСК были созданы библиотека и музей. В 1899–1901 гг. проводил работу по созданию ПУАК, которая была открыта 22 сентября 1901 г. Фактически ПУАК являлась местным историческим обществом, т.к. занималась составлением губернского исторического архива, сбором сведений о древностях края, организацией музея, охраной памятников старины, публикацией материалов по истории, археологии и этнографии края. Комиссия состояла из почетных и действительных членов, которые представляли различные общественные слои. В силу этих обстоятельств, она оказала большое влияние на развитие провинциальной исторической науки.

В фонде «Пензенский губернский статистический комитет (1835–1918)» ГАПО за 1917–1918 гг. сохранились следующие дела: «Циркуляры Департамента полиции, устав профессионального союза курьеров, служащих Пензенских государственных, общественных и частных учреждений», «Сведения о погоде, о кустарных промыслах, отхожих промыслах, о типографиях, о доходах и расходах городов, о скотоводстве, о фабриках и заводах». Следует заметить, что оба дела небольшие по объему. Однако из них видно, что ПГСК продолжал свою работу. В них нас, прежде всего, интересовало положение дел в губернии в связи с революционными событиями в столичных городах. В «Записке о казенных зданиях ведомства МВД, находящихся в Пензенской губернии и другие сведения за 1917 год» к революционным событиям можно отнести лишь изменения названия Губернаторского дома, на дом Канцелярии губернского комиссариата. В остальном же идут описания хозяйственной деятельности. Приведем несколько примеров: «Всех казенных зданий Пензенской губернии состоящих в ведении Строительного отделения бывшего Губернского правления в 1917 г. находилось 13, из коих в Пензе – 4, а именно: дом, занимаемый Канцелярией губернского комиссариата (бывший Губернаторский дом) в 3 этажа, два 2-х этажных корпуса присутственных мест... Остальные же здания находятся в 9 уездных городах губернии, в каждом по одному корпусу присутственных мест. Все здания каменные.

Дом, занятый губернским комиссариатом. Как дом, так и находящиеся при нем во дворе надворные постройки, находятся в удовлетворительном состоянии. В 1917 г. в доме производился небольшой ремонт помещений, и закончились работы, начатые еще в 1915 г., на ассигнованную МВД сумму 10 901 руб. 62 коп., по устройству железобетонного ледника и по постройке каменных служб: каретников, сарая, ледника для прислуги и сушилки для белья.

Первый корпус присутственных мест. Находится в удовлетворительном состоянии, в этом здании в 1917 г. закончились работы по ремонту его, начатые в 1915 г. на ассигнованную бывшим МВД сумму 6531 руб. 36 коп. ... К этому зданию предполагается сделать особую пристройку для арестантского помещения при помещавшейся ранее бывшей уездной полиции, а теперь Управления уездной милиции» [1: 181, 181об]. Из фрагмента документа мы видим, что казенные здания планомерно ремонтировались на средства выделенные МВД. Более того, в 1917 г. Строительным отделением Пензенского губернского правления были учреждены проекты на строительство: «...3-х мельниц с нефтяным двигателем, 1-й сушилки при паровой мельницы, 1-й солодовни при овощесушильном заведении, 1-го мыловаренного заведения, 1-го электро-театра, 1-го кинематографа с ручным аппаратом «Кок» и 1-го проекта на постройку нефтяного двигателя при существующей

типографии... Утверждено также 18 новых планов на устройство селений Пензенской губернии...» [1: 183]. Судя по этим документам, в губернии все было хорошо ни экономического кризиса, ни революционных событий вообще не происходило. Следует не забывать, что чиновничество во все времена склонно приукрашивать действительность. Однако экономическую катастрофу скрыть было нельзя и в чиновничьих отчетах, когда дело касалось конкретных денежных средств. Так, в «Отчете управляющего акцизными сборами Пензенской губернии от 18 июля 1918 г.» виден катастрофический спад промышленности: «В 1917 г. из числа 111 винокуренных заводов действовало только 2... На дрожжево-винокуренном заводе, находящемся в Пензе винокурения не было... Пивоваренные заводы, находящиеся в Пензе бездействовали. Медоварения не проводилось. Заводов для выделки водок в отчетном году не существовало» [1: 184, 184об]. Однако потребление спирта увеличилось: «Местное потребление вина на лечебно-технические надобности в отчетном году составило 119548,5 ведер по сравнению с 1916 г. потребление вина увеличилось на 1575,8 ведер» [1: 185]. Подобное явление характерно для кризисного состояния общества, когда изготовление официальной ликеро-водочной продукции снижается, а потребление алкогольного суррогата увеличивается. Это подтверждается и ассортиментом табачных фабрик «...на которых вырабатывался исключительно низкий сорт курительного табака – махорка...» [1: 184 об].

События 1917 г. не обошли стороной и ПУАК. В фонде «Пензенская губернская архивная комиссия (1901–1918)» за интересующие нас годы сохранились следующие дела: «Переписка с Пензенской губернской земской управой и губернским правлением об ассигновании денежных средств для Пензенской ученой архивной комиссии», «Переписка Пензенской ученой архивной комиссии с Пензенской казенной палатой о рассмотрении описей дел, подлежащих уничтожению или хранению в архиве комиссии», «Журнальное постановление комиссии о передаче музея и библиотеки Пензенскому народному институту». Из архивных документов следует, что в 1917 г. финансовую поддержку ПУАК оказывали МВД, Губернское правление и Губернское земство. В феврале 1917 г. ПУАК обратилось с просьбой в Губернское земское собрание: «Принося искреннюю признательность Губернскому земскому собранию за постоянное сочувствие к нуждам Пензенской ученой архивной комиссии, выразившееся в ежегодных денежных субсидиях, являющихся почти единственным источником ее существования. Комиссия надеется, что и в нынешнем году, когда она особенно нуждается в пособии в виду страшной дороговизны на дрова, необходимых на отопление ее помещения и вследствие вздорожания цен на все канцелярские хозяйственные предметы – Губернское земское собрание не откажет ей в соответствующем пособии, имея в виду, что, несмотря на исключительные обстоятельства вызванные временем, комиссия продолжает работать на пользу местного края и, особенно, продолжает работать по собиранию памятников настоящей войны, образуя, так сказать, особый музей, который, несомненно, со временем, принесет большую пользу исследователям Пензенского края» [2: 1]. Следует отметить, что Губернское земское собрание откликнулось на просьбу и решило: «ассигновать Пензенской ученой архивной комиссии пособие в сумме 200 рублей» [2: 2]. В этом же деле нами обнаружен любопытный документ: «27 октября 1917 г. ученой архивной комиссии просит Пензенское казначейство выдать правителю дел комиссии В. П. Попову из кредита по §19 ст. 8 сметы Министерства внутренних дел 1917 г. 100 руб. назначенные Министерством внутренних дел в пособие на содержание комиссии в 1917 г.» [2: 6]. Причем, к письму приложена ассигновка, по которой деньги были получены В. П. Поповым в тот же день. Судя по документу на жизнь провинциальной Пензы события

25 октября, произошедшие в Петрограде ни как не отразились, все учреждения работали в прежнем режиме. Кстати, об этом говорят и краеведческие исследования. Так, в «Очерках истории Пензенской организации КПСС» говорится, что Советская власть в Пензе установлена лишь 21 декабря 1917 г. [4: 84]. 1918 г. стал трагическим для ПУАК. В марте 1918 г. Совет Пензенского народного университета и Губернская коллегия народного просвещения ходатайствовали перед ПУАК о передаче ее библиотеки и музея Пензенскому народному университету, мотивируя необходимость этого шага опасностью передачи фондов комиссии в руки некомпетентных лиц. В силу значимости документа приведем его полностью: «Отношением от 7 сего марта за № 15, адресованным на имя председателя Пензенской губернской ученой архивной комиссии, Совет Пензенского народного университета, указывая на то, что работа Пензенской ученой архивной комиссии в настоящее время фактически парализована и библиотека бездействует, современные же обстоятельства жизни грозят ей или гибелью, или передачей в руки лиц некомпетентных, обращается с просьбой передать библиотеку Пензенской ученой архивной комиссии Народному университету, присовокупляя при этом, что Коллегия народного просвещения при Пензенском Совете со своей стороны против таковой передачи ничего не имеет. Одновременно с этим Коллегия народного просвещения отношением от 20 марта за № 134 присланным на имя Пензенской ученой архивной комиссии, просит сдать Народному университету не только библиотеку, но и музей.

Принимая во внимание изложенные выше сообщения, соглашаясь с приведенными в них доводами, а главное, имея в виду, что такое учреждение, которому предлагается передать библиотеку и музей преследует в основном те же цели, что и Пензенская ученая архивная комиссия, т.е. культурно-просветительную деятельность. Пензенская ученая архивная комиссия в составе подписавшихся лиц, числящихся членами комиссии, постановила:

1. Принадлежащую Пензенской ученой архивной комиссии библиотеку, в числе которой имеются целые отделы, пожертвованные частными лицами, передать на попечение Совета Народного университета.

2. То же самое сделать и с принадлежащим Пензенской ученой архивной комиссии историко-археологическим музеем.

3. Архивные дела, документы и рукописи, находящиеся еще не разобранными и не приведенными в систему, оставить как главную основную часть Пензенской ученой архивной комиссии, по-прежнему в ее распоряжении.

4. Имея в виду, что правитель дел Пензенской ученой архивной комиссии В. П. Попов, считаясь главным инициатором ее возникновения, благодаря трудам и заботам которого, как это видно из постановления последнего общего собрания комиссии: «Архивная комиссия всецело обязана своим процветанием и развитием ему. Более всего из состава комиссии он осведомлен о собрании библиотеки и музея – работу в которых не только не оставляет до самого последнего времени, но состав которых значительно пополнил разными предметами, относящимися до истории войны».

5. Просить его как уполномоченного Пензенской ученой архивной комиссии произвести сдачу книг и предметов музея Народному университету, установив время и порядок сдачи. По соглашению с представителями Народного университета.

6. Все изложенное выше занести в журнал, который по утверждению его подписью приобщить к делу, а копию представить в Совет народного университета для сведения» [3: 1–1об].

Как мы видим, в распоряжении комиссии осталось здание и не разобранные архивные материалы, но на основании декрета от 1 июня 1918 г. «О реорганизации

и централизации архивного дела в Российской Социалистической Федеративной Советской Республике», который закрепил на законодательном уровне централизацию архивной системы, провозгласил создание единого Государственного Архивного Фонда (ЕГАФ) и порядок передачи дел в архив, запретил уничтожение документов без разрешения Главного Управления Архивным Делом, процесс ликвидации ПУАК был предрешен. Видимо, по инерции, вплоть до конца августа 1918 г. в ПУАК приходили письма с описями архивных дел из Пензенского казначейства с просьбой разрешить уничтожение не важных с точки зрения комиссии документов, что позволяет нам утверждать – энтузиасты пензенской истории безвозмездно трудились до осени 1918 г.

Библиографический список

1. ГАПО. Ф. 9. Оп. 1. Д. 769.
2. ГАПО. Ф. 131. Оп. 1. Д. 69.
3. ГАПО. Ф. 131. Оп. 1. Д. 75.
4. Очерки истории Пензенской организации КПСС. – Пенза, 1974.
5. Хорхордина, Т. И. История и архивы / Т. И. Хорхордина. – М., 1994.
6. Хорхордина, Т. И. Революция 1917 г. и российские архивы: как это было / Т. И. Хорхордина // Вестник архивиста. – 2017. – № 3.

ВЛИЯНИЕ СОБЫТИЙ 1917 г. НА НАЗВАНИЯ И ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ОБЪЕКТОВ ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ ГОРОДА БЕЛИНСКОГО

Л. М. Руднева

г. Белинский, Пензенская обл., Россия

Аннотация. У каждого городка России, даже самого малого, своя история, традиции, память. Имена, улицы, здания, памятники, музеи... Из всего этого и складывается то, что мы называем историей России.

Старые названия улиц города Белинского (Чембара) просты. Они связаны с географическими особенностями их расположения. Волна переименований XX в. написала в историю города страницу Советской истории.

Несмотря на недолгую историю города (с 1780 г.), в Белинском сохранились здания и XIX в., и XX в. Многие из них являются памятниками федерального и регионального значения. Пытливому человеку они могут многое рассказать не только об истории города, но и всей страны. Сохранить все это для потомков – наша обязанность.

Ключевые слова: названия улиц, объекты федерального и регионального значения.

Summary. Each town of Russia, even the smallest, has its own history, tradition, memory. Names, streets, buildings, monuments, museums... out Of all this and is what we call the history of Russia.

The old names of the streets Belinsky (chembar) simple. They are linked to the geographical characteristics of their locations. A wave of renaming of the twentieth century written in the history of the city page of Soviet history.

Despite the short history of the city (with 1780), in Belinskiy preserved buildings and XIX century and XX. Many of them are monuments of Federal and regional significance. Inquisitive person they can tell a lot not only about the history of the city but of the country. Save all this for future generations is our duty.

Key words: street names, the objects of Federal and regional significance.

Россия – огромная страна, состоящая из множества маленьких провинциальных городков, которые и составляют государство. Города, как и люди, имеют свои имена, биографию. Есть история и у нашего города, который был и селом Никольским, малый Чембар тож, и г. Чембаром (с 1780 г.), и, наконец, с 1948 г. носит имя критика В. Г. Белинского. О прошлом города напоминают памятники старины и архитектурные сооружения. Их не так много, но и не так мало для города с населением в 7843 жителя. Сохранились здания, связанные с именами Александра I и Николая I, Лажечникова, Сперанского, Салтыкова-Щедрина, Лермонтова, Тухачевского, именитых горожан Чембара. В первоначальном виде сохранились здания, связанные с именем В. Г. Белинского – мемориальный дом и бывшее Чембарское уездное училище.

К сожалению, в 80–90 гг. XX в. пострадал исторический центр застройки: были разрушены около десяти объектов (в том числе и здание мужской гимназии – бывшая школа Сперанского), представляющих историко-культурную ценность [7]. В настоящее время в г. Белинском есть три памятника федерального значения (дом, в котором В. Г. Белинский провел детские годы; здание бывшего уездного училища, в котором учился В. Г. Белинский; памятник В. Г. Белинскому работы Е. В. Вучетича; Постановление Совета Министров РСФСР от 30.08.1960 № 1327) и одиннадцать памятников (включая ансамбль исторической застройки ул. Белинской – 8 объектов) регионального значения [8]. В числе этих объектов шесть связано с советской эпохой.

Завоеватели древности сжигали книги и разрушали памятники, чтобы лишить народ исторической памяти. По счастью, памятники и XVIII–XIX вв., и памятники советского времени у нас в городе живы, но не все здоровы. Страничка истории пока еще читается. Как ее прочтут – особый вопрос. Но от нас зависит, прочтут ли ее вообще – историю города Чембара-Белинского – наши потомки.

Улицы... Как много они могут рассказать. В них – время, жизнь, историческая память. Старые названия улиц отражали их географические или иные особенности, расположение: в Белинском есть переулки Западный, Восточный, Северный и Южный; улицы Лесная, Луговая, Подгорная, Овражная, Набережная, Орешник. В зависимости от направления улицы получали название Кладбищенская, Нижне- и Верхне-Ломовская, Поимская, Саратовская, Пензенская, Тамбовская, Колычевская [1].

Волна переименований началась в нашем Отечестве сразу после революции. Известный публицист Ю. Дружников в своей статье «Чудеса переименований, или партийная топонимика», впервые опубликованной в 1988 г. в Нью-Йорке, писал: «В принципе, все должно было называться по-советски. И вот улицы с исконными историческими именами, на которых жили наши предки, во всех городах и деревнях стали Баррикадными, Большевикскими, Коммунистическими, Пролетарскими, Колхозными, Ударными, Соцсоревнования, Красноармейскими и пр. Потом пошли улицы и площади, регистрирующие, сколько удалось продержаться советской власти: 10 лет Октября, 25 лет, 50 лет. Есть улицы по номерам съездов партии, по партийным датам...» [5]. Наглядное подтверждение тому – улица Красноармейская, Красногвардейская улица и переулок, улица и переулок Свободы, улицы Колхозная, Интернациональная, Советская, 12 Декабря, проспект 60-летия Октября, площадь Комсомольская. С названием «Советский» – три объекта: площадь, улица и переулок. Есть и парки: Комсомольский и Пионерский (бывший Парк Коммунаров, в народе Школьный).

Первыми «именные» названия в нашем городе получили две улицы – Белинского и Лермонтовская. В советское время улицам стали присваивать имена людей, связанных с новой властью: В. И. Ленина, Е. И. Барышева, П. И. Замойского, С. А. Шуваева. Особняком стоит название улицы Ф. Захаркина – милиционера, погибшего в 1978 г. при задержании преступника (улица получила его имя в 2007 г.). В последнее время положительным явлением является присвоение новым улицам имен людей, внесших существенный вклад в развитие города: в 2000-е гг. появились на карте города улицы А. Ф. Сойнова и А. И. Храмова

Итак, в г. Белинском на данный момент 9 «именных» улиц. Интересно, что восемь из девяти носят имена местных уроженцев.

В. Г. Белинский – русский литератор, журналист, критик.

М. Ю. Лермонтов – великий русский писатель и поэт, драматург.

А. И. Храмов – основатель музеев М. Ю. Лермонтова в Тарханах и В. Г. Белинского в Чембаре, первый директор этих музеев.

А. Ф. Сойнов – известный доктор, заслуженный врач РСФСР.

Ф. М. Захаркин – милиционер. Награжден орденом Красной Звезды посмертно.

Названия трех улиц связаны с именами людей, которые устанавливали Советскую власть в г. Чембаре.

Улица Барышева (ранее улица Школьная, переулок Никольский).

Барышев Ермил Иванович – партийный руководитель. Уроженец с. Ключи Чембарского уезда. Подростком уехал в С.-Петербург, стал рабочим Путиловского завода. Матрос Гвардейского экипажа [9]. Участвовал в I русской революции. С 1907 г. член РСДРП. За политическую пропаганду в начале 1917 г. был арестован и заключен в тюрьму, из которой освобожден Февральской революцией.

Барышев участвовал в штурме Зимнего дворца. В 1918 г. возглавлял первый Чембарский уком РКП (б). В конце 1918 г. Барышев переведен на работу в Пензенский губком и губисполком. Избирался делегатом VIII съезда партии. 18 октября 1919 г. по мобилизации отправлен в политуправление Балтийского флота [13: 37].

Накануне 60-летия Советской власти (1977 г.) улице Школьной присвоено имя Е. И. Барышева [13: 76].

Улица Петра Замойского (ранее Старо-Почтовая улица).

Замойский (Зевалкин) Петр Иванович – русский советский писатель. Родился 13 (26) июня 1896 г. в чембарском с. Соболевка (ныне Каменского района). 7 августа 1915 г. мобилизован в армию, направлен на фронт рядовым в Ново-Троцкий 169-й пехотный полк. Участвовал в боях с австрийцами. 19 апреля 1916 г. ранен, контужен [10]. В 1916 г. возвратился в Соболевку, был избран сельским писарем. В феврале 1917 г. работал в сельском комитете, участвовал в занятии земель помещиков. Тогда же перешел писцом в Чембар, где его приняли служащим в земскую управу. В январе 1918 г. участвовал в революционных событиях в уезде. В мае 1918 г. вступил в РКП(б). Избран секретарем Чембарского городского партийного комитета и членом укома. Автор рассказов из крестьянской жизни, романа «Лапти». «Местность взята наша, чембарская, – делится П. Замойский с одним из пензенских знакомых, – которую я хорошо знаю, как и город Чембар, в котором работал с 7 августа 1917 по 15 сентября 1925 года». В своих произведениях Замойский вывел целый ряд реальных исторических лиц. Показаны они в конкретной обстановке, причем большинство описанных автором событий подтверждаются документально. Среди прототипов героев «Молодости» и «Восхода» товарищ председателя учкома партии С. А. Шуваев («Шугаев»), председатель уездной ЧК И. П. Торкин («Боркин»), член Свищевской партиячейки А. И. Бахтияров, председатель Свищевского волисполкома Степан Разыграев («Разгуляев»)…» [14: 134]. Умер в 1958 г.

8 августа 1959 г. по ходатайству правления Союза писателей СССР улице Старо-Почтовой г. Белинского было присвоено его имя.

Улица Шуваева (ранее Полуденная, Полденки).

Шуваев Степан Алексеевич – партийный и советский деятель. Родился 14 апреля 1889 г. в с. Волчково Чембарского уезда. Окончил 2 класса Чембарской гимназии. В 1904–1906 гг. был рабочим в Санкт-Петербурге, в I мировую войну – матросом на Балтфлоте. С 1917 г. член Коммунистической партии. Участник Октябрьского восстания в Петрограде. В октябре 1917 г. по решению Коммунистической партии в числе группы большевиков прибыл в Чембар для работы в деревне по утверждению Советской власти. 25–26 января (по ст. ст.) 1918 г. состоялось заседание VI крестьянского съезда, провозгласившего Советскую власть в уезде. 27 января – первое заседание исполнительного комитета уездного Совета рабочих, крестьянских и солдатских депутатов под председательством С. А. Шуваева. В 1919 г. работал инспектором Пензенского губисполкома, затем в Керенске (ныне Вадинске) председателем уисполкома. Погиб 21 февраля 1920 г. при подавлении крестьянского выступления [12: 54–67]. Накануне 60-летия Советской власти (1977 г.) улице Полуденной присвоено имя С. А. Шуваева [13: 76].

Названия городов и сел, гор, рек и других географических объектов отражают условия жизни человека, природные особенности местности. Именно поэтому топонимы во всем мире считаются ценнейшими памятниками истории и культуры народа. Однако их специфическая особенность – «нематериальность» – делает их крайне уязвимыми. Созданные народом названия могут жить тысячелетиями, но могут быть и уничтожены одним росчерком пера в угоду политическим соображениям. Несомненно, что неоправданное изменение географических названий – это

не меньший вандализм, чем уничтожение памятников, церквей, дворцов и других объектов материальной культуры.

В каждом времени есть и плохое, и хорошее. Наша главная задача – не повторять ошибок прошлого: не изменять в угоду временному исторически сложившиеся достойные названия улиц и городов, не уничтожать черты местной топонимики, не истреблять историческую память народа.

Листая страницы улиц книги города можно прочитать историю нескольких веков. Не меньше могут поведать и здания города.

- Народом (Народный дом им. В. Г. Белинского; МУК РКДЦ).

Одним из объектов г. Чембара, связанный с событиями 1917 г., стал так называемый Народом. Это здание относится к памятникам регионального значения (Решение исполнительного комитета Пензенского областного Совета народных депутатов от 05.06.1986 г № 279) [8]. Народный дом им. В. Г. Белинского построен в 1914 г. по проекту архитектора А. А. Багракова к 100-летию со дня рождения В. Г. Белинского. Зал его рассчитан на 300 мест, балкон на 125, в здании большая сцена, гримировочная, несколько комнат для кружковой работы, 2 вместительных фойе: зимнее и летнее. Вероятно, именно поэтому это здание избрали местом многочисленных заседаний и съездов. В частности, 4 марта 1918 г. в здании Народного дома открылся Первый съезд Советов, обсуждавший условия мира с Германией [11: 112].

- Уездное училище.

Находится на улице Лермонтовской (бывшая Никольская площадь). В настоящее время относится к объектам федерального значения (Постановление Совета Министров РСФСР от 30.08.1960 № 1327) [8]. Построено в 1821–1822 гг. Деревянное одноэтажное здание. Уже в 1918 г. по решению Чембарского исполкома церковь закрыли с целью переоборудования под школу для взрослых. По инициативе будущего писателя П. Замойского, утвержденному 2 марта 1921 г. председателем чембарской уездной комиссии по борьбе с неграмотностью, принялись разбирать старинный иконостас [13:14]. В это время о. Владимир, последний настоятель храма, оказал сопротивление, за что был заключен в Чембарскую тюрьму [6]. 17 апреля 1936 г. в здании был открыт Дом пионеров. 17 марта 1942 г. здание уездного училища передано музею В.Г. Белинского [11: 51-52].

- Высшая начальная школа (мужская гимназия).

Рядом со зданием уездного училища расположен двухэтажный дом. Во времена Белинского он был одноэтажным, самым дорогим в Чембаре – 3000 рублей. В нем жили преподаватели училища. После пребывания в Чембаре императора, когда в здании училища обустроили церковь, училище перевели в этот дом. До революции – чембарское высшее начальное училище, со 2 марта 1921 г. – мужская гимназия, с 1964 г. – школа [11; 90–91]. Здесь учился Н. А. Ишутин – один из первых представителей русских революционеров-заговорщиков, руководствовавшихся принципом «цель оправдывает средства» [1].

- Здание присутственных мест.

Самое старое каменное здание города (1808–1810 гг.). Построено по образцовому проекту «Полицейского управления для Чембара и Мокшан», созданному губернским архитектором Урюпиным. В первые годы Советской власти здесь размещался исполнительный комитет Совета рабочих, крестьянских и солдатских депутатов [11: 58–59].

- Дом купца Ф. И. Антюшина.

Дом купца Ф. И. Антюшина (ул. Белинская, 11) построен не позднее 1848 г. Двухэтажный каменный дом [11: 75]. В первые годы Советской власти в доме размещались Уком партии, редакция газеты «Известия Чембарского совета»,

«Прометей», «Коммунар» [4]. Здесь работал П. И. Замойский, советский писатель, наш земляк.

• Некрополь города

В центральной части г. Белинского, на территории Пионерского парка, расположены захоронения, называемые в народе Братскими могилами. В XIX в. это место было Никольской площадью города. На ней находился Никольская церковь, здания присутственных мест и уездного училища. Площадь служила местом проведения торжественных собраний, гуляний горожан. При церкви было кладбище, где хоронили священников. С приходом советской власти жизнь в городе изменилась: церковь закрыли, в здании до 50-х гг. была МТС; кладбище было заброшено и позднее разграблено и уничтожено [1].

В 1920 г. в южной части площади, по линии ул. Московской, ныне Лермонтовской, был заложен Парк Коммунаров (сейчас Пионерский парк), на его территории начали хоронить людей, защищавших советскую власть. В 1967 г. было завершено оформление захоронений как почетного некрополя нашего города. Сейчас некрополь представляет собою огороженный участок в южной части Пионерского парка. Состоит из 14 разновременных захоронений 1920–1958 гг. В первом ряду 11 могил, отмеченных наземными плитами, выполненными из мраморной крошки серого цвета с надписями и небольшими кирпичными оштукатуренными обелисками. Захоронения расположены в следующем порядке: Т. С. Шендяпин (1875–1921) – начальник милиции, убит бандитами; С. В. Оводков (?–1920) – один из первых комсомольцев города; Зинин Н. Ф. (1895–1920) – председатель Мачинского с/с, замучен бандитами; С. В. Карагин (?–?) – учитель, участник Гражданской войны; Н. Е. Лазарев (1890–1925) – учитель, инструктор политпросвета Чембарского уезда РКП(б), убит кулаками [1]. Первые захоронения на некрополе были сделаны в 1920 г. Советская власть в это время проводила жесткую продовольственную политику, на территории уезда действовали продотряды, которым была поставлена задача выполнить план заготовки сельхозпродуктов. Принудительное изъятие продовольствия вызывало массовое недовольство крестьян, которое выражалось в утаивании хлеба, а иногда и в расправе с представителями советской власти. О Никифоре Федоровиче Зинине известно, что он в 25 лет был избран Председателем сельского Совета в с. Мача Чембарского уезда и погиб от рук восставших крестьян в 1920 г. Дубровин Г. И., погиб в 1920 г. «при подавлении восстания кулаков в селе Кевда-Вершина». Первоначально его могила находилась на старых кладбищах в районе Белинской Школы Механизации. В 1966 г. комиссия горсовета приняла решение о переносе захоронения «на братские кладбища, находящиеся на Советской площади» [1].

1921 г. Чембарский уезд вновь становится ареной борьбы. С территории соседней Тамбовской губернии в села по западу уезда стали проникать вооруженные участники движения под руководством А.С. Антонова, и некоторые крестьяне под влиянием пропаганды и по собственному почину перестали вывозить зерно на ссыпной пункт, стали оказывать сопротивление продотрядам, расправляться с советскими работниками. Одной из жертв этой борьбы стал Т. С. Шендяпин Шендяпин Тихон Степанович в 1920 г. был назначен начальником милиции Чембарского уезда. Он родился в 1875 г. в бедной крестьянской семье в с. Починки Чембарского уезда Пензенской губернии, юношей уходил на заработки в Москву, где работал печником, а после октябрьских событий 1917 г. в Петрограде и Москве, вернулся на родину устанавливать советскую власть. Был убит в ночь с 13 на 14 марта 1921 г. Партийная и комсомольская организации уезда приняли решение о захоронении Т. С. Шендяпина в Чембаре. «Вечером 17 марта гроб с телом Шендяпина был установлен в помещении Чембарской уездной милиции для прощания.

18 марта, днем, на Никольской площади города были организованы похороны и траурный митинг» [3].

Лазарев Николай Евгеньевич родился в 1890 г. в Петербурге в семье чиновника, получил среднее образование. С 1914 до 1917 г. учительствовал, занимался на сельскохозяйственных курсах, служил в государственных конторах. С мая 1917 г. стал членом партии социалистов-революционеров, в октябре 1918 г. вступил в РКП(б). Отбывал трехмесячное тюремное заключение и был под надзором полиции за хранение и распространение революционной литературы. В октябре 1920 г. из учителей Башмаковской школы был отозван Укомом РКП(б) на должность агитатора-пропагандиста. Н. Е. Лазарев был убит кулаками в 1925 г., подробности смерти неизвестны [1].

О захороненных: С. В. Оводкове, С. В. Карагине, П. Волкове в настоящее время информации нет.

- Тюремный замок

До настоящего времени сохранилось полностью здание бывшей тюрьмы, построенной в 1854–1856 гг. Первоначально тюремный замок был обнесен кирпичной стеной 43×46 сажен по периметру и две сажени в высоту. В тюрьме имелись казематы-одиночки, общие камеры и камера пыток. В 1867 г. на средства купца К. А. Шугаева была организована и открыта тюремная церковь Митрофания [11: 70]. Назначение тюрьмы было не только уездным. Через Чембар в то время проходил Сибирский тракт. Поэтому в тюрьме останавливались ссыльные, следовавшие в Сибирь. Именно отсюда 25 сентября 1918 г. выводили на расстрел 48 капиталистов-заложников. В Советское время тюрьму ликвидировали, стену снесли, внутреннюю часть здания переоборудовали. До 1984 г. в нем была средняя школа № 1. С 1985 по 2016 г. – Дом детского творчества [1].

- Памятник В. И. Ленину.

В 1920 г. комсомольцы города посадили деревья в будущем парке Коммунаров. Теперь этот парк носит название Пионерский. В 1924 г. здесь был поставлен первый памятник В. И. Ленину (возможно, что один из первых в СССР), отлитый в г. Чембаре мастером Зудилиным [1].

- Памятник И. В. Сталину.

Был установлен на Комсомольской площади лицом к тюремному замку. Памятник простоял недолго. Судьба его неизвестна [1].

При смене политического режима обязательно происходит – и по логике вещей, и отчасти насильственно – переоценка ценностей. Новая власть во что бы то ни стало стремится дискредитировать прошлое, создать его отрицательный образ, образ стремящегося к лучшему настоящего и, конечно, практически идеального будущего – с нынешней властью, разумеется. Советская власть не избежала такой ошибки: образ плохого царизма был растиражирован, подкорректирован и стал хрестоматийным. В каждом времени есть и плохое, и хорошее. Наша главная задача – не повторять ошибок прошлого. Осуждая и отвергая все преступное, откровенно негативное в прошлом, не забывать о хорошем, отдавая дань памяти благодарности всем, кто всеми силами своей души, всей своей деятельностью стремились сделать мир, Родину, свой город лучше.

Библиографический список

1. Архивные материалы Государственного музея-усадьбы В. Г. Белинского.
2. Вырыпаев, П. Установление Советской власти в Чембарском уезде / П. Вырыпаев // Путь к коммунизму. – 1957. – 4 июня.
3. Гуреев, В. Погиб как боец / В. Гуреев // Молодой ленинец. – 1987. – 1 декабря.

4. Долженков, В. Старые названия «районки» / В. Долженков // Сельская новь. – 1993. – Апрель.
5. Дружников, Ю. Чудеса переименований, или партийная топонимика. Эссе / Ю. Дружников. – URL: <http://www.egeteka.ru/learning/course/composition/78/1489/>
6. Зелев, С. Сурская Голгофа. Пензенская епархия в годы гонений (1917–1941) / С. Зелев. – Пенза, 2007.
7. Лисов-Чембарский, В. Любить и беречь Светозара / В. Лисов-Чембарский // Сельская новь. – 1993. – 3 апреля.
8. Объекты культурного наследия федерального значения. Объекты культурного наследия регионального значения. – URL: [http://kopik.pnzreg.ru/files/kopik_pnzreg_ru/okn\(1\).pdf](http://kopik.pnzreg.ru/files/kopik_pnzreg_ru/okn(1).pdf)
9. Памяти героев Великой войны 1914–1918. Портал, посвященный событиям и героям Первой мировой войны 1914–1918. – URL: <http://gwar.mil.ru/cartoteka/yalutorovsk/37261/> (Барышев Е. И.)
10. Памяти героев Великой Войны 1914–1918. Портал, посвященный событиям и героям Первой мировой войны 1914–1918. – URL: <http://gwar.mil.ru/cartoteka/yalutorovsk/1054584/> (Зевалкин П. И.)
11. Проект зон охраны Государственного музея-усадьбы В. Г. Белинского. – М., 1985.
12. Революцию творившие. – Пенза : Приволж. кн. изд-во, 1967. – Вып. 2. – 68 с.
13. Фролов, П. А. Белинский / П. А. Фролов. – Саратов : Приволж. кн. изд-во, Пенз. отд-ние, 1979. – 78 с. – (Города Пензенской области).
14. Чембарская энциклопедия / под общ. ред. И. П. Чучуваткина, О. В. Ягова. – Пенза – Белинский : Изд-во ГУМНИЦ ПГУ, 2013. – 488 с.

ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ В ГОДЫ РЕВОЛЮЦИИ: ПАРАДОКСЫ БЫТИЯ

Г. Н. Рябова

г. Пенза, Россия

Аннотация. В статье на основе источников личного происхождения рассматривается повседневная жизнь в условиях революции, характеризуются ее особенности, определяется роль творчества в повседневной жизни.

Ключевые слова: революция, повседневность, культура, творчество.

Summary. This article studies the everyday life during the revolution, its particular features and determines the role of art in everyday life. The study is based on the personal notes and memories of contemporaries of the revolution.

Key words: revolution, everyday life, culture, creative work.

Все исторические события анализируются исследователями в первую очередь с точки зрения мировой истории, выясняются причины, характеризуются основные этапы, наконец, определяются ближайшие и отдаленные последствия. Однако картина исторического события будет неполной, если мы не рассмотрим реалии повседневной жизни человека, активного участника или пассивного наблюдателя происходящего.

Обращаясь к теме повседневной жизни в годы революции, обозначим хронологические рамки революционных событий. Сегодня этот вопрос является дискуссионным. На наш взгляд, началом революции являются события февраля 1917 г., а завершается она с окончанием Гражданской войны и переходом к новой экономической политике. Поскольку понятие «революция» определяется как радикальное, коренное, глубокое, качественное изменение в развитии общества, то для утверждения этих изменений необходимо определенное время. Поэтому революция не могла завершиться актом прихода к власти большевиков в октябре 1917 г., новой власти следовало закрепиться, выстоять в борьбе с политическими противниками. Исходя из этого, в данной статье хронологические рамки революции будут рассматриваться расширительно: 1917–1920 гг.

Любая революция – это всегда ломка старых основ не только социально-политической и экономической, но и обыденной жизни человека. Российская революция 1917 г. явилась ярким тому подтверждением. Многочисленные источники личного происхождения: дневники, письма, мемуары дают богатый материал для исследования повседневности революционных лет. Следует помнить о субъективности этих исторических источников. Часто на позицию автора влияют не только его социальный статус, политические пристрастия, уровень образования и культуры, но и возраст. Молодые люди нередко легче переносят социально-политические перевороты, так как молодости всегда свойственно надеяться на лучшее. Поэтому даже сложное, очень трудное время революции имеет романтический налет. Такими представляются мемуары И. В. Ильинского, М. И. Жарова, Л. Ю. Брик, автобиографические произведения А. Б. Мариенгофа. Революция для них совпала с личностным становлением, она открывала для новые возможности для творческой самореализации.

Совсем другое настроение присутствует в воспоминаниях М. Ф. Кшесинской, что тоже понятно. Безбедная жизнь, обусловленная близостью к царской семье, закончилась, начались страдания, соединенные опять-таки с личными переживаниями. Частью повседневной жизни многих людей был страх, страх за жизнь близких, особенно детей, боязнь потери имущества.

Между этими крайними полюсами – жизнь простонародья. Для нее характерны, пожалуй, такие черты, как анархия, своеволие, значительное расшатывание нравственных основ, традиционных устоев повседневной жизни. Документальным подтверждением этому могут служить записи высказываний солдат, сделанные С. З. Федорченко на фронте и в тылу в эти годы.

Для удобства характеристики повседневной жизни революционных лет воспользуемся методологией, предложенной Н. Б. Лебиной, которая рассматривает советскую повседневность через дихотомию «норма/аномалия» [см. 5: 7]. С этих позиций рассмотрим материальные условия жизни человека: пища, одежда, жилье. Вспомним, что проблемы с продовольственным снабжением крупных городов возникли еще в ходе Первой мировой войны, была введена карточная система. Однако голод затронул тогда далеко не всех. Так, например, известная балерина М. Кшесинская писала в своих мемуарах о званом обеде, который она давала в самый канун революции, 22 февраля 1917 г. Балерина описывала богатую сервировку стола на двадцать четыре персоны и вспоминала: «Когда гости вошли в столовую, они пришли в полный восторг от убранства стола, что мне доставило большое удовольствие, так как я каждую мелочь обдумывала и рассчитывала. Обед прошел оживленно и удачно, блюда были вкусные и подавались с соответствующими винами» [4: 254]. Да и позднее, М. Кшесинская писала, что обедали они с сыном в ресторане [см. 4: 274]. Когда семья перебралась в 1918 г. в Анапу, то каждый день начинался с утреннего кофе и чурек. Но и балерина вынуждена была впоследствии экономить. «Первые дни мы ходили завтракать и обедать, – писала она о пребывании в Анапе, – в чудный ресторан «Симон», где был великолепный повар. Но так как денег у нас было мало и такой расход был нам не по карману, мы стали питаться в маленьком пансионе, который содержала одна дама, и ежедневно ели одно и то же блюдо – битки, которые были дешевыми и сытными. Один Вова ел вкуснее и больше» [4: 300].

Однако далеко не все представители творческих профессий питались как М. Ф. Кшесинская. Голодала большая часть населения страны и интеллигенция не была здесь исключением, чаще даже наоборот. Народный артист СССР М. И. Жаров, бывший в те годы студентом, вспоминал, что учащиеся студии при Театре Художественно-просветительного союза рабочих организаций (ХПСРО) ели в столовых Нарпита. Но поскольку днем все работали, а в студии собирались вечером, и репетиции продолжались до глубокой ночи, то молодежь, хотя и с великим трудом, но организовала свой буфет. Продукты для этого буфета поставлялись, как указывал М. И. Жаров, из каких-то особых фондов. Были изготовлены специальные буфетные карточки. «Это поднимало наш дух, – писал известный артист, – хотя и не удовлетворяло полностью молодой аппетит: студенты по вечерам добавочно получали всего по два куска хлеба с икрой (селедочной) или повидлом и чай с сахарином» [2: 119]. Свидетельства М. И. Жарова подтверждаются и другими современниками. Л. Брик вспоминала, что питались соленой рыбой с сушеным горошком и грибами, которые сами собирали. «На закуску – маринованные грибы, суп грибной, – писала она, – иногда пирог из ржаной муки с грибной начинкой. На второе – вареные грибы, жарить было не на чем, масло в редкость» [1: 75–76].

Продукты добывались с трудом, всеми правдами и неправдами выменивались на черных рынках, где часто милиция устраивала облавы. Продавали все, что только можно было продать. Марина Цветаева продала шкуру с чучела лисы, портрет своей матери, лежащей в гробу (хотела только раму, но портрет крепко был в нее выделан) [см. 8: 499]. Рояль был продан поэтессой за пуд черной муки [см. 8: 493]. Сестра Марины Анастасия, жившая в эти трудные годы в Крыму, продала последние

кофты, ночные рубашки и нижние юбки, чтобы купить сыну молока. «А когда кончились вещи, – рассказывала она Марине, – мы слегли. Соседка носила нам каждый день чайник воды пресной, на вес золота...» [8: 503].

Вокруг городов стояли заградительные отряды, которые запрещали возить муку, исполняя декрет о хлебной монополии. Происходили совершенно дикие случаи. Одна деревенская женщина поведала М. Шагалу, какой ценой ей досталась мука. Нарвавшись на милицейский патруль, она пожертвовала своей честью. «Ну я и легла, – рассказывала деревенская бабенка, – И все двадцать пять молодцов прошли по очереди. Насилу встала. Зато мука моя уцелела» [9: 197].

Н. Б. Лебина указывает, что в крупных городах изменилась культура еды и вкусовые ориентиры населения [5: 21]. В провинции дело обстояло гораздо хуже. Жуткие картины голода рисует С. З. Федорченко. Софья Захаровна была сестрой милосердия на фронте в годы Первой мировой войны, затем оказывала помощь населению на Украине, на Северном Кавказе и в Крыму. Общась с разными людьми, она записывала их бесхитростные рассказы о повседневной жизни, хлопотах и заботах. Голод в годы Гражданской войны доводил людей до безумия, порой ели даже ворон и крыс. «Стал я им ворон бить, – рассказывал один, – На бутылочное стекло приманивал. Воронье же мясо белое, полезное. А старого с вороны рвать, ученый он какой-то, непривычный у него вкус был» [7: 235]. В городах, при условии трудоустройства, люди могли еще как-то рассчитывать на получение скудных продовольственных пайков, в сельской местности и этого не было.

Люди терпели не только голод, но и холод. А. Б. Мариенгоф рассказывал, что комнатная температура была ниже нуля. Чтобы хоть как-то согреться они с С. А. Есениным переселились в ванную комнату. «Ванну мы закрыли матрацем – ложе; умывальник досками – письменный стол; колонку для согревания воды топили книгами» [6: 52]. Марина Цветаева пустила на дрова диваны и кресла, мебель из красного дерева [см. 8: 493].

Плохо было и с одеждой, хотя были и исключения. Друг И. В. Ильинского, Аким Тамиров, носил модные английские костюмы и лаковые туфли, а у Ильинского не было порой денег даже на трамвай. «Мое гимназическое обличье стало неприличным. Мама стала шить художественные блузы из драпировок. У нас было много каких-то оконных драпировок бордового цвета. Продать их было нельзя, так как они секлись и расплзались. Блузу из такой драпировки можно было носить месяц-два не больше. К концу второго месяца она совершенно расплзалась. Мать шила мне каждые два месяца по такой эффектной блузе, и наших драпировок хватило года на два» [3: 85]. Анастасия Цветаева в своих воспоминаниях рассказывала, что в эти трудные годы она научилась делать туфли из материи, с подошвой из бечевки и обещала изготовить такие для Марины [8: 494].

Особенно трудно жилось в эти годы детям, они не выдерживали голода и болезней и умирали. Умерли младшие дети сестер Цветаевых. Марина страдала от сознания того, что она пожертвовала младшей дочерью ради спасения старшей. Росло сиротство, появились детские колонии. «Этим сиротам, – писал М. Шагал о детях колонии имени III Интернационала, – хлебнуть пришлось немало. Все они беспризорники, битые уголовниками, помнившие блеск ножа, которым зарезали их родителей. Оглушенные свистом пуль, звоном выбитых стекол, никогда не забывавшие предсмертных стонов отца и матери. На их глазах выдирали бороды их отцам, вспарывали животы изнасилованным сестрам» [9: 195–196]. Оставшись без родителей, дети страшно голодали. «Словно воробьи в навозе, ворошились ребятки. Помет коний ели. Прикармливали мы как могли, да у самих не избыток», – приводила свидетельства красноармейцев С. З. Федорченко [7: 274].

Порой дети оказывались в тяжелой ситуации нравственного выбора. «Мать в тифу, а старшенький мальчик и продай сестру офицеру. На те деньги мать выходил. А мать-то как дозналась о таком деле – померла», – передавала сестра милосердия рассказ другого очевидца [7: 273].

Однако, несмотря на труднейшие жизненные условия, когда порушены были все нормы человеческого существования, находились силы для творчества. Более того, творчество, на наш взгляд, помогало выжить, сохранить человеческий облик. С. Есенин и А. Мариенгоф, согревая руки и чернила грелкой, писали стихи; В. Маяковский в нетопленном помещении рисовал плакаты, писал поэмы, пьесы для нового театра, сценарии для кино; В. Мейерхольд создавал сам новый революционный театр, актеры репетировали и играли в холодных залах, выезжали на фронт; М. Шагал учил рисованию детей-сирот; М. Цветаева продолжала писать стихи. Явлением повседневности были различные диспуты и вечера.

Л. Ю. Брик вспоминала, что в первые дни революции у них на квартире собиралось много народа. Поэтому они переехали в квартиру побольше. Одну из комнат определили под библиотеку О. Брика, а другую – под танцевальный класс. «Еще в верхней квартире я затеяла учиться танцам, настоящей балетной классике, – писала Лиля Юрьева, – и в танцевальной комнате была приделана к стене длинная палка, а у противоположной стены поставлено зеркало, и каждое утро у нас был форменный танцкласс в пачках и балетных туфлях.

Филологи собирались у нас. Разобрали темы, написали статьи. Статьи читались вслух, обсуждались. Брик издал первый "Сборник по теории поэтического языка" [1: 71].

Наверное, творчество, с точки зрения многих обывателей, было своего рода аномалией и выглядело порой как безумие. М. Шагал писал: «Я мог бы сутками не есть и сидеть где-нибудь около мельницы, разглядывая прохожих на мосту: нищих, убогих, крестьян с мешками. Или смотреть, как выходят из бани солдаты и их жены с березовыми вениками в руках. Или бродить над рекой, около кладбища. Охотно забыл бы и о тебе, Владимир Ильич Ленин, и о Троцком...

Но вместо всего этого, вместо того чтобы спокойно писать, я открываю Школу искусств и становлюсь ее директором, или, если угодно, председателем.

– Какое счастье!

«Какое безумие!» – думала моя жена» [9:159–160].

Таким образом, повседневная жизнь разных социальных и культурных слоев, безусловно, различалась, но были и общие черты. Во-первых, все авторы отмечают холод и голод, обнищание. В провинции все это ощущалось острее. Насущной задачей стало физическое выживание. Во-вторых, падение нравственности, одичание. Но среди разрухи сохранялась культура. Делалось это руками творческой интеллигенции. Творческий дух превозмогал бытовую разруху. Творчество было способом выживания.

Библиографический список

1. Брик, Л. Ю. Пристрастные рассказы / Л. Ю. Брик ; сост.: Я. И. Гройсман, И. Ю. Генс. – Н. Новгород : ДЕКОМ, 2011. – 368 с.
2. Жаров, М. И. Жизнь, театр, кино / М. И. Жаров. – М. : Искусство, 1967. – С. 380.
3. Ильинский, И. В. Сам о себе / И. В. Ильинский. – М. : Искусство, 1973.
4. Кшесинская, М. Ф. Воспоминания / М. Ф. Кшесинская. – М. : Центрполиграф, 2005. – 415 с.
5. Лебина, Н. Б. Советская повседневность: нормы и аномалии. От военного коммунизма к большому стилю / Н. Б. Лебина. – М. : Новое литературное обозрение, 2015. – 488 с.

6. Мариенгоф, А. Б. Роман без вранья. Мой век, мои друзья и подруги / А. Б. Мариенгоф. – М. : Астрель, 2013. – 445 с.
7. Федорченко, С. З. Народ на войне / С. З. Федорченко. – М. : Сов. писатель, 1990. – 400 с.
8. Цветаева, А. И. Воспоминания / А. И. Цветаева. – М. : АСТ : Редакция Елены Шубиной : Дом-музей Марины Цветаевой, 2014. – 717 с.
9. Шагал, М. Моя жизнь / Марк Шагал ; пер. с франц. Н. Мавлевич. – СПб. : Азбука : Азбука-Аттикус, 2014. – 240 с.

РЕВОЛЮЦИЯ 1917 г. И НАЦИОНАЛЬНО-КУЛЬТУРНОЕ ДВИЖЕНИЕ В ПЕНЗЕНСКОМ КРАЕ¹

Н. В. Селюкина, О. А. Сухова, О. В. Ягов

г. Пенза, Россия

Аннотация. Автор анализирует процессы эмансипации в сфере национального просвещения народов Пензенского края в первой половине XX в. как следствие Великой российской революции.

Ключевые слова: Революция, национальная идентичность, народное просвещение, Пензенский край.

Summary. The author analyzes the processes of emancipation in the sphere of national education of the peoples of the Penza region in the first half of the 20th century as a consequence of the Great Russian Revolution.

Key words: Revolution, national identity, public education, Penza region.

Распад Российской империи как неизбежное следствие российской революции 1917 г., демократизация социальных связей как базисная характеристика охвативших страну процессов послужили стимулом для мощнейшего подъема национального движения. Хаос деструкции стал источником для создания новой идентичности многочисленных народов, населявших Россию. Помимо стремления к обретению собственной государственности, нациестроительство охватывает социокультурную сферу, возводя новые горизонты реалий повседневности. Институционально подобные процессы затронули церковь (религию), школы (педагогическую) и университеты (науку) [11: 20]. Постараемся очертить контуры эмансипации в сфере национального просвещения народов Пензенской губернии в первые постреволюционные годы.

Как известно, просветительская деятельность в среде инородческого населения Российской империи получила свое законодательное оформление еще в эпоху Великих реформ, после принятия «Правил о мерах к образованию населяющих Россию инородцев» 26 марта 1870 г. Это решение закрепило позиции родного языка в начальном образовании для нерусских народов, способствовало распространению литературы на национальных языках, стимулировало создание сети учебных заведений и подготовки национальных педагогических кадров. Активным сторонником развития национальных письменностей, в том числе и как средства передачи и утверждения христианского учения, создавшим оригинальную миссионерско-просветительскую педагогическую систему, выступал выдающийся русский ученый, востоковед Н. И. Ильминский [1: 87].

Однако впоследствии принцип первоначального обучения на родном языке из «Правил о начальных училищах для инородцев» был устранен с тем исключением, что при полной недоступности для учащихся русского языка преподавание могло вестись и на инородческих языках (1913 г.). Реализации новых «Правил...» помешала начавшаяся Первая мировая война, и последовавшая за ней революция.

После падения монархии в общем русле демократизации российского общества происходит возрождение традиций национального просветительства. В частности, при Пензенской губернской земской управе уже весной 1917 г. начинает свою деятельность подотдел мусульманского образования. В ряд уездов были назначены инструкторы школьного образования (Чембарский, Н.-Ломовский уезды).

¹ Статья подготовлена при финансовой поддержке РФФИ в рамках проекта «Региональные аспекты формирования российской нации» № 15-31-14003.

В общей сложности в 1917 г. Чембарским земством было открыто 26 комплектов школ в мусульманской волости (Мочалейской). Был направлен инструктор и в Керенский и Краснослободский уезды, но к месту своего назначения он так и не прибыл, следовательно, здесь светские национальные школы организованы не были. В условиях неотвратимо надвигающейся хозяйственной разрухи вновь открытые учебные заведения необходимого финансового обеспечения не получили, что предопределило чрезвычайно бедственное положение педагогических работников («учащие сильно страдают от недоедания»). В столь же плачевном положении татарские школы остались и после передачи их в ведение местных советов. Труд педагогических работников не оплачивался и в 1918 г. Как отмечалось в докладе губернского отдела просвещения национальных меньшинств, «Материальное положение школ и учащихся весьма скверное, большинство преподавателей муллы, но некоторые из них имеют свидетельство об окончании мусульманских педагогических курсов, открывшихся при Губернском национальном управлении, а некоторые без свидетельства...» [10: 5–7]. Остро ощущалась и нехватка учебных пособий на национальных языках. Здесь мы сталкиваемся с проявлением слабости модернизационного потенциала российской революции: усилия интеллигенции по эмансипации и либерализации социальных институтов оказались несопоставимы с наличными ресурсами.

В это время состав населения Пензенской губернии был представлен главным образом русскими (свыше 1480 тысяч или 74 %), мордвой (свыше 370 000 всего населения или 18,6 %) и татарами (свыше 80 000 или около 5 %) [14: 1]. В губернии насчитывалось свыше 15 000 детей школьного возраста татарской национальности, что предполагало открытие до 300 комплектов школ и требовало, соответственно, столько же учащихся. Местными властями была поставлена задача в кратчайшие сроки организовать четырехгодичные педагогические курсы по подготовке учащихся из тюрко-татар, и на следующий 1918-1919 учебный год включить в школьную сеть 192 комплекта и 100 национальных школ [14: 11]. Имеются сведения о создании тюрко-татарской школы в губернском центре.

Перевод на родной язык мордовских школ начинается лишь с 1923–24 гг. Ввиду катастрофического отсутствия квалифицированных педагогических кадров при Пензенском педтехникуме создается Мордовская секция и подготовительные курсы. Предполагалось, что преподавание в секции будет вестись на национальном языке, но ввиду отсутствия специалистов, ограничились минимумом обязательных предметов, таких как: этнография, история и язык. Необходимо было также учитывать «наличие слушателей от двух наречий "мокша" и "эрзя"», что предполагало соответствующую специализацию в преподавании предметов. Однако, как следует из протокола совещания, сложности были и с обеспечением кадрового минимума работников из мордвы, владеющих мордовским языком. Было принято решение о приглашении для преподавания в педтехникуме профессора этнографии Евсева [скорее всего речь идет о М. Е. Евсевьеве, преподававшего в это время историю и этнографию эрзян и мокшан, эрзянский и мокшанский языки в высших и средних учебных заведениях Казани – прим. О. С.] [4: 2 об.].

Подготовка педагогических кадров национальных секций Пензенского педтехникума становится самой массовой формой выдвиженчества, обеспечивая выходцам из самых низов возможность кардинальным образом изменить свой социальный статус. Потребность в образовании подчас превышала возможности системы образовательных учреждений губернского центра. Так, к началу 1924–1925 учебного года в Пензу прибыло более 100 человек мордвы, в то время как педтехникум и другие учебные заведения могли принять по разверстке губоно лишь 47 человек. Возникла острая конфликтная ситуация: абитуриенты потребовали

открытия дополнительных групп и принятия всех желающих. Согласно сводке ОГПУ, «4 сентября в 10 ч. утра вся приехавшая мордва явилась в здание ГИКа, где им председатель ГИКа обещал пропустить всех приехавших через комиссии испытательную и медицинскую, на что они протестовали, чувствуя то обстоятельство, что среди них было много совершенно безграмотных». Фактором, спровоцировавшим выступление, стало отсутствие вступительных испытаний и конкурсного отбора в учебные заведения страны. Протестные акции удалось прекратить только после ареста организаторов и выделения средств на проезд к месту проживания избыточного контингента абитуриентов [8: 552].

К 1 декабря 1924 г. в мордовской секции педтехникума обучалось более 89 человек, из них крестьянского происхождения – 73 человека [5: 16]. При секции действовала опытно-показательная школа из детей мордвы при школе-коммуне и читальня, выписывалось до 20 периодических изданий на трех языках. Коммунистическое воспитание будущих учителей реализовывалось посредством участия в демонстрациях, проведении «общественных революционных празднеств», пении революционных песен, постановке спектаклей и концертных отделений. Условия проживания учащихся оставляли желать много лучшего. Фиксировались случаи отказа от продолжения обучения из-за недостатка продовольствия, более 20 человек нуждались в обуви, многие – в верхней одежде. В ходе проверки общежития были выявлены большая скученность учащихся, недостаток постельного и носильного белья. Чтобы минимизировать негативные факторы, было решено стипендию учащихся, выделяемую от ГИКа, направить на закупку обуви и одежды нуждающимся [5: 16–17].

Самым скоростным социальным лифтом для национальной молодежи выступало обучение в коммунистических вузах. Действовали специальные квоты на подготовку партийных кадров: местные партийные организации регулярно обращались в АПО ЦК ВКП(б) с просьбой о бронировании мест в комвузах для представителей национальных меньшинств. Так, в 1928 г. партийное руководство Пензенской губернии зарезервировало по одному месту в Академии коммунистического воспитания им. Н. К. Крупской (г. Москва), в Ленинградском и Саратовском комвузах, три места в Татарском коммунистическом университете и одно место на курсах уездных работников при ЦК [6: 19].

К 1926 г. коренизация татарских образовательных учреждений практически завершилась, в то время как лишь в 67 % мордовских школ преподавание осуществлялось на родном языке [12: 3220]. Особенно сложной была ситуация в сфере просвещения женщин. Так, на протяжении первой половины 1920-х гг. не фиксируется каких-либо серьезных подвижек в деле преодоления неграмотности женщин среди мордовского населения. Согласно данным переписей 1920 и 1926 гг. удельный вес грамотных мужчин среди русского населения вырос с 37,4 % до 48,3 %, среди татар – с 29 % до 31,4 %, среди мордвы – с 22,4 до 31,8 %. В то же время, грамотность женского населения возросла у русских с 18 до 20,5 %, у татар – с 20,2 до 23,3 %, а у мордвы осталась на прежнем уровне и составила 3,6 %. Оценивая охват детей школьного возраста начальным образованием, следует отметить, что на долю учащихся девочек из мордвы в 1926–1927 учебном году приходилось не более 15 %, в то время как девочки татарской национальности составляли 45 % [9: 59].

В ходе совещания ответственных работников Нацмена и Губоно при подготовке нацмен Пензенского губкома РКП (б) от 1 августа 1923 г. было признано необходимым создание опытно-показательной школы из детей мордвы в г. Пензе, для чего решено «сконцентрировать всех мордовских детей», находящихся в детских домах в «единый мордовский детдом с двумя отделениями: мокшанским

и эрзянским» [4: 2–2 об.]. Также в губернии действовало четыре школы крестьянской молодежи (три – мордовские, одна татарская) с общим количеством учащихся 169 человек [9: 58].

Целям коммунистического воспитания призвана была содействовать организация красных уголков при каждой школе и избе-читальне. По мере формирования национальных волостей, в каждой из них открывались волостные избы-читальни (к 1926 г. в Пензенской губернии было создано 10 мордовских и две татарские национальные волости).

Важнейшим каналом поступления новой информации, а, следовательно, и вовлечения населения в грандиозный социальный проект, становится библиотечная сеть в селах и деревнях региона. Уездные бюро постоянно обращались в губком партии с ходатайствами об «отпуске политической литературы для раздачи партийным библиотекам уезда» [3: 84]. Постепенно шло комплектование фондов Пензенской центральной губернской библиотеки национальных меньшинств, включавшей три отделения: мордовское, татарское и еврейское. К середине 1925 г. общее количество книг на национальных языках здесь составляло уже 4868 экземпляров, в том числе: на татарском языке – 916, на мордовском – 200, еврейских книг – 1750, русских – 1015 [5: 1]. Впрочем, недостаток литературы на национальных языках ощущался довольно остро, особенно на мордовском языке, что предопределило отсутствие в губернии специализированных библиотек [9: 61].

Начиная с середины 1930-х гг. вектор национальной политики советского руководства меняется в сторону унификации и интернационализации общего культурного пространства. Принятие постановления ЦК ВКП (б) и СНК от 13 марта 1938 г. «Об обязательном изучении русского языка в школах национальных республик и областей», отказ от политики «выравнивания» национальных культур заложили длительную тенденцию деградации национальной школы, ее денационализация на основе русского языка и классовых ценностей, особенно для «нетитульных» народов [12: 3220; 13: 546]. Вместе с тем и после 1938 г. языковую политику государства отличал противоречивый и непоследовательный характер, что указывало на тот факт, что «сама природа советского многонационального государства оставалась неясной для его правителей» [2: 310].

Абсолютное большинство национальных школ располагалось в сельской местности. Так, в 1939 г. в г. Пензе была всего 1 начальная татарская школа, а всего в области действовало к началу 1940-х гг. – 49 татарских, 69 мордовских начальных школ, 21 мордовская начальная средняя школа и 5 мордовских средних школ [13: 546]. К середине 1940-х гг. количество национальных школ в Пензенской области сократилось до 144, в том числе: мордовских – 88, татарских – 48, чувашских – 8 [7: 12].

Последующее законодательство, хотя и не отменило принципа «школа на родном языке», но активно содействовало превращению де-факто национальных школ в русские школы с родным языком в качестве дополнительного учебного предмета. После реформы 1958 г. образование на национальных языках было существенно сокращено: появляется новый тип образовательного учреждения – нерусская школа, в которой родной язык и литература сохранили статус лишь одного из предметов [13: 548]. Так, даже в Мордовской АССР в 1963–1964 учебном году на русском языке обучалось 11 % учащихся начальных классов и все учащиеся 5–8-х классов мордовских школ [12: 3221].

Возрождение и укрепление имперских начал в вопросах национального строительства, формирование идеологического конструкта новой социальной общности – «советского народа» заложили длительную тенденцию деградации обретенной идентичности, предопределив обострение национальных противоречий как

фактора системного кризиса и распада государственности конца XX в. Представляется важным отметить, что Великая русская революция, сметая на своем пути преграды и расчищая русло для завершения модернизационных процессов, опиралась в своем стремительном движении на архаичные конструкты, скажем, поддерживая стремление этносов, не имевших государственности, пройти этот путь с самого начала. Но именно опора на традицию, национальный опыт применения инструментов модернизации, послужили балансиром, позволившим сохранить «общий дом» для всех народов, населяющих Россию.

Библиографический список

1. Анохина, И. А. Государственная политика в деле просвещения нерусских народов Поволжья (вторая половина XIX – начало XX века) / И. А. Анохина // Известия Пензенского государственного педагогического университета им. В. Г. Белинского. Гуманитарные науки. – 2007. – № 7. – С. 85–95.
2. Блитстейн, П. Э. Национальное строительство или русификация? Обязательное изучение русского языка в советских нерусских школах, 1938–1953 гг. / П. Э. Блитстейн // Государство наций: Империя и национальное строительство в эпоху Ленина и Сталина / под ред. Р. Г. Суни, Т. Мартина ; пер. с англ. В. И. Матузовой. – М., 2011. – С. 310–335.
3. Государственный архив Пензенской области (ГАПО). Ф. п-36. Оп. 1. Д. 162.
4. Государственный архив Пензенской области (ГАПО). Ф. п-36. Оп. 1. Д. 758.
5. Государственный архив Пензенской области (ГАПО). Ф. п-36. Оп. 1. Д. 1167.
6. Государственный архив Пензенской области (ГАПО). Ф. п-36. Оп. 1. Д. 1735.
7. Государственный архив Пензенской области (ГАПО). Ф. п-148. Оп. 1. Д. 1132.
8. Государственный архив Пензенской области (ГАПО). Ф. р-2. Оп. 4. Д. 204.
9. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. р-1235. Оп. 121. Д. 57 (а).
10. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. р-1318. Оп. 17. Д. 48.
11. Джераси, Р. Окно на восток: Империя, ориентализм, нация и религия в России / Р. Джераси. – М. : Новое литературное обозрение, 2013. – 546 с.
12. Матвеева, Л. А. Основные этапы развития мордовской школы в XX веке / Л. А. Матвеева // Фундаментальные исследования. – 2013. – № 10. – С. 3219–3222.
13. Панкратова, Е. В. Национальные школы Среднего Поволжья в 1930-х – начале 1940-х гг. / Е. В. Панкратова // Известия Пензенского государственного педагогического университета им. В. Г. Белинского. Гуманитарные науки. – 2011. – № 23. – С. 545–548.
14. Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 17. Оп. 61. Д. 85.

ВЛАДИМИРСКАЯ ГУБЕРНИЯ В 1917 г.

А. К. Тихонов, А. А. Арескин

г. Владимир, Россия

Аннотация. Статья посвящена событиям, происходившим во Владимирской губернии с марта по октябрь 1917 г. Основное внимание уделено социально-экономическому и общественно-политическому состоянию Владимирской губернии в означенный период. Социально-экономическая составляющая включает анализ промышленности, сельского хозяйства и транспорта, его особенности и отличия от предыдущего периода. Общественно-политическая часть рассматривает деятельность имеющихся на тот момент во Владимирском крае общественных движений и политических партий, их влияние на общий ход социального противостояния в крае.

Ключевые слова: Владимирская губерния, экономика, народные массы, политические партии, забастовки, рост цен, революция.

Summary. This article dedicates the situation in The Vladimir's region with march to October 1917 year. The main attention gives socio-economic and political The Vladimir's region in this period. The economy includes the analysis of manufacturer, agriculture and transport in compared with previous period. The political part of this article shows activities in that moment in The Vladimir's region national movements and political parties, their influence on common movement the social opposition in this region.

Key words: The Vladimir's region, economy, peoples, political parties, a strike, rise in prices, revolution.

Коренные изменения в губернии в 1917 г. начались с изменений в органах управления регионом, которые были инициированы телеграммами Временного правительства из Санкт-Петербурга. Так, в телеграмме главы Временного правительства князя Г. Е. Львова на имя губернского комиссара от 6 марта 1917 г. указывалось: «Управление губернии временно возлагается на Вас в качестве Губернского Комиссара Временного Правительства со всеми правами предоставляемыми действующими узаконениями Губернатору и с сохранением за Вами руководительства работаю Губернской Земской Управы. На председателей уездных комиссаров Временного Правительства с сохранением за ними руководительства работаю Уездных Земских Управ. Полиция подлежит переформированию в милицию к чему необходимо приступить местным самоуправлениям» [1: ГАВО. Л. 1]. В этот же день была направлена еще одна телеграмма губернским комиссарам о распределении полномочий органов власти на местах. Основное ее содержание предписывало комиссарам осуществлять надзор за законной деятельностью всех лиц. Увольнять уездных комиссаров считалось возможным только по постановлению правительства, которому должно предшествовать соответствующее представление губернского комиссара [1: ГАВО. Л. 11-11об].

Как и всякая новая власть, Временное правительство стало создавать структуры, которые должны были выявить противоправные действия предыдущей власти в центре и на местах. Такой организацией стала созданная в столице «Чрезвычайной следственной комиссии для расследования противозаконных по должности действий бывших министров и прочих высших должностных лиц». От ее имени 29 апреля 1917 года в адрес прокурора Владимирского окружного суда указывалось: «...представляется необходимым выяснить, были ли центральными органами военной или гражданской власти старого режима преподаваемы местным властям какие-либо руководящие распоряжения касательно пользования пулеметов при подавлении народных волнений...» [2: ГАВО. Л. 12]. Были запрошены все уездные комиссары о фактах применения полицией и жандармерией пулеметов против

народа. Все ответили, что никаких фактов расстрела рабочих в уездах не было. Например, Владимирский уездный комиссар 23 мая сообщал: «...уведомляю Вас, что в дни падения старого Государственного строя случаев расстрела чинами общей полиции народных скопищ во Владимирской уезде не было» [2: ГАВО. Л. 12]. Специально были проверены документы Владимирского губернатора и правитель канцелярии дал ответ: в делах и бумагах бывшего губернатора нет никаких документов и распоряжений на этот счет [2: ГАВО. Л. 12 об.]. Таким образом, во Владимирской губернии власть от губернского правления к комиссарам Временного правительства перешла исключительно мирным путем.

Новые местные органы власти были созданы в рекордно короткие сроки и, как следствие, плохо выполняли свои функции. Так в рапорте юрьев-польского уездного комиссара Губернскому комиссару от 21 июня 1917 г. сообщает об отсутствии в уезде милиции, а также невозможности найти достаточно образованных людей для управления уездом: «... помощника себе среди лиц достаточно интеллигентных я найти не могу, так как уезд и ранее был беден интеллигентными силами, а теперь все более образованные люди из уезда бегут, стараясь найти себе занятия в более благоприятной обстановке спокойной среде. Члены Уездного Исполнительного Комитета отличаются болезненным недоверием к интеллигенции вообще, а в особенности ко всем кому привелось работать при старом укладе жизни в нашем отечестве» [3: ГАВО. Л. 14].

Большое место занимали экономические проблемы губернии. О том, что на фабриках большинства уездов губернии было спокойно, они работали и фактических никаких эксцессов не было свидетельствуют ответы фабричных инспекторов на запросы, сделанные по телеграмме министра Временного правительства князя Г. Е. Львова от 13 мая о прекращении насилия на почве классово-национальной и вероисповедной розни. Таких фактов в губернии еще не наблюдалось.

Основными задачами рабочих на заводах было: создание фабричных комитетов, профсоюзов, больничных касс, примирительных камер (для решения спорных вопросов между рабочими и предпринимателем), введение 8-часового рабочего дня (не явочным порядком, а сверху).

В целом можно отметить, что рабочие и фабриканты продолжали работать вместе, находя приемлемые способы решения конфликтов.

Однако очень скоро в рабочей среде крупных заводов появляются новые веяния. Интересна жалоба губернскому комиссару от Союза служащих при фабриках и заводах Орехово-Зуевского района 21 апреля 1917 г. жалобу об изъятии помещения клуба исполкомом и советом рабочих депутатов, на притеснения со стороны Совета рабочих депутатов, который под влиянием пропаганды приехавших лиц, отобрал у них помещения в клубе и начал разжигать вражду среди населения: «Среди рабочих Саввы и Викула Морозовых со стороны появляется группа лиц, которая занялась организаторской деятельностью среди рабочих... под влиянием этой агитации составы Совета и Исполнительного Комитета вынуждены были смениться на новые, которые сильно страдают недемократичностью, так как не имеют представителей от всех слоев населения... преследуя пользу одного класса... посеждая вражду между слоями населения...» [4: ГАВО. Л. 16–16 об.].

На эту жалобу губернский комиссар ответил 22 апреля, что «правами свободных граждан должны пользоваться все лица без изъятия, что всем им отныне предоставляется право собраний, объединений и союзов для защиты своих прав и интересов» [4: ГАВО. Л. 16 об.].

Важным источником информации о положении на фабриках и заводах были рапорты старшего фабричного инспектора и инспекторов участков.

Например, фабричный инспектор 1-го участка 19 марта сообщал: «о насильственных действиях рабочих ничего не слышно. Но 16 марта на фабрике Т-ва Ставровской мануфактуры Р. Бажанова во время забастовки по случаю просьбы прибавки к заработку за весь год 15 %, пока получили, то заявили, что за время забастовки им за прогул должны уплатить полностью и кроме того, чтобы магазин не закрывался, и чтобы рабочие могли получать все время продовольствие. А также чтобы и казармы отапливались давали бы электрическое освещение. Хотя ни к котлам, ни к динамо-машине никто не являлся» [5: ГАВО. Л. 10].

20 марта инспектор 4-го участка: «все промышленные предприятия работают. До сего времени требования о сокращении рабочего дня со стороны рабочих не было. Но можно ждать, что с введением 8-ми часового рабочего дня на фабриках Петрограда и Москвы местные рабочие потребуют того же. До сего времени рабочими не созданы организации в промышленных предприятиях» [5: ГАВО. Л. 11 об.].

В Вязниковском уезде 11–12 мая проходил съезд рабочих делегатов фабрик и заводов данного региона. Съезд постановил:

1) ввести немедленно фабричные комитеты на основании закона Временного правительства, прочитанного мною;

2) требовать 8-ми часовой рабочий день, но ждать закона правительства, а не вводить его захватным путем;

3) приступить к образованию профессионального союза рабочих и служащих Вязниковского района;

4) приступить к организации местных примирительных камер и центральной в г. Вязники;

5) требовать, чтобы содержание Бол.кассы взяли на себя фабриканты, а управление было в руках рабочих;

6) требовать передачи штрафных капиталов в руки рабочих [6: ГАВО. Л. 122].

Постановлением Временного Правительства от 21 апреля 1917 г. в губерниях, уездах и волостях должны быть созданы земельные комитеты, в которых должны работать представители от волостных комитетов, от уездного съезда крестьянских депутатов, от советов солдатских и рабочих депутатов, а также земский агроном, земский статистик и мировой судья. Но главной их задачей виделось собрание сведений в Главный земельный комитет для подготовки земельной реформы.

Об отношении крестьян к земле говорит Протокол № 1 общего собрания граждан-крестьян деревни Бахтино Милиновской волости Судогодского уезда от 11 мая 1917 г.: «Признавая, что земля есть Божий дар подобно солнцу, свету, воздуху и воде, должна принадлежать тем, кто ее обрабатывает. Учредительное собрание должно установить, чтобы все земли были достоянием всего народа без выкупа» [7: ГАВО. Л. 61 об.].

Министерство земледелия в августе разослало особые анкеты, в которых просило крестьян ответить на разные вопросы, например:

1. Как отразился произошедший государственный переворот на отношениях крестьян к землевладельцам в Вашей местности?

2. Не началось ли среди населения движение в сторону изменения существующих земельных отношений между крестьянами и частными землевладельцами?

3. Не производился ли крестьянами самовольный захват земли под посев без согласия землевладельца?

4. Не наблюдалось ли в Вашей местности разгрома и разбора усадеб? ...»

Ответы? Которые сохранились в фонде губернской земской управы, были почти одинаковы. Например, на первый вопрос: «не важно, спокойно, в скромной форме, без перемен, с восторгом, но спокойно» [8: ГАВО. Л. 9].

Самозахватов не было, разгрома усадеб не было. Арендные цены за луга и выгоны крестьяне понизили, иногда более чем наполовину (например, с 10–12 руб. до 5 руб.), забастовок при производстве сельхозработ не было, но, по словам одного респондента из села Ефимьево Переславского уезда, «местные комитеты много брали власти, которая на мой взгляд допустима быть не может, потому что в комитетах стоят мужики российские, любители пожить на чужой счет» [8: ГАВО. Л. 9].

О надежде крестьян получить чужую землю говорит и респондент из деревни Ванятино того же уезда: «крестьяне с переворотом государственного строя жизни прежде всего устремили свои надежды на захват чужой собственности, на захват сенокосов и посевов полевых трав. Захватов и покосов чужих полей не наблюдалось. Являлись ораторы партии большевиков» [8: ГАВО. Л. 33].

Интересна позиция крестьянина-хуторянина Ивана Михайловича Шошина из деревни Искусово Муромского уезда: «Я сам, пишущий эти строки, был 40 лет в общине и владел землю многополосно и толку никакого не видел. А теперь уже 9-й год вышел на отрубной участок на 3 пая и слава Богу хлеба хватает на весь год со своего участка. Взял землю самую плохую и самую дальнюю, ее удобрил и разработал, и крестьяне нашей деревни, видя мое благоденствие, все сговариваются мой участок поделить, несмотря на то, что рядом с моим участком общей земли лежит в залогах 45 десятин, ее не думают поделить и распахать, а думаю отнять у меня уже разработанную и удобренную...» [8: ГАВО. Л. 33].

На фоне этих «аграрных беспорядков» и кризиса снабжения в губернии усилился голод. В августе голод начался в Судогодском, Меленковском, Ковровском уездах. Судогодская продуправа сообщала губернскому комиссару 3 августа 1917 г.: «Просим срочно отпустить муки ржаной, население голодает, муки ржи нет, сейчас сотни просителей, на просьбы о хлебе отказываем, положение критическое». Об этом же писала Лежневская продуправа 4 августа 1917 г.: «Мы накануне голодного бунта, давайте хлеба» [9: ГАВО. Л. 40].

7 августа произошел стихийный голодный бунт в Меленках, поскольку отпущенные по распоряжению министра продовольствия из Нижегородских запасов 50 тысяч пудов муки для г. Меленок были пущены в обще-губернскую разверстку, и отведенные для Меленок 29 тысяч пудов так и не были получены [9: ГАВО. Л. 42].

О том, что происходило на селе во Владимирской губернии видно из рапортов уездных комиссаров и из жалоб частных землевладельцев на крестьян. Основной проблемой крестьянства в губернии было не малоземелье, а недостаток леса и покоса (выгона). Крестьяне стали захватывать казенные лесные дачи.

Далее крестьяне стали местами запрещать рубку леса как самим лесовладельцам так и купившим лес на сводку компаниям или фабрикам. Так, Черноморско-Балтийское лесопромышленное товарищество 19 апреля 1917 г. телеграфировало, что крестьяне не дают рубить купленный лес в дачах Фролиха и Ключи Березниковской волости Судогодского уезда. Население считало всякую рубку леса нарушением их имущественного интереса как будущих владельцев лесных дач.

Похожая ситуация была с лугами. Частные владельцы жаловались не только на покос крестьянами их лугов или потраву скотом, но и на то, что крестьяне разных деревень насильем отбирают друг у друга сданные им в аренду покосы [2: ГАВО. Л. 47].

В целом же общее положение с земельной реформой в губернии отразил в своем рапорте юрьев-польской уездный комиссар в письме к губернскому своему начальству: «Земельные комитеты хотя и сформировались, но пользы в деле урегулирования земельных отношений приносят крайне мало, благодаря отсутствию знания минимальных юридических норм, замененных в сознании масс термином народное право, не ставящим никаких пределов произволу иногда и небольших

групп над большинством... Мировой суд не функционирует за отсутствием судей...» [3: ГАВО. Л. 14 об.].

В политической области во Владимирской губернии не происходило каких-либо крупных и запоминающихся событий. Распоряжением губернского комиссара от 19 марта педсоветам учебных заведений рекомендовалось провести беседы с учениками о происходящих событиях, которые в циркуляре назывались «совершившимся переворотом» [10: ГАВО. Л. 10]. Даже владимирская духовная консистория выпустила распоряжение 9 марта о «назначении на 10 марта праздника революции» [3: ГАВО. Л. 14 об.]. Также владимирский губернский комиссар в своем отчете в Санкт-Петербург отметил, что в губернии выпущено 60 брошюр по разъяснению текущей политической ситуации. Наиболее известные: «*Как совершился великий переворот*», «*Что такое самодержавие и почему оно пало*», «*Что такое Республика и какие бывают Республики*», «*Нужна ли война?*», «*Что делать с землей?*», «*Эрфуртская программа*», «*программа РСДРП*», «*Что значит: Пролетарии всех стран, соединяйтесь?*», «*Отчего датские крестьяне стали хорошо жить*», «*Почему я Социалист*», «*Как и для чего выбирать Совет Крестьянских Депутатов*», «*Новый Строй и Права Свободных Граждан*», «*Что делать в Учредительном Собрании*». Самые дешевые брошюры стоили 4 копейки. Самые дорогие – 35 копеек. Например, «*Народный листок. Какой нам нужен мир*» продавался за 4 коп., и по 5 копеек – «*Что такое всеобщее, прямое, равное и тайное избирательное право*» и «*Кредитные товарищества*» [2: ГАВО. Л. 12-12 об.].

Выступление генерала Л. Г. Корнилова не вызвало в губернии явных выступлений в его поддержку, однако некоторые города было введено военное положение, почти везде создавались комитеты спасения революции или революционные комитеты, происходило объединение советов с комитетами. Объединенные Советы Солдатских, Рабочих и Крестьянских депутатов во главе с губернским Комиссаром Временного Правительства Братенши обратились к населению с воззванием о сохранении порядка.

Таким образом, Владимирская губерния встретила февральскую революцию и последующие за ней изменения в целом спокойно. В самой губернии отсутствовали внутренние силы, которые могли бы продвигать события дальше. Дестабилизировали ситуацию извне в основном представители революционных партий.

Библиографический список

1. ГАВО. Ф. 1186. Оп. 2. Д. 2.
2. ГАВО. Ф. 1181. Оп. 1. Д. 10.
3. ГАВО. Ф. 1181. Оп. 1. Д. 127.
4. ГАВО. Ф. 1186. Оп. 2. Д. 43.
5. ГАВО. Ф. 266. Оп. 1. Д. 5590.
6. ГАВО. Ф. 1186. Оп. 2. Д. 30.
7. ГАВО. Ф. 1181. Оп. 1. Д. 40.
8. ГАВО. Ф. 379. Оп. 110. Д. 155.
9. ГАВО. Ф. Р-741. Оп. 1. Д. 37.
10. ГАВО. Ф. 471. Оп. 1. Д. 347.

ПРОДОВОЛЬСТВЕННОЕ ДЕЛО В РОССИИ В 1917 г. (по материалам Среднего Поволжья)

А. В. Тишкина

г. Пенза, Россия

Аннотация. В статье рассматривается организация продовольственного дела в России в революционном 1917 г. на примере Среднего Поволжья. За этот период у власти сменилось три правительства: царское, Временное и Советское, что позволяет сравнить подходы, стиль руководства, особенности организации властных структур на примере продовольственной политики. В результате исследования сделан вывод о преемственности основных направлений политики в сфере обеспечения продовольствием. Советское правительство, установив контроль на местах, придало продовольственной политике классовую направленность и применяло жесткие бескомпромиссные методы.

Ключевые слова: Российская революция 1917 г., организация продовольственного дела в Пензенской, Самарской, Симбирской губерниях.

Summary. The article discusses the organization of food affairs in Russia in the revolutionary 1917 year on the example of the Middle Volga region. During this period, the authorities had three governments: the Imperial, Provisional and Soviet, which allows to compare the approaches, style of management, peculiarities of organization of power structures on the example of food policy. The study concluded that the continuity of the main directions of policy in the sphere of food security. The Soviet government, having established control on the ground, gave food policy thrust class and used tough uncompromising methods.

Key words: the Russian revolution of 1917, the organization of food affairs in the Penza, Samara and Simbirsk provinces.

Одним из важнейших факторов революционных событий 1917 г. является снабжение армии и населения продуктами питания. В этой связи рассматриваемые события позволяют сравнить деятельность царского, Временного и советского правительств в этой сфере.

До Февральской революции во главе продовольственного дела находилась особая организация Министерства земледелия – «Хлебармия»; всей работой занимались особые уполномоченные по заготовкам и назначенные ими агенты, в том числе фирмы, кооперативы, земства. Собранное предназначалось только на военные нужды. Распределением продуктов среди населения заведовали особые губернские и городские уполномоченные по продовольствию. Закупка хлеба производилась по твердым ценам. Их характерной чертой было примерное равенство рыночным (к примеру, в Самарской губернии твердая цена в это время составляла 1,19 рублей за пуд, рыночная – 1,20) [5: 531]. Впоследствии Временное правительство сохранило уровень твердых цен при заготовках, однако продовольственные трудности, беспорядок в сфере снабжения городов и другие известные обстоятельства привели к значительному росту рыночных цен, которые достигли в период гражданской войны своего максимума и привели к повсеместному развитию мешочничества. Поэтому советские твердые цены, перешедшие от предыдущей власти, совсем не интересовывали крестьян к хлебопоставкам.

Во многих губерниях страны летом 1916 г. по инициативе общественных представительств стихийно возникла карточная система распределения продовольствия. Законодательно этот процесс был оформлен только осенью 1916 г. Примечательно, что карточная система изначально не была единой, условно историки различают два ее вида, существовавших параллельно: «ограничительная», отличительной чертой которой являлась твердая постоянная норма, гарантия выдачи продукта; «распределительная», особенность которой заключалась в отсутствии гарантии

и ежемесячной подвижной норме, зависимой от наличия продукта. В некоторых губерниях, в том числе в Пензенской, карточная система распространялась не только на города, но и на села, где значительную роль приобрели кооперативные организации, сосредоточившие в своих руках распределительные функции [11: 206–207]. В период деятельности Временного правительства эта система была сохранена. С приходом к власти большевиков «бывшие» лишались снабжения, вводился классовый паек.

В январе 1917 г. вступил в силу принцип продовольственной разверстки, который впоследствии также использовался большевиками. Изначально продразверстка предполагала получение «хлебными» губерниями определенного задания на сдачу хлеба, прежде всего, для нужд армии. Таким образом, в сфере продовольственного обеспечения политика формировалась в соответствии с нуждами военного времени. Таким образом, к 1917 г. оформились основные принципы продовольственной политики, продиктованные, прежде всего, условиями военного времени.

Закономерно, что Временное правительство, недолго остававшееся у власти, также занималось продовольственной проблемой. 25 марта 1917 г. оно приняло закон «О передаче хлеба в распоряжение государства», предполагавший передачу «излишков» хлеба его производителями государственным продовольственным комитетам; свободная торговля категорически запрещалась. На местах работу проводили члены Советов, земских собраний и городских дум, работники кооперативов [11: 314–315]. Одновременно с законом было принято «Временное положение о местных продовольственных органах», определившее их состав, функции и ведомственную подчиненность. Вводилось деление на губернские, уездные, городские и волостные продовольственные комитеты.

29 апреля 1917 г. был опубликован указ Временного правительства о назначении в районы эмиссаров Общегосударственного продовольственного комитета, осуществлявших связь с центральной властью и проводивших на местах принятый курс продовольственной политики. В мае 1917 г. было создано Министерство продовольствия, прекратившее свое существование только после Октябрьской революции.

На губернском уровне ситуация в продовольственном деле обстояла на удивление одинаково. Распоряжения центра игнорировались, в каждой губернии и каждом уезде устанавливались свои порядки. Поэтому одной из задач Советской власти стала реорганизация продовольственного аппарата в центре и на местах. Своих специалистов у большевиков не оказалось, поэтому в начале своей деятельности продовольственные органы состояли из тех кадров, которые были в наличии. Соответственно, были широко задействованы «старые» продовольственники.

Параллельно формировались новые советские продовольственные органы, начало этого процесса происходит в Петрограде. Принципы деятельности Петроградского ВРК в продовольственном вопросе затем во многом использовались и в масштабах страны: борьба со спекуляцией; введение рабочего контроля над распределением товаров; борьба с саботажем чиновников; использование в работе чрезвычайных органов – продотрядов; распространение натурального товарооборота; контроль местных Советов над продорганами.

27 октября (9 ноября) 1917 г. Совнарком принял постановление «О расширении прав городских самоуправлений в продовольственном деле», которое побуждало инициативу формирующихся местных советских органов власти [8: 26–29]. Но первые же шаги по организации продовольственного снабжения показали необходимость усиления централизации. Началом этого процесса послужила организация Народного комиссариата по продовольствию (Наркомпрод), образованного декретом Второго Всероссийского съезда Советов от 26 октября 1917 г. [8: 21].

На этот орган возлагались следующие задачи: заготовка продовольственных продуктов и снабжение ими армии и населения; содействие производству продуктов питания и обеспечение сельского хозяйства семенами, металлом, орудиями труда; заготовка и снабжение населения всеми предметами первой необходимости. Работа проходила в довольно сложных условиях, не сразу Наркомпрод был воспринят как орган реальной власти. Существовало несколько организаций всероссийского уровня, с различными политическими предпочтениями. Изначально в его структуре учреждались три управления: общих дел, хлебофуражное, продуктообмена; ряд отделов и подотделов. Следующей, не менее важной задачей, была реорганизация местных продовольственных органов.

24 декабря 1917 г. последовало обращение ВЦИК ко всем Советам об организации продкомиссий [8: 282]. Оно предписывало Советам брать продовольственное дело в свои руки и организовывать свой аппарат. Директива ВЦИК и Наркомпрода от 21 декабря 1917 г. предоставляла местным Советам широкую инициативу в этом направлении. Представители Советов должны были войти во все продорганы в качестве полноправных членов. Для проведения организационной работы Наркомпрод принял решение разослать в помощь местным Советам делегатов-эmissаров. Рекомендовалось привлечение членов различных организаций: Советов депутатов, губернских земских собраний, городских дум, профсоюзов, фабзавкомов, бюро эmissаров и кооперации. 31 января (13 февраля) 1918 г. была образована Чрезвычайная комиссия по продовольствию, осуществлявшая непосредственный контроль над упорядочением продовольственного дела; ей предоставлялись неограниченные полномочия по принятию экстренных мер в этих целях [8: 460]. Только к весне 1918 г. этот процесс в центре и на местах в основном был завершен. Обратимся к рассмотрению его региональных аспектов на примере губерний Среднего Поволжья.

Особые уполномоченные в Пензенской губернии проводили закупку хлеба для нужд армии до октября 1916 г., когда было образована Губернская продовольственная управа. В соответствии с распоряжениями Временного правительства 16 мая 1917 г. был организован Губернский продовольственный комитет, он и продолжил работу, хотя не были ликвидированы другие продовольственные органы, например, продовольственный отдел при Земской Управе [2: 23–25].

В докладе инструктора Министерства продовольствия в Пензенской губернии К. М. Зубрика за период с сентября по ноябрь 1917 г. говорится об ухудшении продовольственного дела, снижении его результатов из-за общей неуверенности населения в завтрашнем дне. Соответствующие органы не имели в своем составе не только специалистов, но даже хорошего обслуживающего персонала и занималась «бессистемной работой по спасению сегодняшнего дня» [18: 10]. Связь губернских и волостных продовольственных органов отсутствовала, состав работников постоянно менялся: за 5 недель 7 из 10-ти уездных управ сменились полностью или в основном. Все более-менее способные местные деятели отказывались занимать в них какие-либо посты. Губернский продовольственный комитет был уже не в состоянии обеспечить хлебную монополию, объявленную Временным правительством, даже с использованием вооруженной силы.

«Население оказывало вооруженное сопротивление вывозу хлеба, распространилась анархия, погромы; о добровольной сдаче хлеба крестьянами не шло и речи, для них уже не играли роль ни повышение твердых цен, ни вооруженные демонстрации», – констатировал инструктор [18: 12]. Появилась практика выдачи удостоверений на закупку хлеба в других районах страны, не имеющих под собой реальной силы. Население берегло продукты для обмена на хлеб, соль, мануфактуру. Товарный обмен не оправдался: получить хлеба удалось немного, «деревня

обманула – взяла соль, мануфактуру, а хлеба не дала ...» [18: 12 об.]. Кроме того, результаты учета хлеба не соответствовали реальности. В заключении автор утверждает, что проведение хлебной монополии и твердых цен, ограничение и нормирование потребления потеряли под собой всякие основания, так как экономические факторы бездействовали, нарастала революционная волна. Выход виделся в централизации продовольственного дела, государственной поддержке кооперации, контроля над деятельностью земств.

Так как урожай 1917 г. был очень пестрым и неравномерно размещался по уездам, решение продовольственной проблемы во многом зависело от его эффективного перераспределения [12: 23]. О наличии свободного хлеба свидетельствовало мешочничество, самогонварение.

Рассмотрим еще один документ, в котором та же ситуация рисуется как бы изнутри, с точки зрения продовольственных органов губернии: материалы об их работе за период с 15 августа по 15 октября 1917 г. В общем, развитие анархии и беспорядка подтверждается, причем подчеркивается тщетность надежд на помощь центра или ввоз хлеба из других губерний. Общее заключение продовольственников сводится к необходимости твердой власти, опиравшейся на сознательные, дисциплинированные вооруженные отряды и привлечение агентов из голодных мест в урожайные, а также взаимодействию с другими демократическими организациями губернии, вплоть до передачи продовольственного дела земствам [9: 5-8].

Практически не изменилась ситуация на уровне губерний с приходом к власти большевиков. Полный контроль за продовольственным делом был введен только к весне 1918 года, когда произошло окончательное установление советской власти на местах. Новая власть не имела четких планов снабжения, пользуясь расчетами Министерства продовольствия [14: 338]. Параллельно с существованием старых органов появлялись новые, Советы устанавливали за ними свой контроль. При этом многие работники не симпатизировали приходу к власти большевиков. В краеведческой литературе [19: 95] и источниках [3: 64-86] сохранились сведения о забастовке служащих Пензенского комитета в начале января 1918 г.

Важные сведения о составе Пензенского комитета (после его подчинения Советам и реорганизации), образовании и роде занятий его членов до Октябрьской революции 1917 г. имеются в анкетных списках. Из них видно, что подавляющее большинство находится в продорганах с марта-августа 1918 г., другая группа – с октября-декабря 1918 г. Среди них представлены и «старые» продовольственники, те, кто работал с мая-июня 1917 г. и даже с октября 1916 г. Образование преобладает среднее (училище, гимназия), несколько служащих – с домашним или приходским образованием. Из 23 человек отдела «Хлебофураж» 6 – имели возможность получить высшее образование, так как были студентами различных столичных вузов. В других отделах встречаются единичные случаи работников с высшим образованием. По профессии большинство членов комитета являлись конторскими служащими, бухгалтерами, счетоводами, приказчиками; большую группу составляют также бывшие студенты и военные, хотя встречаются и бывшие служащие статистического комитета, Крестьянского Банка, Страхового Общества, Губернской Земской управы, Министерства Земледелия (по 1 человеку) [4: 9–56]. В этой связи хотелось бы отметить, что «пестрый» состав продовольственников был характерен не только для Пензенской губернии, но и для страны в целом: большинство из них имели низшее образование, чуть больше половины их происходили из рабочих, крестьян и прочих и были беспартийными [16].

Приблизительно такая же ситуация сложилась и в Симбирской губернии. Урожай неравномерно распределялся по уездам, то есть внутри ее излишки существовали. Об этом свидетельствует и распространение мешочничества, самогно-

варения: только на Ундоровской пристани вооруженная охрана едва сдерживала толпы людей с мешками. А в городах Симбирск, Сызрань появилась угроза голода, вскоре она стала реальностью для Ардатова и Алатыря [6: 21, 84].

Однако, несмотря на наличие резервов, Губпродуправа не стала заготавливать хлеб внутри губернии «ввиду невозможности быстрого передвижения хлеба из одного района в другой» [6: 84]. 10 августа 1917 г. было решено требовать ввоза 2 млн пудов; управа получила наряды на 1,5 млн пудов хлеба из Сибири, с Северного Кавказа, из Уфимской, Херсонской, Екатеринославской, Акмолинской губерний, передав право заготовки уездным, волостным и сельским обществам.

Твердые цены не соблюдались, уступая место вольному рынку. Само слово «монополия» было пустым звуком, это признавали гласные Симбирской Городской Думы, называя ее «испорченной и сверху и снизу» [6: 119–120]. Среди мероприятий, предлагавшихся для выхода из кризиса, можно выделить попытки легализации самостоятельного провоза продуктов из сельских местностей, использование экономического хлеба, попытки учета и обмолота урожая силами продовольственных органов для выявления излишков, регулирование твердых цен в зависимости от сроков сдачи хлеба крестьянами, «позаимствования» муки для Симбирска из личных запасов некоторых землевладельцев. Предлагался даже «общий поквартирный осмотр» в городе Симбирске для выявления сокрытых запасов (имелись сведения, что обширный контингент граждан обладал тайными запасами продуктов, получая их еще и по карточкам). Составлялось ходатайство о присоединении Бугульминского района к Симбирской губернии, была образована комиссия из специалистов для выработки «рациона, могущего частично заменить хлебное питание» [6: 21–92; 7: 88, 120, 159].

Несмотря на обширный перечень мер, большинство из них в принципе не могли покрыть все недостатки губернии. Перераспределение запасов внутри губернии не производилось. К октябрю 1917 г. Симбирск находился в критическом положении, его население получало 1/4 нормы. Уполномоченный Министерства продовольствия отказался доставлять хлеб для города ввиду его отсутствия в округе. Гарнизоны Симбирска и Сызрани остались без снабжения, так как выделенный им наряд из Самарской губернии последняя не выполнила.

Начались погромы городских хлебных лавок, помещичьих экономий, разграбление продовольственных запасов и другие беспорядки [6: 19, 75, 83]. Сызрань обеспечила себя на некоторое время путем захвата 100 тысяч пудов хлеба, проходившего по Волге и направлявшегося на фронт [7: 154]. Симбирский губпродком признал свою «полную беспомощность в деле разрешения продовольственного кризиса», выяснилась неспособность всех продорганов (от отдельных сельских до губернских) организовать снабжение населения хлебом. Добровольно крестьяне хлеба не давали, а применить оружие они не решались, предпочитая взывать к патристическим чувствам деревенских жителей [6: 21; 7: 154 об.].

Незадолго до Октябрьской революции 1917 г. Симбирская Городская Дума передала продовольственное дело г. Симбирска из рук городского продкомитета в ведение городского самоуправления. Однако эта мера не была осуществлена, так как Советы установили свои порядки, хотя и не сразу. С приходом Советской власти в Симбирскую губернию в декабре 1917 г. в продовольственной области мало что изменилось, кадровый состав продовольственников остался прежним (зачищенные крестьяне, торговцы) [7: 119]. Эти обстоятельства не замедлили проявиться в июле 1918 г., когда Симбирск был занят белыми: только несколько человек из губпродкома ушли из города вместе с Красной Армией, а сам комитет снова превратился в Управу.

На Самарскую губернию традиционно возлагались большие надежды в плане заготовок продовольствия. Урожай 1917 г. в этом крае оказался намного ниже обычного. Если за 1909–1913 гг. средний ежегодный вывоз хлеба из губернии превышал ввоз более чем на 90 млн пудов [10: 12], то в 1917 г. урожая едва хватало населению до будущего урожая (по другим источникам, не хватало 4 млн пудов). Относительно благополучными оказались Самарский, Ставропольский, Бугульминский, самая низкая урожайность зерновых хлебов отмечалась в Бузулукском, Николаевском, Новоузенском уездах. По всей губернии хорошо уродился картофель, большие запасы хлеба были сосредоточены по линии Бугульминской железнодорожной ветки, у частных торговцев [17: 78–81]. То есть возможности перераспределения запасов в губернии существовали, однако местные власти оказались не в состоянии его произвести.

Осенью 1917 г. перед угрозой голода оказались Самара, Бугуруслан. На почве голода местами начались погромы продовольственных комитетов, в Бузулукском уезде дело дошло до бунтов. В Самаре остался месячный запас хлеба. Самарские продовольственники наблюдали «картину полнейшей неразберихи», не имея реальной силы, на которую можно было опереться при заготовках хлеба, так как население препятствовало даже перевозу хлеба внутри селений. «Мы наделены обширными правами, но фактически ими не обладаем, так как хлеб находится не в руках государства, а в руках отдельных лиц», – констатировали докладчики пятого съезда губернского продкома, проходившего 3–8 октября 1917 г. «Существующие продовольственные организации бессильны бороться с этой разрухой при отсутствии твердой революционной власти» [1: 86–91].

При этом Самарская продовольственная организация считалась одной из сильнейших в стране летом 1917 г. Это подтверждается тем фактом, что решение о создании сети продкомов в губернии по «четырёхчленной формуле» (то есть, волостные, сельские, уездные и губернские продкомитеты во главе с Управами) было принято еще 20 марта 1917 г. и в основных своих чертах предвосхитило решения Временного правительства от 25 марта 1917 г. [1: 82–83].

Однако созданные органы были буквально сметены населением, видевшим именно в них виновников своего полуголодного состояния. Впервые вопрос о передаче продовольственного дела Советам зазвучал на Самарском губернском демократическом совещании, проходившем в начале октября 1917 г. и представлявшем все продовольственные и властные органы губернии от уровня волостных: комитеты народной власти, самоуправление, Советы, профсоюзы и др. Однако резолюция Советов о передаче под их контроль продаппарата не была принята. Но последний (шестой) съезд губернского продкомитета проходил уже в иных условиях, 27 ноября 1917 г., после свержения большевиками Временного правительства, поэтому политическая борьба в недрах продовольственной организации получила новый толчок, хотя и не привела к полной победе большевиков. Участники съезда высказались в поддержку в Учредительного Собрания: «Продовольственные организации Самарской губернии придут на помощь и дадут хлеба только власти, поставленной Учредительным Собранием. Долой всякую власть, противящуюся ему!» [15: 35].

В итоге было принято компромиссное решение о предоставлении четырех мест в продовольственной управе Совету рабочих депутатов, в котором преобладали большевики. Борьба внутри существовавшей организации продолжалась, что мешало полноценной работе. Такое положение получило оценку в местной печати как «продовольственная чехарда» [1: 96]. Эта неразбериха закончилась только в конце февраля 1918 г., когда комиссаром продовольствия был назначен К. Г. Мясков, большевик, но в прошлом член дореволюционного губпродкома.

Однако и со сменой власти, перешедшей к большевикам, положение не улучшилось, наоборот, если в мае 1917 г. в Самарской губернии было закуплено более 10 млн пудов, то в декабре того же года – всего 1625 пудов [13: 11].

Таким образом, на примере губерний Среднего Поволжья можно определить, что 1917 г. прошел в состоянии анархии, беспорядка, постоянных реорганизаций и борьбы за власть. То есть, эта ситуация отразила происходившие в стране революционные изменения. При этом, после прихода к власти большевики сохранили основные направления проводившейся политики в продовольственном вопросе, причем не только Временного, но и царского правительства. В течение нескольких месяцев она стала обязательной в исполнении и классово направленной. Временное правительство на фоне этих изменений выглядит как слабая, преходящая власть, возможно, не успевшая внести четкости, ясности и своеобразия в продовольственное дело. На уровне регионов его распоряжения часто оставались проигнорированными местными органами. В лице большевиков страна со временем увидела «твердую власть», необходимость которой подчеркивали служащие местных продовольственных органов.

Библиографический список

1. Бем, И. Самарский Губернский продовольственный комитет и его деятельность / И. Бем // Революция 1917–1918 гг. в Самарской губернии : сб. под ред. члена Учр. Собр. П. Д. Климушкина. – Самара : Типография Л. М. Азеринского, 1918. – Т. 1.
2. Государственный архив Пензенской области (ГАПО). Ф. Р-9. Оп. 1. Д. 53.
3. ГАПО. Ф. Р-9. Оп. 1. Д. 15.
4. ГАПО. Ф. Р-2. Оп. 1. Д. 328.
5. Государственный архив Самарской области (ГАСО). Ф. Р-76. Оп. 1. Д. 306.
6. Государственный архив Ульяновской области (ГАУО). Ф. 677. Оп. 2. Д. 41.
7. ГАУО. Ф. 677. Оп. 2. Д. 1.
8. Декреты Советской власти. – М. : Политиздат, 1957. – Т. 1. – 640 с.
9. Журналы заседаний Пензенского Губернского продовольственного комитета от 19, 10, 21 и 22 октября 1917 г. – Пенза : Типография Пензенского Губпродкома, 1918.
10. Известия Народного Комиссариата по продовольствию. – 1918. – № 24–28.
11. Китанина, Т. М. Война, хлеб и революция / Т. М. Китанина. – Л. : Наука, 1985. – 384 с.
12. Материалы по сельскохозяйственному обзору губернии за 1916–1918 гг. – Пенза : Типо-литография ГубСНХ, 1919. – Вып. 1, № 2.
13. Медведев, Е. И. Из истории борьбы за хлеб в Самарской губернии в 1918 г. / Е. И. Медведев // Ученые записки Куйбышевского гос. пед. ин-та. – 1958. – Вып. 20, ч. 3.
14. Орлов, Н. Продовольственная работа Советской власти. Девять месяцев продовольственной работы советской власти / Н. Орлов. – М. : Издание Нар. комиссариата по продовольствию, 1918.
15. Попов, Ф. Г. За власть Советов. Разгром Самарской учредилки / Ф. Г. Попов. – Куйбышев : Куйбышевское кн. изд-во, 1959. – 215 с.
16. Продовольственная газета. Орган Нар. комиссариата по продовольствию. – 1921. – № 51.
17. Продовольственная статистика. Самарская губерния. 1917 г. – Самара : Типография губ. земства, 1918. – Вып. 1. – 338 с.
18. Российский государственный архив экономики (РГАЭ). Ф. 1943. Оп. 3. Д. 47.
19. Шарошкин, Н. А. Участие рабочих в первых социалистических преобразованиях деревни (по материалам Среднего Поволжья) / Н. А. Шарошкин // Из истории социалистического преобразования сельского хозяйства в первые годы Советской власти : межвуз. сб. науч. тр. – Рязань : Рязанский гос. пед. ин-т, 1979. – 165 с.

ПРОВИНЦИАЛЬНОЕ ОБЩЕСТВО В 1917 г. (по материалам Архангельской губернии)

Т. И. Трошина

г. Архангельск, Россия

Аннотация. Автор статьи опирается на массовые воспоминания, в которых представлен нерелефлексивный, безоценочный взгляд на калейдоскоп политических событий 1917 г. Делается попытка проследить процесс фрагментации социального пространства и индивидуального восприятия реальности. На основе различных суждений современников событий автор ищет ответ, почему наиболее пассионарные силы оказались недалеко-видными, в какой-то степени (в глазах потомков) безответственными, позволив прекрасные перспективы, открытые Революцией, направить по негативному сценарию. Причину этого автор видит в естественном для любой Революции экономическом спаде и происходивших одновременно выборах в Учредительное Собрание. Послереволюционное единомыслие масс и схожесть политических платформ большинства партий привели к жесткой и беспринципной борьбе за электорат.

Ключевые слова: 1917 г., Революция, провинция, Север Европейской России, экономическое положение, политические силы.

Summary. The author of the article relies on mass memories in which is presented view – a nonreflexive, not containing estimates – on the kaleidoscope of political events of 1917. An attempt is made to trace the process of fragmentation of social space and individual perception of reality. On the basis of various judgments of contemporaries of events, the author is looking for the answer, why the most passionate forces turned out to be shortsighted, to some extent (in the eyes of descendants) irresponsible, allowing fine prospects opened by the Revolution to be directed in a negative scenario. The author sees the reason for this in the economic recession that was natural for any Revolution, and which was simultaneously with the elections to the Constituent Assembly. Post-revolutionary unanimity of the masses and the similarity of the political platforms of most parties led to a tough and unprincipled struggle for the electorate.

Keywords: 1917, Revolution, Province, North European Russia, economic situation, political forces.

1917 г. не обойден вниманием исследователей, в том числе и через субъективность, то есть через личностное осмысление человеком того времени происходившего. Мемуары участников и свидетелей событий Русской революции, биографические исследования выдающихся современников эпохи, литературоведческие труды, анализирующие произведения о событиях революции, создают широкое, наполненное красками различной интенсивности полотно эпохи.

Вместе с тем огромные массы людей, ставших реальными участниками тех событий, продолжают оставаться статистами, «массой», «декорацией» для разыгравшейся грандиозной исторической драмы. При этом, специфика революционной эпохи заключается в том, что дала любому человеку шанс изменить свой жизненный сценарий. Не все смогли воспользоваться этим шансом, но осознал его реальность практически каждый житель на необъятных просторах Российской Империи.

Неожиданный водоворот политических событий (который мог бы закончиться очередной сменой власти) втянул массы людей, вдруг забывших собственные сиюминутные интересы и воодушевившиеся общей мечтой о совершенном мироустройстве. Разумеется, каждый человек в зависимости от своего социального статуса, уровня образования или профессиональной подготовки воспринимал этот идеальны мир по-своему, что привело в конце концов к нарушению гражданского мира и к развязыванию гражданской войны – во всех смыслах этого понятия.

Но несколько месяцев 1917 г., которые принято называть «медовым» периодом Революции, показали совсем другую ее сторону, когда всем верилось в наступление прекрасного времени. В силу огромных территорий страны, этот «медовый месяц» не имел строгих хронологических границ, потому что диффузия идей, подогревающих настроения социального оптимизма, расходилась из столиц по отдаленным провинциям довольно быстро, но все же ее скорость зависела от возможностей средств массовой информации и транспорта того времени. И диффузия эта происходила не только «вширь», но и «вглубь», круша культурные и социальные стереотипы тех общественных слоев, которые были, с одной стороны, наиболее традиционалистски настроены, а, следовательно, и более инертны, а с другой – обладали большим запасом накопленного веками социального недовольства и иллюзорных ожиданий.

Анализ комплекса источников (синхронных – это протоколы различных собраний и совещаний, информация из газет того времени, письма; а также – массовых воспоминаний участников событий, собранных региональными «истпартами») создает представление о наличии в течение нескольких месяцев 1917 г. сплоченности на основании общих интересов, ожиданий, представлений, которая объединила – ненадолго, буквально на несколько месяцев – представителей социально и географически разделенных групп мечтой о построении нового мира.

Реальные факты, которые «на поверхности» исторического опыта, говорят вроде бы одругом: убийство солдатами офицеров на фронте, жесткое противостояние социальных и имущественных слоев в столицах, захват и разграбление помещичьих усадеб в земледельческих губерниях... Именно эти события потом стали восприниматься как основной фон, на котором разворачивались события Революции.

Но углубленное, точечное рассмотрение событий в отдельных регионах, в которых население обладало своим социальным опытом и существовало в специфической реальности, показывает, что отнюдь не по единому сценарию происходили события. В тыловой провинции (рассмотрим конкретную северную губернию – Архангельскую) происходило поистине «единение» – солдат и офицеров, рабочих и предпринимателей, крестьянства и интеллигенции. Наблюдатели отмечали, что в армейской среде отношения между командирами и рядовыми отличалось от происходившего в столицах и на фронте, объясняя это особыми условиями службы в северных морях, которая сплачивало военно-морские команды, формируя особое уважение к офицерам, от чьего опыта и принимаемых решений зависела жизнь моряков [2].

Надевание «красных бантов» чиновниками и жандармами было не только стремлением избавиться от возможного террора со стороны «восставшего народа». Как в синхронных документах, так и в позднейших воспоминаниях присутствуют свидетельства охвативших всех каких-то радужных, идеалистических ожиданий. Так, торговец в удаленном уезде высказывался, что стремление «все отнять и поделить» имеет под собой законные основания, поскольку все капиталы проявились в результате эксплуатации и обмана трудящихся... Начальники гарнизонов – как в губернском центре, так и в уездных городах, – призывали своих офицеров с пониманием относиться к созданию солдатских комитетов, более того, стремиться ввести туда наиболее авторитетных среди нижних чинов офицеров. Руководство города обращалось к владельцам и управляющим фабрично-заводских предприятий разрешить проводить собрания в рабочее время, ввести оплачиваемые должности депутатов от рабочих, сохранять жалование за членами отрядов красной гвардии и т.п.

Наиболее непонятным выглядит поведение старших воинских начальников. Вряд ли их дискуссии в первые часы после получения сообщения из Петрограда

о февральских событиях отложились в протоколах. Один из авторов собиравшихся истпартами воспоминаний приводит подслушанные телефонистами сведения: Федоров, исполнявший в тот момент обязанности Архангельского главноначальствующего, «собрал старшее офицерство и заявил, что если не принять меры, то через 10–15 дней начнется 905-й год». Помощник главноначальствующего по технической части Посохов «возражал, что революция уже свершившийся факт. Остальные вняли Посохову». Федоров выехал из Архангельска, передав дела Посохову, который полностью подчинился комитетам солдат и офицеров (они возникли сначала по-отдельности, потом объединились, затем под влиянием большевиков, опасавшихся влияния на солдат популярных офицеров, опять разделились). Федоров был в непрестом положении, поскольку у моряков «была тенденция ликвидировать офицерство на месте, тем самым не обременяя себя... ненужной работой, но <такого подхода>никто не поддержал, потому что при ликвидации людей, не нужных революции, волна ликвидации может захватить людей, полезных флоту и революции...»[5: 1–2]. Умело ведя дело с солдатскими и матросскими комитетами, Посохов арестовал по их требованию 28 старших офицеров, но смог не допустить самосуда и отправил их в Петроград.

Разумеется, всему этому можно найти простое объяснение: попытка «договориться» с массами, в ожидании, пока те не успокоятся. Но такая политика вряд ли была успешной, если бы не охватившее всех общее радужное чувство «грядущих перемен» к лучшему.

Самым ярким свидетельством тому явилось кратковременное единение политических сил, считавших себя «демократическими». Забыв о партийных расприях, приветствовали возвращавшихся из столицы членов самораспустившейся Государственной думы – на вокзале их встретила восторженная толпа, «на руках» они были доставлены в город и внесены в зал Городской думы, где «их слушали как пророков». Никто в тот момент не видел в их поступках предательства национальных или государственных интересов.

По воспоминаниям современника, летом 1917 г. «белыми ночами, как обычно, архангелогородцы собирались на гулянья; тут же в саду митингуют – собираются группами; смотришь, стоит матрос или солдат в форме, группирует возле себя толпу и агитирует за большевиков, за советскую власть; там – распинается эсер или меньшевик за Учредительное собрание. Так незаметно проходит ночь, всходит солнце, а в сквере все еще люди ходят, стоят группами, спорят друг с другом, доказывают, – и спать не хочется, все интересно, не знаешь, кто и прав; один интересно говорит, большевик еще лучше, больше обещает... Часам к восьми сад пустеет, и так каждый день» [6]; в рабочих районах города «жизнь кипела ключом, на собраниях лились длинные и пламенные речи, каждый говорил, что ему в голову идет...» [12].

Происходило объединение партийных организаций, в первую очередь при выборах в органы власти всех уровней, а затем и в Учредительное собрание; таким образом аккумулировались организационные и финансовые ресурсы. В Вологде объединенным в одну организацию социал-демократам удалось провести в Учредительное собрание кандидата-большевика. Не только церковнослужители, но и священнослужители создавали свои «демократические» организации, направляя депутатов в «советы». Происходила массовая самоорганизация самых различных групп – партии «квартиродержателей» и «квартиросъемщиков», «квартирных комитетов» и «семейств военнослужащих», служащих «ресторанов» и «торговых заведений» – все направляли своих депутатов в советы и стремились провести своих кандидатов в другие органы власти, выборы в которые происходили на различных уровнях. Казалось, таким образом обо все можно договориться и снять нараставшее

в годы войны напряжение между группами населения. По словам фронтовика, случайно оказавшегося в июне 1917 г. на губернском крестьянском съезде, там был «разный сброд – купечество, чиновники, лесники, учителя, попы и чуть крестьян» [6]. Скорее всего, такая негативная оценка «единения» всех социальных слоев появилась у него под влиянием позднейших событий. Действительно, демократическая интеллигенция в первые месяцы Революции имела безусловный моральный авторитет. Протоколы крестьянских сходок, нередко расходящиеся с поведением крестьянских масс, показывают, что крестьяне недолго, но доверяли интеллигенции. Так, неизменно включалось требование всеобщего школьного и доступного высшего образования, что для самих крестьян в тот момент вряд ли было первоочередной задачей.

На первом этапе революции женские организации объединяли активисток, придерживающихся самых разных политических ориентаций. Так, в Шенкурске существовал Женский социалистический кружок, в который входили большевичка Р. Пластинина, правая эсерка Е. Малахова, кадетка Л. Исупова. Вскоре их пути разойдутся, но в первые месяцы 1917 г. они помогали неграмотным женщинам писать письма мужьям на фронт, что было лучшим способом проводить среди них агитацию. Работа среди женщин привела к повышению самосознания последних, относительно высокой активности их при выборах в земские учреждения, в Учредительное собрание, но в конце концов – к довольно резкой политической поляризации уже через несколько месяцев.

В чем же можно увидеть причину такого единения, а впоследствии – поляризации общества, войны «всех против всех»?

Можно назвать причины экономические и политические. К последним прежде всего относится жесткая конкуренция всех популярных политических партий, стоявших более или менее на общей, социалистической платформе, за голоса избирателей. Безответственность политических функционеров, применявших опасные для неискушенного электората приемы, привела к акцентированию социальных проблем, смягченных революционным «социальным братанием».

Пока интеллигенция стремилась «по правилам» вести агитацию за своих кандидатов в Учредительное собрание, представители радикальных партий, опираясь на активистов – в массе пассионариев-аутсайдеров (из фронтовиков, женщин, молодежи), действовали жесткими, а иногда и довольно примитивными методами. Оппонентов «выкидывали из окон» [7]; тех «чужих», кому из удавалось завоевать аудиторию, подстерегали после собраний и избивали [8]; на собраниях доходило до драк [9]; во время политических дискуссий нередко предлагался жесткий выбор – или «за», или «против» [10]. После Октябрьских событий, и особенно после разгона Учредительного собрания применены силы в отношении политических оппонентов в форме изгнания «чужих» ораторов, физического разгона собраний, а также «революционного захвата власти» на всех уровнях, стало обычным явлением.

Следует учитывать и экономическую составляющую происшедшего. Документы показывают, что по крайней мере, в северных губерниях, где большинство предприятий работало на оборону, трудовая дисциплина и общая экономическая ситуация была неплохой для военного времени. Однако, по мере расширения анархии в производственной сфере [об этом см. подробнее статью автора: 4], экономическая ситуация ухудшалась. Первичной потребностью, как известно, является потребление, и если на относительно короткий момент призывы агитаторов смогли заглушить «голос желудка», то вскоре все вернулось на круги свои. Почувствовавшие ухудшение своего материального положения, в первую очередь продовольственного, люди не только легко видели причину этого в «действиях врагов народа», но и стали прислушиваться к более разумным голосам, что революционными

идеалистами воспринималось как «шкурничество». По словам архангельского рабочего, когда решался вопрос о вывозе продовольственных запасов из Архангельского порта в центр страны, для армии и голодающих столиц, «председатель продовольственного комитета, продажная шкура, привел сравнение с 1913 годом, у рабочих волосы дыбом встали, и кампания помощи рабочим Петрограда сорвалась» [11: 4].

Кстати, эти воспоминания, составленные в начале 20-х гг., являют собой пример того смятения, в котором находился автор от несоответствия ожиданий предлагаемой модели социального благополучия. Так, в 1917 г. «рабочие [казенного судоремонтного завода] *стремились к лучшему*, которое понимали, как получить побольше прожиточный минимум, подешевле приобрести продукты, добыть свободу при наикратчайшей затрате энергии. Свободу <...> понимали, как "тащить все"» [11: 1].

Разного рода и происхождения «обиды» актуализировались под влиянием политической пропаганды. Натравливались друг на друга рабочие, если они по какой-то причине поддерживали различные рвущиеся к власти силы. Например, в Архангельске на более выгодных работах находились те, кого «война загнала на учет», то есть люди, нередко более образованные и трудолюбивые, которые пошли на производство, чтобы избежать призыва в армию. Несложно было настроить против них рабочих гражданских предприятий, имевших более низкие заработки и меньший паек. Из-за пайка разгорелся в конце 1917 г. конфликт между рабочими-судоремонтниками и служащими военного порта. Первые требовали: «Пусть «клевашники» (*военные моряки – Т.Т.*) расстанутся со своим пайком!», и пытались силой заставить их «поровну поделить» наличное продовольствие. Стычка едва не переросла в вооруженное столкновение.

И уж совсем несложно было настроить солдат и матросов против своих офицеров, церковнослужителей против священнослужителей, население против интеллигенции.

Относительно сплоченная деревня также подвергалась расколу, прежде всего после возвращения фронтовиков. Так, жители Карпогоры (довольно крупное по северным меркам село в Пинежском уезде) на «общем собрании солдат и граждан» в декабре 1917 г. постановили, что «по случаю темноты и незнания текущего момента крестьянами, в местные демократические организации избраны люди, не соответствующие своему назначению и не идущие навстречу большинству населения, а потому и решили назначить их к переизбранию...» [13: 16].

Сначала был спровоцирован раскол между основной массой населения и зажиточной частью деревни, в первую очередь торговцами (прекращение которыми деятельности, кстати, существенно обострило товарный голод), затем – против сельской интеллигенции и духовенства. В отношении первых это сделать оказалось несложно, у интеллигенции, особенно учителей, «властелинов душ и умов» в первые месяцы Революции. Теперь их практически некому было защитить. По словам сельской учительницы, крестьяне заявляли: «Вам, учителям, не надо было Николая, а нам и при нем жилось хорошо. А если теперь, без Николая, будем жить плохо – то и вас, и училище сметем» [3].

«Осуждения, укоры и даже незаслуженные оскорбления», которые, судя по отчетам благочинных за 1917–1918 гг., стали получать приходские священники «со стороны неразумного, по большей части ленивого элемента, не понявшего дарованных свобод» [14: 2], были вызваны тем, что их рассматривали как эксплуататоров, наживавшихся на бедствиях, которые терпел народ во время войны. (Действительно, во время войны многие священники, нередко единственные грамотные люди в своих селениях, соглашались по просьбе населения на платные должности в потребительских обществах).

Так рушился кратковременный гражданский мир, и этот исторический опыт заставляет опасаться столь прекрасных, казалось бы, моментов всеобщего единения на принципах «Свободы, Справедливости и Братства». Вековой юбилей Великой русской революции напоминает об актуальности не только научного осмысления этого события, но и ее исторического опыта.

Библиографический список

1. Булдаков, В. П. Революция и память: современность на весах истории / В. П. Булдаков // Октябрь 1917 года: взгляд из XXI века : сб. материалов Всерос. науч. конф. – М. : РИПО, 2007 – С. 74, 75.
2. Варнек, П. А. Русский Север в первую мировую войну / П. А. Варнек // Морские записки / Изд. О-ва б. рус.мор. офицеров в Америке / под ред. ст. лейтенанта С. В. Гладкого [Нью-Йорк]. – 1950. – Вып. 8, № 2. – С. 23–39.
3. Скороходов, С. В глуши / С. Скороходов // Вольный голос Севера. – 1918. – 22 января.
4. Трошина, Т. И. 1917 год: Революционная анархия в производственной сфере Архангельской губернии / Т. И. Трошина // 1917 год в судьбах регионов, страны и мира: взгляд из XXI века : материалы Междунар. науч. конф. – Архангельск : САФУ, 2017. – С. 181–185.
5. Государственный архив Архангельской области, Отдел документов социально-политической истории (ГААО ОДСПИ). Ф. 8660. Оп. 3. Д. 73.
6. ГААО ОДСПИ. Ф. 8660. Оп. 3. – Д. 436.
7. ГААО ОДСПИ. Ф. 8660. Оп. 3. – Д. 36.
8. ГААО ОДСПИ. Ф. 8660. Оп. 3. – Д. 199.
9. ГААО ОДСПИ. Ф. 8660. Оп. 3. – Д. 717.
10. ГААО ОДСПИ. Ф. 8660. Оп. 3. – Д. 681.
11. ГААО ОДСПИ. Ф. 8660. Оп. 3. – Д. 237.
12. ГААО ОДСПИ. Ф. 8660. Оп. 1. Д. 596.
13. ГААО. Ф. 352. Оп. 1. Д. 15.
14. ГААО. Ф. 29. Оп. 1. Т. 2. Д. 1251. Л. 2.

«ХУЛИГАНСТВО» КАК ИНДИКАТОР НАРАСТАНИЯ СОЦИАЛЬНОГО НАПРЯЖЕНИЯ НАКАНУНЕ РЕВОЛЮЦИИ (по материалам Архангельской губернии)

Т. И. Трошина

г. Архангельск, Россия

Аннотация. На основе анализа архивных источников в статье рассматривается процесс развития конфликта между населением и государством накануне Революции 1917 г. В центре внимания автора – Европейский север России, Архангельская губерния, отличавшаяся минимальным уровнем социального напряжения в предыдущие годы. В качестве индикатора для оценки степени гражданского неповиновения взяты случаи «хулиганства» по отношению к представителям власти. Документальные свидетельства показывают, что инициаторами такого неповиновения были пришлые элементы, которые появились в губернии в годы Первой мировой войны. Внутреннее напряжение местного населения было вызвано имущественным и социальным расслоением, усиленно происходившим в годы войны.

Ключевые слова: Европейский север России, население и власть, гражданское неповиновение, Социальное напряжение, Первая мировая война, 1917 г.

Summary. In the article, based on the analysis of archival sources, the development of the conflict between the population and the state on the eve of the Revolution of 1917 is considered. In the center of the author's abstraction is the European North of Russia, Arkhangelsk Province, which was characterized by a minimal level of social tension in previous years. As an indicator for assessing the degree of civil disobedience, cases of "hooliganism" against representatives of the authorities were taken. Documentary evidence shows that the initiators of such disobedience were alien elements that appeared in the province during the First World War. The internal tension of the local population was caused by the property and social stratification that was intensively taking place during the war years.

Keywords: European North of Russia, Population and power, Civil disobedience, Social tension, World War I, 1917.

Судя по донесениям из северных губерний Европейской России, ситуация в обществе даже за несколько месяцев до революции была относительно стабильной. Сократилось количество криминальных преступлений и бытового хулиганства, что объяснялось не только «патриотическим настроем» военного времени, но и запретом на торговлю спиртными напитками, а также тем, что самая «хулиганствующая» часть общества – молодые мужчины находились в армии.

Да и другие источники, включая документы личного происхождения, отражающие общественные настроения, в том числе среди солдат, создают впечатление, что случившаяся революция была достаточно неожиданной. Неслучайно, до сих пор обсуждается ее возможный «внешний» генезис.

Вместе с тем, анализ следственных дел «О нарушении жителями губернии обязательного постановления архангельского губернатора от 4 сентября 1914 года», запрещавшего «демонстративно-дерзкие выходки по отношению к чинам полиции» [3], показывает нарастание общественного напряжения, проявлявшееся в подобных, нередко немотивированных («хулиганских») поступках.

Подобное явление (которое примерно с 1905 г. стало именоваться иностранным словом «хулиганство») в русском обществе стало фиксироваться (с нарастанием) с начала XX в., как своеобразное проявление модернизации: экономической, социальной, культурной [1].

Впрочем, как своего рода культурный протест (или отражение культурного шока), хулиганство присутствовало и прежде. Прежде всего, «дерзко-вызывающие»

поступки были свойственны так называемой «молодежной культуре». Данная форма молодежной культуры приобретала асоциальные черты у отходников, у призывников, то есть у той части молодежи, которая была искусственно вырвана из своей социальной и культурной среды. В отношении находившейся в привычном социуме мужской молодежи традицией допускался (для короткого добрачного периода) особый разгул, выражавшийся в массовых драках, вызывающем поведении и прочих поступках, которые в других возрастных группах не одобрялись и не допускались. Считалось, что «женится – остепенится». Так обычно и происходило. Наблюдатели народной жизни отмечали, что «самый отъявленный хулиган, поженившись, вскоре же делался обыкновенным трудолюбивым и домовитым работником» [5: 126, 128].

Но в начале XX в. привычная модель дала сбой. И без того многочисленное, это поколение значительно увеличилось в своей численности за счет включения в понятие «молодежь» других возрастов холостых мужчин. В связи с переходом к всеобщей воинской службе и с распространением образования и профессионального обучения, молодые люди позднее вступали в брак. В Архангельской губернии удлинившееся «холостячество» молодых мужчин было связано с традицией не вступать в брак, пока они ходили на отхожие заработки. А значит, им позволялось, и даже от них ожидалось поведенческие модели, свойственные молодежи.

Забегая вперед, скажем, что война и последующие события еще больше удлинит период «холостячества». Революция дала для большинства таких молодых людей альтернативу традиционному «хулиганству» – активную общественную деятельность. Проанализированные автором биографические материалы показали, что среди активных участников установления советской власти 81,3 % были холостяками, в то время, как среди их более пассивных сверстников таковых было от 34 до 41 % [2]. Таким образом, социальная энергия была направлена в позитивное русло, для переустройства жизни по новым правилам.

В годы же войны количество и интенсивность проступков и хулиганских действий уменьшились в связи с массовым призывом в армию. Война привела к изъятию из социума большого количества молодых людей, многие из которых были холостыми. Даже армейский призыв с традиционным «загулом» проходил достаточно дисциплинированно в связи с запретом на торговлю спиртным.

Хулиганские поступки стали совершать подростки и женщины – вероятно, в связи с тем, что эти две половозрастные группы стали брать на себя поведенческие модели отсутствующих в традиционной социальной системе молодых мужчин. Например, среди них стало развиваться пьянство, совершенно не свойственное этим категориям населения прежде, по причине пола и возраста.

При этом материальное положение населения, и в первую очередь – крестьян и городских низов, во время войны по формальным признакам существенно улучшилось. Казенные пособия для солдаток, высокие расценки на физический труд, повышение цен на любые продовольственные товары и различного рода услуги позволили «народным низам» получать хорошие деньги. С другой стороны, началось социальное и имущественное расслоение: для средних городских слоев «спекулянтами» стали обеспечивающие их молочными продуктами, овощами, дровами крестьяне. В сельской среде особенно выделились семьи так называемых «учетников» – освобожденных от призыва в связи с их занятостью на «оборонных работах». Высокие заработки давали им возможность им поддерживать свое крестьянское хозяйство, а занятость – не позволяла оказывать традиционную помощь солдаткам. Это вело к напряжению и даже взаимному озлоблению внутри еще недавно сплоченных сельских общин.

И общую ненависть всех слоев населения вызывали появившиеся повсеместно нувориши, разбогатевшие на казенных поставках и всячески демонстрировавшие свое внезапное богатство.

У народных масс возникало недоверие к властям, допускаявшим подобные несправедливости, и ненависть к тем, кто воспользовался военными обстоятельствами в свою пользу. По мнению начальника Вологодского жандармского управления (высказанного им в донесении в МВД еще в октябре 1915 г.), настроения населения «такое, что раз война приобрела характер народной, то народ вправе требовать после ее окончания осуществления своих вожделений» [4: 16–17 об.].

Анализ рассмотрения дел по «хулиганству» показывает, что в годы войны, особенно на последнем ее этапе, возрастало количество демонстративных действий в отношении именно этих групп («спекулянтов», нуворишей, «учетников»), а также представителей властных структур, и причинами были не проявления прежнего молодежного экстремизма.

По обвинениям в нарушении Обязательного постановления привлекались представители почти всех слоев общества; обращает на себя внимание именно демонстративный характер оскорблений и унижений полицейских чинов. Подобное случалось и прежде, но судя по протоколам, провинившиеся осознавали свои деяния как неправильные, объясняли свои проступки состоянием опьянения, другими смягчающими обстоятельствами. Начиная со второй половины 1916 г., ситуация меняется. Не только увеличивается количество хулиганских действий, но все чаще обвиняемые не признают свою вину. Если оскорбления урядника или городского происходит в общественном месте, присутствующая публика поддерживает и всячески защищает хулигана, а при составлении протокола происходит массовый отказ свидетельствовать произошедшее.

Скорее всего, фиксировавшиеся проступки были выражением протеста в связи с нарушением определенных норм социальной справедливости. Мотивацией было неприятие действий властей вообще, а также убеждение, что полиция защищает тех, против кого справедливо направлено общественное негодование.

Анализ случаев «неповиновения властям» показывает, что на общее состояние недовольства повлияла также мощная миграция (как географическая, так и социальная) населения в период войны, которая уменьшила влияние традиционного социального контроля. Хулиганские поступки совершают в основном рабочие, вынужденные уже не сезонно, а постоянно проживать в заводских казармах; женщины, выполнявшие несвойственные им роли (например, работниц на заводах) и ставшие в отсутствие мужей кормильцами для своих семейств. В основном, хулиганство происходило в пьяном виде, но при задержании многие ссылались на то, что «все выпивают», и не их вина, что приходится пить «всякую ханку», от которой происходит быстрое и тяжелое опьянение.

Особенно много «нарушений» совершали приезжие: беженцы из Прибалтийских губерний, интернированные подданные вражеских государств, приехавшие из других губерний люди, вынужденные заниматься несвойственной им деятельностью (например, работать на дорожном строительстве, в порту или на лесозаводах, поскольку эта работа давала освобождение от армии). При выборе им наказания учитывалось семейное и имущественное положение, которое, кстати, показывает, что «хулиганы» отнюдь не бедствовали.

Подобное поведение и незначительные наказания за совершенные проступки создавали и у местного населения настроение вседозволенности, что и было им продемонстрировано летом и осенью 1917 г.

Библиографический список

1. Neuberger, D. Hooliganism. Crime, culture and power in St. Petersburg, 1900–1914 / D. Neuberger. – California : University of California Press, 1993.
2. ГААО. Отдел ДСПИ (Ф. 8660), ВОАНПИ (Ф. 1323).
СПб ЦГАИПД (Ф. 4000).
НАРК (Ф. Р-1784, Р-1782, Р-1501, П-14).
Научный архив КарНЦ (Ф. 1. Оп. 17, 18).
Архив РУ ФСБ по Архангельской области.
3. Государственный архив Архангельской области (ГААО). Ф. 1. Оп. 4. Т. 5. Д. 1524. Д. 1565.
4. Государственный архив Вологодской области (ГАВО). Ф. 108. Оп. 1. Д. 5864.
5. Полуянов, А. Частушка как живой отзвук народной жизни / А. Полуянов // Известия ВОЙСК. – 1915. – Вып. 2.

РЕВОЛЮЦИЯ 1917 г. И ПРОБЛЕМА СОХРАНЕНИЯ ЦЕЛОСТНОСТИ ИМПЕРИИ: К ВОПРОСУ О ФАКТОРАХ РЕФОРМ В СФЕРЕ АДМИНИСТРАТИВНО-ТЕРРИТОРИАЛЬНОГО УСТРОЙСТВА СССР

О. А. Филенкова

г. Пенза, Россия

Аннотация. Рассматривая проблему реформирования административно-территориального устройства России в условиях революции, автор приходит к выводу о значении стратегии федерализма как способа предупредить развитие центробежных тенденций. Другой стратегией, оформлявшей собой пределы политики уступок местным советам и национальным автономиям, обеспечивающей стабильность и единство страны, выступало создание укрупненных политико-экономических образований.

Ключевые слова: революция, распад империи, проблема сохранения целостности государства, реформы административно-территориального деления, районирование, совнархозы, проекты обновления федеративного устройства.

Summary. Considering the problem of reforming the administrative and territorial structure of Russia in the conditions of the revolution, the author comes to the conclusion that the strategy of federalism is a way to prevent the development of centrifugal tendencies. Another strategy that shaped the limits of the policy of concessions to local councils and national autonomies ensuring stability and unity of the country was the creation of enlarged political and economic entities.

Key words: Revolution, the collapse of the empire, the problem of preserving the integrity of the state, the reform of the administrative-territorial division, the regionalization, the economic councils.

Трудно переоценить значение административной организации территории в общем списке управленческих стратегий государства, более того, подчас и судьба страны всецело зависит от эффективного деления целого на части. Вместе с тем, приспособление административно-территориального устройства к нуждам меняющегося государства в российской исторической традиции носило инертный и явно запаздывающий характер [11]. Для выработки программы, отвечающей задачам повышения эффективности управления территориями («избежания медлительности от пространства земли и множества дел») и соображениям государственной безопасности новорожденной империи, потребовалось почти столетие [8: 424]. И уже к моменту ее реализации наблюдается зреющее несоответствие задачам цивилизационного развития, а, следовательно, формируется социальный заказ на пересмотр оснований для организации территории. Так, в начале XIX в. осуществляются первые попытки оспорить политические приоритеты региональной политики и поставить во главу угла экономически-ориентированные критерии деления. В 1807 г. профессор истории и географии Е. Ф. Зябловский предложил свое видение территориального деления Российской империи, организованной по принципу климатических зон (самая холодная, холодная, умеренная и теплая или южная). Изучение экономико-географического своеобразия регионов страны называлось автором важнейшим условием улучшения положения народа [9: 23].

Первым опытом разработки общей концепции районирования как фактора развития производительных сил следует назвать труды К. И. Арсеньева, разделившего территорию страны на 10 зон по географическим (природным) и производным от этого экономическим признакам: «Приняв в рассуждение разность климата и качества земли...» [2: 28].

В последующее столетие кардинальная структурная перестройка российской экономики, вызванная процессом ее индустриализации, предельно четко обозначила параметры необходимых изменений территориальной организации страны. Однако консервация институтов, отвечавших за воспроизводство военно-бюрократической и полицейско-патерналистской стратегий в системе управления, препятствовала решению проблемы. И лоскутное одеяло из губерний и прочих образований, несопоставимых по уровню экономического развития, по национальному составу, стало расплываться и трещать по швам.

Насильственный захват власти большевиками в октябре 1917 г. поставил во главу угла административной реформы критерий политической организации вокруг «пролетарских центров», и, соответственно, большевистских советов. Задача экономического районирования была озвучена большевиками сразу же после захвата власти и рассматривалась в качестве важнейшего фактора грядущего переустройства общества на основе коммунистической идеологии. Позднее эта идея трансформируется в образ «всемирного Совнархоза» [5: 17 об.], а вопросы административно-территориального деления в окончательной форме будут переадресованы «центру-интернационалу». Подобное видение проблемы, по словам М. И. Калинина, снимало любые противоречия при организации территории: «Граница может быть и здесь, может быть и там. Какая река будет границей или будет какая-нибудь этнографическая граница, это вопрос мест. На местах к этому вопросу подойдут заинтересованные стороны, мы же ставим перед собой принципиальный вопрос. Решение этого вопроса местные интересы должны быть целиком принесены в жертву. Мы должны иметь в виду интересы коммунистического строя...» [5: 17 об.]. Период 1917–1920 гг. характеризуется отчетливой тенденцией к стихийной дезинтеграции и дроблению территории бывшей Российской империи. В условиях крушения монархии на роль восприемника властных полномочий могло претендовать земское и городское самоуправление, чьи либеральная направленность и некая оппозиционность действовавшему режиму, априори заложенная в эпоху Великих реформ, сомнений не вызывала. Вместе с тем, обусловленное революцией стремительное перерождение органов государственного управления на местах вызвало к жизни советизацию управления. Руководствуясь стратегией, предложенной лидером большевиков и утвержденной на VII Апрельской партийной конференции, в мае 1917 г. в масштабах уездов, сел и даже воинских частей создаются советские республики (Красноярск, Кронштадт и пр.) [1: 204]. Столь же очевидно стремление большевиков обуздать сепаратистские настроения и поставить под контроль центральных властей процесс постреволюционной трансформации административного устройства страны [7: 113]. Стремление сохранить свою власть подталкивало большевиков к заигрыванию с сепаратистскими устремлениями регионов, вместе с тем, и поиск стратегии укрепления территориальной целостности страны опосредованно решал все ту же проблему – проблему власти. Итогом взаимодействия противоборствующих тенденций в региональной политике коммунистической партии стало появление модели циклической смены приоритетов в сторону территориально-экономического районирования (в большей степени соответствовавшего идее централизации управления) либо укрепления национальной федерации.

Так, уже 24 декабря 1917 г. НКВД санкционировал перенос управленческих полномочий в города, где влияние большевиков на пролетарские массы было определяющим, а также разукрупнение территорий опять же для усиления роли новых революционных органов власти: «Теперь, когда органами местного управления становятся Советы, совершенно ясно, что и административные центры должны переместиться в те города, советы которых более крупны, более деятельны

и влиятельны, т.е. в города с развитой промышленной и торговой жизнью» [10]. Правильным признавалось распределение территорий на административные округа, соответствующие экономическому значению отдельных пунктов, и экономическим связям, укрепление которых позволило бы создать надежный фундамент процессу социалистического строительства [1: 202]. В Обращении НКВД ко всем советам «Об организации местного самоуправления» решение вопроса модернизации административно-территориального управления было отнесено к компетенции местных властей. Вместе с тем, закрепив курс на демократизацию (советизацию) и децентрализацию управления, СНК РСФСР своим декретом от 27 января 1918 г. «О порядке изменения границ губернских, уездных и прочих» поставил задачу проведения районирования в масштабах всей страны [6]. Делегируя соответствующие полномочия на места «Вопросы об изменении границ губерний, уездов и волостей разрешаются всецело местными Советами Рабочих, Крестьянских и Солдатских Депутатов» вплоть до создания специальных смешанных комиссий «заинтересованных губернских Советов или съездов их» для решения «технических вопросов и недоразумений», СНК санкционировал неуправляемый процесс дезинтеграции («Области, губернии, уезды и волости могут также разделяться на части») и, одновременно, подтвердил возможность экономического районирования: «образуя новые административные, или *экономические* [курсив наш – О. Ф.] единицы» [6]. Помимо прочего вводился уведомительный порядок административной перекройки старого платья бывшей Российской империи. Декрет требовал лишь информирования Народного Комиссариата по внутренним делам о происшедших изменениях.

В последующие годы реформирование административно-территориального устройства путем создания укрупненных образований в целях комплексного и динамичного экономического развития регионов, а также укрепления властной вертикали в СССР осуществлялась дважды: в рамках реформы районирования в 1920-х – начале 1930-х гг.; и в процессе введения и последующего укрупнения совнархозов в 1957–1964 гг. Примечательно, что одним из существенных факторов преобразований выступало стремление партийного лидера укрепить собственную власть. Так, создание совнархозов на основе укрупненных административно-экономических районов, задуманное в целях стимулирования дряхлеющей экономической модели в конечном итоге свелось к усилению позиций местной партийной бюрократии, на которую Н. С. Хрущев опирался в борьбе со своими противниками в Президиуме ЦК. Из-за давления «баронов системы», первых секретарей обкомов и т.д. многообещающий вариант формирования «многообластных» совнархозов был отвергнут [4: 115]. Подчеркнем, что к этой идее Н. С. Хрущев вернется через пять лет, когда совнархозы станут укрупнять и проиграет, как посягнувший на пределы власти региональной партийной элиты.

В начале 1980-х гг. идея экономического районирования была вновь реанимирована в целях противодействия центробежным тенденциям. Так, в октябре 1983 г. Ю. В. Андропов дает поручение А. Е. Бовину изучить вопрос о возможности вернуться к идее создания межреспубликанских координирующих центров, прежде всего, в сфере партийного управления и противодействия изоляционизму [3: 420].

Представляется очевидным, что революция и, спровоцированное ею крушение прежней формы государственности превратили выбор стратегии административно-территориального устройства в ведущий фактор сохранения целостности страны. Сохранение шаткого равновесия системы на протяжении всего периода существования советского государства достигалось путем последовательной смены парадигм экономического районирования и федерализации (в том числе и по национальному признаку), и, соответственно, стратегий централизации

и децентрализации управления территориями. Отметим и значение стратегии федерализма как способа предупредить развитие центробежных тенденций. Другой стратегией, оформлявшей собой пределы политики уступок местным советам и национальным автономиям, обеспечивающей стабильность и единство страны, выступало создание укрупненных политико-экономических образований

Аналогичные волны организации пространства территории обозначат и контуры следующего системного кризиса и революции, разразившейся в конце 1980-х – 1990-х гг.

Библиографический список

1. Административно-территориальное устройство России. История и современность / отв. ред. А. В. Пыжиков. – М. : ОЛМА-ПРЕСС, 2003. – С. 204.
2. Арсеньев, К. И. Обзорение физического состояния России и выгод от того происходящих для народных промыслов ныне существующих / К. И. Арсеньев. – СПб., 1818. – 50 с.
3. Бовин, А. Е. XX век как жизнь: Воспоминания / А. Е. Бовин. – М. : Захаров, 2003. – С. 420.
4. Горлов, В. Н. Н. С. Хрущев и принятие решения о создании совнархозов / В. Н. Горлов // Вестник МГОУ. Сер.: История и политические науки. – 2012. – № 2. – С. 113–119.
5. Государственный архив Российской Федерации. Ф. Р-6984. Оп. 1. Д. 1. Л. 17 об.
6. Декрет СНК РСФСР от 27 января 1918 года «О порядке изменения границ губернских, уездных и прочих». – URL: http://www.libussr.ru/doc_ussr/ussr_209.htm (дата обращения: 17.08.2017).
7. Иванова, Е. А. Разработка программы районирования в годы гражданской войны (1918–1921) как этап административно-территориального реформирования РСФСР / Е. А. Иванова // Научные ведомости. – 2008. – № 2 (42), вып. 6. – С. 113.
8. Каменский, А. Б. От Петра I до Павла I: реформы в России XVIII века (опыт целостного анализа) / А. Б. Каменский. – М. : РГГУ, 2001. – 575 с.
9. Неизвестные и малоизвестные страницы отечественного районирования / отв. ред. В. Л. Бабурин. – М. : Типография «ЛЕНАНД», 2006. – 389 с.
10. Письмо НКВД РСФСР «Об организации местного самоуправления» от 24.12.1917 // Вестник НКВД. – 1917. – № 5. – Ст. 278 // Библиотека нормативно-правовых актов СССР. – URL: http://www.libussr.ru/doc_ussr/ussr_131.htm (дата обращения: 01.11.2016).
11. Филенкова, О. А. Концепция районирования как фактор модернизации России / О. А. Филенкова // Проблемы гуманитарного образования: филология, журналистика, история : сб. ст. Междунар. конф. (г. Пенза, 8–10 декабря 2016 г.). – Пенза, 2016. – С. 266–271.

ЧЕХОСЛОВАЦКИЕ ЛЕГИОНЕРЫ В ПЕНЗЕ: ТРАНЗИТНЫЕ ПАССАЖИРЫ ИЛИ ОККУПАНТЫ?

А. Г. Шариков

г. Пенза, Россия

Аннотация. Созданные на территории России чехословацкие вооруженные отряды предназначались для агитации и боевых действий против австро-венгерских войск. Западные союзники были инициаторами развертывания чешских подразделений в корпус с целью его отправки на Западный фронт. Октябрьскую революцию национальное руководство корпуса встретило враждебно. Страны Антанты решили использовать корпус в борьбе с советской властью. Этим объясняется факт, что legionеры не покинули территорию России ни на основании договора с советским правительством от 26 марта 1918 г., ни после захвата Транссибирской магистрали. Захват legionерами городов и железнодорожных станций сопровождался грабежами и убийствами.

Ключевые слова: чехословацкий корпус, legionеры, мятеж, железнодорожная магистраль.

Summary. Created in Russia, the czechoslovak armed forces intended for fighting and campaigning against Austro-Hungarian troops. The Western allies were the initiators of the deployment of Czech units to army corps with a purpose of sending to the Western front. The national leadership met the October revolution with hostility. Antanta countries decided to use the army corps in the struggle against the soviet power. It explained the fact that legionaries hadn't left the territory of Russia neither on the agreement with the soviet government on March 26, 1918, nor after the capture of the Trans-Siberian railway. Capture cities and railway stations by legionaries were accompanied by looting and murder.

Key words: czechoslovak corps, the legionaries, mutiny, railway line.

В конце 80-х – в 90-е гг. прошлого века в России и странах Восточной Европы появилось большое количество газетных и журнальных статей о чехословацком мятеже 1918 г. в России. Политические пристрастия журналистов того периода времени сейчас более чем очевидны, но критикуя социализм, историков СССР авторы не очень обременяли себя подробным изучением предмета исследования. До сих пор следуют попытки оспорить факт, что мятеж был подготовлен политическим и военным руководством стран Антанты и Чешским национальным советом. Появляются статьи о цинизме советской администрации, препятствовавшей продвижению эшелонов с legionерами на восток; провокациях Троцкого; бесчинствах большевиков в отношении безоружных чехов и словаков и т.д. Россияне – защитники своих городов в ходе мятежа рисуются такими авторами крайне негативно, а legionеры героизируются.

На фоне известных исследований о действиях чехословаков восточнее Волги, майские события 1918 г. в Пензе практически неизвестны широкой общественности. Это обстоятельство, по всей вероятности, использовано авторами двусмысленной надписи на памятнике legionерам в Пензе. В рамках проекта «Легионы-100» на городском вокзале Пенза-3 установлен памятник с надписью: «Чехословацким legionерам, павшим на пути к своей Родине. Пенза. 21.3–30.5.1918». Свежий взгляд на красивую стелу юного или неосведомленного человека сразу определит, что в Пензе на чехов и словаков напали и пытались не пустить на родину. Так ли было на самом деле? Автор данного исследования попытался представить предисторию майских событий 1918 г., рассмотреть идеологию и практические шаги политического и военного руководства корпуса и выявить причины чехословацкого мятежа, приведшего к крупномасштабным вооруженным столкновениям с многочисленными жертвами на железнодорожной магистрали от Пензы до Владивостока.

К началу Первой мировой войны в Российской империи проживало свыше ста тысяч чехов и словаков. На Волыни имелись целые чешские села, уже значительно обрусевшие; колонии были на Кавказе, в Петербурге, Москве, Киеве и Варшаве. В Киеве, где была наиболее многочисленная чешская колония, насчитывалось немало богатых чешских семейств – фабрикантов, крупных торговцев, пивоваров, колбасников, булочников и др. Чехи в России издавали свою газету «Чехословен», имели свои школы, общественные организации. Они ассоциировали себя с европейской цивилизацией и с ее пьедестала свысока поглядывали на Россию, жестко критикуя самодержавие, порой доходя до яркой ненависти ко всему русскому. Одновременно чехи смотрели на Россию с ее панславянскими идеями как на потенциальную угрозу. Так, например, известный политик К. Гавличек в мае 1844 г. утверждал, что «русские... вовсе не наши братья, как мы их называем, а намного более опасные враги нашего народа, чем мадьяры или немцы. Их язык и литературу мы можем использовать как хотим, но любое панибратство с ними нужно оставить... [2: 368]. С другой стороны, чехи считали, что Россия естественным образом обязана поддерживать интересы австрийских славян [7: 66].

Победа России в начавшейся войне, с точки зрения чехов, могла привести к распаду Австро-Венгерской империи и восстановлению независимости, но причины, побудившие чешскую колонию образовать военное формирование, были более прозаическими. Поскольку большинство чехов и словаков не было российскими подданными, их могли взять под строгий контроль полиции, как подданных Австро-Венгрии, страны, находившейся в состоянии войны с Россией. Им грозило интернирование и конфискация имущества. Опасность потерять имущество и личную свободу, а также многообещающие царские манифесты «о войне славянства против германцев» уже в начале войны вызвали среди чехов желание сражаться за освобождение Чехии на стороне России [1: 19–20]. В Англии и Франции чехи были интернированы в концентрационные лагеря, но после создания во Франции чешской сотни «Наздар», секвестр, наложенный на имущество чехов, был отменен декретом от 13 октября 1914 г. Прошение на высочайшее имя о создании чешских добровольческих формирований в России было одобрено 30 июля 1914 г. В дружину записалось лишь 750 человек. Для чехов было вполне достаточно того, что в результате организации небольшой национальной воинской части они получили свободу и возможность заниматься хозяйственной деятельностью.

Для России, не испытывавшей недостатка в людских резервах, чехи не представляли ни военного, ни политического интереса. В письме генерального штаба русской армии командующему Киевским военным округом генералу Ходоровичу по поводу Чешской дружины говорилось: «Таким образом, в указанных выше целях мы будем рассматривать Чешскую дружину не как боевую часть, а как группу агитаторов, работающих в интересах русской армии...» [5: 52–53]. В ходе войны обстоятельства изменились. Большие потери привели к тому, что уже в 1916 г. Франция стала остро нуждаться в солдатах. Рассчитывая получить из России как можно больше военнослужащих, французский генеральный штаб впервые обратил внимание на чехословацкое движение сопротивления и стал рекомендовать России ускорить формирование чехословацких частей. В приказе военного министра Французской республики от 23 сентября 1917 г. говорится, что министр утвердил уже к 8 июля 1917 г. кредит в размере 2100 тысяч франков на расходы, связанные с вербовкой военнопленных чехов в России [5: 54].

Результатом хлопот французского генерального штаба стал широкий набор в Чешскую дружину в России военнопленных австро-венгерской армии. Пленных было много, но по воспоминаниям фронтовиков не потому, что чехи и словаки без боя толпами шли в плен, а потому, что «это была своего рода игра с двойным

обеспечением: драться хорошо до победы своих, а в случае поражения или в трудную минуту – прикрыться славянским братством, чтобы и в плену было неплохо» [6: 220].

27 декабря 1915 г. Чешская дружина была развернута в 1-й Чешско-Словацкий полк двухбатальонного состава, а 4 апреля 1916-го – в бригаду. 26 сентября 1917 г. начальник штаба Верховного главнокомандующего генерал-лейтенант Н. Н. Духонин разрешил сформировать Чехословацкий корпус из двух дивизий и запасной бригады. Формирование проходило в Волынской и Полтавской губерниях. Чехи и словаки стали именовать себя легионерами. К маю 1918 г. численность корпуса превышала 45 тыс. солдат и офицеров. Боевой состав постоянно пополнялся.

О том, как рассматривали французские правительственные круги чешских легионеров, думавших, что они сражаются за национальное освобождение, свидетельствует телеграмма французского военного атташе в Бухаресте. В ней говорится о военнопленных, завербованных в чешский легион в южной России, и указывается, что «было бы желательно послать их во Францию в иностранный легион, где они служили бы на европейском фронте или в Африке» [5: 53].

Октябрьскую революцию руководство корпуса – Чешский национальный совет во главе с Томашем Масариком – воспринял враждебно. 15 января 1918 г. корпус был объявлен автономной частью французской армии. Были проведены многочисленные мероприятия пропагандистского и экономического характера, чтобы оградить легионеров от влияния пришедших к власти большевиков. Англия и Франция передали корпусу 15 млн в рублях и валюте, США предоставили многомиллионный заем. Денежные выплаты легионерам многократно возросли. Стало очевидно, что Антанта желает использовать корпус в борьбе с советской властью. 18 февраля 1918 г. на юге России началась германо-австрийская интервенция. Корпусу грозила гибель. 26 марта советское правительство заявило о своей готовности оказать содействие эвакуации чехословацких частей через Владивосток при условии их лояльности и сдачи основной части вооружений. Одним из пунктов приема вооружения была назначена Пенза. Поскольку чехи и словаки передвигались как частные лица, то могли оставить для самообороны 168 винтовок и один пулемет на эшелон. Совнарком предоставил 60 эшелонов.

Заключение Брестского мира между Советской республикой и Германией командование корпуса использовало для того, чтобы запугать и озлобить легионеров. Чехословацкие солдаты, зная, что в Австро-Венгрии их ожидает военнополовой суд, серьезно тревожились за свою судьбу. Поддерживая эту тревогу распространением провокационных слухов, руководство Чешского национального совета сознательно готовило почву для мятежа. Легионерам сулили и повышение жалованья и поживу от грабежа российских городов. Эти обещания соблазняли морально неустойчивые, деклассированные элементы среди чехословацких солдат.

Верховный совет Антанты 2 мая принял окончательное решение использовать чехословацкие части в качестве авангарда своих вооруженных сил на Севере России и в Сибири. Легионерам внушалось, что борьба с большевизмом есть борьба с Германией и Австро-Венгрией. Любые столкновения чехословаков на вокзалах и перронах с местными жителями трактовались как попытка препятствовать продвижению корпуса. 20 мая на съезде легионеров и членов Чешского национального совета в Челябинске было принято решение о повсеместном выступлении против советской власти. Сдавать оружие легионеры отказались. Был создан штаб пензенской группы легионеров. Возглавил группу поручик Станислав Чечек. Начальником штаба был назначен поручик Йозеф Швец. К 25 мая передовой отряд чехословаков находился в районе Кузнецка. Тыловой, самый многочисленный,

в Тамбове. Южнее Пензы, в Ртищеве, стояли эшелоны 4-го полка Прокопия Великого (3500 штыков). Между Ртищевым и Сердобском – эшелоны 1-го запасного полка (1300 штыков). В самой Пензе на станции Рязано-Уральской железной дороги в эшелонах находился 1-й полк Яна Гуса (2800 штыков) и ряд мелких команд (свыше 400 штыков). Несмотря на достигнутый численный перевес, командование пензенской группы не решалось на штурм Пензы до подхода эшелонов 1-го запасного полка, хотя общее выступление корпуса уже началось. 25 мая чехословаки захватили Мариинск.

В виду событий в Челябинске и Мариинске, на других железнодорожных узлах и станциях, для советского командования стал совершенно очевидным факт нарушения корпусом договора от 26 марта 1918 г. Действия легионеров были обозначены как мятеж. Нависла опасность захвата иностранными войсками железнодорожной магистрали на всем пространстве следования эшелонов от Пензы до Владивостока. 25 мая народный комиссар по военным делам Лев Троцкий издал приказ, согласно которому следовало разоружить и расформировать эшелоны с чехословаками, а командный состав арестовать. На совещании советских и партийных руководителей Пензенской губернии 26 мая было принято решение путем переговоров заставить легионеров сдать оружие и попросить соседние регионы прислать вооруженные отряды. Вместе с прибывшими из Рузаевки, Симбирска, Аткарска и других мест подкреплениями у защитников Пензы едва набиралось 2 тыс. бойцов. Большинство защитников города не имело военной подготовки, не было у них ни достаточного количества командного состава, ни опытных артиллеристов и пулеметчиков. Чехословаки же представляли собой регулярные части, руководимые кадровыми офицерами. Проходившие весь день 27 мая переговоры результата не дали.

Пенза была объявлена на осадном положении 28 мая с 12 часов. Штаб обороны возглавил председатель Совета губернских комиссаров В. В. Кураев. Наиболее ценное имущество, например, имущество Экспедиции заготовления государственных бумаг вывезено из города и спрятано. Отрыты окопы на Поповой горе, Лекарской, Дворянской, Московской улицах и у Тамбовской заставы. Отряды красной гвардии сосредоточены у Красного, Татарского и Казанского мостов, у артиллерийских казарм, лесопильного завода и в Пушкинском сквере. 3 орудия установлены у Скобелевских казарм, 2 – на Соборной площади, 2 – у бывшей Губернской земской управы. Сердобский совет блокировал железнодорожные пути пустыми составами. Легионеры обошли Сердобск и после перестрелки с красногвардейцами двинулись на Пензу. В Пензе чехословаки, захватив на станции Рязано-Уральской железной дороги броневики, артиллерийские орудия и пулеметы, в середине дня 28 мая пошли в наступление на город по мостам через реки Суру и Пензу и со стороны Веселовки. С 16 часов начался артиллерийский обстрел городских кварталов. К 18 часам легионерам удалось взять станцию Пенза Сызрано-Вяземской железной дороги и некоторые пункты на окраинах города. Ночью к легионерам подошли крупные подкрепления, они перегруппировали силы и окружили город с севера, востока и юга. Части мятежников двинулись с севера и юга вдоль западной окраины города. На восточной окраине после упорных боев они прорвались к центру города через Пески, Красный и Татарский мосты. Ожесточенные бои шли в районе Красных и Скобелевских казарм, Поповой горы, вдоль улицы Московской и на Соборной площади. 29 мая в 11 часов Пенза была полностью занята чехословаками. После победы легионеры безжалостно расправились с бойцами 1-го Чехословацкого революционного полка. Попавшие в плен бывшие однополчане и земляки были избиты и расстреляны. Пленных красногвардейцев в количестве до 300 человек отвели на 40-й разъезд (ныне станция Пенза-3) и заперли в подсобных помещениях.

Чехословаки грабили городские вещевые и продовольственные склады, дома обывателей до вечера 30 мая. Утром они ушли из центра города и контролировали только железнодорожные станции, мосты и прилегающие к ним территории. В ночь с 31 мая на 1 июня отряды красногвардейцев ходили по городу и производили аресты грабителей и всех, кто сотрудничал с чехословаками. В условиях «эшелонной войны», при невыгодном для легионеров положении Пензы, когда ударов можно было ожидать одновременно со стороны Моршанска, Рузаевки и Ртищева, они не стали укрепляться в городе и начали концентрацию войск для взятия Самары. В 5 часов 40 минут 1 июня 1918 г. последний чехословацкий эшелон покинул Пензу. Советская власть была восстановлена. В результате мятежа частей чехословацкого корпуса в Пензе погибло более 300 красногвардейцев и горожан. Легионеры потеряли свыше 100 убитыми и ранеными.

Пензенские обыватели, встречавшие легионеров как «белочехов», увидев дикую чешскую вакханалию с грабежом и расстрелами, разочаровались и стали относиться к чехословацкому воинству как к грабителям и оккупантам. Бывший главнокомандующий колчаковскими армиями Восточного фронта генерал-лейтенант К. В. Сахаров писал: «Отойдя в тыл, чехи стали стягивать туда же свою военную добычу. Последняя поражала не только своим количеством, но и разнообразием. Чего, чего только не было у чехов. Склады их ломились от огромного количества русского обмундирования, вооружения, сукна, продовольственных запасов и обуви. Не довольствуясь реквизицией казенных складов и казенного имущества, чехи стали забирать все, что попадало им под руку, совершенно не считаясь с тем, кому имущество принадлежало... Точное количество награбленного чехами не поддается даже учету. По самому скромному подсчету это своеобразная контрибуция обошлась русскому народу во многие сотни миллионов золотых рублей и значительно превышала контрибуцию наложенную пруссаками на Францию в 1871 г.. Часть этой добычи стала предметом открытой купли-продажи и выпускалась на рынок по взвинченным ценам, часть была погружена в вагоны и предназначена к отправке в Чехию. Словом, прославленный коммерческий гений чехов расцвел в Сибири пышным цветом. Правда, такого рода коммерция скорее приближалась к понятию открытого грабежа, но чехи, как народ практический, не были расположены считаться с предрассудками» [6: 222].

После захвата Транссибирской магистрали легионеры могли беспрепятственно покинуть Россию, но не сделали этого. Английский историк Д. Киган считал анекдотом то, что чехи вдруг неожиданно обнаружили «горячее стремление не покидать Россию, прежде чем они нанесут большевизму смертельный удар...» [4: 506]. Командующий американским экспедиционным отрядом генерал Гревз писал: «Если союзники действительно хотели перебросить чехов во Францию, то представляется странным, что не принималось никаких мер к их отправке из Владивостока. Для меня совершенно ясно, что до 28 мая 1918 г. не существовало планов переброски чехов на Западный фронт» [3: 34].

Таким образом, чехословацкий корпус являлся марионеткой в руках военного и политического руководства стран Антанты. Мятеж был тщательно подготовлен. Легионеры участвовали в разорении и убийствах российских граждан. Их действия вызвали презрение и ненависть, как у сторонников советской власти, так и у противников ее.

Библиографический список

1. Веселы, И. Чехи и словаки в революционной России / И. Веселы ; пер. с чеш. Ф. С. Чумало. – М. : Воениздат, 1965. – 184 с.
2. Галин, В. В. Интервенция и гражданская война / В. В. Галин. – М. : Алгоритм, 2004. – 608 с. – (Тенденции).

3. Гревз, У. Американская авантюра в Сибири / У. Гревз. – М., 1932.
4. Киган, Д. Первая мировая война / Д. Киган ; пер. с англ. Т. Горшковой, А. Николаева. – М. : АСТ, 2002. – 576 с.
5. Краль, В. О контрреволюционной и антисоветской политике Масарика и Бенеша / В. Краль ; пер. с чеш. М. М. Хазанова. – М. : Изд-во иностранной литературы, 1955. – 280 с.
6. Сахаров, К. В. Белая Сибирь / К. В. Сахаров. – Мюнхен, 1923.
7. Шевченко, К. «Как славяне мы верим в победу...» / К. Шевченко // Родина. – 2004. – № 1.

РОССИЙСКОЕ КРЕСТЬЯНСТВО МЕЖДУ ФЕВРАЛЕМ И ОКТЯБРЕМ 1917 г. (на примере Пензенской губернии)

Е. А. Штырняева

г. Пенза, Россия

Аннотация. В данной статье рассматривается проблема положения крестьянства в период между двумя революциями: Февральской и Октябрьской. Основное внимание уделено рассмотрению аграрной политики партий и их непосредственному взаимодействию с крестьянством. Присутствующие в данной работе сведения о требованиях представителей крестьянства на локальном уровне (на примере Пензенской губернии) помогают наглядно охарактеризовать обстановку, сложившуюся по всей стране в установленный период. Необходимо уяснить, на основании каких документов составлялись послереволюционные аграрные законы, а также в результате изучения полученных данных предстоит выяснить, почему крестьянство приняло сторону большевиков.

Ключевые слова: Февральская революция, Октябрьская революция, аграрная политика, социализация земли, общинная революция, эсеры.

Summary. The article is devoted to the problem of the peasantry condition between twice revolutions: February and October. Special attention being paid to the review of the agrarian policy of the parties and to their direct interaction with the peasantry. The article contains the information about the requirements of the peasantry delegates on the local level (on an example of Penza region), which helps to characterize the situation, evolved in the country in this time. It is needed to understand what documents became the base for the elaboration of post-revolutionary laws. As a result of researching the author comes to conclusion why the peasantry support the Bolsheviks.

Key words: February revolution, October revolution, agrarian policy, socialization of the land, community revolution, socialist-revolutionaries.

Одной из важнейших страниц истории России на всем ее протяжении являются аграрные преобразования, которые по образному выражению В. П. Данилова «принимали характер то реформ, то революций» [1: 10]. Не обошел этот вопрос и переломный для всей страны 1917 г. И Февральская, и Октябрьская революции одним из главных пунктов внутренней политики преобразованной России считали решение земельного вопроса, так как и прежде вокруг него строились отношения государства с самой многочисленной частью населения – крестьянством [11: 12]. Еще задолго до описываемых событий, когда полыхала Первая русская революция 1905–1907 гг. в аграрной программе партии социалистов-революционеров (январь 1906 г.) возникло понятие «социализация земли», впоследствии ставшее главным принципом крестьянской политики эсеров. Это означало, что «в согласии со своими общими воззрениями на задачи революции в деревне, партия будет стоять за социализацию земли, т.е. за изъятие ее из товарного оборота и обращение из частной собственности отдельных лиц или групп во всенародное достояние...» [9: 297]. Другими словами, предполагалась передача всей земли, без выкупа, в распоряжение центральных и местных органов самоуправления для распределения ее между населением «по трудовой или потребительской норме». Однако после Февральской революции эсеры отступили от этой программы, и ею впоследствии воспользовались большевики.

Следует отметить, что одним из самых важных факторов проведения аграрной политики большевиками являлась необходимость привлечения на свою сторону крестьянства, которое, как уже упоминалось выше, представляло собой основную часть населения и впоследствии сыграло главную роль на арене революционных

событий, объединившись с пролетариатом в борьбе за «новую Россию» [8: 106]. Таким образом, в тех случаях, где Временное правительство, а в частности, эсеры допускали ошибки, большевики считали очень важным поддерживать стремления народа на изменение условий их существования. Все это являлось тонко продуманной политикой привлечения внимания населения к партии.

Рассматривая аграрную политику в отношении крестьянства, в период между Февральской и Октябрьской революциями, не стоит забывать, что в это время все еще существовала крестьянская поземельная община, участники которой в большинстве своем сопротивлялись столыпинской реформе [7: 43]. Отношение к хуторам и отрубщикам было крайне негативным, их даже можно назвать изгоями общества. Относительно вопроса о деятельности крестьянских организаций, следует сказать, что сельским жителям, связавшим свою хозяйственную жизнь с аграрной программой Столыпина, практически не было места в этих объединениях. Настолько тяжелыми и враждебными становились их отношения с общинниками, что хуторяне и отрубщики порой создавали свои собственные организации или вступали в уже существующие, где руководящую роль занимали помещики [6: 30]. Иначе говоря, обострение аграрных отношений в деревне, очень тесно связаны с социальными, которые наиболее резко проявились после Столыпинской аграрной реформы. Как мы знаем, была совершена попытка разрушения крестьянской общины, что шло в разрез с установками в крестьянском сознании, так как уничтожалась одна из самых важных ценностей крестьянского мира – община.

После Февраля 1917 г. начались аграрные движения, сопровождавшиеся погромами хозяйств помещиков и столыпинских крестьян. Все это со временем переросло в аграрную революцию или по-другому в общинную революцию (понятие было введено в отечественную историографию в 1990-х гг.) [2: 281], в ходе которой крестьяне боролись за равное для всех право пользования землей, т.е. за отмену частной собственности, переход в «общенародное достояние». Все это в частности объясняется неожиданно образовавшейся, с психологической точки зрения, деформации в сознании народа, в прямом отходе от старины, заветов предков. Так, например, И. Е. Кознова в своей работе о трансформации крестьянского сознания в XX в. представляет нашему вниманию описание жизненной установки крестьян Инсарского уезда Пензенской губернии: «Если будешь делать все по старине, судьба будет тебе помогать, а по-своему – тогда на судьбу не жалься» [5: 4]. А тут вдруг происходит нечто такое, что ни с какой стариной и связать нельзя и поэтому очень неоднозначно усваивается крестьянами. В том же Инсарском уезде после известий о событиях в Петрограде (в Пензе они были получены 1 марта) приходской священник из села Куликовка говорил: «...крестьяне стали думать, что вся земля должна отойти к трудовому народу». В Мокшанском же уезде особый интерес представляют две противоположные точки зрения на все происходящее: «Крестьяне не питали никакой злобы к владельцам, а радовались только свободе и равенству» и «...в самозахват каждый желает отнять чужое нажитое... – ничего Ани не понимают, А только им дай все даром» [10: 307]. Другими словами, мы видим во всем этом всю противоречивость взглядов российской деревни на происходившее в стране. Устоявшееся в литературе словосочетание «без царя» ясно характеризует ситуацию понятийного кризиса, поисков крестьянством способов, с помощью которых они могли бы самостоятельно разобраться во всей сложившейся ситуации.

Но так или иначе, революционный механизм уже был запущен. В сознании масс, находящихся как в гуще самих событий, так и на их периферии, быстрыми темпами растет осознание того, что идущий порядок жизни не только можно, но и нужно изменить. И, как и прежде, во главу угла у крестьян становится земельный вопрос.

Если первый закон большевиков, регулирующий аграрную политику, т.е. Декрет «О земле» был принят уже после Октябрьской революции (27 октября 1917 г.), то его основные положения были сформулированы еще в апреле. Крестьяне призывались к уничтожению частной собственности на землю, объединению в Советы; поддерживались комитеты, которые использовали конфискованное имущество помещиков на общинные нужды. Однако весной-летом 1917 г. среди крестьянства большей поддержкой все еще пользовалась партия эсеров и только к началу осени ситуация начала изменяться в сторону большевиков. Другими словами, мы видим наглядный пример борьбы партий за поддержку населения, которые одним из своих методов использовали аграрные настроения крестьянства. Так же этот момент интересен еще и тем, что в нем уже проскальзывают цели дальнейшей крестьянской политики большевиков (в том числе национализация земли).

Если посмотреть на ситуацию сложившуюся в это время в Пензенской губернии, то состоявшийся 9 апреля 1917 г. крестьянский съезд в качестве способа временного регулирования аграрного вопроса постановил передать в ведение местным исполнительным комитетам наблюдение за взаимодействием в отношении земельных споров с запрещением всяческих попыток видоизменить в юридическом и физическом смысле пользование землей. В это время так же отменялась арендная плата, природные ресурсы, ранее находившиеся в состоянии частной собственности, становились частью общины с возможностью безвозмездно пользоваться ими [12: 277]. Все это является только частным примером, который наглядно иллюстрирует обстоятельства, касающиеся пользования землей по всей стране. Исходя из всего этого 11 апреля Временное правительство приняло постановление «Об охране посевов», в котором говорилось об уголовной ответственности за неправомерный захват земель, природных угодий, живого и мертвого инвентаря. В некоторых случаях для охраны имущества привлекались вооруженные отряды [10: 308]. Таким образом, на примере событий, происходящих в Пензенской губернии, можно наглядно представить обстановку, сложившуюся в стране на данный период.

Так или иначе, но в отношении крестьянских ожиданий случился заметный прорыв – на I Всероссийском съезде крестьянских депутатов, состоявшемся в мае, основные социальные требования были оформлены в Примерный наказ. Материалы касательно вопроса о земле были опубликованы 19 и 20 августа [4: 91]. Кратко их содержание можно охарактеризовать следующим образом: отмена частной собственности на землю, равноправное пользование ею всех граждан, запрещение использования наемного труда в обработке земли [3: 60–62]. Таким образом, мы видим, что здесь записаны чаяния всего крестьянского люда. Впоследствии этот наказ уже при советской власти послужил опорным документом для создания «Основного закона о социализации земли» в феврале 1918 г.

Что касается Пензенской губернии, то состоявшийся в мае 1917 г. II Крестьянский съезд в Пензе решил не отступать от обозначенных на I съезде земельных интересов, а потребовал еще более радикальных действий (конфискация всех земель принадлежащих помещикам и т.д.). В связи с этим Пензенский губисполком изъял у волостных комитетов право распоряжаться землей. Уездные исполкомы, проведя экстренные совещания, выразили полное доверие, как Временному правительству, так и действовавшему под его эгидой Пензенскому губисполкому [12: 277–278]. Что касается отношения местной власти ко всему происшедшему, то она была несколько противоречивой: одни считали, что действиям крестьянства нужно всячески способствовать, другие напротив – ограничивать. Например, комиссар Нижнеломовского уезда считал, что он обязан поддерживать и «творить волю народа» [10: 309]. Другими словами, здесь проглядывается вся неоднородность

отношения общества к происходящему в стране. Если губернское правление полностью соглашается с действиями Временного правительства, то местная власть, которая была непосредственно ближе к народу, заметно колеблется в выборе своей стороны.

Возвращаясь к вопросу взаимоотношений общинников с хуторянами и отрубщиками, следует заметить, что они были очень напряженными. По всей стране принимались решения о воссоединении их земель с общинными. В целом же это решение приняло 54 % губерний, в том числе и Пензенская [6: 30]. Относительно действий крестьян-общинников против столыпинских крестьян, то можно сказать, что они были даже более радикальные, чем против помещиков. По данным Инсарского и Саранского уездов споры крестьян с помещиками улаживались чаще всего мирным путем, по форме больше напоминающим сделки, что нельзя сказать о земельных отношениях с хуторянами и отрубщиками [10: 315]. Таким образом, общинники шли путем социализации земли, превращения ее в общенародное достояние, не допуская при этом никаких частных владений с использованием наемного труда. Начинались погромы имущества зажиточных селян, аграрное движение вступало на новый путь, путь слияния с пролетарской революцией.

Итак, рассмотрев основные требования крестьянства в обозначенный период, можно прийти к выводу, что основное требование о социализации земли, получившее известность еще во времена Первой русской революции эсерами не было выполнено, т.к. они в свою очередь встали на поддержку помещиков и буржуазии. Хотя стоит заметить, что партия социалистов-революционеров еще сравнительно долго пользовалась популярностью и внушала доверие населения, чего нельзя сказать о других политических организациях. В этих условиях на арену революционных действий выходят большевики, которые постепенно возвращаются в Россию из-за границы или из ссылок. Они напротив, пытаются привлечь крестьянство на свою сторону, в ходе оглашения так называемых «Апрельских тезисов» одним из важных ставили вопрос о земле, о ее уравнительном для всех землепользовании, всенародном достоянии. Дух коллективизма, стремление сохранить сильную крестьянскую общину и отмена так ненавистной всем частной собственности, именно это обратило взоры крестьянства в их сторону. А приведенные примеры крестьянских настроений в Пензенской губернии, т.е. на локальном уровне, наглядно иллюстрируют происходившее по всей России.

Здесь не стоит так же забывать и о том, что сохранение общины во многом было воспринято крестьянами как наилучший результат аграрной политики, так как изначально многие выступали против Столыпинской реформы. Для простого крестьянина просто было немислимо отступить от заветов предков и покинуть общину, к тому же здесь учитывались и экономические интересы. В случае неурожая общинники помогали друг друга, а выходили из общины как раз зажиточные крестьяне, составлявшие стержень экономики общины. Поэтому, уничтожение частной собственности на землю и воспринималось как самый лучший и правильный вариант. А неоднозначное отношение ко всему происходящему представителей местной власти показывает еще неопределенность широких масс в выборе своего политического пути.

Библиографический список

1. Данилов, В. П. Судьбы сельского хозяйства в России (1861–2001) / В. П. Данилов // Крестьяноведение: Теория. История. Современность. Ученые записки. – 2005. – Вып. 5 / под ред. Т. Шанина, А. М. Никулина. – М., 2006. – С. 10–29.
2. Иванов, А. А. Аграрная реформа на локальном уровне: социализация земли по-крестьянски в Царевококшайском уезде Казанской губернии (1918) / А. А. Иванов //

Крестьянство и власть Среднего Поволжья : материалы VII межрегион. науч.-практ. конф. историков-аграрников Среднего Поволжья (г. Саранск, 21–23 мая 2003 г.) / отв. ред. В. А. Юрченков. – Саранск : Изд-во НИИГН при Правительстве, 2004. – С. 281–288.

3. История России. 1917–1940 : хрестоматия / под ред. М. Е. Главацкого. – Екатеринбург : Изд-во УРГУ, 1993. – 368 с.

4. Кабытов, П. С. Русское крестьянство: этапы духовного освобождения / П. С. Кабытов, В. А. Козлов, Б. Г. Литвак. – М. : Мысль, 1988. – 239 с.

5. Кознова, И. Е. Исторические перемены в России и трансформация крестьянского сознания в XX веке / И. Е. Кознова // XX век и сельская Россия / под ред. Х. Окуда. – Токио : CIRJE-R-9, 2012. – С. 1–32.

6. Куреньшев, А. А. Крестьянство и его организации в первой трети XX века / А. А. Куреньшев. – М. : Изд-во ГИМ, 2000. – 224 с.

7. Медведев, А. В. Социальное развитие деревни (1917–1920) и эволюция концепций кооперирования крестьян / А. В. Медведев // Социологические исследования. – 1999. – № 12. – С. 43–49.

8. Милосердов, В. В. Аграрная политика России – XX век / В. В. Милосердов, К. В. Милосердов. – М. : Изд-во Минсельхоза России, 2002. – 544 с.

9. Наши противники : сб. материалов и документов : в 2 т. / под ред. В. Юдовского. – М. : Изд-во Коммунист. ун-та им. Я. М. Свердлова, 1928. – Т. 1. – 364 с.

10. Пензенский край в истории и культуре России : моногр. / под ред. О. А. Суховой. – Пенза : Изд-во ПГУ, 2014. – 526 с.

11. Романченко, В. Я. Государственная власть и крестьянство России в XX веке: единство и борьба противоположностей / В. Я. Романченко // Государственная власть и крестьянство России в XX – начале XXI века : сб. ст. – Коломна : Изд-во КГПИ, 2007. – С. 10–17.

12. Солдаткин, А. П. Крестьянство и власть на территории Мордовии в 1917 г. / А. П. Солдаткин // Крестьянство и власть Среднего Поволжья : материалы VII межрегион. науч.-практ. конф. историков-аграрников Среднего Поволжья (г. Саранск, 21–23 мая 2003 г.) / отв. ред. В. А. Юрченков. – Саранск : Изд-во НИИГН при Правительстве, 2004. – С. 274–280.

ВЗГЛЯДЫ ФРАНСУА МИНЬЕ И ИДЕЯ СОЦИУМА КАК СИСТЕМЫ В КОНТЕКСТЕ ОЦЕНКИ РЕВОЛЮЦИЙ ВО ФРАНЦИИ (1789) И РОССИИ (1917)

В. И. Шувалов

г. Пенза, Россия

Аннотация. В статье анализируются методологические возможности альтернативной концепции Французской революции 1789 г. известного историка Ф. Минье. Обращается внимание на перспективность восприятия им французского общества как сложной системы, в которой соотносятся аспекты социальной статики и динамики. Рассматриваются особенности трансформации умеренного реформационного процесса в радикальную и спонтанную «революцию клубов». Анализируется специфика сословного устройства Франции накануне революции в интерпретации Ф. Минье в контексте теоретических разработок российского историка В. О. Ключевского. Обращается внимание на параметры социальной статики и динамики, позволяющие комплексно оценить значение революционных изменений после 1789 г. для французского социума. Проводятся определенные параллели с революционным процессом 1917 г. в России.

Ключевые слова: Ф. Минье, альтернативная концепция революции, социум, динамика, статика.

Summary. The article analyzes methodological possibilities of the alternative concept of the the 1789 French Revolution by the famous historian F. Mignet. Attention is drawn to the prospects of perceiving French society as a complex system in which the aspects of social statics and dynamics are correlated. Features of the transformation of the moderate reform process into a radical and spontaneous "club revolution" are considered. The specific character of the class structure of France on the eve of the revolution is analyzed in the interpretation of F. Minier in the context of the theoretical developments of the Russian historian V.O. Klyuchevsky. Attention is drawn to the parameters of social statics and dynamics that make it possible to comprehensively assess the significance of the revolutionary changes after 1789 for the French society. Some parallels are being drawn with the revolutionary process of 1917 in Russia.

Key words: F. Mignet, alternative concept of revolution, society, dynamics, statics.

В рамках теории исторического процесса, особенно под влиянием марксизма, революциям как «локомотивам истории» («коренное изменение в базе и структуре общества») отводится важнейшая, если даже не определяющая, роль [1: 36-37]. В рамках данной статьи мы проанализируем соотношение статики и динамики феномена революции 1789 г. во Франции известным французским ученым Франсуа Мари Огюстом Минье (1796–1884). Его работа «История Французской революции с 1789 по 1814 гг.» (1824) характеризуется в отечественной историографии как «первый завершённый подлинно научный труд по истории Великой французской революции» [2: 4]. Вместе с тем в изучении революционного процесса сложились определенные стереотипы [1: 28–29]. Здесь Ф. Минье повезло меньше: его взгляды по поводу общих моментов революционного процесса не входят в «золотую обойму» [1: 28, 34].

Восприятие любого общества как сложной разноуровневой системы складывалось в исторической науке далеко не просто. Важнейший вклад в осмысление проблемы был сделан учеными периода господства парадигмы первого позитивизма, в частности, Г. Спенсером [3]. Однако, вследствие дальнейшего отказа научным сообществом от активного использования разработок этой парадигмы, проблема зависла в подвешенном состоянии.

На первый план вышли темы социального реформаторства, динамики общественного развития, социальной мобильности, прогресса и т.д. В начале XXI в.

стал заметен субъективный акцент этих установок: социумы стран периферийного капитализма по целому ряду параметров (хотя бы по уровню жизни) уступают странам «золотого миллиарда», но будущее скорее всего за ними. «Старые» социумы, в первую очередь Европы, «умирают». Оказалось, что включение в базовый набор прав человека широкополосного доступа к интернету не имеет ничего общего с исторической перспективой, не гарантирует такому социуму будущего. Интуитивно заметно, что историческая наука в погоне за прогрессом упустила параметры общественной статики, идея активного социального реформаторства себя не оправдала, а в целом ряде социумов вообще произошли необратимые структурные изменения, не позволяющие им развиваться на основе механизмов самовоспроизводства. И все это с легкой руки различных социальных экспериментаторов.

Определенную роль в «диагностике болезни» играет дальнейшее осмысление темы революций, особенно французской 1789 и русской 1917 гг., как самых радикальных и вызвавших наиболее противоречивые последствия. Актуальным в заданном контексте, по нашему мнению, продолжает оставаться и названная работа Ф. Минье. Более того, можно говорить о его концепции французской революции. Остановимся на этом подробнее.

Традиционно слабой стороной взглядов Ф. Минье виделась размытость его оценки понятия «общественного класса» [2: 22]. Это не позволило, в том числе и собственно Ф. Минье, учесть процесс дальнейшей социальной дифференциации выбранной им для анализа социальной категории. Ф. Минье, как и другие историки периода Реставрации во Франции, «проглядел пролетариат». Самое главное, ученый не смог спрогнозировать тенденции дальнейшего развития социальных противоречий в стране. В этом определенным примитивизм его концепции.

Но, на наш взгляд, оказались недооцененными идеи Минье относительно воздействия французской революции 1789 г. на общие параметры социальной структуры, параметры, связанные со статикой общества. Это позволяет по-новому оценить роль французской революции 1789 г. в дальнейшей истории Франции, а также сопоставить ее с Россией 1917 г.

Можно спорить по поводу выбранных Ф. Минье параметров социальной дифференциации к моменту начала революции 1789 г., но нельзя отрицать ее сложности: «Разделенная на три сословия, которые в свою очередь делились на многочисленные классы, нация была предоставлена проявлениям деспотизма и злу, проистекающему от неравенства» [4: 39]. В работе присутствуют следующие категории: «нация», «класс», «сословие», «корпорация», «королевская власть», «двор», «парламент», «правительство», «народ», «капиталисты», «буржуазия», «толпа». Более того, фиксируется и новый параметр, «новая власть, власть общественного мнения» [4: 42]. В итоге во Франции, как и в России к 1917 г., складывается противоречивая система сословных общественных отношений, в рамках которой общество и пытается решить важнейшие проблемы, связанные с социальным реформированием.

Возможности воздействия той или иной надстройки на параметры социальной статики своего социума в исторической науке проблема дискуссионная. Мы в своем анализе исходим из установок В. О. Ключевского. Так, сословие как форма общественной структуры рассматривалось этим ученым в специальной работе «История сословий в России». «Сословное деление, – подчеркивал в ней В. О. Ключевский, – существенно юридическое, устанавливается законом в отличие от других общественных делений, устанавливаемых экономическими, умственными и нравственными условиями» (5: 225–226). Происхождение сословий, считал ученый, двоякое: политическое и экономическое. Для нас здесь важен факт того, что ученый делал поправку на специфику исторического развития конкретного социума, учитывал вариативность исторического процесса.

Представляет интерес осмысление В. О. Ключевским проблемы особенностей влияния сословной системы на социальную систему всего общества, то есть то, как этот аспект статики влияет на динамику общественного развития.

Чем резче сословное неравенство, тем проще сословное деление, и наоборот, констатировал В. О. Ключевский. В этом контексте важен момент отношения сословного деления к политическому порядку. «Верховная власть в сословном государстве, – писал он, – тем более подчиняется сословиям, чем их менее и чем резче они разъединены» (5: 243). Таким образом, резкое сословное деление, зафиксированное исторически, делает всю социальную систему конкретной страны или нации консервативной, немобильной, фактически становится деструктивным элементом.

Можно говорить о том, что, «просмотрев» в своей концепции французской революции 1789 г. пролетариат, принципиальный недостаток функционирования «французского плавильного тигля» Ф. Минье все-таки зафиксировал. В системе отсутствовал предохранительный клапан, «стравливать пар» оказалось невозможно.

Проявлением резкого социального кризиса во Франции периода революции стало фиксирование Ф. Минье таких социальных явлений, как «первая эмиграция», появление в рамках Собрания «народной партии», а далее и «союза клубов». «Это учреждение ... препятствовало законной власти, когда ее одной было бы достаточно, и оно же придало страшную энергию революции, когда, подвергаясь нападению со всех сторон, она могла спастись лишь ценой самых жестоких усилий» [3: 100]. Французская революция, по Минье, – это «революция клубов», которые придали процессу революционных изменений новое качество, оторвав его от исторической традиции страны и выведя на первый план сведение счетов. Начался процесс «резкого разделения партий» [3: 116], который в образной форме означал резкий подъем температуры в тигле, причем этот процесс было нельзя регулировать. Присадки, которые уже находились в котле («стоит раз воспользоваться услугами народа, чтобы стало трудным затем устранить его вмешательство» [3: 117]; «дворяне и духовенство имели в своем распоряжении средства для возбуждения волнений, пережившие даже их самих» [3: 120]), вызвали неуправляемую реакцию, которая сопровождалась разрушением всей конструкции. Неблагоприятной оказалась и внешняя «французскому тиглю» среда. Неслучайно Ф. Минье подчеркивал: «Толпа не стала бы властительницей, если бы ее вмешательство и ее помощь не были вызваны гражданской войной и иностранной коалицией» [3: 158] и «без эмиграции не было бы и республики» [2: 222].

Можно констатировать, что разразившийся во Франции социальный катаклизм привел к деформации всей системы и сопровождался необратимыми социальными изменениями, связанными именно со структурой французского социума.

Отрицательно оценивал Ф. Минье роль той социальной прослойки, которую называли «народом, т.е. самыми низшими классами общества» [3: 219]. Как только Парижская коммуна приобрела первенствующее значение в рамках французского государства, в стране начался кровавый хаос. Особенно негативно Ф. Минье оценивает деятельность Робеспьера («упрямствующая посредственность» и «сектант» [3: 222, 245]) и Марата, ставшего «с самого начала революции в своих листовках проповедником убийств» [3: 221]. Негативность мероприятий якобинцев проявлялась как раз в том, что «они желали изменить нравы, дух и привычки Франции» [3: 308], то есть фактически разрушить историческую традицию социума, сделать из Франции что-то другое. Как, между прочим, и русские большевики.

В целом можно заключить, что в оценке Ф. Минье французская революция 1789 года выглядит как постепенно ужесточающийся социальный эксперимент в отношении основных, базовых параметров французского социума. Процесс шел по нарастающей и в конце не контролировался никем. Как отмечал сам Ф. Минье,

«во время этих попыток каждый класс, временно преобладавший, уничтожал в условиях вышестоящих все, что было в них нетерпимого и препятствовавшего развитию нового французского общества» [3: 381–382]. Итогом взаимного самоистребления стала полная смена политической надстройки, самой исторической традиции страны, последствия чего были неоднозначны.

Подчеркнем, что Ф. Минье вовсе не отрицал объективный характер революционного катаклизма, не оправдывал «старый режим», который и завел общую ситуацию в стране в исторический тупик. Выдающееся значение французской революции 1789 г. как раз и заключалось в ее собственно буржуазном, в отличие от русской социалистической революции 1917 г., характере. И парламент, и якобинская диктатура, и Наполеон стали инструментами, с помощью которых во Франции был осуществлен комплекс буржуазных мероприятий, изменивших социально-экономическую систему страны и позволивших французскому капитализму быстро развиваться. В этом контексте Ф. Минье оправдывал даже якобинский террор. Однако все это явления динамики.

Итак, действительно, с точки зрения динамических процессов развитию французского социума был придан новый импульс.

А как же со статикой? Здесь все сложнее. Интерес представляет вопрос о том, насколько вообще рассматриваемый социум после революции остался французским, ведь в его структуре произошли кардинальные изменения.

Так, после революционного кризиса рубежа XVIII–XIX вв., куда Ф. Минье, кстати, относил и период наполеоновских войн, во Франции начинается резкий спад рождаемости. Демографический рост остановился: в 1801 году население Франции 27,5 млн человек, в 1872 – 36 млн, в 1911 – 39,6, в 1921 – 39,2, в 1946 – 40,5 млн [6: 38–39, 46–49, 147]; [7: 33–42].

Под французский капитализм была заложена мина по якобинскому закону 1793 г., который положил начало процессу парцелляции французских хозяйств, товарность которых вследствие мелкоземелья всегда была низкой [6: 49]. Отсюда хроническое аграрное перенаселение, сдерживающее развитие капитализма в стране.

Наконец, агрессивная внешняя политика Франции тоже, по сути, ничего не дала. В 1803 г. Наполеон продал американцам Луизиану, фактически отказавшись от дальнейшей экспансии в богатейшем регионе планеты [6: 34]. Трафальгар французы тоже проиграли, несмотря на личное мужество и героизм флотских экипажей. Не последнюю роль здесь сыграла острая нехватка подготовленных морских офицеров, которых вырезали «как классово чуждых» как раз в период революционного террора [8: 78–91]. В итоге Наполеон так и не побывал в Британии, променяв «морскую прогулку» в Англию на «конную поездку» в Россию.

В контексте взглядов Ф. Минье революция 1917 г. в России также неоднозначна при рассмотрении ее статических и динамических моментов. С точки зрения динамики по ряду формальных параметров развитие советской государственности действительно демонстрировало впечатляющие темпы и показатели. С точки зрения статики советский период гораздо более противоречив. По нашему мнению, советский период можно оценивать как время разрушения собственно социума великороссов. Структура последнего претерпела кардинальные и фатальные изменения, активное социальное реформаторство себя с этой точки зрения не оправдало. Сама же русская революция 1917 г. видится как трагический и бессмысленный поворот в исторический тупик, который привел в итоге к деградации России.

Библиографический список

1. Уоддис, Дж. «Новые» теории революции. Критический анализ взглядов Ф. Фано-на, Р. Дебре, Г. Маркузе / Дж. Уоддис ; пер. с англ. под ред. Ю. А. Красина. – М. : Прогресс, 1975. – 523 с.

2. Семенов, Ю. И. Франсуа Минье и школа французских историков эпохи Реставрации / Ю. И. Семенов // Минье Ф. История Французской революции с 1789 по 1814 гг. – М., 2006. – С. 3–33.
3. Шувалов, В. И. Теория исторического процесса в контексте взглядов Герберта Спенсера / В. И. Шувалов // Известия Пензенского государственного педагогического университета имени В. Г. Белинского. Гуманитарные науки. – 2012. – № 27. – С. 1140–1143.
4. Минье, Ф. История Французской революции с 1789 по 1814 гг. / Ф. Минье ; пер. с франц. И. М. Дебу и К. И. Дебу ; под ред. Ю. И. Семенова. – М. : Гос. публ. ист. б-ка России, 2006. – 548 с.
5. Ключевский, В. О. История сословий в России / В. О. Ключевский // В. О. Ключевский. Собр. соч. : в 9 т. – М., 1989. – Т. VI. – С. 225–391.
6. Сухов, А. А. Экономическая география Франции / А. А. Сухов. – Одесса : Государственное издательство Украины, 1923. – 192 с.
7. Франция и ее владения : справочник / под. ред. Ф. Н. Петрова. – М. : ОГИЗ, 1948. – 800 с.
8. Данилов, С. Ю. Величайшие морские битвы – от триер до авианосцев / С. Ю. Данилов. – М. : Яуза : ЭКСМО, 2012. – 288 с.

НАРАСТАНИЕ СОЦИАЛЬНЫХ ПРОТИВОРЕЧИЙ В РОССИЙСКОЙ ПРОВИНЦИИ В ГОДЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ: ВОЕННОПЛЕННЫЕ НА ТЕРРИТОРИИ ПЕНЗЕНСКОЙ ГУБЕРНИИ КАК ФАКТОР ДЕСТАБИЛИЗАЦИИ ПОВСЕДНЕВНЫХ ПРАКТИК

С. О. Юдин

г. Пенза, Россия

Аннотация. Статья посвящена анализу положения военнопленных на территории Пензенской губернии в годы Первой мировой войны: их размещение, правовой статус, привлечение к принудительному труду. Проанализированы основные виды источников по рассматриваемой проблеме, в том числе нормативные документы данного периода, связанные с условиями содержания и труда военнопленных. Выявлена степень влияния военнопленных на экономику и внутреннюю жизнь Пензенской губернии.

Ключевые слова: Первая мировая война, Пензенская губерния, военнопленные, эвакуационный пункт, сельскохозяйственные работы, норма довольствия.

Summary. The article is devoted to analysis of the situation of war prisoners in Penza province in the years of the First World War: their location, legal status, involvement in forced labour. The main sources on this problem are analyzed: the informative documents of this period, connected with conditions of detention and labour of war prisoners. The degree of influence of war prisoners on the economy and the inner life of Penza province is identified.

Key words: First World War, prisoners of war, Penza province, evacuation points, agricultural work, the rate of allowances.

С первых недель войны на территорию Российской империи стали поступать многочисленные контингенты военнопленных, как правило, военнослужащих австро-венгерской армии. С вступлением в войну Турции осенью 1914 г., на территории России появились и турецкие солдаты. Число военнослужащих Германии, Австро-Венгрии, Турции, Болгарии, взятых в плен русской армией, по современным оценкам, составляло около 2 млн человек, в том числе: 1 736 764 военнослужащих австро-венгерской, 159 390 германской, 64 509 турецкой 670 – болгарской армий. [2: 131]. Военнопленных отправляли в Поволжье и Сибирь для использования в качестве рабочей силы. Пензенская губерния как крупный железнодорожный узел становится крупным перевалочным пунктом для этапирования пленников.

Первые военнопленные прибыли в Пензу уже в конце августа 1914 г.: немцы, венгры, но, преимущественно, представители славянских народностей. По сообщениям местной печати, в это время в Пензу ожидалось прибытие до 1500 военнопленных [14: 2].

23 октября 1914 г. через Пензу проследовало несколько эшелонов с пленными австрийцами и немцами, которых везли в Сибирь. Офицеры размещались в вагонах 2-го класса с соответствующим уровнем комфорта. Пензенские губернские ведомости писали о значительном числе раненых среди военнопленных, о необеспеченности последних теплой одеждой и обувью [15: 2]. Следует отметить, что австрийские военнопленные славянского происхождения не были ограничены в своем передвижении: перемещались без конвоя, ходили за водой, покупали хлеб [17: 2].

Вопросы учета и распределения военнопленных, их продовольственного обеспечения, оказания медицинской помощи относились к юрисдикции губернаторской администрации. Так, 12 ноября 1914 г. на вокзал Сызрано-Вяземской железной дороги г. Пензы прибыл военно-санитарный поезд с ранеными австрийцами

и немцами. Эшелон встречал пензенский губернатор, для оказания помощи был мобилизованнеобходимый медицинский персонал. Всех раненых с вокзала перенесли на носилках в эвакуопункт технического железнодорожного училища [16: 2].

В январе 1915 г. через Пензу проследовали эшелоны с пленными турецкими солдатами, направлявшимися в Оренбург и Сибирь, общей численностью около 1200 человек. По сообщению корреспондентов Пензенских губернских ведомостей, турки имели жалкий вид: почти без обуви, в легкой одежде, истощенные и больные [17: 2]. На станции Пенза-2 для них были подготовлены чистые продезинфицированные вагоны: больные помещались в лазареты, здоровых после санитарной обработки, дезинфекции одежды, приема пищи и короткого отдыха отправляли дальше. Для заболевших военнопленных на станции Пенза-2 был оборудован Переселенческий пункт – больница на 188 кроватей. Всего с 3 по 18 января 1915 г. в нее поступило 407 пленных турок. Из-за распространения инфекционных заболеваний смертность среди пленных турецких солдат была крайне высока. В итоге, в пензенских больницах умерло 117 турецких военнопленных, кроме того, умершими было снято с поездов еще 169 человек [12: 13–14].

Прибытие столь значительного числа инфекционных больных выявило ряд проблем организационного характера: не были должным образом подготовлены помещения для больных, не хватало медикаментов, возникали трудности с уничтожением грязной одежды, с дезинфекцией, захоронением умерших, существовала опасность заражения медицинского персонала [19: 3]. Так, к примеру, венгерская газета «PesterLloyd» характеризовала данную ситуацию, в частности, отношение российских чиновников к военнопленным: «Семьсот пленных турок были забыты в поезде, который вез их через Пензу. До прихода в Пензу этот поезд находился двенадцать дней, и никто не позаботился об этих семистах пленных. В Пензе семьсот трупов отравляли воздух, но вагоны не открывали, пока не пришло разрешение из Петрограда. Итак, семьсот человек погибли вследствие забывчивости русского чиновника...» [13: 59].

Военнопленных, согласно с постановлением Совета Министров, уже с осени 1914 г. стали использовать в сельском хозяйстве и на дорожно-строительных работах [11: 99]. Распределением военнопленных занималась специальная комиссия под председательством Главноуправляющего Землеустройством и Земледелием. В зернопроизводящих районах в условиях мобилизации и низкого уровня механизации сельскохозяйственного производства потребность в рабочих была огромная. [18: 2].

Регламентация отношений военнопленных с местными властями и населением, их правовой статус, организация их работы определялись «Правилами отпуска военнопленных на сельскохозяйственные работы». Согласно последним, военнопленные предоставлялись сельским хозяевам на определенных условиях для производства работ в районах, не входивших в театр военных действий и преимущественно не немецкого и мадьярского происхождения. Предоставляемые на сельскохозяйственные работы военнопленные передавались в распоряжение губернских и уездных земских управ для распределения между сельскими хозяевами. Управы, желавшие получить в свое распоряжение военнопленных, должны были заявить об этом военному начальству, указав в заявлении: железнодорожные станции или паромные пристани, где будут приняты пленные, срок их прибытия, число военнопленных для каждого пункта приема, срок, на который требуются военнопленные. Полученные заявления и свое заключение губернатор направлял в Главное Управление Генерального Штаба, которое призвано было по мере возможности удовлетворять поступающие запросы.

Принятые земской управой военнопленные предоставлялись сельским хозяевам исключительно для работы по найму. Размер заработной платы устанавливался

управой. Из всего заработка военнопленный мог рассчитывать максимум на половину, остальная часть поступала на возмещение расходов, произведенных земством в связи с приемом и содержанием пленнх и на покрытие издержек по их охране. Земские управы при приеме военнопленных обеспечивали все необходимое содержание и медицинскую помощь со времени приема и до передачи в хозяйство. Надзор за военнопленными осуществлялся полицией, в помощь которой могли наниматься «особые сторожа» [6: 5].

Труд военнопленных использовался на сельскохозяйственных и дорожных работах по устройству насыпей у мостов и дорог, водоотводных каналов, гатей, дамб и плотин и т.п. [3: 918]. В начале 1915 г. в четырех уездах Пензенской губернии 275 военнопленных были заняты на подобных работах. В июне 1915 г. Главное Управление Генерального Штаба распорядилось направить в Пензенскую губернию на дорожно-строительные работы еще 1730 военнопленных [4: 646]. В конце 1915 г. в губернии уже числилось 6278 солдат центральных держав, в том числе: в Пензенском уезде – 1347, Инсарском – 352, Городищенском – 535, Керенском – 921, Мокшанском – 553, Наровчатском – 485, Нижнеломовском – 867, Саранском – 342, Чембарском – 876 [9: 121–131].

Несмотря на наличие соответствующей нормативной базы, требования к организации содержания военнопленного во многом зависели от позиции местного руководства. Например, Инсарская уездная управа сообщала, что работы пленными австрийцами ведутся удовлетворительно, а немцы работают с леню и большим принуждением. Можно предположить, что и содержание их оставляло желать лучшего, так как пленные, находившиеся на дорожных работах в Рузаевке, просили сменить им белье, не менявшееся 5 месяцев [4: 676]. Иная картина наблюдалась в Городищенском уезде. Здесь военнопленные работали на сельскохозяйственных работах и были распределены по 36 имениям и хуторам. Владельцы предоставляли работникам квартиры с отоплением и освещением, жалованье – 4 руб., 50 коп. в месяц, и выплачивали Городищенской Уездной Земской Управе 2 руб. в месяц за каждого военнопленного на расходы по приему, отправке, охранению и пр., связанные с пребыванием военнопленных в уезде [8: 17].

Отправка военнопленных после работ обратно, в распоряжение военного ведомства, также регламентировалась специальными правилами. После окончания работ военнопленные должны были возвращаться одетыми, обутыми с двумя сменами белья [6: 28]. В губернии определялся один пункт сосредоточения военнопленных, не назначенных на полевые работы, а также окончивших работы и поступавших от работодателей, о чем Земские Управы заранее уведомляли штаб округа [5: 277].

Нормы расхода средств на содержание военнопленных в разных уездах варьировались. Так, по сообщению Нижнеломовского уездного воинского начальника, в августе 1915 г. на содержание одного пленного по норме кормового довольствия, утвержденного Военным Советом, было необходимо выделить «... без чая и сахара не менее 17,5 копеек в сутки при расчете: хлеб – 7 копеек, крупа пшенная 1 копейка, мяса $\frac{1}{4}$ фунт и приварок 7,5 коп. Отопление и освещение 2 копейки» [6: 38]. В то же время в Наровчатском уезде суточный расход по содержанию «провиантским и приварочным довольствием» одного военнопленного был рассчитан в 14,5 коп. в сутки, примерно столько же планировалось выделить в Керенском уезде. Отметим, что летом 1915 г. в связи с появлением первых признаков продовольственного кризиса нормы довольствия военнопленных были несколько повышены, что вызвало необходимость перерасчета средств.

Труд военнопленных применялся и на ряде пензенских предприятий. «Правила об отпуске военнопленных для работ в частных промышленных предприятиях»,

регламентировавшие труд подданных центральных держав, были утверждены Советом министров 17 марта 1915 г. В соответствии с «Правилами...», норма военнопленных на одном предприятии не должна была превышать 25 человек или 15 % от общего числа рабочих [10: 22]. В свою очередь, Главное Управление Генерального Штаба разрешило владельцам допускать к работам пленных офицеров славянской национальности, обладавших специальными знаниями и имевших благоприятные отзывы о себе [1: 123]. Что касается предприятий оборонной промышленности, то работа на них допускалась лишь в случае благоприятного отзыва национальной благотворительной организации, при этом военнопленный-рабочий не мог занимать руководящие должности [10: 24].

В связи с нехваткой рабочих рук владельцы промышленных предприятий были крайне заинтересованы в привлечении военнопленных. Так, кирпичный завод Грошева в июле 1915 г. получил 90 пленных. Содержание этой категории работников составляло до 20 руб. в месяц. На бумажной фабрике П. В. Сергеева в 1916 г. работало 40 военнопленных, на мельницах Арапова – 50 человек и т.д. Всего, к началу 1917 г. на промышленных предприятиях Пензенской губернии было занято 346 военнопленных [10: 7, 8].

Распределение военнопленных своим прямым следствием имело снижение надзорной функции полицейских властей. Сколько-нибудь серьезной охраной землевладельцы не располагали, и поэтому уклонение от выполнения работ, побеги военнопленных были достаточно распространенным явлением. Так, 17 июля 1916 г. из одного из кордонов Засурского лесничества в Городищенском уезде бежало трое военнопленных австрийского происхождения. Уездный исправник, бесхитростно описывая приметы бежавших, произвольно реконструирует образ пленного времен Первой мировой войны: «1) Антон Марголет, 28 лет, среднего роста, бороду бреет, большие усы, одет в австрийскую форму, в ботинках; 2) Карл Марголет, 22 лет, роста среднего, русский, одет в белую рубаху и кальсоны, в ботинках и 3) Франц Фраймеллер, 34 лет, среднего роста, бороду бреет, одет и обут в австрийскую военную форму. У всех троих за плечами сумочки» [6: 416].

Официальные власти вынуждены были констатировать свое бессилие в борьбе с нарушениями пленными условий содержания. Так, 6 июня 1916 г. пензенский губернатор А. А. Евреинов по запросу МВД телеграфировал в Петербург о том, что в губернии наблюдаются отдельные случаи уклонения военнопленных от сельскохозяйственных работ, а также демонстративные побеги последних, не имеющие, однако, массового характера. Устранить совершенно побеги, по его мнению, не представлялось возможным, «ввиду характера полевых работ» [7: 5].

Проблема организации надзора вызывала серьезную озабоченность военных властей. В частности, командующий войсками Московского военного округа в донесении пензенскому губернатору от 21 сентября 1916 г. сообщил, что в ходе проверки пунктов постоянного размещения военнопленных были выявлены факты полного отсутствия контроля за передвижением последних: «Поражает открытое разгуливание в городах и селах одиночных военнопленных. Они состоят в городах и селах приказчиками в магазинах, ящиками на почте, имеют в своем распоряжении лошадей, работают поварами, готовят пищу для наших раненых нижних чинов и т.п. В результате замечается крайняя распушенность военнопленных и является полная возможность им свободно скрываться среди обывателей и бежать» [7: 6].

По требованию пензенского губернатора была проведена проверка режима содержания военнопленных на территории вверенной ему губернии, в ходе которой были выявлены ряд нарушений. Так, Саранский уездный исправник представил список землевладельцев, у которых военнопленные содержались ненадлежащим образом: «лица, означенные в списке, получив военнопленных, не имеют за ними никакого

надзора и содержат наравне с членами своего семейства, почему военнопленные эти свободно ходят по селу и надзор за ними со стороны чинов полиции не представляется возможным» [7: 22–26].

Постепенно военнопленные превратились в привычный элемент повседневности российской провинции, создавая новые области напряжения социальных связей. Военнопленные все более активно включались в народнохозяйственную деятельность в регионе. Местные власти, распределяя военнотружеников неприятельских государств владельцам сельскохозяйственных и промышленных предприятий, с легкостью снимали с себя бремя ответственности по их содержанию. Вместе с тем, для многих землевладельцев и собственников промышленных предприятий, лишившихся в ходе мобилизации своих работников, использование труда пленных было единственной возможностью выполнения оборонных заказов, разверстки по поставкам хлеба в армию и пр.

Несмотря на ограниченность правового статуса военнопленных, режим их содержания был весьма щадящим. Анализ архивных документов не выявил ни одного случая унижения человеческого достоинства, истязаний, пыток и т.п. в отношении подданных центральных держав. В особом положении оказались пленные славянских национальностей: они не были жестко ограничены в свободе передвижения, при определенных условиях им разрешен был даже наем на предприятия оборонной промышленности, практиковался обмен пленными, в частности с Румынией, разрешено формирование национальных военных подразделений в составе российской армии.

Библиографический список

1. Белова, И. Б. Первая мировая война и российская провинция. 1914 – февраль 1917 г. / И. Б. Белова ; под ред. Г. А. Бордюгова. – М. : АИРО-XXI, 2011. – 288 с.
2. Белова, И. Б. Подавать им по утрам кофе с сахаром? Военнопленные в Центральной России / И. Б. Белова // Родина. – 2014. – № 8. – С. 131–133.
3. Вестник Пензенского Земства. – 1914. – № 17.
4. Вестник Пензенского Земства. – 1915. – № 36.
5. Вестник Пензенского Земства. – 1916. – № 21–22.
6. ГАПО (Государственный архив Пензенской области). Ф. 11. Оп. 1. Д. 1805.
7. ГАПО. Ф. 11. Оп. 1. Д. 1810.
8. ГАПО. Ф. 158. Оп. 1. Д. 455.
9. ГАПО. Ф. 158. Оп. 1. Д. 659.
10. ГАПО. Ф. 177. Оп. 1. Д. 133.
11. Калякина, А. В. Использование труда военнопленных в Саратовской губернии в 1914–1917 годах / А. В. Калякина // Известия Саратовского университета. Новая серия. Сер.: История. Международные отношения. – 2013. – Т. 13, № 2. – С. 99–101.
12. Материалы о деятельности Пензенского Городского Общественного Управления. Май–август 1915 г. – Пенза, 1915. – 230 с.
13. Ниманов, Б. И. Содержание иностранных военнопленных на территории России в годы Первой мировой войны / Б. И. Ниманов // Вестник Российского университета дружбы народов. Сер.: История России. – 2009. – № 2. – С. 53–61.
14. Пензенские Губернские Ведомости. – 1914. – № 226.
15. Пензенские Губернские Ведомости. – 1914. – № 283.
16. Пензенские Губернские Ведомости. – 1914. – № 300.
17. Пензенские Губернские Ведомости. – 1915. – № 10.
18. Пензенские Губернские Ведомости. – 1915. – № 26.
19. Пензенские Губернские Ведомости. – 1915. – № 75.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Арескин Алексей Александрович, зам. начальника отдела информационного архива Владимирской области (ГАВО) (г. Владимир, Россия).

Аристова Кира Георгиевна, к.и.н., доцент кафедры церковной истории и философии Пензенской духовной семинарии Пензенской Епархии Русской Православной Церкви (г. Пенза, Россия).

Белова Ирина Борисовна, д.и.н., профессор кафедры истории Института истории и права Калужского государственного университета им. К. Э. Циолковского (г. Калуга, Россия).

Белоусов Сергей Владиславович, д.и.н., доцент, зав. кафедрой «Всеобщая история и обществознание» Педагогического института им. В. Г. Белинского ПГУ (г. Пенза, Россия).

Берлякова Наталья Петровна, к.и.н., профессор Института регионального развития Пензенской области; центр содержания гуманитарного образования (г. Пенза, Россия).

Бикейкин Евгений Николаевич, к.филос.н., доцент, главный научный сотрудник, заведующий отделом истории Научно-исследовательского института гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия (г. Саранск, Россия).

Бурмейстер Александр Николаевич, заслуженный профессор Гренобльского университета III имени Стендала (г. Гренобль, Франция).

Власов Вячеслав Алексеевич, к.и.н., доцент кафедры «История России и методика преподавания истории» Педагогического института им. В. Г. Белинского ПГУ (г. Пенза, Россия).

Гарбуз Георгий Владимирович, к.и.н., доцент кафедры «История Отечества, государства и права» ПГУ (г. Пенза, Россия).

Гришаков Вячеслав Геннадьевич, к.и.н., руководитель Каменского техникума промышленных технологий и предпринимательства (г. Каменка, Пензенская обл., Россия).

Гришакова Алина Вячеславовна, студентка Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (РАНХиГС) (г. Москва, Россия).

Гурьянова Анастасия Михайловна, студентка Педагогического института им. В. Г. Белинского ПГУ (г. Пенза, Россия).

Доброва Оксана Витальевна, к.и.н., доцент кафедры истории и права Пензенского государственного технологического университета (г. Пенза, Россия).

Задкова Татьяна Юрьевна, к.и.н., старший научный сотрудник отдела истории Научно-исследовательского института гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия (г. Саранск, Россия).

Зайнетдинов Дамир Ринатович, студент КИИУТ (филиал) ПГУ (г. Кузнецк, Пензенская обл., Россия).

Захарова Олеся Максимовна, студентка Педагогического института им. В. Г. Белинского ПГУ (г. Пенза, Россия).

Ильин Алексей Юрьевич, д.и.н., профессор, директор Тамбовского филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы (г. Пенза, Россия).

Иноземцев Иван Николаевич, магистрант Педагогического института им. В. Г. Белинского ПГУ (г. Пенза, Россия).

Карнишин Валерий Юрьевич, д.и.н., зав. кафедрой «История Отечества, государства и права» ПГУ (г. Пенза, Россия).

Карнишина Наталья Геннадьевна, д.и.н., профессор кафедры «История Отечества, государства и права» ПГУ (г. Пенза, Россия).

Канищев Валерий Владимирович, д.и.н., профессор кафедры всеобщей истории и российской истории Тамбовского государственного университета им. Г. Р. Державина (г. Тамбов, Россия).

Кирюхин Анатолий Алексеевич, аспирант кафедры «История России и методика преподавания истории» Педагогического института им. В. Г. Белинского ПГУ (г. Пенза, Россия).

Коблова Наталия Андреевна, студентка Педагогического института им. В. Г. Белинского ПГУ (г. Пенза, Россия).

Ковальчик Эльжбета Малгожата, к.и.н., главный специалист Института национальной памяти (г. Варшава, Республика Польша).

Кондрашин Виктор Викторович, член Совета Федерации Федерального Собрания РФ, зав. кафедрой «История России и методика преподавания истории» Педагогического института им. В. Г. Белинского ПГУ (г. Пенза, Россия).

Конкина Маргарита Витальевна, студентка Педагогического института им. В. Г. Белинского ПГУ (г. Пенза, Россия).

Космач Вениамин Аркадьевич, д.и.н., профессор, декан исторического факультета Витебского государственного университета им. П. М. Машерова (г. Витебск, Республика Беларусь).

Кузьмина Татьяна Николаевна, к.и.н., доцент кафедры «История России и методика преподавания истории» Педагогического института им. В. Г. Белинского ПГУ (г. Пенза, Россия).

Куреньшев Андрей Александрович, д.и.н., профессор кафедры философии, истории и культурологии Академии гражданской защиты МЧС России (г. Москва, Россия).

Куршева Галина Александровна, д.и.н., профессор, заместитель директора по научной работе Научно-исследовательского института гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия (г. Саранск, Россия).

Лебедева Лариса Витальевна, к.и.н., доцент кафедры истории и права Пензенского государственного технологического университета (г. Пенза, Россия).

Левин Сергей Владимирович, д.и.н., профессор кафедры истории Саратовского национального исследовательского государственного университета им. Н. Г. Чернышевского Балашовский институт (филиал) (г. Балашов, Россия).

Левина Оксана Сергеевна, сотрудник научно-просветительного отдела Саратовского областного музея краеведения (г. Саратов, Россия).

Левшов Олег Васильевич, студент КИИУТ (филиал) ПГУ (г. Кузнецк, Пензенская обл., Россия).

Любишина Анастасия Игоревна, студентка Педагогического института им. В. Г. Белинского ПГУ (г. Пенза, Россия).

Маслова Ирина Ивановна, д.и.н., профессор кафедры кадастра недвижимости и права Пензенского государственного университета архитектуры и строительства (г. Пенза, Россия).

Медеубаев Ерлан Ислямович, к.и.н., профессор Казахско-Русского Международного Университета (г. Актобе, Казахстан).

Наумов Евгений Олегович, научный сотрудник отдела современной истории Мордовского республиканского объединенного краеведческого музея им. И. Д. Воронина (г. Саранск, Россия).

Ненароков Альберт Павлович, д.и.н., профессор, главный специалист Российского государственного архива социально-политической истории (г. Москва, Россия).

Новинская Таисия Юрьевна, к.и.н., доцент кафедры истории и права Пензенского государственного технологического университета (г. Пенза, Россия).

Паничкин Владимир Андреевич, студент КИИУТ (филиал) ПГУ (г. Кузнецк, Пензенская обл., Россия).

Пархоменко Владислав Анатольевич, д.и.н., профессор кафедры истории Украины Николаевского национального университета им. В. А. Сухомлинского (г. Николаев, Республика Украина).

Паршина Вера Николаевна, к.и.н., доцент кафедры «История России и методика преподавания истории» Педагогического института им. В. Г. Белинского ПГУ (г. Пенза, Россия).

Первушкин Владимир Иванович, д.и.н., профессор кафедры «История России и методика преподавания истории» Педагогического института им. В. Г. Белинского ПГУ (г. Пенза, Россия).

Рахматуллина Нурия Ильясовна, к.и.н., преподаватель КИИУТ (филиал) ПГУ (г. Пенза, Россия).

Руднева Любовь Михайловна, специалист по просветительской работе Государственного музея-усадьбы В. Г. Белинского (г. Белинский, Пензенская обл., Россия).

Рябова Галина Николаевна, к.и.н., доцент кафедры «Изобразительное искусство и культурология» Педагогического института им. В. Г. Белинского ПГУ (г. Пенза, Россия).

Селюкина Наталья Владимировна, аспирант Научно-исследовательского института гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия (г. Саранск, Россия).

Сухова Ольга Александровна, д.и.н., профессор, декан историко-филологического факультета Педагогического института им. В. Г. Белинского ПГУ (г. Пенза, Россия).

Тихонов Андрей Константинович, д.и.н., профессор, зав. кафедрой истории, археологии и краеведения Гуманитарного института Владимирского государственного университета им. братьев А. Г. и Н. Г. Столетовых (г. Владимир, Россия).

Тишкина Анна Владимировна, к.и.н., доцент кафедры «История России и методика преподавания истории» Педагогического института им. В. Г. Белинского ПГУ (г. Пенза, Россия).

Трошина Татьяна Игоревна, д.и.н., профессор кафедры социальной работы и социальной безопасности Северного (Арктического) федерального университета им. М. В. Ломоносова (г. Архангельск, Россия).

Филенкова Ольга Александровна, соискатель кафедры «История России и методика преподавания истории» Педагогического института им. В. Г. Белинского, начальник сектора НИРС научно-инновационного управления ПГУ (г. Пенза, Россия).

Шариков Анатолий Георгиевич, к.и.н., доцент кафедры «Теория государства и права и политология» ПГУ (г. Пенза, Россия).

Штырняева Екатерина Алексеевна, студентка Педагогического института им. В. Г. Белинского ПГУ (г. Пенза, Россия).

Шувалов Владимир Иванович, д.и.н., профессор кафедры «Всеобщая история и обществознание» Педагогического института им. В. Г. Белинского ПГУ (г. Пенза, Россия).

Юдин Сергей Олегович, заведующий сектором современной истории Пензенского краеведческого музея (г. Пенза, Россия).

Ягов Олег Васильевич, заместитель Председателя Правительства Пензенской области, д.и.н., профессор кафедры «История России и методика преподавания истории» Педагогического института им. В. Г. Белинского ПГУ (г. Пенза, Россия).

Научное издание

1917 ГОД В РОССИЙСКОЙ ПРОВИНЦИИ

СБОРНИК НАУЧНЫХ СТАТЕЙ

Международной научно-практической конференции,
посвященной 100-летию Великой российской революции

г. Пенза, 21–22 сентября 2017 г.

Под общей редакцией О. А. Сухой

Все материалы представлены в авторской редакции

Компьютерная верстка *Н. В. Ивановой*
Дизайн обложки *А. В. Сухова, А. А. Стаценко*

Подписано в печать 19.09.2017.
Формат 60×84¹/₈. Усл. печ. л. 31,62.
Тираж 300. Заказ № 564.

Издательство ПГУ.
440026, Пенза, Красная, 40.
Тел./факс: (8412) 56-47-33; e-mail: iic@pnzgu.ru